

Алексей Селютин

Двенадцатый

Книга четвёртая

Три принца

Задачу-минимум я выполнил. Я вдохнул жизнь в обленившегося монарха и помог ему решить наиболее актуальные проблемы. Я обнаружил скрывавшегося анирана и смог найти с ним общий язык. Вместе мы придумали план, который поможет измученной стране возродиться.

Но дорога опять зовёт меня. Та, о ком я никогда не забывал, дала о себе знать. И я отправлюсь на её поиски, отринув всё остальное, как несущественное. Отыщу, и постараюсь больше никогда не терять.

Если, конечно же, новые сюрпризы не помешают моим планам.

Часть 5. Глава 1. Встреча, которую никто не ожидал

В течение нескольких дней огромный обоз с королевскими шпандартами на бортах каждой кареты и каждой телеги двигался на юг по тракту. Я понимал, конечно, что нельзя задерживаться в пути. Но всё равно просил возниц сворачивать к каждому частоколу, в каждую деревню или хутор, которые попадались по дороге. И на каждом таком недолгом пит-стопе устраивал знакомый концерт — демонстрировал испуганным жителям анирана.

Они пугались ещё сильнее, когда узнавали, кто именно пожаловал на огонёк. По шаблону падали ниц, простирали руки к небу, вздыхали и рыдали. И так происходило во всех окрестных деревнях без исключения. Несмотря на то, что некоторые из этих людей не только слышали об аниране, но и видели своими глазами, когда совершали паломничество в столицу, доказать его существование скептически настроенным соседям удавалось редко. Мало кто был готов верить чужим словам.

Но когда аниран прибыл сам, глазам верить никто не отказывался.

Как всегда, меня встречали добродушно. Предлагали всё, что могли предложить, и не требовали взамен ничего, кроме благословения. И, в принципе, ничего им больше было не нужно. Удивительно мирная обстановка и прекрасная погода нынешнего лета позволила жителям запасть всем необходимым. Корона не давила налогами впервые за много зим, ибо, как знали лишь избранные, доходы короны этим летом возросли многократно, благодаря решительным действиям анирана. Так что в каждой деревне я занимался лишь тем, что молот языком. Взбирался на любой помост — даже бочкой не брезговал — и выступал, как Троицкий. Наконец-то научился размахивать кулаком для красоты момента, контролировал тембр голоса и подбирал такие слова, которые проникали в самое нутро любого безграмотного простолюдина. Я вновь и вновь требовал усерднее трудиться перед приходом безжалостной зимы. Забить погреба продовольствием, утрамбовать сараи сеном. Запасть рыбой, коптить и засаливать мясо. Готовиться к зиме и ждать, когда аниран излечит мир. Верить в него и не сомневаться в его поступках.

На пятый день пути огромный и неповоротливый обоз почти в сто пятьдесят душ был вынужден остановиться на окраине небольшой деревни. Впрочем, это даже не деревня была. Так, небольшой хуторок на несколько домов, мельница и простирающиеся до горизонта цветущие поля, принадлежавшие какому-то старому прямо. Ну и довольно-таки достойный постоялый двор у самого тракта. Этот постоялый двор, где в данный момент вообще отсутствовали постояльцы, облюбовали мы. Но, конечно, вместились не все. Значительной части обслуги и подавляющему числу неприхотливых гессеров вновь улыбнулась судьба ночевать под открытым небом в компании раздражающих ночных насекомых.

Я же, как особа совсем непростая, отхватил лучшие апартаменты. За время своего пребывания в Обертоне я привык к комфорту. Привык к удобной постели и мягкой перине. А потому сон мне давался крайне тяжело в предыдущие нескольких дней. Я отвык от походной простоты и был рад вновь рухнуть спиной на мягкий матрас. После сытного ужина, за который мы рассчитались с хозяином серебром, а не только благодарностями, аниран пожелал отойти ко сну. Аниран не хотел слушать очередные истории назойливого эстарха и не хотел думать о том, что сейчас происходит в столице. Хоть ручной сирей всегда был на подхвате — эта падла харчевалась у нас, минимум, дважды в день, — я не просил Иберика отправлять его в Обертон за новостями. Я боялся узнать, что профессор всё же не

выдержал и прекратил борьбу. Он выглядел скверно, когда я уезжал. Я знал, сколько ему лет. Но выглядел он куда моложе, пока обладал даром анирана. Лишившись его, он быстро сдал. Сильно сдал. Он стал похож на восьмидесятилетнего старика, а не на шестидесятилетнего мужа, всё ещё полного сил и энергии. И я очень боялся, что в один из дней мне сообщат, что я всё же убил его. Убил не быстро, а медленно.

Спал я странно. Не плохо и не хорошо. Просто я увидел очередной сон...

...Стоял прекрасный летний день. Солнце на небе, ни единого облачка. Тёплый ветерок, скользкий по моим волосам. И колосья пшеницы, которые я гладил ладонями. Целое жёлтое поле колосилось под моими руками. Такое знакомое поле с такими знакомыми колосьями, что я сразу вспомнил, где видел нечто подобное. Я видел это поле во сне. Видел, когда сидел на завалинке, чувствовал рядом что-то родное и улыбался. Это было поле из моего старого кошмара.

Но сейчас страх не сжимал моё сердце. Я радовался. Счастье переполняло меня.

Я засмеялся, расправил руки, как самолёт расправляет крылья, и побежал. Я гладил эти жёлтые колосья и кружил по полю. Я знал, что засеял это поле сам. Что вот-вот подойдёт время собирать урожай. И я опять сделаю это сам, как самый настоящий хозяин.

Я пробежал через всё поле и обернулся. Оно казалось огромным, но я захотел увидеть больше, захотел посмотреть на него с высоты. Поэтому торопливо вскарабкался на холм. Широкая дорога сворачивала и исчезала где-то в лесу. Я знал, что по этому тракту ежедневно передвигаются повозки и люди. Но они меня не интересовали. Меня интересовал мой дом, который я увидел, когда обернулся. Жёлтое море подходило к нему вплотную, практически омывало порог. А перед дверью кто-то едва различимый приветственно махал рукой.

Я ощутил прилив сил, ведь знал, что мне машет родной человек. Ради него я всё это делаю, ради него стараюсь. Но улыбка на моём лице быстро исчезла: я почувствовал, что там ещё кто-то есть. Кто-то незнакомый притаился. Какая-то шустрая тень промелькнула за домом.

Я кубарем скатился с холма и на всех порах понёсся обратно. Я успел заметить, как хлопнула входная дверь. Как за ней исчез родной для меня человек. Но так же я заметил тень. Тень, крадучись, проплыла вдоль деревянной стены и застыла у окна, словно через окно изучала происходящее внутри. А затем метнулась к двери, отворила её и резко захлопнула за собой.

Страх сковал моё сердце. Я не понимал, что происходит, но был уверен, что что-то плохое. Я бежал через поле, топтал ногами колосья и мечтал лишь о том, чтобы быстрее ворваться в избу и уничтожить всё враждебное, что окажется на моём пути. Но когда я уже был близок, избушка исчезла. Она растаяла в летнем дне, как привидение с наступлением ясного утра. И мне оставалось лишь смотреть в пустоту и корчиться от ужасного чувства утраты. Я знал, что вместе с домом лишился чего-то очень важного — лишился частицы самого себя...

...Как всегда после подобных снов, я проснулся. В последние дни в Обертоне и первые дни в пути я ждал, когда ко мне придёт Голос. Я хотел его услышать, я хотел и был готов сразиться с ним. Как и обещал профессору Гуляеву. Я хотел доказать и себе, и ему, что он не властен надо мной.

Но Голос меня динамил. А когда до меня дошло, что он не приходит потому, что всё и так идёт по плану — дар у очередного анирана я забрал, а значит приблизился на шаг ближе

к развязке — я решил закрыться от него наркотой.

Но хоть Голос не смог пробиться через мой слегка одурманенный разум после вчерашнего ночного листика, он смог показать нечто странное и заставил вновь испытать страх потери. Я был уверен, что чёртова божественная сущность никогда не оставит меня в покое. И что все сны в моей голове — не реакция организма на прошедшее за день, как у простых людей, а подсказки той самой божественной сущности. Она опять чего-то хочет, и, будь мой разум прошлой ночью чист, думаю, я бы услышал наставления.

Я приказал обозу выдвигаться сразу после завтрака. Я был слегка раздражён и чувствовал себя не в своей тарелке, хоть странный глубинный страх постепенно таял. Я решил воздержаться от контактов с людьми, и вместо путешествия верхом на лошади, езде на которой меня обучили ещё в Обертоне, заперся в карете, закрыл шторы и боролся с последствиями дурмана где-то до середины дня. И лишь когда пекло меня доконало, я открыл настежь шторы и вдохнул свежий воздух.

— Поля прямо Арройо воистину огромны, — подал голос Сималион, едва заметил моё лицо в окне. После увиденного в покоях Гуляева, он приглядывал за мной особенно внимательно. Быстрее всех сообразил, кто скрывался под личиной магистра Анумора, но держал язык за зубами. — Старик прожил уже почти девяносто зим, а занимать своё место в армии Триединого не спешит... И как он в этом возрасте успевает за всем уследить? Я слышал, он не только никогда меча в руках не держал, но и к земледелию равнодушен.

— Ты в порядке, аниран? — участливо спросил Иберик.

— Да, всё нормально. Хотел бы я обойтись без листьев, да, видимо, это невозможно.

— Тебя что-то беспокоит?

— Неважно... Погодите! — сначала я отмахнулся от Иберика, а затем увидел из окна то, что не ожидал увидеть. — Тпру-у-у-у! Ну-ка стоп!

Пинком я распахнул дверь и выпрыгнул из кареты. Метрах в десяти прямо по курсу брал начало перекрёсток. Широкий тракт шёл дальше на юг, добротная дорога сворачивала налево, а узенькая колея — направо. И эта узенькая колея извивалась меж двух полей, желтевших шикарными рядами спелых колосьев. Колея тянулась с полкилометра и закольцовывалась вокруг крепкого одноэтажного домика. Его завалинка, его окна со ставнями, его скатный деревянный навес над входной дверью оживили во мне воспоминания. Чувство, что я уже видел это место, что уже был здесь, накрыло меня целиком.

— Дежавю, — пробормотал я.

— Что случилось, аниран? — дверца ехавшей впереди кареты отворилась. На подножке показался эстарх Эриамон.

— Кто там живёт? Не знаешь, святой отец? — кивком головы я указал на избу.

— Это земли прямо Арройо, — пожал тот плечами. — Но их поместье мы уже проехали. Оно вдали, за холмом. Хочешь наведаться?

Я не ответил, прислонил руку ко лбу, прикрывая глаза от солнца, и увидел, как из дома кто-то вышел. С такого расстояния я не смог понять ни возраст, ни пол человека. Но заметил, что тот набрал воды в колодце и, по дороге обратно, остановился. Разглядел нас и наблюдал какое-то время. А затем скрылся в доме.

— Вперёд, — я забрался на подножку. — Поехали спустимся. Посмотрим, кто там. Пусть обоз движется дальше. Нагоним.

— Да там, наверное, семья живёт. Может, две. Стоит ли на них тратить время? Они и

так узнают, что аниран существует.

— Не в этом дело, Сималион. Я видел это поле во сне. Хочу узнать, что это значит.

— Аниран обладает даром предвидения? — удивился эстарх.

— Нет, — ответил я. — Аниран обладает даром предчувствия... Поехали. Бертрам, веди остальных вперёд. Мы нагоним.

— Я с вами, — Эриамон успел заскочить в мою карету, хоть его не приглашали, и поёрзал на скамейке, удобнее располагая своё немолодое тело. — Я рассказывал тебе, аниран, как Его Величество Абриль Второй неудачно поохотился? Тучнотелый выпивоха перепил секхи, и вместо вепря подстрелили его самого. Ха-ха. Бедолага потом до самой смерти жил с кличкой "хромой хряк".

Я был вынужден слушать очередную историю о прошлом Астризии. Очередную безрадостную и кровожадную историю про бестолкового монарха, мечтавшего лишь о жратве, бухле и бабах. К счастью, история, как и период правления Абриля Второго, длилась недолго — Бенал быстро доставил нас к одинокой избушке посреди полей.

— Всё, хватит, святой отец, — остановил я словопоток и отворил дверь. — В вашей стране что ни монарх, то алкоголик или наркоман. Неудивительно, что на вас снизошёл карающий огонь.

— Да, — склонил голову эстарх. — Наркоман, да. Я уже знаю, что сие слово значит... Поделом нам досталось, поделом. Ты прав, аниран.

Я вышел из кареты и осмотрелся. Никого в округе. Лишь птицы над полем кружат, да "журавль" колодца поскрипывает.

— Есть кто живой!? — прокричал я. — Ау, хозяйева!?

Сималион, Иберик и Бенал тоже спешили. Они прочёсывали внимательными взглядами окрестности.

— Посланник небес к вам пожаловал! — вновь сложил я руки лодочкой. — Встречайте дорогих гостей.

— Скамеечка мокрая, — Иберик указал на скамейку у колодца. — Точно кто-то есть.

Внутри избы упало что-то деревянное. То ли ведро, то ли ещё что.

— Испугались, видать, хозяйева, — озадаченно почесал затылок Сималион.

— Мы ненадолго, — сказал я, подошёл к двери и решительно толкнул её.

Сени отсутствовали. Избушка состояла лишь из двух комнатушек. Проход во вторую комнату перекрывала запертая дверь, а в центральной, помимо классической печи, стола, пары скамеечек, узкой кровати у стены и нескольких стульев, присутствовали живые персонажи.

Хотя, наверное, назвав их живыми, я погорячился.

Едва я отворил дверь и зашёл без приглашения, на меня уставились две пары охреневших глаз — глаза мужчины и глаза женщины.

Женщине было хорошо так за тридцать, на мой взгляд. Она уже переступила черту свежести и уверенно двигалась по направлению к увяданию. Было очевидно, что на ней скверно сказались годы нужды и голода. Она что-то замешивала в глиняном котелке и замерла, когда увидела меня. Измазанные мукой руки напряжённо застыли над зарождавшимся куском теста.

Мужчина же, несмотря на бороду, выглядел молодо. Парень лет двадцати пяти, как мне показалось. Курчавые чёрные волосы очень шли его густым бровям и карим глазам. Он сидел за столом и деревянной ложной наяривал суп из деревянной миски. Рядом лежали

разорванные куски свежее испечённого, ещё дымящегося хлеба. Увидев их, я почему-то ощутил, как просыпается аппетит. К запаху душистого хлеба я всегда был равнодушен.

— Мир вашему дому, — поклонился я двум замершим статуям. — Простите, что без приглашения. Не хотел напугать.

— Что... что... что надо? — мужчина выронил ложку и испуганно смотрел, как следом за мной вошли Иберик и Сималион. — У нас нечего взять. Мы простые...

— Прошу, не пугайтесь, — я примирительно расставил руки. — Мы не грабители и не бандиты. Я — аниран, — я решил не затягивать со знакомством. — Тот самый, о котором вы, возможно, слышали.

Но, наверное, лучше бы я не рубил так сразу.

Мужчина опять замер с открытым ртом. Его руки шарили по столу, пытаясь нащупать ложку. Женщина же просто выронила глиняный котелок. Тот упал на пол и разлетелся на мелкие кусочки, окрасив пол белым.

Но всё же женщина пришла в себя куда быстрее. Она не стала собирать осколки, машинально вытерла руки о фартук, быстро опустилась на колени, измазав их в муке, и на карачках подползла ко мне.

— Прости, аниран, за недостойную встречу. Мы слышали о тебе. Слухи дошли в наши отдалённые места... Прошу, благослови нас, — она прикоснулась к моему рукаву, а затем зыркнула на мужчину, сжав при этом губы. Тот заметил её взгляд, нехотя опустил на колени и подполз ко мне.

— Я простой пахарь, — пробормотал он. — Не гневайся, аниран. Не обучен я ни грамоте, ни этикету. Не знаю, как встречать подобных гостей.

— Живите без страха, — по очереди я прикоснулся к макушкам обоих. — Аниран обещает, что поборет общий недуг и даст вашей семье шанс услышать детский смех.

— Благодарю тебя, аниран, — женщина опять сориентировалась быстрее. — Не откажи в трапезе во славу твою. Всем, чем можем...

— Не стоит, — глаза женщины более чем откровенно говорили, что кормить незнакомые рты ей совсем не хочется. Не только мой рот, но и рты трёх дылд, скромно стоявших у входа. И я прекрасно понимал почему. — Аниран сыт и доволен. Не стоит беспокоиться.

Женщина благодарно поклонилась и вернулась к печи. Пихнула мужчину ногой украдкой, когда он уселся обратно за стол, а сама принялась собирать глиняные куски.

— Простите, что испугал, — я полез в карман, достал серебряную монетку и положил на стол перед мужчиной. — Это за беспокойство и разбитую посуду.

— Благодарю анирана, — мужчина потянулся к монете, но женщина опять успела быстрее. Она схватила её и молниеносно упрятала в подол длинной юбки.

— Как это типично, — по-доброму усмехнулся Сималион. На его лице блуждала понимающая улыбка, будто он тосковал по чему-то знакомому.

— Она у меня цепкая, — черноволосый мужчина улыбнулся. Страх из его глаз постепенно уходил. Уверовав без доказательств, что я — аниран, он немножко расслабился. Перестал быть таким напряжённым, как перед знакомством.

— Святой отец Эриамон, — эстарх слегка поклонился мужчине. Он зашёл в избу последним, осмотрел скромные хоромы и удовлетворённо хмыкнул. — Вы здесь живёте?

— Уж несколько зим как, святой отец, — осторожно ответил мужчина.

— Работаете на землях прямо Арройо?

Мужчина кивнул:

— Они приютили нас с супругой. Дали кров и работу. Я распахиваю их земли и засеваю.

Женщина собрала с пола осколки, скинула в ведро у печи, взялась за метлу и принялась подметать, бросая на Эриамона настороженные взгляды. Возможно, не питала особой любви к церковникам.

— Этой зимой, я смотрю, амбары прямо будут забиты доверху. Поля колосятся, и пугала даже стоят. А ранее прямо мало беспокоились о собственных полях. Поговаривают, они умом тронулись?

— Есть немножко, — мужчина, как бы извиняясь, пожал плечами. — Прямо стары уже, что ж поделать. Приходится помогать им. Иначе голод, голод, голод...

— Поверьте, аниран не даст вам умереть, — успокоил я мужчину. — Никого больше голода. Нигде и никогда.

— Боюсь, никому не под силу контролировать силы приро... Не сможет аниран подчинить солнце, ветер и воду, — развёл мужчина руками. — Но мы сами сделаем всё, что от нас зависит. Иначе здесь нельзя. Иначе не выжить.

Женщина закончила подметать, ссыпала мусор, взялась за ухват и полезла в печь.

— Пирог поспевают, — сказала она. — Может, аниран возьмёт несколько в дорогу?

— Нет, спасибо...

— Тогда анирану не стоит задерживаться. День весь в хлопотах. И до ночи надо бы управиться.

Прозвучало совсем нетактично. Я не сдержался и почесал затылок: слышать нечто подобное от хозяйки, конечно, было немного неприятно. Но я постарался войти в её положение. Когда неожиданно-негаданно заявляются такие гости, мало кто способен воспринимать ситуацию адекватно.

— Да, конечно. Извините, что мешаю.

Женщина кивнула, будто подтверждала, что имела в виду именно то, что я подумал, и услышала то, что хотела услышать в ответ. Мои слова её удовлетворили.

Мужчина же недовольно глянул на женщину и развёл руками.

— Прошу простить мою супругу. Времена такие... Гостеприимство не в почёте. Все боятся и стараются слова лишнего не вымолвить. Я лишь надеюсь и молю Триединого, — мужчина совершил характерный жест. — Что он придаст анирану сил. Что аниран справится с делами своими и поможет людям Астризии вновь обрести счастье, — он с любовью посмотрел на свою жену и улыбнулся. — Поможет обрести то счастье, что обошло нас стороной.

Поначалу женщина нахмурилась недовольно, но затем пересеклась взглядами с мужчиной и улыбнулась. Улыбнулась так искренне, что я перестал считать, что между этими людьми давно нет любви. Недружелюбная обстановка и их странное отношение друг к другу подталкивали к такому выводу. Но после обмена улыбками, я перестал в этом сомневаться. Несмотря на чудовищный недуг, несмотря на невозможность зачать детей и трудиться ради них, в этом мире ещё оставались люди, способные жить хотя бы ради друг друга. Быть по-настоящему близкими. В полном смысле этого слова.

— Ещё раз прошу прощения, что отнял у вас время, — извинился я в очередной раз. — Прошу только распространить весть о прибывшем в мир аниране. Поделиться этой вестью с каждым и призвать не отчаиваться.

— Конечно, аниран, — мужчина облегчённо улыбнулся и вновь схватился за ложку, как бы намекая, что гостям пора проваливать.

В соседней комнате что-то упало. Опять раздался знакомый звук удара чего-то о деревянный пол. Взгляды всех находящихся в комнате метнулись к запертой двери. Семейная чета вздрогнула. А затем оба, как по команде, испуганно уставились на меня.

За дверь кто-то пыхтел, стараясь справиться с засовом. Дверь заскрипела в петлях и отворилась.

На пороге стоял чернявый карапуз. Его пухлое личико было измазано угольной пылью. Ладони почернели, а на щеке остался широкий след, будто грязными пальцами он небрежно провёл по лицу.

— Ни хасю плятаться! — мальчуган недовольно топнул ножкой, так и не выпустив дверную ручку. — Там тимо и стласна.

Возникла самая настоящая немая сцена. Я стоял с открытым ртом и смотрел на смешного карапуза. Тот, как ни в чём не бывало, шмыгнув носом, провёл грязной рукой по лицу, измазав угольной пылью не только щёки, но и нос, и чихнул. Затем утёр соплю рукавом, поправил верёвку, поддерживавшую штаны, и спросил:

— А кто это плиехал?

Я охренел окончательно. Я тут же вспомнил слова мужчины про счастье, обошедшее их семью стороной. И сообразил, что мне соврали. Но, в принципе, к этому я тоже мог отнестись с пониманием. В суровые времена, когда работорговцы шастают по всей Астризии, спрятать детей от внезапных гостей — более чем разумное решение. Я бы сам так поступил, если бы мне пришлось заботиться о детях.

Словно подтверждая мои предположения, женщина метнулась к распахнутой двери и захлопнула её в одно движение. Реакция женщины была столь быстрой и неожиданной, что мальчонка не успел отскочить. Хотя я не увидел, отчётливо услышал удар. Гулкий удар, вскрик и падение. Видимо, ребёнку досталось дверью. Но после падения плача я не услышал. Всё затихло моментально.

Тишина стояла недолго — наверное, меньше пяти секунд. Было лишь слышно злобное пыхтение и скрип запертой двери, спиной к которой прижималась женщина. Взглядом разъярённой кошки, защищавшей собственный помёт, женщина блуждала по лицам непрошенных гостей. Она искала в наших лицах угрозу и готова была зубами рвать каждого, кто посмеет причинить вред ребёнку.

Сотни мыслей пронеслись в моей голове за эти несколько секунд. Я был готов принять странную реакцию женщины. Защищать своё дитя, закрыть его собой — инстинктивное желание. Даже если защита может причинить дитю определённый вред. Ладно, пусть её действия, на мой взгляд, слишком грубые, каждая настоящая мать, уверен, поступила бы так же.

Но дело было не в ней. Её поступок логичен. Проблема была в другом.

Я смел самого себя считать не до конца дураком, хоть всё так же оставался простым футболистом. Я сразу обратил внимание на важную деталь — возраст мальчугана. Я слышал много рассказов, относительно глубоко знал историю этого мира и помнил, сколько лет назад произошла глобальная катастрофа. Следовательно, в этом умирающем мире детишек моложе тринадцати лет по местному летоисчислению не может существовать. "Последняя надежда", те, за кем охотится тирам Гвелерг и его патроны, — это мальчики и девочки, которые уже умеют разговаривать. Которые крепко стоят на ногах и умеют формировать

мысли.

Этот же сопливый карапуз не вписывался в окружающий мир. Хотя я не успел разглядеть его как следует, мог с уверенностью сказать, что не дал бы парнишке больше пяти лет. Он на столько и выглядел, в принципе. никоим образом он не мог родиться до появления карающего огня. Он не выглядел таким, у кого задержка с развитием. Он выглядел как обычный, здоровый ребёнок. Следовательно, он родился позже, чем в небе воссияла та самая звезда. И это несомненное чудо. Оказывается, кому-то удалось посеять зерно новой жизни. Несмотря на общий недуг, несмотря на страшное наказание, кому-то из местных удалось это наказание победить. Этот неизвестный пахарь и разъярённая женщина смогли посадить зерно и вместе вырастить новую жизнь. Они уже сделали больше, чем смог сделать я. Ведь пока только мне удалось...

Одна из сотен мыслей, тех самых, что промелькнули за короткие секунды, наконец-то пронзила мой мозг. Она была самой логичной и отпустила мне самого натурального пинка, подталкивая к верному выводу. Иного объяснения просто не могло быть. Как и не могло быть чуда.

Челюсть я так и не смог закрыть, когда всё понял. С самым натуральным скрипом моя одеревеневшая шея повернула голову в сторону мужчины. Женщина всё ещё прижималась к двери, намекая, что с места она не сойдёт. Мужчина же смело встретил мой взгляд. Его густые чёрные брови хмуро искривились, а глаза смотрели по-настоящему зло. Смотрели зло именно на меня, а не на тех, кто молча топтался рядом. И эти злые глаза красноречиво говорили, что этот ни хрена не пахарь догадался, что и я догадался. Что не только он видит перед собой того, кого увидеть совершенно не ожидал.

В следующее мгновение мужчина резко выставил левую руку. Его пальцы сжались в кулак, а предплечье охватывало знакомое оранжевое поле. Кулак был направлен на меня, а из энергетического поля навстречу моей морде уже вылетал убийственный гарпун.

Как я успел увернуться, я так и не понял. Наверное, сработали рефлексы.

Ничтожное расстояние не оставляло пространства для манёвра. Но я успел. Я всего лишь повёл головой, слегка склонил шею в бок. А затем что-то промелькнуло со скоростью молнии. Жар обдал шею, ухо превратилось в раскалённый шар непередаваемой боли, а на плечо брызнули капли крови.

— А-а-а-а! — больше от неожиданности, чем от боли, заорал я. Упал на спину и прикрыл разорванное ухо ладонью. Она быстро наполнялась тёплой кровью.

Но я не утратил над собой контроль. Я прекрасно понимал, что рана не смертельна. Для анирана она чуть опаснее, чем просто царапина. Гораздо больше меня волновало неминуемое продолжение. И оно могло причинить куда более серьёзный вред. Невосполнимый, я бы сказал.

Пока я визжал на полу, вцепившись в ухо, мозг уже работал. Он отдал команду сжать левый кулак: щит появился практически моментально и закрыл моё тело. И столь быстрая реакция спасла меня от повторной атаки.

Я не слышал воплей, раздававшихся со всех сторон. Несомненно, они были. Я мельком заметил визжащую женщину, схватившуюся за голову. Но ни хрена-не-пахаря я тоже заметил. Он сжимал и разжимал пальцы в кулаке, словно нагонял кровь в вены. Короткий энергетический гарпун на тончайшей нити, который парил в воздухе, торопился вернуться в родное гнездо. Он погрузился в энергетический наруч, как в тягучее болото, а затем пулей вылетел мне навстречу. Но в этот раз столкнулся с преградой, которую создали те, кто

создал и его.

Горячие оранжевые искры брызнули во все стороны и едва меня не ослепили. Я ощутил толчок и жар от разлетающихся искр. Но успел сориентироваться чуть быстрее, чем мой неожиданный визави, и решил, что пришла пора перехватить инициативу.

Я вскочил на ноги прямо со спины. Мой спортивный пресс вновь показал, что годы тренировок прошли не зря. А затем, профессиональным размахом тренированной ноги, я засадил в стол. Кусок хлеба и деревянная тарелка полетели кувырком. Как и сам стол. Напавший мужчина замешкался и не успел отскочить. Стол врезался в него. А следом прыгнул и я.

Но мой карающий удар, уже снёсший несколько голов в этом мире, мужчине удалось предотвратить. Он как-то изловчился и прикрылся предплечьем. И щит, натолкнувшись на божественный наруч, не смог его преодолеть. Не смог преодолеть энергетическую преграду. Хоть опять во все стороны полетели искры, опалившие бороду мужчины, решительной победы мне не удалось достичь.

Но, на моё счастье, щит — это не всё, чем я обладал. Я был непростым анираном и знал это.

Едва после столкновения на бородатую щёку упала первая искра, я уже сжимал правый кулак. И до того момента, как на пол опала искра последняя, нанёс жестокий удар клинками.

Мужчина, конечно же, этого не ожидал. Он успел скосить глаза и увидеть приближающуюся смерть. Его глаза даже успели округлиться от увиденного. Но времени на спасение уже не оставалось. Он совершил ошибку, когда решил нанести подлый удар, ведь не догадывался, с каким анираном имеет дело.

Клинки вонзились в шею. Горячая кровь из перебитой и подпаленной артерии брызнула фонтаном. Мужчина захрипел и зашатался. Его глаза были полны ужаса, когда под моим напором он упёрся в стенку печи. Затем ноги подкосились и он стал медленно оседать.

— Не-е-е-е-е-е-ет!!! — дикий, безумный, полный боли и страха вопль раздался справа.

Кричала женщина. Её лицо было похоже на восковую маску. Рот раскрыт от ужаса, руки тряслись, а глаза полны слёз. Пребывая в полнейшем шоке, она выхватила острый кухонный нож, который прятала где-то в подоле юбки, посмотрела на меня, как на абсолютное зло, и сделала первый решительный шаг навстречу.

Он же стал для неё последним.

Наконец-то очухалась моя заторможенная охрана. Сималион и Иберик, видимо, изначально растерялись. Хоть оба были закалёнными в боях вояками, ничего подобного не ожидали.

— Защищать анирана! — выкрикнул перепуганный Иберик и резко выхватил из-за пояса метательный нож.

Его поддержал Сималион. И, в итоге, они практически одновременно отправили в полёт неизбежную смерть.

Женщина встрепенулась после удара. Как я понял, действовала она в состоянии аффекта и просто лезла напролом. Но ножи её остановили: один вонзился в шею сбоку, а второй добил моментально — сила броска была такова, что нож пробил висок и вошёл в мозг. Женщина замерла лишь на долю секунды, а затем рухнула, как срубленное дерево.

— Нет, стойте! — эти слова я прокричал слишком поздно. Я кричал своим

телохранителям, но прокричал лишь тогда, когда тело уже коснулось пола. Женщина упала набок и застыла, уставившись безжизненными глазами в стену.

Подо мной захрипел мужчина. Я возвышался над ним и стоял в луже растекающейся крови. Он пытался что-то сказать, руки его безвольно распластались вдоль тела, кровь толчками пробивалась из чудовищной раны, а ноги тряслись, словно в агонии. Я с опаской смотрел на него, слышал хрип и бульканье. А затем осторожно присел, пытаюсь разобрать слова.

— ...мой сын, — собрав последние силы, прошептал мужчина. Он даже попытался повернуть голову в сторону двери, откуда появился карапуз. Но у него ничего не получилось — попытка заговорить отобрала оставшиеся силы. Голова безвольно скользнула по забрызганной кровью печи и ударилась об пол.

А я только сейчас понял смысл того, что он сказал. Всё произошло столь неожиданно и быстро, что я забыл о том, из-за кого произошло. Совсем забыл о мальчугане, который рассекретил неожиданного анирана и, в каком-то смысле, спас мне жизнь. Ведь не появился он, я бы спокойно уехал. Или, что куда вероятнее, получил бы в спину энергетический гарпун, едва повернулся бы к входной двери.

Я бегло осмотрелся: секундная потасовка превратила прибранную избушку в хаос. Перевернуты были не только стол, но и скамейки и стулья. Под одной из скамеек у самой двери я заметил эстарха Эриамона, куда он смог втиснуться лишь наполовину. Иберик и Сималион тяжело дышали и, казалось, были перепуганы не меньше меня. Уверен, эти brave ребята видали картины пострашнее. Но стремительность произошедшего и осознание того, с кем нам всем пришлось столкнуться, заставляли их руки трястись от избытка адреналина. Никто из нас, конечно же, не ожидал подобного.

Я тяжело вздохнул и уставился на запертую дверь. Никакие шорохи, никакие стуки не прорывались сквозь неё. В соседней комнате стояла подозрительная тишина. Женщина действовала слишком грубо и небрежно, спеша спрятать от моих глаз то, что ей спрятать так и не удалось. Я своими ушами слышал удар, а затем стук падающего на пол тельца. Но даже если мальчик выжил, я не знал, что с ним делать. Я даже не знал, что ему сказать, ведь своими руками лишил его родителей.

До хруста я сжал руки в кулаки: будет, что будет. Время вспять не повернуть.

Меня опередил эстарх Эриамон. Когда он понял, что всё завершилось, отбросил скамейку тучным телом, вскочил на ноги и метнулся к двери. Схватился за ручку и распахнул её.

Я отодвинул Эриамона с прохода. Ребёнок лежал навзничь на дощатом полу. Лежал, как бревно. Маленькая грудь, как мне показалось, не вздымалась. Нос не втягивал воздух, а рот не выдыхал.

Почувствовав слабость в ногах, я опустился на пятую точку. Прикоснулся к безжизненной ножке и прошептал:

— Что я натворил...

— Отойди, аниран, — эстарх Эриамон протиснулся в кладовку, присел и принялся ощупывать малыша. А затем прислонил ухо к груди.

— Аниран, ты ранен, — словно из другого измерения прорвался обеспокоенный голос Иберика.

Но я ничего не ответил. Хотя я действительно был ранен, хоть кровь всё ещё капала с обезображенного уха, я не чувствовал физической боли. Другая боль, разрывая сердце на

куски чересчур сильной эмпатией, прорывалась наружу. И эта боль была куда болезненнее боли физической.

— Жив сорванец, — слова эстарха привели меня в чувство. Он улыбался, гладил малыша по голове, стараясь не прикасаться к набиравшей силу шишке. — Крохотное сердце бьётся.

— Что с ним, святой отец? — с надеждой спросил я.

— Я не лекарь, но, похоже, ему здорово досталось, — он указал на опухоль на лбу. — То ли дверной ручкой, то ли самой дверью получил. Мамаша... Мамаша-то резво вскинулась. Ведь... Погоди, аниран... Ведь это действительно мамаша была?

Он посмотрел на меня так, будто в этом месте я был самым большим специалистом и знал ответы на все вопросы. Хотя это было не так, на вопрос эстарха я мог ответить уверенно — я сразу понял, кто была та женщина.

Эриамон не получил от меня ответа. Всё было слишком очевидно. Он не хуже меня понимал это. Он отстранился от малыша и посмотрел на него, как на диковинку. Смотрел на маленькие ручки, на маленькие плечи, на маленькие ножки, на хрупкую грудь. Затем поднял с пола и осторожно сжал в своих крепких руках. Уложил в них, как в люльку.

— Нет, не может быть, — он прыгал взглядом с малыша на меня и обратно. — Слишком юн. Сколько же ему зим? Это ведь... Это ведь невозможно... Как же?... Неужели...

Глаза эстарха Эриамона вылезли из глазниц. Буквально. Хотя не быстро, но всё же до него дошло. А затем он растерянно уставился на лежащие на полу тела.

— Ты прав, святой отец, — подтвердил я, когда столкнулся с его взглядом. Не осуждающим, но, несомненно, недобрый. Он смотрел на меня так, будто я совершил великий грех. — Я убил другого анирана. А это — его дитя. Его и его женщины.

— Но ведь это же невозможно... Кара... Наказание... Или возможно?

— До сего момента я думал, что кроме меня никто на такое не способен, — прошептал я. Осознание чудовищности поступка, осознание неоднозначности ситуации накрыло меня целиком. Я просто не мог найти себе оправдание.

— Что-что? — переспросил Эриамон, ведь ничего не знал о Дейдре.

— Ничего, — встряхнул я головой, пытаюсь взять себя в руки. — Что с малышом? Он будет жить? Придёт в себя?

— Конечно будет жить. Что опасного в обычной гуле? Сейчас в колодезную воду тряпицу опущу и ко лбу приложу, чтобы спала. А в остальном, — эстарх опять окинул взглядом разгромленную избу и задержался на мёртвых телах. — Будем молиться ЕМУ, — он повёл глазами в потолок. — Надеюсь, мальчонка не вспомнит. Он не видел ничего. А значит... А значит есть шанс.

— Надеюсь, нам удастся его убедить, что всё это — лишь страшный сон, — тиски, сдавившие грудь, вытолкнули изо рта тяжёлый воздух. — Что я натворил... Сделал парня сиротой... Своими же руками...

— Аниран! — воскликнул Сималион. Он подошёл ко мне и сжал плечо. — Не терзай себя. Это была самозащита. Если бы с ним так не поступил ты, он бы поступил так с тобой, — кивком головы он указал на лежащее у печи тело. — В поединке всегда так: или ты, или тебя.

— Хватит! — рявкнул я. — Убирайтесь отсюда! Оставьте меня одного.

— Аниран...

— Вон!

Эстарх Эриамон вышел первым. Он нёс на руках малыша и что-то тихо бормотал. Иберик и Сималион вышли следом. А я тяжело вздохнул, пытаюсь взять под контроль эмоции, и прикоснулся к зудящему уху. Я ощупал его и обнаружил, что лишился если не половины, то мочки точно. Но в том месте, откуда, по идее, должна хлестать кровяца, на ощупь оказалась лишь обожжённая рана. Кровотечение прекратилось довольно быстро и только тупая боль напоминала о том, какой я везунчик. На пару-тройку сантиметров правее — и через глаз энергетический гарпун вышел бы прямо из затылка. И что произошло бы с этим миром дальше, я никогда бы не узнал.

— Главное — перетерпеть, — уже чёрт его знает в какой раз прошептал я эту мантру. Я знал, что аниранский организм справится. Кровь свернётся, рана затянется. Надо только взять под контроль эмоции и выдержать боль.

Но если со вторым я уже научился справляться, то эмоции пока бушевали. Должно пройти время, прежде чем я перестану себя обвинять в этом грехе. Осознание, что я сделал ребёнка сиротой, давило на грудь в килограммовом эквиваленте.

Сделав тяжёлый вдох, я подошёл к женщине. Ей досталась мгновенная, практически безболезненная смерть. Она лежала на полу, уставившись невидящими глазами в пустоту. Поэтому её глаза пришлось закрыть мне.

— Нет мне прощения, — я провёл пальцами. Хоть эта жизнь не мною забрана, она тоже на моей совести.

Я сделал шаг в сторону и присел на корточки. Рваная рана на шее мужчины и уже запёкшаяся кровь едва не заставили желудок предать меня. Пришлось приложить невероятные усилия, чтобы начать мыслить прагматично. Чтобы отринуть эмоции и сосредоточиться на одной из самых важных вещей в этом мире конкретно для меня.

Я перевернул всё ещё тёплые руки мужчины ладонями вверх. На левой ладони, прямо на папиллярной линии чернела знакомая метка. Значит, это правда. Это действительно аниран. Очередной скрывающийся бедолага, который не хотел от жизни многого. Он лишь мечтал плыть по течению и не высовываться. Теперь мне понятно, почему он так испуганно вылупился, когда я бесстрашно обозначил себя. Наверное, ему тоже знаком Голос. И тот тоже его к чему-то подталкивал. Но этот аниран не желал к нему прислушиваться. Он предпочёл скрыться за личиной безобидного пахаря, трудился на какого-то дряхлого прямо и тихо выращивал сына. Похвальный выбор, с определённой точки зрения. Решил не спасать мир, а построить дом, посадить дерево и вырастить сына. И, рискну предположить, сын появился самым натуральным способом. Как и был зачат. Иначе просто не может быть. Видимо, эта женщина, как и Дейдра, оказалась особенной. Возможно, лишь для этого мужчины. А возможно, обладала особыми физиологическими свойствами. Поскольку я не доктор, на эту тему могу гадать бесконечно. Вскрытие мне всё равно не удастся провести... Но, так или иначе, им обоим удалось. Женщина из этого мира и прибывший с небес аниран смогли сделать то, для чего сюда аниран и был прислан. Значит, это действительно возможно. И я больше не уникален. Я такой же, как все остальные анираны. И я, и они — мы можем дать толчок новой жизни.

Я некоторое время рассматривал метку на чужой руке и думал о том поступке, который собирался совершить. Затем, приняв решение, сквозь сжатые зубы процедил очередную мантру:

— Нет иного пути. Останется только один.

Когда я соединил ладони, наши руки задрожали. А затем задрожал весь дом, когда

вытягивал на свет божий крошечный оранжевый шарик. Я уверенно справлялся с болью и, не испытывая больше ни сомнений, ни сожалений, приказал шарiku вонзиться в левую ладонь. А затем опять погрузился в недолгое забытьё.

Часть 5. Глава 2. Важное решение

Томмазо — так меня нарекли в детском доме. А фамилией Ди Дио меня наградила строгая воспитательница. Никто не знал кто моя мать. Не говоря уже про отца. Как рассказывали воспитатели, меня подкинули под дверь в полугодовалом возрасте. И с тех пор забота о моей никому не нужной жизни легла на плечи государства.

Я всегда был непослушным ребёнком. Носился по коридорам и не желал слушать взрослых. Хоть меня часто наказывали, это ничего не меняло в моём поведении. А потому, когда я достиг возраста абсолютного неприятия чужого мнения, я сбежал. Я стал беспризорником. Я носился по улицам Рима так же, как носился по коридорам детского дома. Я воровал еду, грабил банкоматы, срывал золотые цепочки с нежных шеек и много времени проводил в исправительных учреждениях для несовершеннолетних. Но это ничего не меняло в моём поведении. Плохая наследственность, как судачили между собой карабинеры.

Но эта плохая наследственность не стала препятствием для армии. Я плохо читал, ещё хуже писал. А потому у меня было лишь два пути после достижения совершеннолетия — служить закону или нарушать закон.

Но, как бы это было не смешно, я умудрился побывать по обе стороны.

Я отслужил в армии, где не только научился сносно читать и писать, но и приобрёл массу полезных навыков, пригодившихся на новой стезе, которую я избрал. Я вернулся в Рим и погрузился на самое дно. Я быстро смог занять достойное место на самом дне — я руководил собственной бандой. Пару лет я скрывался от закона и перебивался тем, что удавалось урвать на подконтрольной мне территории. Я сражался за место под солнцем и никому не хотел уступать. Даже тем, кто многие годы целовался друг с другом в щёки, кто носил дорогие костюмы и золотые украшения — я не уступал даже мафии.

Но торговля специфическим порошком — слишком выгодный бизнес. Мне указали моё место, когда я решил, что пора замахнуться на большее. На меня объявили охоту. Ликвидировали некоторых моих друзей, а затем отыскали меня. Устроили засаду и изрешетили машину. А когда я ещё дышал, истекая кровью, передали привет от дона. Передали привет и подожгли.

Я открыл глаза. Моя голова лежала на чём-то мягком. Встрепенувшись, я обернулся и испуганно вскочил — голова опиралась на ногу бедолаги Томмазо. Я машинально вытер затылок, будто опасался, что налипнет чужая кровь, и скосил глаза вниз.

— Прости, шестой аниран, — искренне произнёс я. Я насытился его воспоминаниями и теперь знал о нём всё. — Твоя жизнь на Земле была безрадостна. И лишь здесь ты обрёл истинное счастье. Мне очень жаль, что я стал причиной того, что это счастье длилось так недолго. Но обещаю тебе, обещаю Лусиль, что позабочусь о вашем сыне. Я позабочусь о Фабрицио.

Имя мальчугана я тоже знал. Я помнил всё, что Томмазо рассказывал ему. Помнил те сказки и ту любовь, которую он дарил сыну. Помнил наполненные счастьем глаза Лусиль, когда она смогла избавиться от бремени. Помнил её влюблённый взгляд, когда Томмазо

подарил ей то, чего она уже не надеялась испытать — счастье стать матерью. Я помнил моменты, когда Фабрицио сделал первый шаг, когда начал разговаривать, когда впервые произнёс слово "папа". Я помнил это всё. И теперь, своими руками, первое настоящее чудо Астризии я лишил родителей. Я сделал это чудо сиротой.

Я думал над тем, как всё исправить в течение долгих минут. Я стоял над мёртвыми телами, проигрывал в голове варианты и вспоминал счастливые семейные моменты, которых теперь бедный ребёнок будет лишён. Возможно, когда он очнётся, я смогу убедить его в том, что это дурной сон. Придумаю что-нибудь. Расскажу сказку, где папе и маме пришлось срочно уехать за лекарем. Не колеблясь совру что-нибудь. Память у четырёхлетнего ребёнка как у рыбки — он обязательно забудет всё плохое. Забудет, если плохие воспоминания из его памяти вытеснят воспоминания хорошие. А поскольку теперь за него отвечаю я, я обязан наполнить его память хорошими воспоминаниями.

И, кажется, я знал, как это сделать.

Приняв решение, я бросил прощальный взгляд на творение своих ужасных рук. Сцепил зубы, называя себя бессердечным мерзавцем, и сурово выдохнул: этот путь — единственный! Ничего иного меня не ждёт. Лишь кровавый и жестокий путь, где мне придётся так поступать ещё ни раз. Ведь если я не пройду этот путь, его пройдёт кто-то другой. Возможно, куда более жестокий и бессердечный аниран.

В зародыше подавив жалость к самому себе, я перешёл к более важным делам. Я посмотрел на свою левую ладонь и не увидел новой метки. Расположение всех меток я знал наизусть, а потому едва не запаниковал, когда не рассмотрел новой. Хоть дар я забрал, активировать его было нечем.

— Так, спокойно! — сам себе я отвесил подзатыльник. Затем собрался с духом и мизинчиком коснулся метки у края ладони.

Мысль, промелькнувшая долю секунды назад, оказалась верной. Вокруг моего предплечья закружилось оранжевое кольцо. Оно появилось мгновенно и брызнуло энергией вдоль руки до самых кончиков пальцев. Плотно укутало и отдавалось едва слышным гулом.

— Так вот что всё это значит, — прошептал я, вращая рукой и рассматривая сплошную энергию без единого стыка. — Энергетическая перчатка от Гуляева... Наруч от Ди Дио... И, в итоге, они стали одним целым. Слились в едином организме.

Я крутил рукой, рассматривал сплошную энергию и думал о том, что меня ждёт дальше. Только сейчас я начал приблизительно понимать, что должен сделать. Что собрать и во что превратиться. Из дара двенадцати, цельным дар станет лишь собравшись в одном. Ведь дар этот, эта божественная сущность — и есть единое целое. Получается, та самая перчатка, которой обладает тот, кто живёт в Серекосо и кого называют Карающей Дланью Фласэза, сольётся в единое целое с моим правым наручем. С тем даром, который я забрал у Джона Казинса.

— Двенадцать частей, — пробормотал я. — Похоже, я должен собрать доспехи. Божественные энергетические доспехи, в коих буду достоин встретить спустившееся с небес божество... Иначе оно не захочет встречаться с анираном... Я ли это буду, или повезёт кому-то другому.

Я ещё пару секунд размышлял, а затем направил руку на печь. Капли крови портили белизну, но меня это совершенно не волновало. Я решил провести тесты прямо здесь и прямо сейчас.

Едва я успел сжать пальцы левой руки в кулак, в голове промелькнули слова:

— Подумай... Направь... Сожми...

Так я и поступил. А затем увидел, как в стену ударил энергетический болт. Или гарпун, как я подумал изначально. Он оставил в стене обожжённый след, а на пол посыпалась крупная крошка. Хоть добротную печь он не пробил, след остался, как от попадания из подствольного гранатомёта.

Болт, как и моя энергетическая игла, левитировал. После атаки он завис в воздухе и ждал моих указаний. Тончайшая нить, пульсировавшая энергией, пребывала в лёгком натяжении.

Я опять получил подсказку и несколько раз быстро сжал пальцы в кулаке. Практически мгновенно болт вернулся в наруч, а в голове промелькнуло слово, сообщавшее, что он напился энергией и вновь готов к использованию.

— О-бал-деть... Просто обалдеть, — прошептал я. Даже почувствовал, как на лице появляется улыбка. Несмотря на всё, что я натворил, я чувствовал удовлетворение. Некоторую радость от того, что неожиданно смог получить нечто очень важное. Я даже пожурил себя за то, что наркотическим дымом заставил Голос пробиваться сквозь разум. Что закрывался от него. Ведь Голос всего лишь хотел мне помочь. Он направлял меня по верному пути и подсказывал, чтобы я стал сильнее. Он — мой путеводитель. Он — мой помощник. Не кукловод, а союзник.

Улыбаясь и раздумывая над тем, что, вероятно, не стоит баловаться перед сном наркотой и дать Голосу возможность контактировать со мной, я вышел на двор. Солнце ослепило, а потому я не сразу заметил Эриамона, который колдовал в карете над бесчувственным малышом. Он сложил мокрую тряпку в несколько слоёв и прикладывал её к детскому лбу.

— Аниран, ты в порядке? — обеспокоенный Иберик перегородил путь. Он испуганно разглядывал меня и сочувственно скривился, когда обнаружил весьма заметные изменения.

— Да, Иберик, — я машинально прикоснулся к уху. Переставать болеть оно и не думало. — Собирайтесь. Скоро отправляемся. Отправимся обратно в Обертон.

— В Обертон?

— Да, — подтвердил я, а затем обратился к вознице, который не видел, что происходило в избе. — Бенал, тебе задание: возьми лошадь Сималиона и догони обоз. Скажи Бертраму, что мне нужно сопровождение. Пусть возьмёт пару десятков гессеров, самую вместительную карету — сборщиков податей пусть выгонит — и скачет сюда. Остальным передай приказ анирана: разбить лагерь у тракта и ждать его возвращения. Аниран постарается вернуться быстро.

— Понял. Исполняю, — в Бенале мне всегда нравилось то, что он не задавал лишних вопросов. Все мои указания он выполнял с порядочным рвением.

— Иберик, Сималион.

— Да, аниран?

— Как отъедем, вернётесь и сожжёте дом дотла. Чтобы поле не зацепило, а от дома осталось лишь пепелище. Чтобы все, кто потом найдёт это место, были уверены, что выжить не смог никто. Ясно?

Иберик и Сималион переглянулись: обоим приказ показался очень странным.

— Выполним, — первым сориентировался Сималион.

Я поблагодарил его кивком головы и направился к карете. Мальчик всё ещё был без сознания и лежал на подушках, а Эриамон пытался привести его в чувство. Получалось

плохо, отчего эстарх выглядел растерянным и испуганным. Он часто прислонял ухо к маленькой груди и прислушивался. А затем осторожно тряс за подбородок и похлопывал по щекам.

— Возможно даже сотрясение, — предположил я. — Бедняга... Несладко ему придётся какое-то время... Святой отец, — я взял Эриамона под руку и приблизился, чтобы не слышали другие. — Очень прошу никогда и ни с кем не говорить о том, что здесь произошло. Никаких баек, которые ты так любишь травить. Ни с кем-либо другим, ни, тем более, с малышом. Это крайне важно.

— Конечно, аниран, — быстро согласился он. — Но всё же... Неужели это дитя анирана?

— Есть сомнения по этому поводу?

— Нет, но... Но ведь анираны в мире появились давно. Не только ты не первый. Но и другие. Как же так получилось... Ведь мы бы узнали... Весь мир бы узнал... Как же так получилось, что этому удалось, а остальным нет?

— На этот вопрос, думаю, сможет ответить лишь ваше божество. Фласэз точно знает ответ. А я пока даже не могу предположить, в чём причина.

Эстарх осенил себя знамением после моих богохульных слов.

— Дитя анирана так похоже не любое другое дитя. Такое маленькое и беззащитное... Что мы будем делать с ним, аниран? Ты уже решил что?

— Да, у меня уже есть план, — кивнул головой я. — Потому и прошу никогда ни с кем об этом не говорить. А теперь ничего не делай, Эриамон. Только улыбайся. Всё остальное сделаю я. Жаль нашатырного спирта нет.

— Кого?

Я отмахнулся, склонился над ребёнком и прислушался к стуку в его груди. Сердце работало исправно. Видимых повреждений, кроме самого очевидного, тоже не наблюдалось. Значит, моя главная задача на данный момент — привести в чувство, успокоить и не позволить впасть в панику.

— Фабрицио, очнись, — я осторожно потряс его за подбородок. — Это папин лучший друг — Клемерик. Он попросил позаботиться о тебе.

— Ты знаешь, как его зовут? — удивился Эриамон.

— И не только, — ответил я.

Попытки привести Фабрицио в сознание заняли немало времени. Хоть дышал он спокойно, никак не хотел просыпаться. Шишка на голове, благодаря усилиям Эриамона, не набирала силу, но и не спадала. Поэтому мы оставили его на некоторое время, приказав Сималиону и Иберику охлаждать тряпку колодезной водой, и занялись моими проблемами.

Пока эстарх накладывал повязку на разорванное ухо, он не раз посетовал, что совсем не лекарь. Но всё же у него неплохо получилось. Я мужественно вытерпел боль, а затем в очередной раз согласился с Эриамоном, что лучше не только обмотать голову тканью, чтобы кровь не просочилась, но и клобук натянуть, чтобы не испугать дитя.

И в таком странном виде — два монашеских клобука на двух головах — мы подбежали к мальчику, когда Сималион крикнул, что он приходит в себя.

Фабрицио зашевелился и открыл глаза. Сморщился весь от боли, аккуратно прикоснулся к шишке и заплакал. Он кривил лицо, хныкал и обиженно смотрел на нас.

— Привет, Фабрицио, — я растянул рот до ушей. Сначала ребёнка надо немного успокоить, а потом ослабить боль или дать сонного отвара. — Помнишь меня? Это я —

Клемерик. Твой папа обо мне рассказывал. Я его лучший друг.

— Длук? — шмыгнул носом мальчик. — А де папа? А мама? Ма-ма-а-а!

Он закричал и попробовал подняться с подушек. Но боль моментально уложила его обратно. Он заплакал ещё сильнее, ладонями утирая слёзы.

Мне хотелось, конечно, защитить его от всех бед. Унять его боль, принять её на себя. Но я прекрасно понимал, что это невозможно. Физическая боль продлится недолго. Она скоро уйдёт. А мне надо сделать так, чтобы боль ментальная не пробудилась.

— Что, больно? — я выдавил из себя улыбку. — А мамка ведь говорила тебе — не лазь в кладовку. Не забирайся на лесенку за мёдом. И вот пожалуйста — упал. Упал и лоб расшиб. Сколько раз просила?

Мальш насупился. Он утёр нос и подозрительно на меня уставился.

— Испугал ты мамку и папку, — продолжил я. — Они даже за лекарем поехали. Помнишь лекаря, что у старого прямо живёт? Он зуб тебе дёргал.

При упоминании о лекаре Фабрицио скривился и машинально прижал ладошку к правой щеке. Я прекрасно знал, что лекаря он очень хорошо помнит. Он от этого близорукого лекаря бегал по всему полю, пока Томмазо его не изловил. А затем ещё и в палец молочными зубами вцепился, когда тот полез вырывать коренной зуб.

— Они попросили меня присмотреть за тобой, пока будут в дороге. Попросили сразу отвезти к бабушке и дедушке, куда потом за тобой приедут.

— Бабуська? Дедюська?

— Ага. Помнишь, мамка говорила и тебе, и папке, что когда ты начнёшь взрослеть, вам придётся скрываться у дедушки? Он далеко живёт. На юге, — я неопределённо махнул рукой, но мальчик внимательно проследил за жестом. И даже задумался.

— Не-а, не помню, — закивал он головой. А затем опять прикоснулся к шишке и скривился от боли. — Больно.

— Эстарх, — тихо обратился я. — Если есть настойка, которая поможет заснуть, сейчас самое время её отыскать.

Эриамон внимательно прислушивался к разговору. Но, услышав мою просьбу, сразу всё понял. Он обошёл карету, осторожно открыл противоположную дверь и стал копаться в своём сундучке, с улыбкой посматривая на малыша.

— Где-то тут у меня сахарный палец был, — надул щёки Эриамон. — Могу поискать. Будешь?

Мальчик сначала попытался отодвинуться от незнакомого дядьки, но передумал. Он даже хныкать прекратил, когда мудрый эстарх решил его подкупить.

Я облегчённо выдохнул: Эриамон совсем не глупец, всё понимает. А потому мне срочно надо овладеть вниманием ребёнка и заслужить его доверие.

Я перехватил инициативу и вновь напомнил Фабрицио, кто я такой. Опять сказал, что я папин друг, который часто вместе с ним распахивал земли старого прямо. Что Фабрицио должен меня помнить.

Но Фабрицио, конечно же, меня не помнил. Он слышал обо мне, но никогда не видел. Как и Клемерик, в принципе, не видел его. Томмазо лишь рассказывал сыну, что старый подслеповатый прямо приютил дурачка в поместье. Недалёкого Клемерика, который смешно выглядел, смешно говорил, постоянно пускал сопли и смеялся. Юродивый Клемерик был героем весёлых рассказов, и я был уверен, что в памяти Фабрицио это имя точно сохранилось.

Так и оказалось. Малыш боялся недолго. Он подозрительно щурил глазки, недоверчиво сопел и рассматривал смешной клобук, видимо вспоминая нечто с ним связанное. Обеспокоенно слушал мой рассказ о том, как ругались родители после его падения с лестницы и как помчались за лекарем. Тумаков, понятное дело, получить ему не хотелось. Хоть Томмазо редко поднимал руку на сына, всё же это случилось.

Поэтому, завладев его вниманием, я вновь перешёл на рассказ про бабушку и дедушку.

— Мы отправимся прямо к ним, — сказал я. — А папка и мамка приедут сразу с лекарем. Там он тебя осмотрит и вылечит.

— Папа миня палугает, — шмыгнул носом мальчуган.

— Всё будет хорошо. Я ж его друг. Я объясню, что ты случайно. Он поверит мне, — уверенно соврал я. Главное было — поскорее увезти отсюда ребёнка.

Фабрицио вновь прикоснулся к шишке и болезненно скривился.

— Святой отец, у тебя всё готово? Сахарный палец дашь малышу? — я бросил взгляд на эстарха и увидел, как тот осторожно вкручивает пробку в керамический сосуд с узким горлышком. Леденец блеснул на солнце, словно омытый свежей водой.

— Да, готово, — Эриамон торжественно протянул леденец. — Держи, сорванец.

— Пасипа, — Фабрицио не вырвал сладость, а сначала вежливо поблагодарил. Продемонстрировал, что для своего возраста хорошо воспитан. Странная особенность, учитывая, каким в юности был его папаша. — А это ласадка? — облизывая тающий сахар, он указал пальчиком на лошадь, которую держал внимательно прислушивающийся к разговору Иберик.

— Настоящий боевой конь! Нравится?

— Угу. Поедем на ласадке?

Он посмотрел на меня такими глазами, будто совсем забыл и о шишке, и о боли, и о родителях. Весь его крошечный мирок сейчас представлял собой лишь леденец и лошадку. И я не мог не воспользоваться возможностью.

— Конечно поедем, — я поманил рукой Иберика. — Если тебе не страшно, если действительно хочешь, я покатаю тебя на лошадке.

— Нистласна. Хасю.

Я протянул руки в тот же момент и взял малыша. Мне было крайне важно понять, готов ли он мне доверять. И он не отшатнулся. Не расцарапал лицо. Он дёрнулся мне навстречу и обнял за шею. Затем устроился поудобнее и, как ни в чём не бывало, продолжил уничтожать леденец.

Я глянул на Эриамона. Тот коротко кивнул, подтверждая мои предположения, что леденец скоро сработает как надо и мальчик уснёт. А пока мне нужно сделать так, чтобы ненужные мысли не посещали его. Мне нужно его отвлечь.

— Ну что, прокатимся?

— Плакатимся!

Я бережно передал его в испуганные руки Иберика. Тот уже много зим не видел столь юное дитя, а потому немного волновался. Затем я запрыгнул в седло и принял нового седока.

— Удобно?

Фабрицио мне не ответил — его рот был занят. Леденец торчал палочкой наружу, слегка нарушая идеальную детскую улыбку. Карапуз трогал уздечку, гладил гнедую по волосам и едва не выронил леденец, когда лошадь затрепыхала ухом, к которому он прикоснулся.

— Смешная, — захихикал он.

— Выдвигаемся немедленно, — склонившись с лошади, я прошептал Иберику. — С каретой держись чуть позади, чтобы не пугать лишний раз. Встретишь остальных, объяснишь им, а потом с Сималионом вернёшься обратно. Понятно?

Иберик кивнул.

— Фабрицио, — обратился я к счастливо улыбавшемуся малышу, который смотрел, как лошадь переставляет ноги, отдаляя его от родного гнезда и оставшегося там кошмара.

— Да?

— Хочешь попробовать? — я протянул ему вожжи.

— Да! — воскликнул он.

— Она послушная. Только будь осторожен. Ты же настоящий мужчина, верно?

— Да, — серьёзно произнёс он. Даже лицо сделалось суровым. — Настоящий.

— Вот так вот. Держи крепче. Молодчина!

Лошадь медленно пошла. Фабрицио вцепился в вожжи, в полной уверенности, что ею управляет, и улыбался. Но я всё прекрасно контролировал. Я позволил малышу отвлечься и расслабиться. Теперь нужно как можно быстрее покинуть это место, чтобы ребёнок не только забыл, что здесь жил, но никогда не задумывался о том, что здесь произошло.

— Мы следом, — Иберик запрыгнул на "козлы". Сималион сел рядом, а Эриамон напряжённо застыл на подножке.

— Скоро подействует, — крикнул он.

— Отлично, — облегчённо вздохнул я. — В путь...

Часть 5. Глава 3. Счастье для одних за счёт горя других

Это играл оркестр? Или трубы трубили? А может, кто-то сильно дул в горн? Я не мог понять, потому что, кажется, задремал. Я открыл глаза, услышал многоголосый шум и звук десятков труб. Трубачи играли что-то торжественное, наподобие заставки кинокомпании "Двадцатый Век Фокс", а голоса незнакомых людей прославляли кого-то.

Я осмотрелся и понял, что нахожусь в карете. Красная обивка, которую могли себе позволить только кареты с королевскими штандартами, показалась мне знакомой. Я вытряхнул из головы остатки сонливости, прислушался к шуму за пределами кареты и выглянул в окно.

Восторженный многотысячный вопль оглушил меня. Трубы затрубили сильнее, счастливые вопли полетели со всех сторон. Карета везла меня вдоль рядов незнакомых, но безумно счастливых людей. Они были счастливы оттого, что я озарил их своим вниманием. Они кричали моё имя, называли "спасителем" и кланялись.

Возгордившись самим собой от подобной встречи, я растянул рот в улыбке. Я ловко взобрался на крышу кареты, широко расставил ноги, чтобы не упасть во время движения, и не менее широко развёл руки. Но не для того, чтобы сохранять равновесие, а для того, чтобы продемонстрировать себя восторженной толпе.

Люди бились в экстазе. Славили меня и благодарили, будто в их глазах я уже стал "милихом". Карета везла меня вдоль счастливых рядов по широкой, вымощенной камнем дороге. С обеих сторон к дороге прижимались двухэтажные дома. И из каждого окна каждого дома тоже кто-то выглядывал. Кто-то что-то кричал и чем-то приветственно размахивал.

Я чувствовал себя центром Вселенной, пребывал на вершине блаженства. Я был рад, что эта безликая толпа оценила меня. Наконец-то оценила меня и тот титанический труд по улучшению качества их жизни. Наконец-то после стольких неблагоприятных зим, я получил более чем заслуженное восхищение.

Солнце светило мне в спину, а внезапный яркий свет, появившийся впереди, ослепил. Ослепил и меня, и всех остальных. Люди закрывали глаза и с криками падали на колени. Но я устоял, хоть неуклюжий возница слишком резко затормозил. Я прикрыл глаза рукой, а затем, когда свет немного утих, открыл их. Впереди не было ничего. Ничего, кроме яркого белого света.

— Молодец! — торжественно похвалил знакомый голос.

Я открыл глаза и уставился в красный потолок. Уже вторые сутки в этой вместительной карете обитали трое: я, Эриамон и Фабрицио.

Бертрам и его люди нагнали нас довольно быстро. К моменту встречи, малыш крепко спал, а мы устроили привал у дороги и неторопливо ели кашу.

Во время недолгого пути я размышлял над тем, как лучше объяснить ситуацию Бертраму. И решил говорить правду. Ведь от него многое зависело. От него и гессеров. Я рассказал ему зачем, куда и какой груз мы везём. Рассказал, как этот груз у нас оказался. И

вытребовал у всех гессеров клятву молчания. Я заставил их поклясться, что никогда и не при каких условиях они не расскажут никому, кто именно сейчас сопит в карете. Новость о ребёнке анирана, появившимся в этом мире, должна оставаться в секрете. По крайней мере до тех пор, пока я не разрешу обратного.

Бертрам оправился от шока довольно-таки быстро. И не стал демонстрировать строптивость. Он услышал меня и пообещал поговорить с каждым гессером отдельно, чтобы увериться в их правильном понимании ситуации.

Ну а мы с эстархом и Фабрицио переехали в более просторную карету. В карете казначейства можно было легко разместиться втроём. Мы там обосновались и не сводили с ребёнка глаз. Были готовы к любой просьбе или капризу, лишь бы мысли его не возвращались в родной дом.

Но нам, в какой-то степени, повезло — Фабрицио чувствовал себя неважно. Двое суток он боролся с мигренями. И если бы не сонные настойки эстарха, справиться с болью ему было бы очень сложно. А нам — с ним. Так что большей частью он просто спал. А когда не спал, хныкал, ворочался и клянчил у Эриамона леденцы...

...Я машинально потёр глаза и в мельчайших подробностях вспомнил свой сон. В кои-то веки вечно недовольная божественная сущность меня похвалила. Дала выспаться и наградила счастливым сном. Дала ощутить восхищение толпы и наполнила моё сердце осознанием собственной значимости.

И я прекрасно понимал почему. Ведь я, несмотря ни на что, продолжал двигаться вперёд. Не знаю, единственный ли я такой уникальный обладатель сразу нескольких божественных частей, но, несомненно, я тот, кому удалось больше других. И, я уверен, Голос хвалил меня за то, что я смог вовремя сориентироваться. Что не позволил убить себя, и что убил сам. Именно за это — за демонстрацию способностей быстро адаптироваться и умение реагировать на непредвиденные обстоятельства — я заслужил похвалу. Голос отдавал мне должное.

Рядом кто-то разговаривал. Ребёнок и взрослый. Я скосил глаза и с удивлением заметил, что эстарх Эриамон играет с Фабрицио в полужнакомую игру.

— Не жульничай! — воскликнул Эриамон в шутовском тоне.

— Так и надо, — на Фабрицио крики вообще никак не подействовали. — Ты неплавильно делаес. Вот так надо. Сматли. Лаз, два, тли...

Вместе они затрясли кулаками, а затем оба остановились. Фабрицио показывал "колодец", а эстарх — "ножницы".

— Ага! Ты утанул! — мальчик счастливо рассмеялся и хлопнул эстарха по могучим ладоням. — Дай исчѐ сладкий... э-э-э... сахалный... вкусный.

Я облегчённо выдохнул: вроде бы, Фабрицио в настроении. Наконец-то не канючит, не страдает и не спит. Шишка на лбу почти сошла, и он, кажется, завёл себе нового друга.

Что подтвердил сам эстарх.

— Он меня научил, — Эриамон заметил, что я очнулся и кивком головы указал на счастливого мальчишку, сразу присосавшегося к заслуженному леденцу. — Что за игра такая? Никогда не слышал.

Я воздержался и не стал говорить, что эта очень знакомая игра — "камень", "ножницы", "бумага". И она сошла с небес, как и тот, кто ей обучил мальчика. В эту игру, как я помнил, Томмазо играл в детском доме. Были времена, когда эта игра была единственным развлечением для него и остальных малолетних бедолаг.

— Как наш пациент? — спросил я эстарха.

— Кто?

Я повёл глазами на малыша.

— Разбудил меня на рассвете, — Эриамон погладил мальчика по голове, и тот даже не дёрнулся. Что подтверждало мои предположения, что он ему доверяет. — Затем хорошо покушал и теперь, вот, безобразничает. Гулять хочет. Прыгать, бегать... И на лошадке покататься не против.

— Ласадка? Ласадка смесная, — улыбнулся Фабрицио.

— С этим не поспоришь, — хмыкнул я и выглянул в окно. Бескрайняя водная гладь пускала во все стороны солнечных зайчиков. — Давно едем вдоль озера?

— Да. С раннего утра. Ты спал чересчур долго, ани... — он сбился на полуслове. — Клемерик. Но я не стал тебя будить.

— Правильно сделали, что свернули лагерь, не дожидаясь команды. Если я не ошибаюсь, вечером будем в Обертоне.

— Где? — Фабрицио вопросительно вздёрнул маленькую бровь.

— Почти приехали, малыш, — я подмигнул ему, а затем добавил еле слышно. — Вскоре у тебя начнётся новая жизнь.

— Что?

— Ничего, — я усмехнулся. — Скоро тебя будет ждать новая кровать и много пирожных.

Эриамон погладил мальчика по голове.

— А я тебе покажу снейла. У него хвост разноцветный.

— Кого? — Фабрицио даже перестал лизать леденец, услышав новое слово.

— Так, святой отец, — я повёл глазами на сундучок под скамейкой, где он прятал настойку. — Не пора ли молодцу отдохнуть? Тогда мы сможем спокойно поговорить.

Эстарх кивнул, достал сосуд и деревянную ложку.

— Фаб-ри-цио, — с трудом произнёс он сложное для него имя. — Хочешь ещё сладкий сахарный сироп?

Малыш заснул на его руках. Он никак не хотел успокаиваться даже после испития совсем не сахарного сиропа. Хоть и сладкого. Бурная детская энергия требовала выхода и сопротивлялась желанию стариков спокойно пообщаться. Поэтому эстарх Эриамон прибегнул к проверенному средству — он рассказал сказку. Уверенным голосом, которым обязан величать служитель церкви, чтобы паства слушала его, он рассказал интересную историю, как великий герой при помощи огненного меча одолел дракона. Мне показалось, что история эта имела несколько смыслов. И даже показалась знакомой. Оказывается, сказки в этом мире тоже строятся на упоминании драконов. Хотя в той самой Книге ни разу не упоминалось про динозавров, которые в нашем мире считались сказочными прародителями драконов. Да и огненный меч тоже выглядел знакомо. Но в этом мире им обладал совсем не сказочный герой, а чудовищный мерзавец, как мне говорили. И, уверен, если с небес спустится тот самый дракон, обладатель меча будет искать место где спрятаться, а не вступится за этот мир, предложив дракону честный поединок один на один.

— Заснул, — прошептал Эриамон, осторожно укладывая малыша на подушки.

Я проследил за его действиями и ощутил лёгкий укол ревности. Во времена своей футбольной карьеры я больше времени уделял себе и собственным желаниям, а не растущему сыну. Что тут сказать? Я был молод и жаден до развлечений... Да, иногда приходилось играть роль отца. Я кое-чему научился, конечно. Но я совсем не был специалистом по воспитанию детей. Не обладал особыми навыками. И вряд ли бы смог так быстро найти общий язык с, по сути, чужим ребёнком. Слушать мои сказки и засыпать у меня на руках Фабрицио вряд ли бы стал, даже если бы действительно считал лучшим другом своего отца.

— Эстарх, — я попытался взять эмоции под контроль. Отец из меня хреновый получился, конечно. Но это последнее, о чём я сейчас должен переживать. — Давай теперь серьёзно. Все прекрасно знают, кого мы везём. Но солдаты будут держать язык за зубами. А вот что будет в столице, я не знаю. Иберик отправил сирея, а я объяснил всё в письме. И надеюсь, что к нашему прибытию всё будет готово. Но что скажешь ты? Отправишься ли ты со мной в путь, когда мы решим эту маленькую проблему? Или останешься при нём? — я покосил глазами на спящего малыша.

— Отправляюсь с тобой, аниран, — Эриамон раздумывал не больше трёх секунд. — Там во мне не будет нужды. Ты всё правильно продумал. Фаб-ри-цио будет лучше в Обертоне без нас. О нём позаботятся те, кто знает, как это делать.

Я утвердительно кивнул головой: именно на это я и рассчитывал, когда решал на кого возложить ответственность за травмированную детскую судьбу.

— Здесь ты прав. Но... но что скажет церковь? Что скажет, если про него узнает? Первый ребёнок со времён появления карающего огня. Не захочет ли она получить его? Как символ, как знамя.

— Не знаю, аниран. Прости, но не знаю, — развёл руками Эриамон. — Сомневаться не приходится — Его Святейшество, несомненно, быстро обо всём узнает. И он захочет использовать дитя в собственных целях. Я уверен, он постарается заполучить его. Как минимум — получить над ним опеку.

— Власти у него достаточно. Но сможет ли он это сделать?

— Слава Триединому, пока он в Мармассе, — эстарх Эриамон осенил себя священным знаком. — Но он обязательно узнает, аниран. С эти мы ничего не сможем поделать... Но руки его не столь длинны, чтобы дотянуться оттуда. Ему придётся вернуться в столицу и уже здесь решать, как поступить.

— И как он поступит? Мне нужно двигаться в Валензон, — проворчал я. — Я не могу оставаться в столице и ждать его возвращения, чтобы, если надо, защитить малыша.

— Я не знаю, как он поступит...

— Святой отец, — я заскрипел зубами. — Ответь честно и откровенно — он несёт угрозу ребёнку? Сможет ли вырвать из тех рук, в которые я собираюсь его передать?

— Нет! — уверенно ответил Эриамон. — Он бы легко вырвал его из любых рук. Даже из материнских. Но... Но только не из этих... Твоя предусмотрительная идея пока сохранять в тайне благую весть верна. Очень опасно кричать о том, что в мире появилось дитя анирана. Простолюдинов она бы всколыхнула и вновь погнала бы в Обертон, как они делали, желая увидеть тебя. Только в этот раз они не стали бы кланяться, а задались бы вопросом: как так получилось? И что нужно сделать, чтобы эту радость аниран подарил бы и им.

— Значит, мы с тобой должны объяснить всем, почему важно держать всё в секрете. Особенно тем, в чьи руки мы его передадим.

— Не переживай, аниран. Малыш будет в безопасности. Нет более безопасного места в Астризии, чем то, куда мы его везём.

— Надеюсь на это, — с надеждой выдохнул я.

Мы прибыли в Обертон ближе к вечеру. К нашему приезду Его Величество подготовился, а потому солдаты гарнизона разогнали всех, кто мешал проезду. Устроили настоящий почётный караул от Восточных врат до врат королевского квартала. Хоть столица гудела, как пчелиный улей, мы беспрепятственно преодолели весь путь. Под заинтересованными взглядами жителей, колонна гессеров, сопровождавшая одну единственную карету, проследовала до самого дворца. Обогнула знаменитый фонтан и позволила карете припарковаться у самых ступеней.

Я выглянул из окна: несколько стражей несли вахту у распахнутых врат. За воротами, сложив руки за спиной, туда-сюда нервно прохаживался король. Королева скромно сидела на стульчике рядом, сжимала тонкие ручки и, кажется, нервничала не меньше, чем он.

— Бертрам, организуй коридор, — приказал я. — И лишних уведи.

Стражей врат убрали быстро. Король даже замахнулся рукой, когда некоторые из них после слов Бертрама стояли и раздумывали — уходить или нет. Подчинялись они всё же не Бертраму.

— А кто это там? — Фабрицио, которому мы с эстархом не давали высунуться из окна всю дорогу, хоть он яростно пытался, ткнул пальчиком в пухлое тело.

— Т-с-с-с, — я заговорщицки приложил палец к губам. — Мы же с тобой договорились. Ты говорил, что лекаря тебе уже не надо. Ты и так здоров. Лечить тебя никто не будет, если ты немножко потерпишь и помолчишь... Иди ко мне. Только не бойся.

— Я ни баюсь, — фыркнул он. Затем позволил взять себя на руки и был укрыт накидкой Эриамона. С Эриамоном мы старались делать всё, чтобы информация о появившемся ребёнке анирана, не вышла за территорию королевского дворца.

Эстарх выскочил из кареты и, как опытный слуга, открыл передо мной дверь.

— Что так долго, аниран, — Его Величество выскочил из-под арочного козырька и нетерпеливо запрыгал рядом. — Мы уже извелись все. Неужели это правда? Это и правда он?... Ой!

Он ойкнул, когда увидел, что кто-то шевелится на моих руках. А затем бразды правления в свои руки взяла та, кто, как я понял, действительно имела голову на плечах. Кто обладала влиянием, была умна и рассудительна. Смотрела намного дальше своего носа и куда дальше, чем её супруг.

Королева прекратила мять свои костлявые пальцы и вцепилась в пальцы мои. Не сказав ни слова, она затянула меня в прохладу королевского дворца. И только там, оставшись в узком кругу тех, кто знал всё, я стянул накидку.

Его Величество растерялся. Он выпучил глаза и изучал перепуганного малыша, который прижимался ко мне и с опаской смотрел на незнакомого толстого дядьку. Хоть в письме я всё объяснил, король всё же не мог поверить, что это правда.

Её Величество же отреагировала куда эмоциональнее. Она всхлипывала и хотела прямо здесь и прямо сейчас разрыдаться слезами счастья и радости. Но всё же ей удалось сдержать себя. Она смахивала неизбежно появлявшиеся слезинки и улыбалась настолько дружелюбно,

насколько могла. Её глаза излучали добрый свет любви. Я не сомневался, что эта любовь искренна. Не сомневался, что она без остатка отдаст всю любовь малышу. Отдаст всю себя. Я прекрасно помнил, как сильно она хотела вновь испытать материнские чувства. Как готова была пойти на многое, чтобы получить шанс вновь называть себя гордым словом "мать". И я решил дать ей этот шанс. Едва я смирился с тем, что произошло в маленькой избушке между золотистых полей, эта мысль вцепилась в меня, как клещ. Я точно знал, что любое иное решение будет куда хуже. Другого выбора просто не существовало. Я был уверен, что королева даст Фабрицио любовь, а король обеспечит защиту.

— Фабрицио, — я улыбнулся. — Поздоровайся. Это — твои дедушка и бабушка.
После этих слов королева Исида всё же не выдержала и расплакалась.

Часть 5. Глава 4. В пути

Я уехал на следующий день. Уехал, так и не попрощавшись с Фабрицио. Я не хотел, чтобы он лишний раз вспоминал обо мне. В моих планах он был обязан привязаться к другим, более достойным людям, которые займутся его воспитанием. Я лишь наблюдал со стороны, как быстро он приходил в себя. Его сразу окружили вниманием и заботой. Притащили самосвал сладостей, позволили искупаться в фонтане и сводили в местный питомник. Король проявил чудеса адаптации и приказал настрогать множество деревянных игрушек. Не отказал малышу ни в одной просьбе и даже позволил излазить вдоль и поперёк королевскую карету. Под чутким присмотром королевы, конечно. Но это не отменяло факта, что Его Величество с удовольствием втянулся в процесс воспитания пятого сына.

В общем, детская непосредственность моментально переключилась на новые, более интересные события. Весь следующий день Фабрицио бегал по окрестностям с глазами больше, чем у филина. Поэтому задерживаться не имело смысла. Я передал малыша в опытные руки и теперь был готов двигаться дальше.

Я ехал в карете один и плавал на волнах нахлынувшей меланхолии. Я вспоминал счастливое лицо короля и слёзы на глазах королевы. Я видел, с какой благодарностью она на меня смотрела, с каким трепетом приняла малыша на руки. И не сомневался, что лучшей бабушки у него не будет никогда.

Но всё же двойственность ситуации резала по сердцу тупым ножом. Я разрушил семью, чтобы подарить счастье другой семье. Я убил анирана, убил жену анирана и едва не разрушил юную жизнь. Осознание своего поступка давалось мне тяжело. Потому своими психологическими проблемами я поделился с профессором Гуляевым. Я не мог уехать, даже не навестив его. Я многим был ему обязан и ценил нелёгкий выбор, который ему пришлось совершить.

Первым же вечером я завалился в его покои, слегка опасаясь, что могу увидеть. Но всё обстояло не так уж страшно: старикан хоть выглядел, как старикан, но, кажется, шёл на поправку. Он действительно выглядел старше своего возраста. Но совсем не напоминал ту дряхлую развалину, в которую превратился, лишившись дара. Он немного набрал вес, круги под глазами исчезли, волосы перестали выпадать. Хоть профессор шаркал ногами, держался уверенно. Дышал глубоко и говорил без запинки. Как мне показалось, он победил слабость и теперь стал на путь выздоровления.

Мы проговорили половину ночи. Я ничего не стал угаивать от него и всё честно рассказал. И даже показал. А затем получил не только дельные советы, но и похвалу. Обоими моими поступками он остался доволен. Отмахивался от моих душевных терзаний, как от назойливой мухи. Говорил, что мне некогда терзаться. Я должен двигаться вперёд несмотря ни на что. И переступить через каждого, кто будет стоять на моём пути. Аниран это будет или самый обыкновенный, ничего не значащий человек. Для этого умирающего мира важны мои действия, а не душевные страдания.

И, надо признать, профессор меня успокоил. У него почему-то всегда получалось убедить меня в правильности собственных поступков, даже если я сам сомневался в этом. Он действительно стал для меня мудрым наставником. Не конкурентом за аниранское дело, а дельным советчиком. Он передал мне свои знания, многое объяснил и ни раз призывал не сомневаться в самом себе.

Поэтому расставание далось нелегко, когда лекари глубокой ночью прогоняли меня из его покоев. Хоть он не признавался, я утомил старика. Им занялись профессионалы местной медицины, а я сообщил, что завтра вновь отправлюсь в путь и неизвестно когда вернусь. И вернусь ли вообще. Профессор Гуляев пожелал мне удачи и потребовал дать слово, что, если со мной приключится очередная подобная история, я больше не буду сомневаться в собственных поступках. Я сделаю, что должен. Сделаю именно потому, что должен.

Путь к точке randevу, где нас ждал остальной обоз, занял не так много времени, как раньше. Мы добрались менее чем за двое суток. Большую часть этого времени я провёл наедине с самим собой. Даже с Эриамоном не хотел разговаривать. В одиночестве я сражался с собственной совестью, которая раз за разом заставляла возвращаться в тот домик посреди полей. Я разговаривал сам с собой, приводил аргументы и пытался смотреть на ситуацию с двух сторон. И всё же я нашёл себе оправдание — я назвал свой поступок неизбежностью. Неотвратимой судьбой, которую я не контролирую. Судьбой, которую для меня приготовили те, кто сюда отправил.

А затем мне пришлось ломать мозги, выискивая ответ на главный вопрос: как же всё-таки Томмазо и Лусиль удалось зачать дитя?

Я помнил все важные события в жизни Томмазо. Я помнил его боль, помнил, как он пришёл в этот мир, как выживал, как одолел гончих. Он всегда жил без страха и не убоился их. Он видел более страшные вещи на самом дне Рима. Как и я, он быстро адаптировался, и убил этих тварей одну за другой. С таким-то даром это было не сложно.

Затем он вышел из леса и нашёл поместье прямо Арройо. Подслеповатый старик не отказал молодому юноше в приюте, ведь рабочие руки были всегда нужны. Именно там Томмазо жил некоторое время и очень осторожно, как он привык, изучал новый мир. Он многое узнал и был готов идти в Обертон, лишь суровая зима подойдёт к концу. Но с ним приключилась история, позволившая молодому, но агрессивному и, в какой-то степени, злобному парню по-настоящему понять значение слова "любовь".

В округе никто не считал Люсиль красивой. Так, бедовая простушка, не больше. Она трудилась в поместье и была довольно раскованной по местным меркам. Занималась любой работой, которую ей поручали, совсем не страдала от нереализованного материнского инстинкта и легко принимала нахальные приставания каждого мужика, который хоть немного её привлекал. Она была старше Томмазо, намного опытнее в амурных делах, и очень быстро затащила его, что называется, на сеновал. Даже без помощи кузнеца.

Но как-то случилось — Томмазо, как я знал, сам не понимал почему, — они полюбили друг друга. В полном смысле этого слова. Это случилось не после первого дикого секса. И даже не после десятого. Это случилось в процессе узнавания друг друга. Оба влюбились так, что Томмазо передумал искать ответы в Обертоне. Он остался с той, кто уже не чаяла встретить того единственного, кому бы хотела всю жизнь быть верна.

Они обручились по местному обряду под присмотром святоши, получили благословение прямо и зажили у него под боком. Им хватало всего. Они были настолько счастливы, что непередаваемый ужас Томмазо, когда Лусиль заболела, вызывал у меня содрогание. Я прекрасно помнил то, что помнил он. Я помнил моменты, когда он втихаря молился своим Земным богам и просил их не забирать самое ценное, что у него когда-либо было. Он обещал

им всё, что они потребуют. Любую жертву. И хоть боги не умели отвечать, к его воззваниям они не остались немые, как он считал. Они помогли Лусиль пережить недуг. Она выздоровела и первым делом, после того, как открыла глаза, сплела слабые руки вокруг шеи Томмазо. Её слёзы стали для Томмазо лучшим доказательством, что покидать его она не хотела так же сильно, как и он её.

С тех пор семейная жизнь устаканилась. Полгода они прожили вместе, ни разу не поругавшись. А затем задумались о собственном очаге. Хоть этот очаг они могли разделить лишь друг с другом, старый прямо пошёл им навстречу. Собрав всех слуг, прямо приказал подлатать заброшенный дом для новой семьи. Хоть это мало кого интересовало, ведь в безрадостном мире счастьем соседа никто не станет радоваться, дом всё же отремонтировали.

А спустя некоторое время после переезда с телом Лусиль стали происходить те изменения, которые она уже никогда не ожидала. Хоть барышня была опытная и прекрасно понимала, что с ней происходит, не могла поверить, что это произошло.

Этот период, как я помнил, был самым сложным в жизни молодой семьи. Самым сложным, ибо попросить помощи и обратиться к кому-либо за советом они не могли. Только тогда Томмазо признался любимой женщине, кто он такой на самом деле. Только тогда рассказал Лусиль о себе всю правду. И им пришлось справляться вдвоём.

Но, как бы им не было сложно, они справились. Они всё выдержали, всё вытерпели. Они обрели то счастье, о котором ни один из них уже не мечтал.

Я вспоминал моменты чужого счастья и не мог понять, как им удалось создать новую жизнь. Я проецировал жизнь Томмазо и его связь с Лусиль на свою связь с Дейдрой. Но кроме обоюдной любви никакой связи не находил. Внешне Лусиль Дейдре в подмётки не годилась. Она прошла пик своей сексуальности ещё до появления Томмазо в этом мире. А с девственностью распрощалась, наверное, ещё в те времена, когда Томмазо бегал по коридорам детского дома. Хоть Лусиль не признавалась, Томмазо догадывался, что один из местных прямо испортил её ещё в подростковом возрасте. Значит, обязательная девственная чистота местной женщины — не есть залог аниранского успеха. Дело в чём-то другом.

Но тогда ещё острее вставал вопрос — почему не получалось у других с другими? Всё те же действия, всё та же последовательность. В чём секрет? Не может быть, что залогом успеха была любовь. Это же сказки для инфантильных девочек, которые досматривают порнуху до конца в робкой надежде, что всё закончится свадьбой. Должно быть что-то другое. Ведь кроме любви к своим женщинам, между нами — единственными аниранами, которым удалось выполнить свою миссию, — нет ничего общего. Не говоря уже о том, что женщины тоже были абсолютно разные.

В общем, в дороге я больше ломал голову над этим вопросом, чем корил себя за разрушение чужой семьи. Я согласился сам с собой, что сделал всё возможное для их сына. Я дал ему шанс жить в комфорте и достатке. Я дал ему больше, чем могли дать родители. Пусть это звучало кощунственно, но я убедил себя, что более удачного варианта развития неожиданных событий просто не существовало.

Мы воссоединились с обозом и вновь тронулись в путь. Опять в долгий путь через хутора и деревни. Опять пришлось устраивать шоу, а главному актёру — выступать.

Но я стойко переносил одинаковые, похожие друг на друга, как сиамские близнецы, дни. Я выполнял свою миссию и давал надежду. А развлекался лишь тем, что читал письма, которые прибывали отовсюду.

О более серьёзном подходе к курьерской службе в виде сиреев, я задумался давно. Я обсудил этот вопрос с Ибериком, а затем и с Его Величеством. Тот собрал всех заводчиков и потребовал выполнить приказ анирана — потребовал увеличить количество обученных птиц. Хотя дело шло ни шатко ни валко, штат, что называется, мы смогли увеличить. А Сумман Иберика стал чуть ли не флагманом. На полном серьёзе Иберик шептался с ним и требовал исполнять функцию анирана — осеменить самок. Но так как весна давно прошла, размножаться птица не желала ни в какую. Зато за кусок мяса была готова на многое. Сильные крылья вспарывали воздух, а через день-два мы получали ответное послание.

Именно он доставил мне письмо от Тангвина — второго сына короля. Я попросил принца рассказать, как идут дела на ниве поиска, и он честно ответил: дела идут никак. Поиски продолжались, но результат замер на нулевой отметке.

Правда в следующем письме Тангвин сообщил, что в Валензоне лишь относительный порядок. Отцу он так и не признался, но мне рассказал, что в городе есть районы, которые он не контролирует и в которые даже заходить опасно. Чтобы этот контроль вернуть, нужны острые штыки, на которые он бы смог опираться. Без этих штыков в тех районах королевскую власть не восстановить.

Я быстро смекнул, что ситуация в Валензоне напоминает ситуацию в Обертоне. Ту часть, героем которой был Хатемаж. И хоть я пока не знал, есть ли в Валензоне свои "хатемажи", после полученного ответа сразу отправил уставшего Суммана в противоположную сторону — в Обертон. Я потребовал от Его Величества оснастить и отправить по нашему следу минимум пять сотен умелых солдат. Солдат из тех, кого мы планировали перед зимой отправлять на постой в окрестные деревни.

Его Величество немного поворчал в письме, но пообещал выслать три сотни. Хоть я доходчиво объяснил, для каких целей нужны солдаты, больше из столицы он отпускать побоялся. В свою очередь объяснил, что вот-вот приступит к "осторожному захвату плантаций". А это, как мы оба знаем, дело куда более важное. Его Величество не хотел бы разбрасываться солдатами тогда, когда они, возможно, в ближайшее время сыграют очень важную роль.

В итоге, мне пришлось принять такие аргументы. Я смирился с тем, что вычищать очередную клоаку мне придётся небольшими силами. Гарнизон Валензона, если я не ошибался, насчитывал то ли шестьсот, то ли семьсот солдат. Ещё триста должны подойти ближе к концу осени. Плюс какая-то охрана есть у принца Тангвина. И нельзя сбрасывать со счетов гессеров. Со мной их идёт почти сотня. Значит, под моим командованием соберётся, минимум, армия. Когда эта "армия" расквартируется в Валензоне, тогда я и решу, какой район придётся подметать веником под названием острый меч. Но то, что я возьму под контроль весь город, несомненно. Без малейших колебаний я сожгу дотла любые новые Трущобы.

Дорога до Валензона отобрала у нас немало времени. Неторопливый обоз, растянувшийся на сотни метров, двигался по-черепаши неторопливо. Мы задерживались в

каждой деревне, попадавшейся по пути, минимум, на сутки. Устраивали красочное представление и отправляли гонцов по королевскому тракту, чтобы следующие населённые пункты были готовы принять анирана.

Но даже такая предусмотрительность не повлияла на скорость передвижения. Вскоре жители деревень стали высылать парламентёров, которые встречали обоз у тракта и сами предлагали заглянуть на огонёк. В деревнях я продолжал толкать ободряющие речи. Стал чувствовать себя более уверенно перед толпой. Коленки уже не дрожали, да и слова на ходу удавалось подбирать куда удачнее. Сам себе речей я не писал, но отмечал, что почему-то ораторствовать стал лучше. Хотя привлекательность я слегка утратил из-за подпорченного уха, уверенность в себе не растерял. А поскольку был полон решимости разнести весть о прибывшем аниране-спасителе во все уголки Астризии, не позволял себе опускать руки и не останавливался на достигнутом.

Приблизительно через шесть долгих декад, обоз, наконец-то, подошёл к стенам Валензона. Заметно похолодало в пути. Дни стали короче, ночи длиннее. Урожай практически везде уже был убран. Что-то ещё прорастало, но основные запасы зерна закрывались в амбары. Мельницы работали круглосуточно, обеспечивая крестьян мукой, а телеги, полные пухлых мешков, двигались в Валензон на торжище, как сообщали нам встреченные по дороге простолюдины.

Поэтому заторы на тракте меньше не стали. Крестьяне не только свозили продукты своего труда в единственный крупный город на многие лиги в окрестности, но и выстраивались вдоль дороги с дарами, ожидая прибытие анирана. Чем ближе к городу мы подъезжали, тем сложнее приходилось Бертраму. Он прокладывал путь, и часто дальше мы могли проехать только через коридор из гессеров. Люди не успокаивались и не уходили до тех пор, пока я не приказывал остановить карету, пока не спускался к ним и не демонстрировал собственную избранность. Пока не прикасался к чьей-либо юродивой голове, обещая неминуемое исцеление. Только тогда они падали на колени у обочин, пели нараспев, осеняли меня знакомыми знаками и давали обозу дорогу.

Часть 5. Глава 5. День, полный неожиданных встреч

Добротные каменные стены метров десять в высоту я заметил давно. Хотя мне не раз говорили об общем упадке, стены Валензона выглядели прилично. Не хуже, чем стены Обертонна. За такими стенами вполне можно укрыться от вражеских войск и довольно долгое время держать осаду. Единственное, что меня сильно смутило — это вонь. Я стоял на крыше кареты, которой весьма осторожно управлял Бенал, и строил из себя приехавшую звезду. Приветственно размахивал руками, старался улыбаться и во все стороны чертил знаки в виде восьмёрки. Но изнеженный нос сразу почуял неладное. А затем, когда уже показались распахнутые ворота и поднятая герса, увидели неладное и глаза. Шум, крики, гам и, главное, вонь исходили от огромного количества безобразно грязных людей, плотно оккупировавших въезд. В город, как я понял, их не пропускала стража, которой было довольно-таки много. Стражники выстроили коридор, древками пик отгораживая толпу от дороги, ведущей в город. Классический навесной мост тоже был перекинут, но со своего удачного места в паре-тройке метров над землёй я сразу заметил, что перекинут он был через высохший ров. Ров, как полагается каждому достойному городу, вырыт был. Но, по непонятной причине, водой не наполнен. На стенках рва отвратительно зеленела плесень, наполняя смрадом окружающее пространство.

— Пропустите анирана! Пропустите! — когда мы вывернули на финишную прямую, закричал очень громким голосом неизвестный военный, одетый по последнему писку местной моды. В достойных кожаных доспехах и дорогим пером на металлическом шлеме. — Организуйте проход.

Давка усилилась. Грязная толпа, славящая меня направо и налево, стала сдавать назад под натиском пикинёров.

Сзади тоже напирала. Я обернулся и заметил, что в хвосте колонны гессерам приходится несладко: люди чуть ли не на копыта лошадям наступали, трогали сбрую и нагло попрошайничали.

— Надо бы быстрее в город заехать и сразу запереть ворота, — пробормотал я сам себе. Затем крикнул Бертраму, чтобы он выстроил коридор для анирана, без труда спрыгнул прямо на дорогу и направился к встречавшим.

Хоть не хлебом-солью, но всё же с достоинством меня встретили двое: тот самый воин, снявший шлем и преклонивший колено, и худощавый длинноволосый мужчина в добротной одежде, волосы которого на лбу перехватывал резной серебряный обруч.

— Сотник Вальтер к услугам твоим, аниран, — прикоснулся к груди преклонивший колено.

— Анатоян, поверенный в делах принца Тангвина, тоже к услугам анирана, — повторил жест мужчина. — Мы рады встрече...

— Взаимно, — поспешил перебить я, чтобы не слушать в стотысячный раз очередные благодарственные речи Фласэзу Милосердному. — Аниран Иван к вашим услугам. К вашим и вашего славного города.

— Мы все надеемся на это, — мужчина опять поклонился. — А теперь, с позволения анирана, я возьму на себя смелость стать его провожатым и проведу на центральную площадь Валензона. Его Высочество принц Тангвин распорядился встретить будущего милиха и сопроводить под конвоем верных солдат. Там, при всём честном народе, он

встретит тебя и обнимет, как достойного этой чести.

Я ещё раз обернулся, оценил толкотню, увидел напирających жителей и решил не затягивать. Я думал, принц встретит меня на въезде в город. Но тот, похоже, решил устроить шоу. Решил прилюдно позажиматься с анираном, чтобы, возможно, попытаться восстановить значительно пошатнувшийся авторитет. Как я уже успел выяснить, принца в Валензоне, мягко говоря, недолгоблывали. Настроения простолюдинов, настроения зажиточных прямо и служителей церкви мне были известны. И я планировал в кратчайшие сроки примирить с принцем абсолютно всех. Ведь те, кто не захочет примириться, очень рискуют повторить судьбу Хатемажа.

— Едем. Аниран будет рад стать перед принцем и узреть, как тот склонится в поклоне.

Худощавый мужчина и бровью не повёл. Он улыбнулся, опять поклонился и сделал приглашающий жест рукой.

Город бурлил. По-настоящему. От самых врат и вдоль первой же улочки выстроился комитет по встрече. Вернее, огромная толпа жалась к стенам невысоких, бедных домишек. Выстроившиеся вдоль дороги солдаты с острыми пиками сдерживали эту толпу, но часто оглядывались и с любопытством смотрели, как в город въезжала карета.

На крышу я больше не забирался, а сидел рядом с Беналом на "козлах". Привстав, приветственно размахивал рукой, и всё так же улыбался.

Бертрам и десяток гессеров неторопливо ехали впереди и внимательно смотрели по сторонам, так как из каждого окна каждого одноэтажного и двухэтажного домика выглядывали любопытные мордашки. Из окон кричали и пытались оттолкнуть соседа, чтобы лучше рассмотреть заезжего гостя.

Поверенный принца и сотник Вальтер ехали первыми. Их, судя по всему, ситуация радовала. Они без страха смотрели по сторонам, улыбались и мечтательно косились в мою сторону, как бы уже уверовав, что в город пришёл порядок.

Но я был немножко озадачен.

Приветствующая толпа мне нравилась. Имею в виду, я чувствовал себя удовлетворённым. Примерно так же, как в том самом сне, где Голос, образно говоря, пел мне дифирамбы. Я не считал, что толпа представляет для меня угрозу. Вряд ли бы кто-то решился напасть на анирана. Хоть я не отрицал подобную возможность, ещё в пути обсудив этот вопрос с Бертрамом, считал её маловероятной. И сейчас сидел на "козлах" не испытывая страха.

Озадачило же меня количество встречающего люда. Я никак не ожидал, что в городе соберётся столько народу. И это в мире, который умирает. В мире, где депопуляция шагает семимильными шагами. Где каждый обычный человек стремится поглубже забуриться в нору и не показываться на глаза остальным, чтобы эти остальные — не дай Боже! — не отобрали то последнее, что можно ещё отобрать.

Но, наверное, я ошибался в народе Астризии. Слухи об аниране действительно вдохнули в него жизнь. На какое-то время эти люди забыли о своих несчастьях и невзгодах. Забыли о неизбежности. С улыбками на невымытых лицах они пришли посмотреть в глаза надежде. И сейчас, выхватывая взглядом из толпы эти радостные улыбки, я убеждался, что зерно посеяно. Теперь я должен оросить благодатную почву поступками, чтобы это зерно проросло и дало то, что меня интересовало в наипервейшую очередь — мобилизационный ресурс.

— Иван! Иван!!!

Задумавшись и машинально приветствуя толпу, я не сразу уловил странно прозвучавшие в этой толпе слова. Слова "аниран", "посланник небес", "милих" врывались в мои уши практически со всех сторон. Кто-то, как обычно, славил Троидного Бога. Кто-то молил о помощи или исцелении. Подобное я уже слышал не одну сотню раз. Возможно даже, не одну тысячу. Но что-то не припомню, чтобы кто-то звал меня по имени.

— Иван!!! Ива-а-а-н!!!

Нахмурившись, я привстал. Начал оглядываться, предполагая, что меня зовут откуда-то из хвоста колонны. Имя-то моё в Обертоне всегда было на слуху. Там меня знала каждая собака.

Но, оказалось, по имени меня звали именно из толпы встречавших: чуть левее, расталкивая плотную человеческую пробку ручищами размерами с добротное бревно, к барьеру из солдатских рядов пробирался заросший бородатый мужик. Он пихался локтями, без сомнения хватал более слабых за шкурки, бесцеремонно отталкивал и пёр, как ледакол.

— Иван! — прокричал мужик ещё раз. Увидел, что я, наконец-то, его заметил и принялся размахивать огромными лапищами, как сигнальщик на флоте. — Иван!!!

От неожиданности я замер на пару-тройку секунд. Не потому, что не ожидал, что здесь кто-то знает моё имя. А потому, что узнал мужика. Многие месяцы я делил с ним кров и краюху хлеба.

— Дагнар? — ошалело прошептал я, тщательнее рассмотрев знакомую мордень того самого нескладного увальня, который в лагере, где правил Джон Казинс, распахивал земли и отвечал за посевы. — Не может быть.

— Иван! — отчаянно прокричал Дагнар, когда упёрся в забор из пик и понял, что дальше ему не пройти.

— Стоп карета! — скомандовал я Беналу и спрыгнул на мощёную дорогу.

Сималион и Иберик опередили меня. Едва мои ноги коснулись камня, они уже были рядом.

Неожиданная задержка слегка напрягла ситуацию: встречающая толпа, увидев, что аниран пожелал снизойти к ней, принялась напирать. Если бы не быстрая реакция Бертрама и гессеров, мой экспромт мог бы привести к трагедии.

— Быстро! Быстро в строй! — прокричал тот и успел помочь страже сориентироваться.

— Этого! Этого пропустите! — я принялся продираться сквозь частокол охранников. Отталкивал спины и толкал в плечи каждого, пока не пробился к Дагнару.

Тот отчего-то сразу поплыл. Увидев, что я его заметил и спешу, перестал сражаться с толпой и зарыдал. Осел на землю, как засохший стебель, по-дурацки улыбался и плакал.

К счастью, при помощи тумачков и известной матери, мне удалось быстро к нему пробиться. Гессеры подсобили, вытащили здоровяка из толпы, взяли под руки и усадили посреди дороги.

— Дагнар? Ты ли это?

От откормленного деревенского увальня практически ничего не осталось. Только рост, пышная борода и всё ещё крепкие руки. Грязное тряпьё на исхудавшем теле красноречиво говорило о том, что Дагнар весьма близко познакомился с таким понятием как голод.

— Иван... Иван... — Дагнар всё никак не мог взять себя в руки. Всё пускал нюни. Затем сел на колени, дёрнулся и обнял мои ноги. — Иван...

— Да ты чего, Дагнар? Ты ли это? — я без труда высвободился, сжал бородатые щёки ладонями и посмотрел в голубые глаза. А затем, без всякого сожаления, отвесил пощёчину,

так как в глазах видел только слёзы и радостную покорность. — Ну-ка приди в себя! Ты что делаешь в Валензоне? Как здесь очутился?

— Аниран, нельзя задерживаться, — Бертрам смотрел по сторонам и непрерывно приказывал гессерам сдерживать толпу.

— Что происходит? Почему задержка? — откуда-то издали раздался озабоченный голос поверенного. Тот, судя по всему, совсем не желал, чтобы анирана раздавили ещё до момента, как он доберётся до площади.

— Я верил... Я всегда верил, что ты не бросил нас, — пощёчина немного отрезвила бывшего здоровяка. Он даже начал говорить членораздельно. — Я знал, что ты придёшь за нами... И ты пришёл...

Мне стало немного не по себе. Ведь я точно знал, что бросил людей в лагере осознанно. И не собирался к ним возвращаться.

— Так, ладно, — я быстро взял себя в руки. — Помогите затащить его в карету... Отец Эриамон... Отец Эриамон, бутылку подготовь. Будем лечить пациента... Быстрее давайте!

Окрик помог ситуации разрешиться. Бессердечные гессеры поволокли Дагнара к карете и чуть ли не зашвырнули в неё. Я прыгнул следом и запер дверь, предварительно приказав немедленно двигаться дальше.

— Так, ну-ка возьми себя в руки! — когда карета двинулась, я вновь вцепился в бородатые щёки. — Прекрати пускать сопли! На слюнтя стал похож... Святой отец, дайте ему успокоительного.

Без лишних слов слегка удивлённый отец Эриамон всучил Дагнару до краёв налитый бокал.

— Пей! — скомандовал я.

К счастью, к алкоголю, насколько я помнил, Дагнар не питал отвращения. Он схватил бокал двумя руками и, не пролив ни капли, влил вино в глотку одним махом.

— Однако... — с подножки присвистнул удивлённый Иберик.

— Ты бы видел, как он хлещет секху... Но не суть. Дагнар. Дагнар, соберись! Отвечай: ты что здесь делаешь? Как очутился? Где другие?

Дагнар облегчённо выдохнул и уставился на меня слегка осоловевшими, но по-прежнему влюблёнными глазами.

— Я знал, что ты нас не бросишь, — повторил он то, что уже говорил. Только в этот раз сопли не сползали по бороде. — Я специально пришёл к северным воротам, — продолжил он. — Слухи, что в Валензон прибудет посланник небес, дошли до нас. Всё лето Валензон жил этими слухами. Я молил Триединого, — Дагнар осенил себя знаком. — Чтобы этим анираном оказался именно ты, Иван. Ведь только ты способен защитить нас и спасти.

— Нас? Кого "нас"?

— Я пришёл сюда не просто так, — Дагнар сделал порывистый жест и сжал мои пальцы. — Я пришёл, потому что нам нужна помощь. Нам всем: мне, бабам, детям, знахарке, её внучке и следопыту.

Слова бывшего пахаря ударили меня под дых. Я натурально замер.

— Что? — с трудом выдохнул я. — Что ты сказал?

— Внучка Мелеи. Твоя Дейдра. Она здесь.

— Что ты сказал!?? — я вцепился в исхудавшие плечи и принялся трясти.

— Они здесь. Все здесь, — от моей хватки Дагнару помогли освободиться Эриамон и Иберик. А потому он торопливо продолжил. — После того, как ты ушёл и не вернулся, после

того, как пропали Дейдра, Мелея и Феилин, сбежали Брион и Ихмад, а святой отец Элестин удалился в столицу, Руадар принял решение покинуть лагерь и направиться в Валензон. Рабочих рук не доставало. И Руадар решил, что с одними бабами нам не подготовиться к зиме. Не пережить её. А в городе мы хотя бы могли попытаться... Но в до Валензона дошли не все, — Дагнар быстро утёр промелькнувшую слезу. — Руадар, кузнец Морванд и ещё несколько мужиков погибли от рук голодного отребья. Сеча была кровавая по пути. И лишь немногим из нас повезло спастись...

— Ну, а дальше-то что? — я пихнул его в плечо, после того как он почему-то замолчал.

— Это было скорбное время. Мы потеряли почти всех, кто был способен держать в руках оружие. Кто-то сбежал, не желая заботиться о других... Кто-то ушёл в рекруты... Мне же пришлось стать элотаном. Хотя дома нашего больше нет, я взял на себя заботу о выживших. И нам удалось добраться до города. Мы смогли найти приют у стен, ведь внутрь нас не пропустили. Тут-то нас и нашёл следопыт.

— Феилин?

— Да, он.

— А Дейдра? Дейдра был с ним?

— Не сердчай, аниран, но знахарка рассказала мне всё, — он по-доброму сжал мою ладонь и впервые улыбнулся. — Её родичи помогли попасть в город и приютили нас всех. Там-то я всё и узнал. И я знаю, где сейчас твоя Дейдра.

— Где??? — я опять вцепился в плечи Дагнара.

— У неё вот-вот должно появиться дитя, — торопливо продолжил тот. — Но нам нечем кормиться. Мы со следопытом не можем прокормить всех. Ртов слишком много, а все запасы давно закончились. Побираемся уже как две декады. Как только ударят первые морозы, мы все непременно погибнем. И нам необходима помощь.

Я крепко сжал кулаки, почувствовав, как в груди начинает разгораться пламя. Я слушал очень внимательно и очень хорошо слышал. Я понял, насколько вовремя прибыл и насколько вовремя меня отыскал Дагнар. Теперь надо, не теряя ни секунды драгоценного времени, отыскать Дейдру. Немедленно! Сию минуту!

А принц и тысячи тысяч встречающих пускай подождут.

— Веди! — я подскочил и едва не врезался макушкой в потолок. — Веди меня к ней! Быстро на "козлы"! Садись рядом с возницей и показывай дорогу!... Бертрам! — я резко отворил окошко и прокричал ещё раз. — Бертрам! Смена маршрута! Карету окружить плотным кольцом! Двигай впереди и освобождай путь. Прогоняй всех, кто посмеет стать на пути анирана! Можешь даже кнутом.

Бертрам лишь одарил меня удивлённо-озабоченным взглядом. Но приказ оспаривать не стал. Он быстро организовал своих людей, оставил без присмотра кареты сопровождения и окружил карету гессерами. И таким порядком мы выдвинулись по направлению, руководствуясь указаниями здоровенной ручищи.

— Вон туда. Направо, — регулировал движение Дагнар.

— Куда!? — чуть ли не истерично прокричал поверенный принца, когда карета свернула с дороги, на которой нам был обеспечен коридор. — Не туда!

— Туда, — ещё раз повторил Дагнар.

Хаос, созданный сменой маршрута, усилился. Жители Валензона сориентировались практически мгновенно: толпа, как оползень, пришла в движение. И если бы не гессеры, блокировавшие любой проезд, любой переулок, нас бы очень быстро зажали, а затем

раздавили.

Следуя указаниям Дагнара, мы пробирались через зловонную клоаку. В нас даже чуть было не засадили отходами человеческой жизнедеятельности, по-простому выброшенными из окна. Но, несмотря ни на что, несмотря на некоторые неудобства и чудовищный дискомфорт ситуации, мы двигались в сторону самого бедного района Валензона в северо-западной части города.

Об этом мне успел поведать Дагнар, рассказав, что не было иного места, где бы они смогли приютиться, после смерти родичей Мелеи. Лиходеи ночью обнесли дом и случайно, как они говорили перед казнью, загубили несколько душ. А затем на дом наложила лапу городская власть, так как законных наследников не осталось. И их всех выгнали, дав пинка напоследок.

— Следопыт нашёл это место. Тут подвалы просторные, — говорил Дагнар, когда мы свернули на узкую улочку, которая упиралась в ветхий деревянный домик практически у самой крепостной стены. — Вон тот дом. Видишь, Феилин на страже?

У хлипкого навеса над покосившейся дверью прохаживался хмурый, заросший мужчина. Если бы не настороженность и верный охотничий лук в руках, я бы никогда не признал в этом грязном "волосатике" парня, которому доверил жизнь любимой женщины. Феилин мерил шагами порог и востроился, когда улочку начали заполнять одетые в дорогие доспехи воины. Даже лук вскинул, видимо собираясь сражаться до конца.

— Это он... Точно он... — улыбнулся я, отчаянно сражаясь с эмоциями. Я не мог поверить, что Дейдра действительно здесь. Что она жива и что с ней всё в порядке. Что мне даже искать её не пришлось. Слухи об аниране всё сделали за меня. — Бертрам! Оцепить здесь всё! Всё перекрыть! Даже крыши держать под прицелом! Чтобы ни одна посторонняя душа не смела здесь показаться!

Я спрыгнул с "козлов" и помчался по направлению к домику.

Феилин сначала услышал мой голос, а затем увидел. И сразу узнал. Растрёпанные грязные патлы затряслись, руки выронили лук, а ноги понесли навстречу.

— Аниран!

— Феилин!

Объятия вышли вполне себе искренними. Даже вонь от давно немытого тела не столь сильно будоражила мои ноздри, сколь будоражило пощипывание от переполнявших чувств. Я обнимал парня, как давно не виданного друга.

— Аниран, ты пришёл! — Феилин, как оказалось, тоже был сделан не из железа: как и Дагнар, рыдая, он опустился на колени. — Ты пришёл как нельзя вовремя.

— Как вы тут? Что произошло? Где Дейдра? Она здесь? — затараторил я. Терять время на очередные сопли я не собирался.

— Здесь, здесь она. Извелась вся... Идём. Идём скорее.

Узенький порог полуразрушенного домика переступила целая делегация, ведь оставлять меня без присмотра никто не собирался. Удалось лишь сократить количество участников делегации, приказав Бертраму оцепить дом двойным кольцом.

Но дом этот, как оказалось, домом был только снаружи. Три небольших комнатки, заваленные нехитрым скарбом, дровами и вещами, пустовали. Лишь в одной из них, у самой печи, хлопотала дородная женщина. Её я тоже узнал, ведь в лагере она занималась тем же самым — хлопотала у котла.

Раздался гул падения — повариха Аэрона шлёпнулась на пятую точку, когда увидела

дорогого гостя, и зажала рот рукой. Но пришла в себя довольно быстро и осенила меня знамением, когда делегация торопливо прошла мимо.

— У нас не было выбора. Только в этом месте мы могли все разместиться, — как бы извиняясь, пробормотал Феилин, когда мы остановились у подвала. Квадратный проём, куда вели хлипкие деревянные ступеньки, отсвечивал оранжевым — внизу, видимо, горел тусклый огонь. — Идём за мной.

Феилин спустился, а я торопливо последовал за ним. В ноздри ударила ужасная вонь. Вонь нестиранной одежды, немых тел, затхлый запах подвала и человеческих испражнений. Из первой же подвальной комнатухи два на два метра на меня несмело смотрели три пары глаз: знакомые пацаны — племянники Руадара и сын Дагнара — округлившимися глазами наблюдали за теми, кого ниспослал Фласэз. И лишь после того, как я улыбнулся им и бросил на ходу: "Привет, парни. Вижу, подросли?", они моментально расслабились. Они помнили анирана, они знали его в лицо. А теперь все три лица демонстрировали насколько они были рады, что первым в подвал зашёл именно аниран, а не самые обыкновенные работоторговцы.

— Сидите тихо! — шикнул на них Дагнар, когда ребята, было, вскинулись и хотели броситься ко мне в объятия. — Вперёд, Иван. Дальше.

Он сдвинул в сторону худощавого Феилина, пригнулся, чтобы не цепляться макушкой за низкий земляной потолок, и повёл меня за собой.

В подвале было холодно. От земляных стен аж продирало. Я даже подумал, что это не подвал вовсе, а какие-то катакомбы. Может даже, под этим домом ход тайный прорыли специально, чтобы, если беда какая, можно было спешно покинуть город.

Но ответа на незаданный вопрос я не получил: мы прошли ещё с десятков метров, при этом трижды повернув по зигзагообразному коридору, и столпились у дверного проёма без всякого намёка на дверь. На сломанной кровати без ножек, прикрытая несколькими грубыми шкурами, лежала Дейдра. Лампа на столике чадила, но освещала достаточно хорошо, чтобы я рассмотрел бледное лицо. Бледное лицо, синие круги под закрытыми глазами, вспотевший лоб и прилипшую ко лбу чёлку. Дейдру трясло будто в лихорадке.

Лишь секунду я испытывал чудовищный ужас, предположив, что всё же не успел. Но уже в следующую секунду заметил Мелею и ещё одну полужнакомую женщину, хлопотавшую у постели. Одна вытирала Дейдре лоб, а вторая знакомо бурчала себе под нос, замешивая в деревянной чаше микстуру.

Я сдвинул с дороги Дагнара и зашёл в крохотную подвальную комнатуху. И только сейчас Мелея соизволила обернуться. Только сейчас слышала гостей, целиком сосредоточившись на внучке. И её исхудавшее лицо выглядело озабоченным.

Немая сцена, как мне тогда показалось, длилась вечно. Мелея смотрела на меня выпученными глазами, а на лице очень красочно отображались эмоции: удивление, любовь, восхищение, облегчение, недовольство, негодование, злость, страх. Именно в такой последовательности. И лишь спустя эти короткие мгновения, когда старая знахарка осознала весь масштаб случившегося и поверила, что спасение действительно пришло, она смогла взять себя в руки. И по-простяцки повисла у меня на шее, рыдая не менее впечатляюще, чем рыдал бородатый Дагнар.

— Ты пришёл. Ты всё-таки пришёл, — причитала она у меня на груди.

— Кто пришёл? — знакомый, но очень слабый голос шёл от подушки. Дейдра открыла глаза, подняла голову и, прищурившись, уставилась на меня.

Сложно описать словами захлестнувшие меня чувства. Наверное, никогда ничего подобного я не испытывал. Такой жгучей смеси эмоций. Я испытывал радость и счастье, сгорал от стыда и страдал от угрызений совести, материл себя последними словами за то, что стал причиной мучений девушки, и за то, что бросил на произвол судьбы, а не остался рядом, как обязан был поступить любой мужчина.

— Ваня... — тихий голос копьём пронзил меня насквозь и заставил мурашек скакать по позвоночнику.

Дейдра приподнялась на худых локотках, смотрела неверящими глазами и, наконец, улыбнулась. Улыбнулась так, как могла улыбаться только она — как любящая женщина.

— Ваня!

Прыжком я подскочил к кровати, опустился на колени и обнял бедную Дейдру. Обнял крепко, но осторожно. Хоть меня трясло не меньше, чем её, слёзы из моих глаз не полились. Ручьём слёзы полились из её глаз. Дейдра плакала от счастья и облегчения. Плакала навзрыд.

— Я знала, что ты придёшь. Я знала, что ты придёшь, — раз за разом повторяла она, стараясь крепко сжимать мою спину. — Всегда верила, что ты придёшь за мной. Что не бросишь.

В её счастливом голосе я не слышал осуждения. Не слышал обиды. Ни капли. Мне хотелось верить, что она понимала не хуже меня, что путь мой будет полон непростых решений. Мне хотелось верить, что она, зная, кто я такой, кто такой для её родного мира, заранее принимает неизбежность таких решений. И будет согласна ждать, сколько потребуется.

— Дейдра милая, прости меня, — я растаял. Хрупкая девушка превратилась в хрустальную. Мне казалось, что я сейчас обнимаю кожу и кости. Что бедняжка исхудала настолько, что рассыпется прямо в моих объятиях. — Я всегда помнил о тебе. Всегда помнил о вас. И никогда бы не бросил.

— Я знала это. Я знала, — прошептала она слабым голосом. — Я жила верой, что ты придёшь за мной. Эта вера помогала мне держаться.

Дейдра немного отстранилась, попыталась сесть на кровати и рукой сдвинула шкуры. Потная ночная рубашка прилипла к выпирающему животу. В беременностях я был совершенно не специалист, но даже мне стало понятно, что срок близок.

Только вот здоровые беременные женщины, как я помнил, не лежат с болезненным видом на кроватях. Они разоряют холодильники, счастливо мурлыкают себе под нос, хвастаются перед подругами и просят будущих папаш прикоснуться к животу, чтобы те ощутили, как в утробе толкается ребёнок.

Дейдра же выглядела совсем скверно. Но только сейчас до меня дошло, насколько всё не радужно. Срок-то, вроде бы, должен подойти только к середине зимы. А сейчас, как бы, только осень вот-вот начнётся. Или я ошибся в подсчётах?

Я испуганно посмотрел на Мелею, которая мяла руки рядом, изредка вытирая слёзы.

Та верно оценила мой взгляд, схватила за руку, оттащила в сторонку и торопливо зашептала прямо в ухо.

— Вот-вот должна разродиться. Намного раньше срока, да. И слабая она. Боюсь я... Да очень боюсь, что не сдюжит.

— Почему? Что у вас тут происходит? Почему вы живёте в этом свинарнике? — негодование от ситуации, которую я сам же и допустил, но на которую никак не мог

повлиять, заставило меня сжать зубы и искать виноватых. Я даже зло зыркнул на поницкого Феилина.

— Давно не ели досыта, аниран, — Мелея не желала выпускать мои руки. — Ртов прибавилось, рабочих рук убавилось. А внучка-то... Внучка всё дитям да дитям норовила отдать лишнее. Отказывала себе...

— Всё хорошо со мной, бабушка. Я здорова, — Дейдра расслышала чересчур громкий шёпот и даже попыталась привстать с кровати. Но не смогла. — Тяжело вот только, — она опустила голову на грязную подушку.

— Прости, аниран. Моя вина, — склонил голову Феилин. — Охота не даётся. Да и нельзя в окрестностях вольно охотиться. Любая дичь — собственность короны. Платить за неё надо. Или осудят за дичекрадство.

— Выращивать тоже не дают, — из коридора подал голос Дагнар. — Только на своей земле или на землях прямо. Или в батраки. Никаких вольностей.

Я опять сжал зубы. Но в этот раз про себя по маме поминал принца и короля, а не двух бедолаг, на которых, без их согласия и желания, скинул заботу о любимой.

— Золота тоже давно не осталось, — горько добавила Мелея, предвосхитив мой следующий вопрос. — Почти всё отдали, но дом сестры у нас всё же отсудили. И прогнали оттуда.

— Чиновники принца, наверное? — змеёй прошипел я.

Но вместо ответа и Мелея, и полужнакомая испуганная женщина, и Феилин с Дагнаром лишь пожали плечами.

А я ещё раз окинул взглядом убогую нору в холодном подвале, скривился от отвращения и дал слово, что люди эти ни секунды здесь больше не проведут. Я размещу их по-царски. Я найду им самые лучшие хоромы. И, если надо, пинком выгоню из тех хором того, кто обязан следить, чтобы люди в Валензоне жили как люди, а не как черви.

— Ты держишься, Дейдра? — поинтересовался я у девушки, склонившись над ней. — Осилишь дорогу? Я уложу тебя на самую лучшую перину в этом мире. Королевскую перину, если придётся. Поверь мне... Мелея! — я сурово нахмурил брови, увидев на лице Дейдры очередную слабую улыбку. — Что с ней? Рассказывай в подробностях.

Знахарка быстро поведала, что внучка слабеет с каждым днём. Что пару рассветов назад ей показалось, будто были первые схватки. Что её крайне испугало, ведь до срока ещё далеко... Что Дейдре нужен уход и питание. Тёплая вода и новая одежда. То есть, как я понял, внучка нуждается в человеческих условиях, а не в скотских.

— Иберик! — резко скомандовал я двух офонаревшим статуям, замороженно смотревшим на округлившийся живот из дверного проёма. — Карету подготовить. Выбросить оттуда всё ненужное, чтобы освободить место. Никаких глаз в округе быть не должно. Пусть Бертрам мечами разгоняет всех, если придётся... Сималион! Бери лошадь и найди этого поверенного принца... Как там его? Найди его и пусть он сопроводит тебя на площадь. Найди там принца и передай, что встреча отменяется. Мы едем прямо во дворец. Пусть встречает анирана там.

Оба пришли в себя довольно-таки быстро. Дружно закивали головами и удалились.

— Милая, — я склонился на Дейдрой. — Твоё положение необходимо сохранить в тайне от жителей города. Они преследовали анирана по пятам, но если увидят тебя, боюсь, проблем не избежать. Я вынесу тебя на руках.

— Я знаю. Я понимаю, — слабо прошептала она. — Мы сохранили в тайне. Я уже

несколько декад света белого не видела... Не помню сколько.

С помощью Мелеи и Феилина удалось закутать податливую Дейдру в шкуры. Чтобы и тепло было, и положение не выдавать. Она свела тонкие ручонки за моей шеей, но сил в этих ручонках почти не оставалось. Поэтому она просто попыталась свернуться в клубочек на моих руках. А я, осторожно подняв её с кровати, даже не ощутил веса, как мне показалось. Нервозность, испуг, переживания и желание как можно быстрее добраться до относительной цивилизации сделали мои мышцы стальными.

— Мелея — за мной! Дагнар, собирайтесь. Ни дня вы здесь не пробудете. Собери всех, соберите пожитки и ждите. За вами придут, обещаю.

— Конечно, аниран, — закивал волосатой головой исхудавший здоровяк. — Благодарю тебя и Триединого за наше спасение.

Часть 5. Глава 6. Новая жизнь

Как скрывающую от папарацци поп-звезду, выносили мы Дейдру из домика. Хоть Бертрам постарался сократить количество любопытных глаз, всё же крыши окрестных домов перекрыть не смог: самые смелые и ловкие жители города забирались на крыши, высматривали, что происходит, и совсем не реагировали, когда их невежливо просили убираться, угрожая засадить в глаз арбалетный болт. Так что, выбравшись из грязных земляных тоннелей, я укрыл Дейдру шкурами с головой. И в карету влетел практически без остановки.

— Что происходит, аниран? — озадаченный отец Эриамон неловко поёрзал на скамеечке, когда стало тесновато. — Кто там у тебя?

Я сел на противоположную скамеечку, не выпуская Дейдру из объятий. Следом начала протискиваться Мелея, на которую Эриамон уже смотрел без особого почтения. А от залезавшего Феилина, который наотрез отказался оставаться с Дагнармом и остальными, даже нос зажал — запашок от следопыта шёл специфический.

— Умтар, — я захлопнул дверь и отдернул шторку. — Отбери пятерых, и останьтесь здесь. Проследите, чтобы с людьми внутри ничего не произошло. Поможете доставить их во дворец, когда прибудет подмога.

— Всё сделаю.

— Бенал, уступи место Иберику. Иберик, правь осторожно. Знаешь, что везёшь.

Иберик, увидев, наконец, ту самую деву, о которой ему я так много рассказывал, совсем потерял дар речи. Я даже подумал мимоходом, что он, как парень совсем не старый, наверное, никогда не видел беременных женщин. Но ответа на незаданный вопрос я так и не получил: Иберик лишь торопливо закивал головой, шлёпнул вожжами по спинам лошадей и принялся осторожно выворачивать карету на узкой улочке.

— Феилин, знаешь путь во дворец?

— Знаю, — закивал головой тот. — Излазил весь город вдоль и поперёк.

— Тогда какого чёрта ты здесь сидишь!? — прорычал я. — Вылезай. Будешь показывать дорогу, — я приоткрыл шторку, когда следопыт залез на "козлы", увидел, что выбраться из пробки карете не удастся и скомандовал. — Бертрам, коридор! Топчи их копытами, если придётся.

Последнее указание, конечно, было лишним, но я не смог удержать себя в руках. Опасения за бедную Дейдру, задержка на самом старте и общий шум-гам начали меня нехило раздражать. К тому же Дейдра, после слишком резкого поворота кареты, ойкнула у меня на руках.

— Ой! Ой-ёй-ёй! Что-то не так, бабушка...

Отец Эриамон прижался к стенке кареты и испуганно уставился на говорящий свёрток со шкурами. А Мелея, задницей немного подвинув того на скамеечке, склонилась над внучкой.

— Что не так, милая? Рассказывай всё, что ощущаешь. Всё, как я учила.

Дейдра что-то прошептала практически в ухо. Мелея нахмурилась и уже зашептала в ухо моё.

— Вот-вот разродится. Слабая. Срок ещё не подошёл. Тяжко ей будет. Ой, тяжело.

— Дейдра, — в этот раз я говорил стальным голосом, а не разводил муси-пуси. —

Терпи! Сцепи зубы и терпи! Держись, пока мы не приедем! Справишься?

Я очень хорошо помнил, что воли в этом тщедушном тельце хватало на десяток олимпийским чемпионов, переступивших через самих себя, когда это было абсолютно необходимо.

И Дейдра меня не разочаровала.

— Справлюсь, — тихо прошептала она.

— Молодец, — я вытер испарину с её лба. — Иберик! Гони! Гони на всех парах!

Вряд ли он понял, даже если услышал. Но карета, тем не менее, наконец-то, начала набирать ход.

Не знаю, как долго мы ехали. Секунды я не считал. Я сидел на скамейке, держал на руках Дейдру и напряжённо всматривался в бледное лицо. Меня пугало ближайшее будущее. Роды намного раньше срока... Да ещё роды для той, кто похожа на анорексичку со стажем... Предугадать ближайшее будущее с такими данными не представлялось возможным.

Поэтому я лишь вполуха слушал, как Дейдра и Мелея перешёптывались, сжимал костлявые пальчики и по-настоящему молился. Не Фласэзу, конечно. Не Земным богам. А своим собственным. Я обещал им в обмен всё, что они потребуют, лишь бы Дейдра продержалась до момента, когда мы прибудем во дворец. А там я начну молиться по новой, чтобы всё прошло успешно.

— Впереди стража! — услышал я крик Иберика. — С королевскими штандартами! Преграждают дорогу! Бертрам приказал обнажить мечи.

— Нет, стоп! — я чертыхнулся, а затем, вообще не парясь, переложил свой груз на пухлые руки Эриамона. — Только попробуй выронить, святой отец.

Тот принял подарок, в очередной раз испуганно посмотрел на потное лицо девушки и замер, как истукан. А от прищурившегося и многообещающего взгляда Мелеи сам чуть не вспотел.

Я распахнул дверцу и выскочил на мостовую.

К дороге, идеально вымощенной камнем, примыкали добротные дома. Двухэтажные, трёхэтажные. Метрах в пятистах прямо по курсу были хорошо видны пышные кроны деревьев и металлическая ограда, отгораживавшая от остального мира высокий каменный дворец. Дорогу к ограде преграждали ряды пикинёров и несколько всадников в дорогой одежде. В центре, на белой лошадке, восседал темноволосый статный... м-м-м... парень. Парень, или молодой мужчина лет двадцати пяти на вид. Одет он был в красный костюм из дорогой ткани, богато украшенный драгоценными камнями. На плечах носил безрукавный плащ, который распластался на крупе лошади, а на макушке — небольшую золотую корону.

Ошибиться в правильности оценки было невозможно. Поэтому я полез напролом.

Бертрам остановил гессеров и занял оборонительную позицию. Что, судя по всему, немного удивило встречавших. Там даже, как я успел заметить, кто-то острые пики осмелился наставить на дорогих гостей.

Но принц лишь удивился, насколько я понял. Рядом с ним на лошади сидел Сималион и заметно нервничал. Правда, немного меньше, чем поверенный принца, который что-то нашёптывал в ухо начальнику. А ещё двое удивительных персонажей — мощного телосложения чернокожий мужчина немного позади принца и служитель церкви в очень знакомом клубке — смотрели на меня с любопытством, когда я в наглуую стал пробираться через ряды гессеров.

— Аниран прибыл в Валезнон! — прокричал я. — Милих, будущий спаситель этого

мира! Встречайте его и возрадуйтесь!

Терять время было никак нельзя. Потому я не стал требовать, чтобы все попадали на колени, а сразу зашёл с козырей: пока поверенный продолжал что-то нащёптывать скептически скривившемуся принцу, я активировал свой арсенал.

С десяток лошадей заржали, когда у левой руки появился щит, а хищная энергетическая нить закружилась над головой. Встречающий святой отец охнул и едва удержался в седле. Чернокожий здоровяк что-то пробурчал губами-сардельками. А поверенный не смог сдержаться и закашлял прямо принцу в ухо.

Стражники тоже отреагировали по-своему: многие из них застучали пиками по мостовой, когда начали сгибаться в поклонах.

Принц властно поднял руку, то ли отмахиваясь от поверенного, то ли приказывая замолчать, и осторожно ударил лошадку шпорами по бокам. За ним следом выдвинулся и чернокожий здоровяк.

— Спокойно, Бертрам. Дальше я сам справлюсь, — я ободряюще похлопал того по плечу, благодаря за реакцию, и вышел навстречу принцу, даже не подумав о том, чтобы убрать свои побрякушки.

Принц Тангвин, о котором я так много слышал и видел ранние портреты, немного удивил меня своей внешностью.

Обычный молодой парень ещё даже не в полном расцвете сил. Смазливый парень. Стройный парень, у которого всё в порядке с питанием, который следит за своей внешностью и который, скорее всего, не брезгует спортом. Возможно, упражняется с мечом. Вон, плечи какие крепкие... А уверенный взгляд, волевой подбородок и голливудская посадка бровей, видимо, легко привлекали внимание женщин.

Единственное, что меня удивило в его внешности — усики. Чёртовы сутенёрские усики. Вульгарные такие. Давно вышедшие из моды в моём мире. Принцу бы снять корону да бриолином голову намазать, чтобы волосы зачесать назад, вылитый актёр американских фильмов тридцатых годов двадцатого века получился бы. Эти усики портили всё впечатление от молодой харизматичной внешности и заставляли поверить, что человек этот — бабник, выпивоха и любитель впускать в лёгкие наркотический дым.

— Приветствую анирана в Валенzone, — не слезая с лошади, прикоснулся принц к своей груди и едва склонил голову. Совсем чуть-чуть. Как будто если и был впечатлён, то не сильно. — Слышал много, но всё же сомневался, что слухи об аниране — больше, чем слухи. Даже отцу не до конца верил.

— Надеюсь, мне всё же удалось развеять сомнения Его Высочества, — торопливо перебил я и поклонился в ответ. — Но, прошу прощения, для этикета нет времени — анирану срочно требуется попасть во дворец. Нужна тихая комната, мягкая постель и тёплая вода. И... И, желательно, опытный лекарь.

— Аниран ранен? — выразительные брови озадаченно скривились. — Были какие-то преграды по пути?

— Нет тех преград, сквозь которые не смог бы пройти аниран, — пафосно изрёк я. — Но он в ответе за всех людей вашего мира. А они, к сожалению, не столь крепки, как аниран. И некоторым из них нужна помощь... — я оглянулся и посмотрел на карету, а принц внимательно проследил за моим взглядом. — Немедленно, Ваше Высочество!

К концу торопливого предложения я даже посмел повысить голос, так как реально не собирался тратить время на этикет. И даже успел заметить зло прищурившиеся глаза

чернокожего здоровяка, который, судя по быстрым выводам, был не только выходцем с жаркой Флазирии, но и телохранителем принца.

Принц Тангвин молчал, наверное, пару секунд. Но мне показалось, что он молчит слишком долго. Будто обдумывает и выбирает варианты. Хотя я ему более чем откровенно намекнул, что иных вариантов нет.

— Конечно, аниран, — наконец, кивнул он головой. И тронул поводья лошадки, разворачивая её. — Возвращаемся! Отворите ворота! Пропустите карету!

Я запрыгнул на подножку, заглянул внутрь и увидел, что Дейдра под присмотром многоопытной бабушки выполняет дыхательные упражнения и стонет одновременно. А отец Эриамон, окончательно очумевший, не сводит с неё глаз.

Шедшая за каретой толпа, немного сбавила напор. Приближаться к дворцу принца ей было боязно. Но едва первые ряды заметили анирана, вновь раздались крики и вновь взметнулись руки ввысь.

— Бетрам! Вы — позади. Прикрывайте. Ни при каких обстоятельствах никого во дворец не пропустить... Пошёл, Иберик!

Со скрипом широкие ворота отворились. Почётный караул из пикинёров, которым принц, как я успел слышать, отдал такой же приказ, какой я отдал гессерам, пропустил карету и сразу выставил пики остриём вперёд.

Но мне уже было всё равно, что происходит позади. Я спешил вперёд.

— Пока не тужься... Пока не тужься... — повторяла Мелея. — Держись, внученька. Мь почти на месте. Так ведь, Иван?

Она обратилась ко мне, когда ворота уже скрипнули за спиной, а карета ехала прямо ко входу во дворец.

— Верно, — подтвердил я. — Тут десяток шагов остался... Святой отец. Святой отец! Ослабь хватку, ёлки-палки! Дай перехвачу. И... И рот закрой, ради вашего Фласэза. Не ляпни что-нибудь по пути.

— Больно, — прошептала Дейдра.

— Уже почти на месте, — я вновь взял её на руки. — Святой отец, захвати микстурки. Возможно, они понадобятся.

Мелея недобро зыркнула на того, но я точно знал, что в арсенале святоши есть неплохие обезболивающие средства и средства, помогающие заснуть. Они по-любому должны пригодиться.

— Я сама отвар сварю, если надо, — недовольно фыркнула Мелея. И ойкнула, когда завалилась на отца Эриамона во время неожиданной остановки.

— А-а-а-а, — протянула Дейдра у меня на руках, и вцепилась в загривок. Но я всё стойко выдержал. — Я, наверное, не смогу идти сама.

— И не надо. Я буду твоими ногами.

Дверь я распахнул одной из тех самых ног. Аккуратно вынес из кареты ношу и устоялся в любопытные глаза принца.

— Ваше Высочество, дело крайне важности. И невероятной секретности. Лишние глаза и уши убрать с дороги анирана.

— Всё будет сделано, — слава Богу, принц опять не стал вдаваться в подробности. Хоть любопытства скрыть не смог, задавать наводящих вопросов не стал. — Хикмат, — обратился он к своему телохранителю. — Проведи анирана в покои, которые для него приготовлены. Я подойду.

— Исполню, — полные чернокожие губы прошепелявили это короткое слово с чудовищным акцентом. Я, уже больше года проживший в этом мире и считавшийся человеком "с дивным говором", никогда такого не слышал.

— А-а-а-а-а... — Дейдра уже едва себя сдерживала.

— Дева чем-то больна?

Но на этот вопрос ещё сильнее удивившегося принца я не стал отвечать. Удержался от того, чтобы дать пинка чёрному громиле, чтобы двигался быстрее, и пошёл за ним следом.

— Быстрее надо. Быстрее. Нельзя, чтобы она забылась, — сзади семенила Мелея.

"Быстрее" не пригодилось. Ибо новые покои анирана, как оказалось, находились недалеко от центрального входа. И выглядели эти покои куда скромнее, чем покои анирана в Обертоне. Я даже испытал лёгкий укол разочарования.

К счастью, большая кровать тут имелась.

— Покрывало и одеяло уберите, — скомандовал я своим провожатым, а затем аккуратно уложил Дейдру на мягкую простыню и отшвырнул грязные шкуры. — Феилин, Сималион, Иберик — за дверь. Чтобы ни одна живая душа сюда не вошла! И этого заберите с собой, — кивком головы я указал на чернокожего.

Телохраниитель принца по имени Хикмат успел бросить на Дейдру заинтересованный взгляд. Но заметил он что или нет, я так и не понял. Ведь виду он не подал. Молча отвернулся и, не дожидаясь пинка, покинул комнату в сопровождении моих друзей.

Хлопнула дверь. В новых покоях анирана остались четверо: я, Дейдра, Мелея и уже не такой бледный отец Эриамон. Он смотрел на грязную ночнушку Дейдры, видел, что видели остальные, и хлопал глазами. А как нахлопался, уставился на меня.

— Да, святой отец, всё верно. Она несёт моё дитя. Дитя анирана... Второе дитя анирана, если ты не понял, о чём я...

— Какое второе? — озадаченно поморщилась Мелея.

— Неважно. Что тебе нужно? Какая помощь? Говори.

— Воды чистой и тёплой. Полотенца. Ложку деревянную внучке в зубы бы надо...

— Я выдержу. Я сильная.

— Молчи! Слушай меня и много не знай.

— Я смешаю зелье. Я знаю какое. Чай, не первый раз вижу... Думал, не увижу больше.

— Ты принимал роды, святой отец?

— В одиночку — нет. Но видел неоднократно... Это просто чудо какое-то! Аниран, если ты...

— Всё потом, святой отец. Не до этого. Помогите... Блин, мать их так! Кто там ещё?

После раздавшегося требовательного стука и какой-то возни за дверью, я раздражённо пнул ногой валяющиеся на полу шкуры и пошёл разбираться.

Но пыл мой угас, когда за дверью оказались совсем не гости в этом доме: сам принц Тангвин и какой-то старичок в одеждах, напоминавших одежды магистра Аномора. Видимо, это был местный специалист по серьёзным болезням, о которых ранее подумал принц.

— Твои люди пытались не пустить меня, аниран, — недовольно фыркнул Тангвин. — Это что ещё такое? Хозяина в собственном доме!... Мастер Сималион, если бы я не знал, и не уважал тебя...

— Ваше Высочество, — поторопился я опередить зарождающийся конфликт. И принял важное решение в мгновение ока. — Простите меня за подобное. Анирану стоило сразу довериться принцу. И, надеюсь, принц оценит по достоинству доверие анирана.

— Не понимаю, — поморщился тот.

— Кто это с вами, Ваше Высочество? — я кивнул в сторону старичка.

— Мой личный лекарь — целитель Эгеберг. Я видел, дева страдала. Он знающ и опытен. Нет тех болячек, которых он не опознает.

Я не сдержал смешок. Нервы, наверное... Диагноз Дейдре поставит даже дурак. Другой разговор, сможет ли дурак удержать язык за зубами.

— Простите, Ваше Высочество. Вырвалось... Раз это ваш личный лекарь, раз вы ему доверяете, пожалуй, анирану стоит довериться и вам. Вам двоим. Ступайте за мной.

— Хикмат, жди здесь, — бросил принц.

— Ишполню.

Оставив Феилина, Сималиона и Иберика обмениваться взглядами с чернокожим громилой, я провёл быструю экскурсию принцу и лекарю. Подвёл к кровати, где кряхтела и стонала Дейдра, и стянул с неё предварительно накинутое одеяло.

— Фласэз милосердный! — воскликнул седовласый старичок, едва глазам открылось зрелище, которое он, наверное, не видел уже много-много лет.

Принц Тангвин несколько секунд не мигая смотрел на живот Дейдры, которая вообще никак не реагировала на то, что её рассматривают, как диковинку. Она сжимала руку бабушки и кусала губы.

— Немыслимо, — прошептал принц. Затем повернулся ко мне и смотрел не мигая несколько секунд. — Это та дева, которую я безуспешно пытался разыскать, да? Это её аниран требовал найти? Так вот в чём причина такого интереса...

— Как же так получилось? — целитель Эгеберг говорил глубоким голосом. Он взял себя в руки практически мгновенно, склонился над Дейдрой и приложил руку к её лбу. — Горит. Простужена? Каков срок? — он смотрел на меня, будто считал специалистом. Но я лишь растерянно пожал плечами.

— Рано ещё, — перехватила инициативу Мелея. — Очень рано. К зиме должна только разродиться... Но это не простое дитя. Это — дитя анирана, — гордо добавила она.

— Тогда можно ожидать всего, чего угодно, — лекарь уже втянулся в процесс. Принялся щупать Дейдру, закатывал рукава и трогал живот.

— Один из небесных посланников исцелит наш мир..., — пробормотал принц у меня над ухом. — Значит, вот как...

— Ваше Высочество, нужно многое сделать. И сделать прямо сейчас, — Эгеберг взял принца за руку и принялся перечислять необходимые вещи, для успешного извлечения плода из утробы.

Хоть подобные слова не вдохновляли, всем сразу стало понятно, что говорит профессионал. А потому никто не влазил в разговор. Кроме Мелеи, разумеется. Та сначала, по своему обыкновению, фыркала. Но быстро сообразила, что этому целителю в подмётки не годится, и поубавила гонор. Вместе они зашушукались и подключили к делу святого отца Эриамона, который сообщил, что обладает определённым опытом.

— Пусть аниран удалится! — решительно заявила Мелея, когда принц, словно мальчик на побегушках, умчался раздавать указания.

— С хрена ли!? — возмутился я. — Я хочу помочь! Я вам тут что, пятое колесо, что ли?

— Нет, ты должен уйти, — её голос оставался всё таким же решительным. — Если ты останешься и всё увидишь своими глазами, можешь утратить интерес к внучке. А может... А может ещё что случится, — её голос дрогнул. — Я не хочу, чтобы ты это видел.

Доля логики в её словах была. Я уже слышал подобные слова ранее, когда ввалился в больницу вместе с друзьями. Жена должна была вот-вот родить, но врач посоветовал мне не принимать участие в родах. Иначе, он сказал, сексуальная жизнь в вашей семье рискует, мягко говоря, испариться.

Я был тогда практически на седьмом небе от счастья, хорошо навеселе, а потому согласился с врачом сразу, лишь представил картинку. Слушать, как кричит женщина в схватках, и видеть процесс рождения своими глазами, у меня не было ни малейшего желания. Я ретировался, испытав чувство облегчения.

Сейчас же, несмотря на логические доводы, удаляться я не собирался. Я виноват перед Дейдрой. Я заставил её пройти через многое. Я оставил её одну в том положении, к которому она не была готова. Благодаря мне, она сейчас испытывает муки и рискует вообще не справиться... Чёрт возьми! Она же рискует своей жизнью! Кем я буду, если сейчас оставлю одну? Кем я буду, если не поддержу? Если не разделю страх, боль и страдания вместе с ней. Так непозволительно поступать не только анирану, но и обычному мужчине. За женщину, которое несёт его дитя, он в ответе. Он должен разделить с ней не только счастье, но и, если будет нужно, вместе встретить горе.

— Никуда я не пойду, — спокойно произнёс я. — Я останусь рядом с любимой и вынесу все тяготы вместе с ней.

Дейдра, прислушивавшаяся к моим словам, влюблённо улыбнулась. А затем протянула руку.

— Что мне делать, Мелея? — я присел у кровати и сжал протянутые пальцы.

Та смотрела на меня по-особому. Немного удивлённо, восхищённо и воодушевлённо. Так, будто в этот момент считала меня самой лучшей партией для единственной внучки.

— Крепко держи и не мешай, — ответила она, как ответила бы самая классическая Мелея. А затем добавила, будто прочитала мои мысли. — Поверь, она знает, ради чего страдает.

Хоровод подготовительных процессов закружился. Я не вникал в него. Я лишь держал Дейдру, касался её лба своим лбом, когда схватки участились, и поддерживал добрым словом. А когда прибыл принц Тангвин и собственноручно заносил в комнату заказанные предметы, сделав при этом несколько ходок, за дело взялись профессионалы. Отец Эриамон дал Дейдре выпить какое-то зелье, после всестороннего обсуждения одобренное и Мелеей, и лекарем, и всё закружилось.

Немножко хаоса в картину внёс принц, которому тоже было интересно и который ни в какую не желал уходить. Но его быстро спровадили подпирать дверь. Оттуда он вставал на цыпочки, улыбаясь искал мой взгляд и качался с пятки на носок.

Дейдра немного успокоилась, испив зелье. Её стало клонить ко сну. Но бабушка постоянно просила не засыпать и даже пару раз дала по щекам. Дейдру накрыли простынёй, а целитель Эгеберг вместе с Мелеей начали выполнять работу гинеколога.

— Плод недоношен, — в очередной раз повторила Мелея. — Очень осторожно.

За дверью раздался шум. Затем споры и недовольные голоса. А затем кто-то требовательно постучал.

— Что ещё такое? — сердито нахмурился принц и отворил дверь.

— Это что ещё тут такое? — не менее сердито произнесла незнакомая блондинка и носком башмачка недовольно пнула деревянную дверь. — Чернь под окнами дворца! Орут и сквернословят! Лезут через забор, чтобы топтать мой любимый палисадник! А он тут

заперся! Кто это? Что здесь происходит?

Блондинка, с волосами профессионально уложенными в идеальную причёску, заметила странное столпотворение у кровати. Заметила и незнакомого меня, и дедулю-лекаря, и святого отца в клобуке. И, решительно переступив порог, двинулась к месту действия.

Но принц бесцеремонного схватил её за руку.

— Не сейчас, Алара, — брезгливо скривился он, хоть, на мой вкус, блондинка выглядела просто сногшибательно. Молодая и красивая. Если и уступала внешностью Фламелине, то лишь по одной причине: Фламелину я видел голой, а фигура этой скрывалась за дорогим просторным платьем. — Кто посмел тебя пропустить?

— А кто посмеет меня остановить? — в ответ фыркнула та. — Руку пусти. Всё равно ведь не сломаешь, а лишь оставишь синяки. Что тут происходит? Кто это?

Лёгкая перебранка принца с неизвестной бабёнкой слегка сбила вектор интересов — теперь все зрители наблюдали за ней, а не за Дейдрой. Даже Дейдра замолчала и с лёгкой завистью, как мне показалось, смотрела на блондинку.

Тангвин немного смутился. Нелепо почесал головешку и произнёс:

— Это принцесса Валензона — Алара. Моя законная супруга. Наш брак был благословлён Тринединым Богом с самого нашего рождения.

Алара картинно понюхала воздух и скривилась:

— Что за вонь? Я приказала проветрить и надушить комнату. Ты же сам сказал, что вскоре должен пожаловать тот самый выдуманный ани...

— Помолчите, пожалуйста, госпожа принцесса, — выдавил я через скрип собственных зубов. — Здесь люди заняты важными делами. А совсем не выдуманный аниран очень нервничает. Не стоит его раздражать.

Не знаю, какой процент произнесённых мною слов она поняла. Выслушала с выпученными глазами — это да. Но поняла ли...

Потому, для усваивания материала, как говорится, пришлось активировать иглу. Так что вместо слов возмущения, которые вот-вот должны были вылететь из прекрасного ротика, вырвался лишь глухой "ох". Затем нежные ладошки прикрыли ротик, а голубые глазки едва не выпали из глазниц.

Алара стояла в позе статуи какое-то время. Принц Тангвин тихо посмеивался у двери, а профессионалы вновь занялись страждущей.

Но шок всё же прошёл куда быстрее, чем кто-либо мог ожидать: Алара, шаркая ногами и не сводя с меня испуганно-восхищённого взгляда, подобралась ближе к кровати и выглянула из-за плеча седовласого целителя. Ну а затем ещё какое-то время стояла в позе статуи. Закрывала и открывала ротик, сжимала руками покрасневшие щёки и с лёгкой завистью, как мне опять показалось, смотрела на Дейдру.

— Фласэз милосердный, — при упоминании Фласэза она почему-то уставилась на меня. И долго смотрела, не мигая. — Неужели это возможно?...

— Кхэ-кхэ, — хоть Мелея покряхтела недовольно, было очевидно, что она понятия не имеет, как себя вести с подобной персоной. Она на принца косилась, как на небожителя. Будто не верит, что видит его своими глазами. А от Алары чуть ли не отшатнулась, когда та подошла ближе.

— Я помогу, — принцесса прекрасно поняла, что означает сие покашливание. Но проваливать ко всем чертям, как ей намекали, не планировала. — Я знаю, что надо делать. Меня обучали. Меня готовили. Прошу, поверьте.

Мне Алара показалась ещё симпатичнее, когда перешла с командного тона на обычный и предложила помощь. В прежней жизни я — большой любитель блондинок — с такой женщиной не только не отказался бы познакомиться, но и сам стал бы настаивать. И даже слегка позавидовал принцу, отхватившему такую красотку.

— Тазик с водой, полотенца и кувшин сюда, Ваше Высочество, — кивнул головой целитель Эгеберг. — Будете пособничать.

Я почесал макушку, образно говоря, но так и не решил, как себя вести. Количество людей, которые теперь знают, что аниранам уже удалось выполнить часть своей миссии, увеличивалось в арифметической прогрессии. Меня это совершенно не радовало, ведь я планировал сохранить информацию в тайне.

— Держи меня крепче, — слабый голос Дейдры вырвал меня из дебрей размышлений. Её пальцы побелели — так сильно она сжимала мою ладонь. — Если что произойдёт... Если случится страшное, знай — я всегда ждала тебя. Всегда верила, что ты не бросишь меня. Всегда верила и всегда любила.

— Не беспокойся. Всё будет хорошо, — мой голос предательски дрогнул. А взгляд, слегка задержавшийся на удивлённых глазах Алары, вновь вонзился в вспотевшую щеку. — Ты в хороших руках. Ты — сильная. Все вместе мы сделаем всё, чтобы ты справилась.

— Силы оставляют меня, — вновь прошептала Дейдра. — Я чувствую это. Не знаю, как объяснить, но чувствую...

— Тише, внучка, тише... Удумала ещё, — голос Мелеи был полон испуга.

— Я этого не допущу!

В этот момент я вспомнил кое-что. Опять вспомнил, кто я такой. Чем обладаю и что могу. И что уже проделал однажды.

При всё честном народе я схватился голой рукой за энергетическую нить, которую забыл убрать восвояси после появления Алары. Схватился, и без всяких усилий потянул на себя. Дотянулся до иглы и сжал в кулаке.

— Немыслимо... — от двери подал голос принц Тангвин.

— С тобой ничего не случится, милая, — уверенно пообещал я и ещё крепче сжал иглу. Если опасность будет близка, если Мелея начнёт орать и причитать, а этот седовласый целитель скажет: "Мы ничего не могли поделать", в дело подключусь я. Я уже знаю, как работает игла. Знаю, из какой задницы она может вытащить. И самое главное — я точно знаю, что она может вытащить не только меня. Если я сильно захочу, если очень сильно постараюсь, эта игла спасёт любого, кого я захочу спасти. Надо только преодолеть последнее сопротивление и не думать о последующем наказании. — Ничего не бойся. Аниран пришёл в ваш мир именно для этого — спасти.

Дейдра смотрела на меня с опаской некоторое время. Вернее не на меня, а на иглу. Но мои слова придали ей уверенности. Она даже позволила себе улыбнуться и сказала, что много раз говорила ранее:

— Я верю тебе, любимый.

— Тангвин... Тангвин! — первой нарушила небольшую молчаливую паузу Алара. Пока остальные шмыгали носиками, она морщилась. — Благовония на подоконнике. Сюда поставь. Не подпирай дверь, как полено! Больше никто сюда не войдёт.

— Чудо... Это просто какое-то чудо... — улыбающийся принц бормотал себе под нос, но указание супруги выполнил. Сбегал к окну, поставил на столик горшочек с какими-то дымящимися угольками и вернулся подпирать дверь.

— А теперь — тишина! — скомандовал целитель Эгеберг.

Но Дейдра его не послушалась и закричала. Медицинский персонал тут же засуетился. А я, одной рукой сжимая пальцы Дейдры, а другой — иглу, поспешил отвернуться. Ведь картина, которую едва скрывала накинутая на разведённые ноги простыня, была совсем неэстетична.

Дальше всё было как во сне. Дейдра кричала, тужилась и пыхтела. По её лицу текли ручьи пота, а губы искусаны до крови. Я пытался быть смелым и помогал ей морально в силу своих мужицких возможностей. Успокаивал и поддерживал. И отдавал должное, ведь сам бы никогда не смог пройти через то, через что сейчас проходит она.

Так что когда где-то там за бывшей белой простынёй, превратившейся в потно-грязно-красную, раздался детский плач, я едва сдержался, чтобы не приподняться и не заглянуть.

— Головку поддерживайте. Плод расположен правильно, — комментарии целителя Эгеберга сразу отбили желание мешать. — Полотенце сюда. Алара — в сторону. Держите её, держите...

— Тужься, милая, тужься. Ещё совсем чуть-чуть осталось, — по лицу Мелеи текли слёзы. Но она всё же улыбалась, смотря на внучку. Ведь та сознание не потеряла и вполне уверенно сражалась с болью.

— Выходит, выходит...

— Крови-то сколько, — отец Эриамон стоял на подхвате с полотенцами.

— Ничего страшного. Не впервые, — отмахнулся лекарь. — Ну, давай ещё сильнее, дорогуша. Ты почти справились... Да-да-да! Вот так...

Дружный вздох завершил предложение. А детский плач стал финальным аккордом, после которого все заулыбались и засмеялись.

— Нож. Пуповину, — продолжил говорить Эгеберг.

— Дайте! Дайте мне! — прошептала обессилившая Дейдра. — Кто это? Мальчик? Девочка?

— Ничего не понимаю, — целитель не ответил на вопрос. — Вполне здоровое дитя. Вес приемлемый. Точно срок не подошёл? Точно недоношен?

— Дайте! Дайте мне!!!

— Успокойся, милая, — плачущая Мелея прикоснулась губами к щекам внучки. — Мальчик у тебя, мальчик. Ты теперь мама.

Дейдра улыбнулась и посмотрела на меня.

— У нас мальчик.

Мой рот тоже расплылся в улыбке. Мне показалось, что сейчас я его не контролирую — он всё расплывается и расплывается. У меня вновь родился сын! Я вновь стал отцом! Но в этот раз — я обещаю самому себе — отцом я буду более ответственным. Отцом возмужавшим. Понимающим, как нелегко новой жизни появиться на свет. И защищу от всех невзгод и его, и ту, кто подарил мне это счастье.

Целитель завернул визжащий комочек в полотенце, которое подал отец Эриамон, и протянул Дейдре.

— Держи, дева. Теперь ты — мать. Первая мать за многие зимы. Не забывай об этом, — с этими словами он аккуратно уложил ребёнка на слабую грудь.

— Фласэз милосердный, благослови нас всех, — отец Эриамон чертил знаки во все стороны. Мелея прижималась к щеке внучки и рукой едва касалась маленькой детской головки. А Алара смотрела на Дейдру с таким восхищением, будто впервые увидела, как

происходит таинство рождения.

Впрочем, так оно и было.

— Дитя анирана, — восторженно прошептал принц Тангвин. Он покинул место, где спиной оборонял дверь, приблизился на несколько шагов и наблюдал на цыпочках.

Дверь скрипнула: в проёме показались три головы. Иберик и обалдевший Феилин смотрели на нас с удивлением. И лишь Сималион понимающе улыбался.

— Мы слышали плач... Детский плач, — пробормотал Иберик. Затем осмотрел нашу счастливую толпу, посмотрел на меня, сделал пару шагов в комнату и припал на одно колено. — Ты — милих, — преданно произнёс он. — Я всегда говорил это. Я всегда верил.

Его примеру последовали другие. Даже принц Тангвин, к моему невероятному удивлению, опустился на одно колено. Он не стал этого делать, когда увидел анирана. Но без колебаний сделал, когда распознал милиха.

— Приветствую в Валензоне, милих, — сказал он.

— Приветствую, — за ним повторила Алара и неловко в своём длинном платье опустилась на колени. Ранней надменности во взгляде не было ни грамма. Лишь восторженность и восхищение.

— Мать нуждается в сне и отдыхе, — испортил торжественность момента целитель Эгеберг. Он щупал Дейдру и осматривал. — Сильное истощение. Плохое состояние. Как выдержала — непонятно. Рекомендую усиленное питание. Сон и отдых.

Услышав его голос, я прекратил летать в облаках. Вновь посмотрел на Дейдру и даже перепугался немного, увидев обескровленное лицо. Досталось ей, досталось...

— Возьми, — худые руки протянули мне малыша.

Я осторожно принял хрупкое существо и заглянул ему в лицо. Веса, как по мне, ребёнку не доставало, но, вроде бы, дышал он нормально. Плямкал губами, пускал слюни и морщился крохотными бровками. Но самое главное — совсем не плакал.

Я держал его в руках, смотрел и улыбался. Это — мой сын! Его у меня никто не отберёт. Одного уже отобрали. Сделали так, что я никогда не чувствовал его своим... Но только не этого! Тут я точно уверен, что сын мой. И постараюсь стать для него самым лучшим отцом, пусть даже не в родном для меня мире.

— Дейдра? — обеспокоенный голос Мелеи вновь сбил меня с небес, где я порхал. — Родная, что с тобой?

Глаза Дейдры закатились. Руки безвольно опали. Лишь улыбка всё ещё оставалась на лице.

Испугался я так, как не пугался никогда. Даже не знаю, как карапуза не уронил. Я хотел броситься к Дейдре и вновь активировать иглу, если придётся.

К счастью, мне не дали этого сделать.

Целитель Эгеберг отбил все руки, тянувшиеся к Дейдре, и прислонил ухо к её груди. Затем пульс проверил и дыхание.

— Не стоит страшиться. Всё в порядке. Вымоталась. Пусть поспит. Пусть спит хоть целую декаду, — впервые за всё время он улыбнулся. Улыбнулся так, будто сообщал собравшимся, что опасаться не стоит.

Мелея, конечно же, не поверила. Она сама полезла щупать Дейдру. И вскоре убедилась, что всё в порядке.

— Кровопотеря удивительно быстро прекратилась. Никогда такого не видел, — целитель мыл руки в тазике. — Тело в неподобающем состоянии для роженицы. Плод, ты

говорила, недоношен? — он подозрительно глянул на Мелею, а потом на меня. — Иначе как чудом, я не могу назвать случившееся. Дева не должна была справиться. Не выдержала бы... Но всё же выдержала.

— Это потому, что она сделана из стали, — выразился я странными для него словами, с любовью смотря на спящую Дейдру. Её отошавшая грудь мерно поднималась и опускалась. Даже Мелея, судя по всему, перестала бояться. — Спасибо за помощь, целитель Эгеберг. Никогда этого не забуду.

— Для меня честь оказать помощь анирану, — поклонился тот в ответ. — Впервые за много зим случилось нечто подобное. Это означает лишь одно — спаситель пришёл. Он здесь, среди нас.

— Благодарю, — я инстинктивно укачивал на руках маленькое существо. Но всё же ни на секунду не забывал о необходимости сохранения информации в тайне. — Но, несмотря ни на что, уважаемый целитель, я вынужден просить держать рот на замке. Ничего из произошедшего в этой комнате из этой комнаты выйти не должно... Это касается всех, — я поочерёдно оглядел каждого. Даже удостоил взглядом удивлённого чернокожего громилу, который тоже протиснулся в щель и теперь подпирал дверь своей огромной тушей. — Даже намёков на слухи не должно просочиться. Никакого чуда рождения. Никакого дитя анирана.

— Стоит ли утаивать? — целитель Эгеберг озадаченно потёр седую бороду. — Дитя анирана — это надежда. Символ начавшихся перемен...

— Не сейчас, — категорично отрезал я. Я не собирался допускать, чтобы подонок Эоанит узнал о втором ребёнке анирана. О первом он уже знает, как в письмах сообщал Егс Величество. Знает, и что-то, вроде бы, планирует предпринять. Но об этом... О моём собственном сыне он не должен узнать никогда. — Только тогда, когда я решу.

— Конечно, аниран, — Эгеберг согласился после недолгих раздумий. Затем поклонился и добавил. — Слово чести. Слово жителя гор.

Я онемел. Ведь подобное обещание уже слышал. Но не ожидал услышать здесь.

— Гор? Вы с острова?

— Родился на острове Темиспар, да, — признался тот. — Хоть к родине питаю лишь добрые чувства, давно перебрался в Астризию. Здесь во мне нуждались больше, чем там.

Мне стало не по себе. К жителям острова я не испытывал особой любви. Я видел лишь нескольких из них, включая хитрожопого Гвелерга. И ни к кому бы не стал поворачиваться спиной. Не говоря уже о доверии.

Но слово чести для них, кажется, действительно что-то значит. Уже второй выражается подобным образом, обещая хранить тайны. Не могу же я не поверить ему. Мне придётся довериться. Ибо никогда я не подниму руку на того, кто принял роды у матери моего сына.

Я протянул ему руку и пожал, очень надеясь, что письма башам тот писать не станет. Иначе, об этом пожалею не только я, но и он.

— Я ручаюсь за целителя, — принц Тангвин поднялся с колен. — Ручаюсь за себя, ручаюсь за Алару... Ручаюсь за Хикмата, — он обернулся и дождался поклона телохранителя. — Тебе не стоит переживать, аниран. Здесь лишь твои друзья.

— А можно мне? Можно мне... подержать? — супруга принца, видимо, к обещаниям держать рот на замке относилась прохладно. И, кажется, даже не слушала Тангвина. Она не сводила глаз с крохотного существа на моих руках.

Я машинально повернулся к Дейдре, как бы ожидая дозволения. Но ни поддержки, не решительного отказа, разумеется, не дождался. Потому пришлось принимать решение

самому. И я его принял, руководствуясь логикой.

— Конечно, Ваше Высочество, — я протянул ей малыша.

Мне было немного жаль эту женщину. К тому же такую внешне привлекательную. Я прекрасно знал, что такое материнский инстинкт. И как он стучится в каждую женскую дверь, когда приходит срок. А когда женщина лишена возможности принести потомство, а инстинкт всё так же настойчиво стучится, сложно представить, какие чувства эта женщина испытывает.

Она взяла осторожно, но умело. Видимо, готовилась в своё время. Тренировалась или, возможно, проходила курсы. Не зря же упоминала, что ей объясняли, как надо себя вести при родах. Потому держала ребёнка на руках вполне уверенно и улыбалась вполне искренне. Изучала личико и даже усюсюкала.

— Ну, хватит! — вмешалась Мелея. Что-то в этом процессе ей не понравилось. Она решительно шагнула вперёд и отобрала дитя. Сжала в опытных объятиях, отвернулась, положила на грудь спящей Дейдры и свела над полотенцем безвольные худые руки. А затем, даже не обернувшись, присела рядом, как сторожевая собака. — Теперь все можете идти. Я присмотрю за ней. Только пусть... Только пусть святой отец останется, — добавила она затем, просительно смотря на Эриамона, с которым, вроде бы, уже успела наладить контакт.

— Я распоряжусь обо всём, — Тангвин странно улыбнулся, изучая растерянное лицо супруги. Та стояла на месте и задумчиво разглядывала собственные руки. — Скоро принесут еду. Если потребуется, подготовят новые постели. Ни о чём не переживайте, прошу.

— Всё самое сложное уже позади, — подвела итог Мелея.

И с ней сложно было не согласиться.

Часть 5. Глава 7. Дальнейшие планы

Много позже, когда без задних ног спала не только Дейдра с малышом, но и Мелея, мы с принцем сидели в трапезной зале. Большой деревянный стол, накрытый скатертью, оккупировали бедолаги, ещё год назад спокойно жившие в лагере, не знавшие горя и не желавшие перемен. И хоть их осталось немного — бабы в основном — накинулись они на нехитрую еду, как голодные волки.

Заросшие Феилин, Дагнар и ещё один незнакомый, слегка испуганный мужик, прибившийся к ним по пути в Валензон, чавкали с таким аппетитом, будто мясо птицы употребляли в последний раз как раз год назад. Они жадно рвали хлеб и столь глубоко черпали ложками обычную кашу, что проливали часть на дорожную скатерть.

Но принц, сидевший рядом со мной и наблюдавший ту же картину, не кривился в брезгливости. Он хмуро морщился, слушая безрадостную историю.

— Я ж и говорю, аниран, — к бороде Дагнара прилипли овсяные кусочки, но бедолага вообще не парился. Судя по тому, как сильно он отощал, есть ему удавалось далеко не каждый день. Не говоря уже о трёхразовом питании. — Ранней весной ты ушёл. Затем знахарка с внучкой пропали. И следопыт. Братья тоже бросили нас. Ушли куда-то изменники... А потом старейшина решил уходить. Сказал, пора ему. Дела у него какие-то в столице появились. Не может оставаться... Ну а мы что? Что нам поделать? Хозяйство всё же... Вот и остались. Ждали мы тебя, ждали. Запасы проедали. Элотан за пятерых работал... Но следопыт ушёл — некому стало силки ставить и зверя выслеживать. Рыбалка разладилась. Поля распахивать некому, ведь мужиков почти не осталось. Лес без тебя валить не получалось. А без знахарки болячки ко многим пристали. Две бабы друг за другом отправились к Фласэзу, — держа в руке деревянную ложку, он начертил в воздухе знакомый знак. — В общем, Руадар решил, что не справимся мы. Не сможем подготовиться к зиме. Ни земли не распашем, ни запасов наготовим. А в лесу без запасов никак. Зимой без них смерть. Так что как лето силу набрало, порубили мы коз на мясо, спекли хлеба, сколько смогли, собрались в дорогу и направились в Валензон. Куда нам ещё было податься? — развёл он руками.

Мне уже в который раз стало неловко. Стыдно, я бы даже сказал. Ведь я реально бросил этих людей на произвол судьбы. И хоть я не планировал становиться их элотаном и тратить отведённое мне время на жизнь в лесу, чувствовал на себе груз ответственности. Не только моё появление, но и моё решение искать ответы, так или иначе, разрушило их жизнь.

— Нигде нас не принимали, — губы Дагнара обидчиво надулись. — Встретились пара хуторов по дороге. Близ реки которые. Да прогоняли нас. Говорили: зачем нам бабы? И так ртов много, а работающих рук мало... Представляешь, аниран? Меня бабой называли! Меня!

— Ближе к теме, Дагнар, — я усмехнулся, когда исхудавший здоровяк пытался трести кулаками и демонстрировал исчезающую мощь.

— Ну, шли мы, шли. И вышли к тракту. А там почему-то жизни не оказалось совсем. Где-то постоялый двор разрушен. Где-то застава спалена...

Я бросил быстрый взгляд на внимательно прислушивающегося принца и сразу сообразил, что тот понятия не имеет о том, что творится за пределами города. Он как-то сразу покраснел. Глаза в сторону отводил. Тёр вспотевшие ладони и молчал.

— В общем, сбежали двое от нас, когда разъезд попался по пути. Сказали, в Обертоне

рекруты нужны. Вот самые крепкие и сбежали. А потом... А потом, — Дагнар вздохнул. — Какие-то лиходеи под вечер повстречались, когда стоянку мы только обустроили. С десяток где-то. Как увидели, что мужиков мало, как увидели телегу со скарбом, как увидели парней, — он кивнул головой в сторону троих ребят, которые уплетали кашу наравне со взрослыми. — Будто взбесились. Ножи похватали, палицы. И накинулись... Бедный Руадар. Он единственный, кто военному ремеслу был обучен. Так они первым его... А Морванд... А Морванд как выхватил свой молот, как пошёл крушить... Но помер от ран на следующий рассвет. Лишь я остался да Фархат, — Дагнар покосил глазами на соседа. — Прибился к нам однажды. И в бою не спасовал. Помог лиходеев разогнать. Мы с десяток их положили. Двое-трое сбежали в страхе.

— Да-а-а, — протянул я, вспоминая смелого и сильного кузнеца Морванда и умелого и бесстрашного Руадара, который обучил меня азам фехтования. — Отличные были люди. Мир их праху... А что дальше с вами приключилось?

— Не помню уже когда точно, но пришли мы к воротам Валензона. А тут вонища, будто гниёт трава без воды. И ров пустой. И в город не пускают. Говорят, и так людей, как вшей. Говорят, слухи о появившемся в столице аниране пригнали к городу столько народу, сколько этот город никогда не видывал.

— Это верно, — кивнул головой оживший Тангвин. — У Храма собирались паломники. Требовали вестей из Обертон. Требовали подтверждений, что аниран действительно существует. Дары перед ступенями оставляли. Но святые отцы не спешили радовать чернь. Лишь когда пришло первое письмо, лишь когда я сам уверовал в анирана, первосвященник Валензона Эрмид поделился этой вестью... Он стоял рядом, когда мы встречали тебя, аниран, — напомнил он.

— Я их всех нашёл, когда они пытались на ближней опушке лагерь собрать, — вступил в разговор Феилин. — Дичи в окрестностях давно не осталось, но я птицу высматривал. А тут они... А потом дальняя сестра Мелеи разрешила их у неё поселить. Дом у неё был большой, с двумя этажами... Но потом нас всех выгнали.

Принц Тангвин опять поёжился. У меня даже сложилось впечатление, что он действительно чувствует вину. Возможно, ему действительно не плевать на простолюдинов. Возможно, он действительно чувствует, что как правитель — очень слаб. Что немного странно, ведь, по рассказам короля, Тангвин — пьяница, гуляка и бабник — упивался своей властью и считал себя непогрешимым.

— Ну, вот так, — неопределённо развёл руками Дагнар. — Феилин привёл нас к Мелес и её внучке. И они нас не прогнали. А вскоре мы... я всё узнал. Но хранил в тайне, аниран, ты не подумай! Я умею держать язык за зубами.

Когда он пытался жарко доказывать свою верность, по бороде вниз сползали куски каши. То есть, как бы демонстрировали, что язык за зубами он держать не умеет. Даже когда жуёт... Но в том, что этот простоватый пахарь зубами будет рвать врагов анирана, нет никаких сомнений. Жаль только, компетенция его заканчивается распахиванием и засеиванием полей. Ни на что большее он не способен.

— Его Высочество принц Тангвин обеспечит всем приют. И найдёт для всех занятие, — я говорил без сомнений и совершенно не собирался спрашивать разрешения. Я констатировал факт.

— Несомненно, — принц верно оценил мой выжидательный взгляд. — Каждому найдём работу по силам и крышу над головой обеспечим... Ребят я укрою в дальнем крыле

дворца. Магистры ими займутся, если аниран будет не против. Возьмут в подмастерья.

— Совершенно не против. Здесь загребущие пальцы работорговцев до них точно не дотянутся. Хоть об этом можно не беспокоиться... А ты, Феилин? Что расскажешь ты? Признаюсь, за вас я переживал. Не было ни дня, чтобы не думал: как там вы? Идёте ли? Или кости ваши давно гниют на земле...

Феилин утёр рот рукавом и уставился на меня преданными глазами.

— Наш путь был на удивление лёгок и прост. Совсем не такой, как путь Дагнара... Из чащи я вывел женщин без всяких хлопот. Дейдра ещё была полна сил, а Мелея не желала от неё отставать. Только холодно всё время было. Мы менялись, чтобы за огнём следить по ночам. Я шалаши ставил. Но не всегда удавалось к закату соорудить... В дороге мы не встретили ни единой живой души, аниран. Я даже подивился слегка. А как подобралась ближе к городу, — по тракту шли не таясь и вышли к живой деревне — я сменял там несколько шкур на серебро. Серебром этим Мелея оплатила право войти в город. Устроила нас на постоялом дворе, а затем некоторое время искала сестру, где мы потом жили какое-то время.

— Ты перстень скупщику отнёс?

— Ты знаешь об этом? — удивился он.

— Знаю. Слухи о перстне заставили меня собраться в путь. Благодаря им я понял, что вы живы, а значит, нельзя мешкать.

— У менялы аж глаза загорелись, когда он его увидел, — вспомнил Феилин. — Золота сразу много предложил. Я схватил — и чуть ли не бежать бросился... Мелея меня даже потом похвалила.

Я горько улыбнулся: жаль, парень не понимает истинной ценности этого перстня. Для меня конкретно. Он со мной столько лет был. Я его носил, не снимая... А Феилин его за каких-то жалких пятьдесят монет... Э-эх...

— Он хоть помог вам продержаться?

— Золото за кольцо? Да. Но очень недолго. Мелея считала, что хватит на целую зиму и на всех. Но как-то ночью ворюги налетели на дом. Наверное, прознали как-то. Закололи в неразберихе некоторых. Что-то нашли, что-то похватили и убежали... Потом мы их на площади видели. Вешали их там... А затем в дом чинуши пришли какие-то. Спорили с Мелеей, ругались. Указы с печатями показывали. А потом привели стражу и выгнали всех.

Я вновь посмотрел на принца, но тот только плечами пожал. Наверное, столь мелкими делами он не занимается. Ни петлю не затягивает собственноручно, ни приставом судебным не работает, ни подати не взимает. О подобных ситуациях ему, скорее всего, даже не докладывают.

— Несколько последних декад очень тяжкие выдались, — продолжил Феилин. — Искали мы место, пытались за стенами города устроиться. Пытались в соседней деревеньке заброшенный дом подлатать. Да везде прогоняли. Лишь там, под землёй, смогли разместиться. А тут ещё Дейдра прихворала. Время ещё не подошло, Мелея говорила, а живот рос. Пугалась она этого... Но слухи об аниране помогали держаться. Мы с Дагнаром каждый день в город ходили, слухи слушали. А затем и по тракту на север. Всё ждали и высматривали. И вот, наконец, дождались.

Я благодарно посмотрел на Феилина, заросшего как обезьяна, и подумал, что парню не мешает состричь космы и смыть с себя всю грязь. Да и Дагнара неплохо бы привести в божеский вид. Оба похожи на бомжей. И воняет от них так же.

Но это мелочи. Главное, они смогли продержаться до моего прихода. Смогли защитить и спасти Дейдру. Хотя не до конца правильно исполнили миссию, а рты, которые привёл с собой Дагнар, даже этой миссии немного помешали, смогли справиться. Феилин сдержал обещание и, судя по всему, многим жертвовал ради этого. Ранней весной вывел из леса двух слабых баб, накормил и обогрел. Смог сберечь их жизни в этом диком мире. Что, мягко говоря, непросто.

— Я обещаю вам обоим — тебе в особенности, Феилин, — что аниран вас никогда не забудет. Никогда не бросит. Ни дня в жизни вы больше не будете голодать... Ты, Дагнар, и твои подопечные отныне под защитой Его Высочества. Он найдёт вам применение... А ты, следопыт, теперь со мной навсегда. Куда пойду я — туда пойдёшь и ты. Никогда сполна я не смогу расплатиться с тобой за то, что ты сохранил жизнь Дейдре и её бабушке. Но я хотя бы попытаюсь. Я позволю тебе своими глазами увидеть, чем закончится мой путь. Ты пройдёшь его вместе со мной.

Патлато-бородатое лицо исказило подобие улыбки, а глаза счастливо слезились.

— Большой награды мне и не надо, — шмыгнул носом Феилин. — Я стану последователем милиха. Разве может быть более достойная награда?

Слова неискушённого парня меня порадовали. Приблизительно таких слов я и ожидал. Ну, может быть, чуть менее пафосных... Главное, что в их искренности невозможно сомневаться.

Так что теперь на этой истории можно ставить точку. В меру своих скромных возможностей эти люди сделали, что должны. Теперь пора заняться другим человеком. Тем, который обладает совсем нескромными возможностями, но, судя по всему, делает крайне мало. Делает гораздо меньше, чем обязан делать сын короля огромной страны.

— Ваше Высочество, — я повернулся к принцу. — Распорядитесь, чтобы этих людей отмыли, остригли и дали выпастыся. А мы с вами уединимся. Не станем покидать этот прекрасный дворец, чтобы порадовать встречающих своим появлением. А запрёмся в ваших личных покоях и обстоятельно поговорим. Как милих и принц.

Не знаю, услышал ли принц в моём голосе угрозу или нет. Ведь я на самом деле планировал его пропесочить за пьянство, неумелое руководство и бездеятельность. И хоть он взялся за ум с появлением анирана в Обертоне, это не отменяло того факта, что к обязанностям своим долгое время относился спустя рукава. А значит, на подотчётной ему территории по-любому накопилось немало проблем. То есть проблемы эти придётся решать анирану, а не тому, кто проблемы эти решать обязан.

— Буду рад побеседовать с милихом, — всё же принц не уловил намёка. Радует хотя бы то, что уже считал меня спасителем. А не одним из. — Анатоян, — займись этими людьми, — делегировал он своему поверенному, который молча стоял чуть позади и недовольно кривился, разглядывая по-свински чавкающих простолюдинов. — Хикмат, сопроводи нас в мои покои.

Кроме чернокожего телохранителя нас сопровождали Сималион и Иберик. Сималион знал и помнил принца, а потому между ними в пути завязался диалог, где оба вспоминали обучение фехтованию и общих знакомых.

Покои принца, как оказалось, уже были оккупированы: не ожидая подвоха, Тангвин толкнул дверь и очень сильно удивился, увидев в своих покоях свою же жену. В другой ситуации я бы удивился удивлению принца. Ибо что может быть странного в том, что жена находится в покоях мужа? Где ей ещё находиться? Но я уже успел отметить, что и в этом —

тоже не Датском — королевстве не всё в порядке. То, как презрительно Алара смотрела на Тангвина, и как он хихикал, когда её при всех поставили на место, говорило о многом. Говорило хотя бы о том, что люди эти до жути надоели друг другу.

— Что ты здесь забыла? — без прелюдий начал принц.

Алара встала с мягкого кресла. На столике пред ней стоял бокал вина, а свечи в подсвечниках только разгорались.

— Я была уверена, что анриан... милих то есть пожалует к тебе. И хотела его дожидаться, чтобы присутствовать при более близком знакомстве, — тон её ярко контрастировал с тем тоном, с которым она врывалась в покои, выделенные анирану. Тогда она вела себя как хозяйка в доме. Сейчас же говорила, как кроткая просительница. Даже, привстав, голову слегка склонила в поклоне.

— Ещё недавно ты смеялась над письмами отца, — фыркнул Тангвин. — Что, увидела сама, и поменяла мнение?

— Очевидно же, — кротость из голоса испарилась. Вновь вернулась брезгливость. — В сказки я давно не верю. Сказка про благородного принца на белом коне на моих глазах превращалась в реальность... Но не в этом суть. Нормально не верить своим ушам. Но лишь глупец откажется верить своим глазам. А то, что видела я... Что видели мы все... Как можно сомневаться, что милих пришёл? Что он стоит напротив. И что отныне всё поменяется. Весь мир непременно изменится.

— Тебе-то что? Анираны — не диковинка. Ты сама столько усилий приложила, чтобы тебе позволили наведаться в Кондук и увидеть тамошнего анирана. Хоть тебе запретили, ты точно знала, что они существуют. Что удивляться?

— Наверное, дорогой супруг, — слова "дорогой супруг" она произнесла такими тоном, что свидетелям — мне, Хикмату, Иберику и Сималиону — пришлось неловко елозить ножками по полу и прятать глаза. Ибо столько презрения в голосе, наверное, ни один из нас не ожидал услышать. — Ты не понял того, что произошло в той комнате. В силу неспособности, очевидно... А я не только не слепая, но и голову ношу на плечах, а не в кармане штанов, как некоторые. Перед тобой стоит не просто аниран — а милих! Спаситель нашего мира. Совсем недавно он показал, на что способен. И это очевидный факт. Поэтому я пришла сюда. Я хочу послушать милиха. Хочу услышать его голос и узнать, что он собирается предпринять. Хочу знать, останется ли он в Валензоне, или... или заберёт с собой... м-м-м... деву и вернётся в столицу.

Слово "деву" тоже прозвучало как-то странно. Не только без всякого уважения к деве, как мне показалось, но и с лёгкой неприязнью. Словно одной из двух домохозяек, столкнувшихся на кухне в коммунальной квартире, не совсем приятно присутствие другой.

Но, к счастью или сожалению, такая незначительная величина, как симпатичная, но чересчур язвительная блондинка, меня мало беспокоили. До сего дня я мельком слышал о ней и даже не представлял, что барышня с характером. Противным таким. Зловредным. И, соответственно, её желания и хотения меня совершенно не трогали.

— Прошу прощения, Ваше Высочество, но поговорить с принцем мне бы хотелось наедине. Планами я пока делиться не стану, но, будьте уверены, в своё время всё всем станет известно.

— Но можно ли...

— Вы правы в одном: всё поменяется. Всё поменяется не только в Астризии, но и во всём мире. Я начал и не собираюсь останавливаться. Прошу, — аккурат к последнему слову

рукой я указал на дверь. Указал спокойно, без улыбки.

Красивые голубые глаза прищурились, горделивый подбородок вздёрнулся. Но никакой язвительной ремарки не последовало: придерживая платье, Алара неторопливо проследовала к двери. Проследовала так, что троица растерянных свидетелей поспешила убраться с дороги.

Принц захихикал, когда дверь захлопнулась.

— Давненько она не показывалась в моих покоях. Дорогу, поди, уже забыла... Слава Триединому, кроме неё хватает желающих протоптать сюда тропинку.

— Ваше Высочество, ваша насыщенная плотскими утехами жизнь меня мало интересует, — поморщился я. — Я наслышан о вас, уж не сердитесь. И слышал всякое, что совсем не красит особу королевской крови.

Тангвин не обиделся. Лишь улыбнулся горько.

— А как ещё спастись от душевных мук, если не через ублажение тела? Если корабль идёт ко дну и удержать на плаву его невозможно, как сохранить желание бороться за живучесть? Гораздо проще отринуть всё и погрузиться на самое дно.

— Правитель не должен так говорить! — сердито нахмурился я. А затем обернулся. — Ну-как оставьте нас с принцем наедине. Иберик, принеси вина и перекусить чего-нибудь... А мы тут пока разберёмся что к чему.

— Хикмат, покажи стражам милиха, где можно раздобыть снедь, — разрешил принц, ведь чернокожий громила и не думал выходить за дверь. Похоже, подчиняться приказам анирана он совершенно не собирался.

— Ваше Высочество, вы понабрались этой ереси от послов Эзари, что ли? — проворчал я, когда все удалились. — Ублажаете тело ибо в этом смысл вашей жизни?

— Совсем нет, — принц устроился в кресле, из которого недавно выпорхнула его жена. — Не скрою, я перепробовал многое. Но истинного удовольствия мне вряд ли суждено испытать. Поэтому остаётся лишь дым, вино и женщины.

— Но вы же правите целым городом! На вас лежит ответственность за тысячи жизней! Как можно отворачиваться от своих обязанностей!?

— Можно, — уверенно кивнул головой Тангвин. — Если незачем. Зачем что-то делать, если всё бессмысленно? Если неизбежно. Через рассвет, через декаду, через зиму... Всё равно всё закончится лишь одним — смертью государства, смертью мира.

— Утрата мотивации мне понятна, — немного стравил пар я. Парень, видимо, совсем раскис. С тех пор, как в небе засияла яркая звезда, начал киснуть. А совсем раскис, когда смирился с неизбежностью. И с неспособностью хоть что-то изменить. — Но вы не простой обычный человек. В ваших жилах течёт королевская кровь, ваши регалии обязывают принимать решения, ответственность за чужие жизни не позволяет давать слабину. Как истинный сын короля, вы обязаны нести на себе эту ношу. Название этой ноши — долг! Никуда вы от долга не сбежите, никуда не скроетесь.

— Я пытался. Честно, — Тангвин занервничал. — Поверь, милих. Я готовился в моменту, когда отец решит, что птенец оперился, и отправит на смену наместнику. Я очень старался в первые зимы. Хотел, чтобы Валензон процветал. И хоть тогда я ещё был крайне молод, я вникал в детали и учился у лучших. Но всё очень быстро приходило в упадок. У людей опускались руки. Творились бесчинства. Грабежи и убийства. Даже попытки сохранить порядок ни к чему не приводили. Лишь реки крови текли. А затем у меня просто опустились руки. Не потому, что город быстро приходил в упадок. А потому, что приходил в

упадок я. Я окончательно утратил веру. Веру в то, что смогу когда-либо испытать то самое истинное удовольствие — взять на руки наследника, — грустный принц даже руки свои приподнял на манер, как держал руки я, когда принял от Дейдры сына. — Я видел твоё лицо, милих. Я сам всегда хотел, чтобы такая улыбка появилась на моём лице. Я мечтал об этом. Но, к сожалению, это невозможно. И не по моей вине, — он зло стиснул зубы. Но я так и не понял: про себя он обвиняет супругу или кару, которую ниспослало безжалостное божество. — Поэтому я утратил всяческое желание стараться. Мне хотелось забыться. Забыться и никогда не выбираться из дымных облаков. Смысл исчез из моей жизни...

Я растерянно почесал головешку. Опять же: слова понятны, слова логичны. Со всем можно согласиться. Ведь даже те, кто обременены ответственностью, тоже люди. Им свойственны те же слабости, те же сомнения. А с учётом того, что до моего появления в конце местного тоннеля никаким светом не пахло, утрата веры в будущее — закономерность.

— Но, услышав про анирана в Обертоне, узнав от отца, как сильно этот аниран на него повлиял, я задумался. Я читал письма и улыбался — так мне хотелось верить, что это правда. Я с энтузиазмом выполнял твои указания, милих. И хоть я так и не смог их выполнить, думаю, мои попытки подтолкнули события. Благодаря им, мне кажется, тебе удалось так быстро отыскать настолько важную для тебя деву. А сегодня... А сегодня, увидев своими глазами произошедшее, впервые в жизни увидев чудо, я больше не испытываю сомнений. Моя жизнь вновь наполнилась смыслом. Смысл этот — помощь тебе, милих. Помощь всегда и во всём. Я верю, что ты способен творить чудеса. И обязательно помогу. Скажи только, что я должен делать.

— Ваше Высочество, я понятия не имею, что вы должны делать, ведь не знаю, как обстоят дела. Перенаселение — это я понял... Ну, в смысле, ртов в Валензоне чересчур много. Но пока не пришла зима, пока плодородное лето и тёплая осень, перенаселение не критично. Меня больше волнует самый главный вопрос — вы всё ещё держите город крепкой рукой? Или, как писали в письмах, Валензон разделён на сферы влияния?

— Давно уже ничего не держу крепкой рукой. Боюсь даже, никогда она не была настолько крепка, как должна, — честно признался принц. — Доходы в казну поступать хоть как-то стали, когда весть об аниране укрепилась в сердцах черни. До этого сборщиков податей чаще камнями встречали, чем монетой. Солдаты покидали казармы по своему хотению. Тысячник Хокум оставил свою должность, собрал желающих и удалился в восточные земли грехи замаливать. Сотник Вальтер сейчас у меня за главного. Но он больше щёголь, чем военный... Но главная беда — вода.

— Вода?

— С некоторых пор с ней большие проблемы.

— В каком смысле? Валензон, судя по картам, между двух рек зажат. Наш обоз в течение декады шёл вдоль одной из них. Кормился из неё и поился.

— В Валензон эта вода не попадает, — заявил принц. — Акведук разобран, а реку Лоран отвели чуть севернее города. Ров выкопали, соорудили плотину и обороняют. Дважды в день спускают воду, чтобы город не умер от жажды.

— Кто? Разбойники? Работорговцы? Может, служители церкви?

Тангвин замялся.

— Не совсем. В каком-то смысле — мои родичи. Примо Каллам — двоюродный брат отца принцессы Алары — возомнил себя вершителем судеб. Верховным правителем

Восточного Валензона, которого, замечу, никогда не существовало. Воды всегда было в избытке, но он решил исправить эту оплошность. И теперь его дамба опирается на сотню мечей, если вдруг кто-то решит оспорить его претензии на выдуманное правление.

— Ну а вы? — воздел я бровь. — Так и не решились оспорить его претензии?

— Никто бы не пошёл на мечи по моему приказу. Никто бы не взял в руки оружие. Примо Каллам и примо Таллас — отец Алары — тесно связаны между собой. Один — богатый землевладелец. У него полей на несколько лиг... У второго — живительная влага. И у обоих массах союзников. Та же Алара никогда меня не поддержит, если я пойду войной на её родичей. Может даже нож всадить под ребро, не постесняется. А может, притравит... К тому же... К тому же я должен им обоим. Должен много. Зимы разгула истощили казну. Я даже отцу не признавался в этом. Думаю, он понятия не имеет, как плачевны дела.

— Поимеет понятие, — скривился я. — Обязательно поимеет... Из столицы сборщики податей приехали. И чиновники какие-то с хитрыми лицами. Они быстро обнаружат, насколько дорого обходились казне ваши развлечения.

Принц озадачено потёр лоб и без сил опустил в кресло.

— Но и это далеко не всё

— Да ладно!? — наигранно воскликнул я.

— Северо-западную часть города я вообще не контролирую. Там ватага разбойников бесчинствует. Даже часть стены разрушили, чтобы иметь открытый выход из города. Ров-то ведь пустой... Стражи не только парами, но и десятками туда не заходят. А на северо-западе как раз крытые рынки. Там всегда по весне и осени ярмарки проводили. Люди свозят товары и хотят торговать. Но я пока не могу дать дозволение. Ибо крайне велик шанс кровавой поножовщины там, где нет законной власти. Думаю провести ярмарку у стен города. Всяко будет безопаснее.

— Понятно, — сделал я зарубку в своей голове. Опять придётся вычищать. И, скорее всего, вычищать не с помощью доброго слова, а с помощью револьвера. — Значит, крепостной ров пустует. Вот почему все ходят грязные и вонючие. С помощью дамбы вас лишили элементарного доступа к воде. Почему-то считают, что имеют на это право... Что ж, разберёмся.

— У Алары влиятельная и крайне опасная семейка, — напомнил Тангвин.

— Я это учту. Пойду с пряником сначала. Не захотят услышать анирана, увидят, как в его руке стегает кнут... А с разбойниками никаких переговоров не будет. Кто там у них главный? Знаете, Ваше Высочество?

— Там выборные. Самый смелый и сильный тан предлагает себя ватаге. Те оценивают и решают. Они пока не лезут на рожон, но северо-западную часть города держат в кулаке. Ремесленники там каждый день платят отступ. Не знаю конкретного того, кто сейчас за главного. Я — стыдно признаться — не рискую почём зря покидать стены дворца. Даже на площади давно не показывался.

Я потёр брови: Тангвин — крепкий парень, внешне совсем не похож на труса. Но ведёт себя не так, как в моих глазах должен себя вести отпрыск короля. Какой-то он чересчур нерешительный. Сомневающийся и опасливый.

Значит, всё придётся взять в свои руки. Он будет лишь указы подписывать и ставить печати. А казнить или миловать придётся мне. К счастью, я наделён этой властью. И моя рука не дрогнет.

— Ты уже что-то решил, милых? — прищурившись, Тангвин изучал меня.

— Да, Ваше Высочество, — я ответил без запинки. — Как минимум, я останусь в Валензоне до конца зимы. Не только потому, что Дейдре надо восстанавливаться и набираться сил. Не только потому, что дитю анирана необходим самый тщательный уход. А потому, что тщательный уход нужен самому Валензону. Вместе с вами я всё досконально изучу. Узнаю имена всех виноватых. И накажу всех, кто станет противиться воле анирана. Моя задача — вернуть Валензону статус второго города Астризии. Вычистить его от грязи, вернуть воду — в прямом смысле слова — и укрепить вашу власть.

— А хватит ли у анирана сил? — озадаченно хмыкнул Тангвин.

— Одной сотни гессеров, возможно, будет недостаточно, — согласился я. — К тому же, перед ними я планирую поставить более важную задачу — охранять дитя анирана. Защищать от любой опасности и от чужого глаза. Чтобы весть о нём не вышла за пределы дворца до тех пор, пока я не решу... Но, к счастью, я побеспокоился заранее, чтобы количество мечей, верных короне, возросло: к концу осени, как в письме сообщил Его Величество, к Валензону подойдут три сотни умелых солдат. С их помощью, если придётся, мы поставим на место любого зазнавшегося прямо, любого обычного разбойника, решившего самого себя усадить на трон.

— Достоинно, — уважительно кивнул головой принц. — Но есть ещё одна проблема. Хоть земли наши южные, всегда дававшие неплохой урожай, зимой голод не обойдёт стороной. Надо уже сейчас заготавливать дрова и забивать амбары. И хоть пока всё идёт неплохо, я не уверен, что такое количество ртов удастся прокормить. Чернь надо как-то размещать. Действительно вычистить северо-западные окраины или вокруг города возвести новую деревню. Но хватит ли на всё это рабочих рук? И успеем ли до наступления первых холодов?

— Будем решать вопросы по порядку, Ваше Высочество. Давайте-ка прямо сейчас и начнём. Для начала: принесите карту города. Возьмите перо. Будем отмечать опасные районы. А с завтрашнего дня аниран возьмётся за дело. И первым делом — он покажет себя народу. Тогда и узнаем, появятся ли у нас новые рабочие руки.

Часть 5. Глава 8. Никакого пряника. Только кнут!

Мы просидели у Тангвина в покоях до самого утра. До самого утра составляли планы, чертили схемы и продумывали последовательность действий. И он, как особа совсем непростая, как особа с хорошим воспитанием и отличным, по местным меркам, образованием, очень быстро втянулся.

Поэтому на следующий же день мы приступили к выполнению первого пункта плана — знакомство анирана с верующими.

За ночь я не прикорнул ни на минутку. Лишь успел заскочить в гостевые покои, которые у меня отжала Дейдра с малышом. Оба спали без задних ног под присмотром бдительной Мелеи. Та, заметив меня, прижала пальчик к губам, кивнула в сторону спящего на кресле отца Эриамона, подошла ближе и крепко обняла. И я прекрасно понял, что она хотела сказать. Её бьющееся сердце, её счастливые слёзы были гораздо красноречивее любых слов.

Так что ближе к полудню ораторствовал я на площади, как Цицерон. Я чувствовал себя счастливым и полным сил. Совсем не валился с ног от недостатка сна и требовал — не просил, а требовал — от коленопреклонённой толпы беспрекословного подчинения. Требовал верить, требовал усердно трудиться, требовал перестать бояться неизбежного конца. Ведь теперь, с моими прибытием в Валензон, неизбежный конец отменяется. Начинается новая эра.

Сказал я, в принципе, неплохо. И видел в глазах незнакомых людей надежду, когда ходил меж ними в плотном кругу гессеров и прикасался к головам. Я видел всё то, что видел в Обертоне. И в который раз убеждался, что личное присутствие, что демонстрация живого потенциального спасителя даёт куда больший эффект, чем слухи о нём. Слухи нужны для подогревания интереса. Но если аниран не подтверждает слухи делами, если сам не встречается с людьми, если не говорит с ними и не благословляет, он рискует очень быстро превратиться в сказку. В сказку, запечатлённую на портрете. В сказку, в которую мало кто поверит.

Весь первый день я уделил ждавшим меня людям. Для каждого находил слово, каждого подбадривал и призывал не отчаиваться. И вырубился непробудным сном глубокой ночью у кровати сына, которую уже успели смастерить. Я лишь обнял всё ещё слабую Дейдру, которая лежала на кровати и которую пичкали местными лекарствами и сытной пищей, поставил сыну палец, за который он ухватился и, как мне показалось, собирался потянуть в рот, и так и заснул, сидя у кровати. Заснул с мыслью, что так и не решил, какое имя дам сыну.

Но всё же моё присутствие требовалось в другом месте. И с самого утра принц Тангвин утащил меня на очень важную встречу, которую организовал, — на встречу с прямо Калламом и прямо Талласом.

Восточная часть Валензона была отделена от остального города. На картах восточная часть города была похожа на грушу — узкое горлышко, а потом расширяющийся плод. Это горлышко перекрыли свежестроенной стеной с дубовыми воротами. А в гостевой резиденции короля, которая незнамо сколько лет была центральной достопримечательности восточной части, нас уже ждали как дорогих гостей.

Вернее, ждали как дорогого гостя лишь меня.

Без участия Алары, как я понял, сия встреча бы не состоялась. Поэтому, наверное с

очень-очень далёких времён, Алара и Тангвин шли под руку прямо к двум статным мужчинам, судя по внешнему виду, едва перешедшим Рубикон. Обоим я бы дал слегка за пятьдесят. Оба в соку, крупные и крепкие. Гены явно неплохие... Оба носили окладистые бороды и дорогие наряды с выставленными напоказ золотыми украшениями.

Но лишь один из них сидел на деревянном стуле, установленном на каменной площадке сразу за ступенями. Второй стоял рядом со стулом, опирался рукой на спинку, как бы подчёркивая, что он — "правая рука".

Я немножко перепутал, подумав было, что сидит отец Алары. На самом деле сидел — и не стал даже вставать, когда мы приблизились — тот самый прямо Каллам. Тот самый, возомнивший себя новым правителем суверенного государства под названием Восточный Валензон.

Так что встреча, как я сразу догадался, предстояла не из простых. Когда Тангвин и Алара взошли на ступени, все — и зрители, и стража, и другие серьёзные мужики в дорогих обновках, — склонились в поклоне. Даже отец Алары поклонился принцу, как бы намекая, что власть обладателя королевской крови он признаёт. И лишь прямо Каллам остался на месте. Из сего явно демонстративного действия я вынес самый первый и самый правильный вывод — подружиться нам вряд ли удастся. Столь пренебрежительного отношения к власти, которую я собирался укрепить, терпеть я не стану. А значит, никакого пряника. Этот местный царёк или сразу примет мою волю, или отведает кнута.

Тангвин потом меня пожурил немножко. После моего приветственного выступления, голос у него дрожал. Коленки непослушно тряслись, а пересохшее горло требовало вина.

Но я не считал, что перегнул палку. После обмена рутинными любезностями, я сразу потребовал вернуть городу воду. Разрушить дамбу, разломать стену, отрезающую от остального города восточную часть, и этими камнями залатать акведук. И желательно как можно быстрее, ведь безжалостная зима приближается с каждой декадой.

Меня не послали в пешее эротическое, конечно, но громко пофыркать не забыли. Я двадцать раз напомнил, кто я такой, и чем грозит противление анирану, а значит — противлению посланнику небес. Но те, кто уже вкусил власти, кто уже ощутил на языке её сладостный вкус, угроз потенциального спасителя не страшились. Их страшило лишь одно — утрата власти.

Побледневшей Аларе потребовался стул, а остальные свидетели судорожно искали место, где спрятаться, когда аниран словесно сцепился с глупым и недалёковидным прямо. В итоге всё закончилось тем, что прямо Каллам позвал преданных ему боевиков, коих я насчитал всего шестьдесят пять человек, и попросил помочь анирану покинуть его родной дом. Боевики немножко понервничали, но не забыли, кто оплачивает их труд золотом. А потому всё же решились наставить на анирана копьё.

Добрый аниран всё же дал неразумным шанс — он дал им треть декады на раздумья. Но неразумные поступили неразумно — укрепили стену, поставили баллисту на башенке, заготовили множество стрел и горячей смеси, готовясь к осаде.

И осадой бы всё, наверное, завершилось. Я бы реально повёл гессеров на приступ, ступая впереди с гордо выставленным щитом. Но отец Алары — прямо Таллас — оказался весьма прозорливым. А может, его дочка уговорила. Не знаю... Так или иначе, она тайно провела его в покои принца перед днём, когда истекал ультиматум. Тот называл своего двоюродного брата глупцом и был готов уступить анирану. Был готов открыть дубовые ворота, если аниран обещает его пощадить. Пощадить и, возможно, немножко вознаградить.

Этот куркуль мне не понравился с первого взгляда. Хитрый такой. Продуманный. Явно из тех, кто умеет считать деньги и беречь их. Кто никогда не упустит выгоду.

Но когда на одной чаше весов стояло кровопролитие, а на другой — определённые договорённости, глупо было доводить до кровопролития. Как говорится: худой мир лучше доброй войны. Поэтому я дал прямо Талласу предварительное обещание, что оставлю его в живых и найду способ вознаградить. Лишь бы он выполнил свою часть сделки, вернул городу воду и не претендовал на то, на что претендовать не может по праву рождения.

И тот сдержал слово. Его люди среди бойцов двоюродного брата открыли ворота и впустили гессеров. Сопротивляться им пытались, конечно. Но как-то вяло. Без огонька. Особенно когда впереди шёл аниран, размахивал щитом и всех пугал энергетической нитью.

Потери среди гессеров были ничтожны, а прямо Каллам потерял всё: и тех, кто осмелился сопротивляться, и тех союзников-прямо, кто, по какой-то непонятной для меня причине, решил его поддержать, и свою жизнь. И в этот раз, как и в случае с Хатемажем, я не стал строить из себя миротворца. Любое сопротивление должно быть подавлено. А королевская власть — окрепнуть.

Крепостной ров вновь был наполнен. Воды вновь стало в достатке. Строители приступили к ремонту акведука, а по распоряжению анирана началось строительство общественных бань. Первую галочку в своём списке я поставил.

Но разборки с северо-западной мафией пришлось отложить. Там, как оказалось, уже во всю готовились к обороне. Какой-то тан Стерлинг — авторитетный в тех кругах бандюган — совсем не боялся повторить судьбу прямо Каллама. Как мне говорили, девиз: "Мы всё равно все умрём" действовал на его подопечных по-особенному. Они не боялись ничего. Я даже предположил, что бандиты просыпаются и ложатся спать с дымящим листиком с дерева Юма у носа, — такими отмороженными они казались, когда я впервые пересёкся с ними на одной из улочек Валензона, где они соорудили баррикаду. Но оказалось, что они просто фаталисты. Тот самый тан Стерлинг — это бывший триарх Валензона по имени Эберхард. Особа, имевшая духовный сан, много понимавшая в происходящих событиях и знающая, как завладеть умами толпы. Ну и, соответственно, как эту толпу держать в повиновении.

Так что никакие угрозы через третьих лиц, никакие просьбы через первосвященника Валензона Эримида, которого я попросил посодействовать и вразумить бывшего подчинённого, не возымели действия. Они отказывались сдаваться и покидать город. И так же отказывались от шанса на мирное сосуществование, ведь не верили анирану от слова "совсем". То есть не анирану, а драксадару, как успел сообщить своей шобле тан Стерлинг.

В общем, пришлось эту проблему поставить на паузу. Я приказал перекрыть все дороги в северо-западную часть города и затопить все известные подземные ходы. Благо теперь вода для этих дел была... А так же приказал эвакуировать всех жителей из опасных районов и соорудить охранный периметр с круглосуточной охраной. Мы взяли потенциальных пакостников в кольцо и ждали подмогу из Обертон, которая вот-вот должна была подойти.

Но не только войне я уделял всё своё время. Хватало времени и на мир.

Хрупкая молодая женщина со стальным характером по имени Дейдра, наверное впервые в жизни ни в чём не нуждалась. Она на удивление быстро шла на поправку. Вскоре начала вставать с кровати, ела за четверых и практически не выпускала из рук малыша. Поиграться с карапузом хотелось всем. Не только мне, но и тем доверенным лицам, ничего подобного не видевшим вот уже тринадцать лет. И я не раз замечал обеспокоенный и немного ревнующий взгляд Дейдры, когда многочисленные гости отодвигали её на галёрку.

Особенно её раздражала Алара. Чувствовалось напряжение между кошками, когда обе оказывались на ограниченном пространстве. И только годами вбиваемое в голову уважительное почтение к высшему сословию, видимо сдерживало Дейдру от фырканья и грубостей, когда Алара кружила на руках смеющегося малыша.

Так же к великому удивления всех — особенно умудрённого сединами целителя — ребёнок действительно оказался вполне здоров. Не недоношен. Эгеберг серьёзно обсудил этот вопрос с Мелеей, когда они вдвоём заперлись в соседней каморке, и получил заверение профессионалки, что срок должен был подойти лишь к середине зимы. Затем некоторое время приставал к Дейдре, беспокоился о здоровье и очень внимательно присматривался к малышу. И когда до него, наконец, дошло, в чём смысл чуда, он чуть не вынес мне мозг вопросами об анатомии аниранов. Хотя внешне я от местных жителей не отличался, Эгеберг заподозрил, что внутри у меня всё совсем по-другому. Отчасти он был прав, ведь божественной силой никто из них не был наделён. А значит, эта сила имеет некоторое отношение к тому, что Дейдра смогла выносить плод и родить как раз тогда, когда плод созрел.

А вот как она смогла выдержать процесс появления чуда на свет — этого он так и не понял. Физические кондиции Дейдры при родах исключали её выживание.

Целитель доставал нас какое-то время, но всё же вынужден был смириться. Он оставил нас в покое и дал возможность погрузиться в обычное человеческое счастье.

Не только мы с Дейдрой, но и Мелея с святым отцом Эриамом, который поселился в соседней комнатухе, смотрел на ребёнка, как на чудо, а на меня — как на спасителя, чувствовали себя на седьмом небе от счастья. При таком опытным наставнике, как собственная бабушка, Дейдра очень быстро научилась кормить малыша грудью. А остальное подсказали инстинкты. Она научилась пеленать, постоянно что-то напевала, чтобы малыш узнавал её голос, и заразительно смеялась вместе с ним. Затем смотрела на меня глазами полными любви и давала возможность понычаться с сыном.

Какое ему дать имя, мы не сразу решили. Когда я заикнулся об этом, в голову лезли лишь всякие "Сергей", "Константины" и "Игори". То есть нашеньские имена. Земные. Дейдра же хотела назвать сына Иваном. В честь посланника небес. Но посланник небес наотрез отказывался величать сына Иван-младший или — упаси Фласэз — Иван-джуниор.

Спас ситуацию святой отец Эриамон. Этот человек обладал интеллектом, знаниями и опытом. Поэтому разжевал нам, что единственным вариантом имени для сына милиха может быть лишь имя-символ. Религиозный символ веры, спасения, надежды и прочего. И предложил имя — Элазор.

Я прожил в этом мире целый год. Но хоть изредка задавался вопросом, никогда серьёзно не раздумывал над тем, почему имена всех служителей церкви начинаются с буквы "Э". Для меня это было несущественно. Но отец Эриамон разъяснил, что все имена церковных деятелей имеют смысл. Смысл, который сохранён в старом языке, на котором давно никто не разговаривает, но который те, кто принимает сан, обязаны знать. Обязаны знать, но ни в коем случае не делиться знаниями с непосвящёнными.

Эриамон рассказал, что не имеет права называться именем, данным ему при рождении. Это большой грех для служителей церкви Триединого. А имя Эриамон, которое он носит с тех пор, как впервые надел рясу, означает "Сведуший". Первосвященник Эоанит, например, — значит "Владеющий". Старейшина Элестин, о котором аниран ни раз рассказывал, означает "Зрящий". Эвенет — "Мудрейший". А имя Элазор означает

"Предвещающий". Именно этим именем отец Эриамон предложил назвать сына, намекая, что его рождение предвещает скорое исцеление мира.

Имя пришлось по душе всем: Мелее и Дейдре, как глубоко верующим, и мне, лишь я попробовал имя на вкус. К тому же символизм имени действительно подходил. Хоть именно я должен спасти этот мир, рождение дитя от самого анирана, несомненно, предвещает перемены к лучшему.

На том и порешили. Прямо в покоях отец Эриамон провёл обряд, наподобие христианского крещения, где что-то бормотал себе под нос, омывая водой головку недовольно хмурившегося малыша. А затем, прямо на крохотном пузе, со словами "Теперь дитя сие под защитой Триединого", пальцем прочертил знакомый знак в виде восьмёрки.

С тех пор зажили мы с Дейдрой вполне по-семейному. Хоть Мелея и отец Эриамон устроились в нескольких метрах от нас, — в соседних комнатах — очень редко вмешивались в процесс становления новой семьи.

Мелея, правда, иногда стучала по стене кулаком, требуя прекратить безобразия, с некоторых пор возобновившиеся. Но Дейдра лишь посмеивались и тащила меня обратно на кровать.

Хоть активность влюблённой женщины мне нравилась, я вновь стал замечать за собой утрату физического влечения к противоположному полу. Либи́до просыпалось, когда кто-то старательно пытался его растормошить. Но угасало, стоило только надолго о нём забыть. Равнодушие к сексу было мне не свойственно. Но в этом мире я относился к нему, как к чему-то несущественному. Есть — и есть. Нет — и не надо. И хоть Дейдра старалась, и хоть ей удавалось выжимать из меня все соки — иногда по несколько раз — от неё не укрылось изменение в моём поведении. Чувствовала ли она себя уязвлённой? Я не знаю. Но провокационных разговоров заводить не стала. Она всё так же относилась ко мне как к избранному. Как к посланнику небес. И всё так же сильно была влюблена в того, кто не только подарил нежданное счастье, но и обязан спасти родной для неё мир.

Так мы прожили в относительном мире и достатке три-четыре декады. Я был всем доволен и в каком-то смысле счастлив, когда просыпался рядом с любимой женщиной под плач новорождённого. Когда пел сыну колыбельные, когда рассказывал сказки, когда пробовал пеленать. Это было то, чего я был лишён в земной жизни. Чем не парился и не обращал внимание. В своём мире я был плохим отцом и очень хотел не облажаться в мире этом.

А затем местное бандитьё напомнило, что время почивать на лаврах ещё не пришло.

В Валензоне на некоторое время воцарился хаос. Участились грабежи, ночные нападения на расслабившихся на посту стражей, поджоги. Из северо-западной части города зло выбиралось наружу и пыталось причинять вред.

Поэтому опять пришлось взять в руки калёное железо. Опять подключать гессеров и вместе с ними нести в мир справедливость.

Но подавить сопротивление злобных выродков, знавших родной город, как свои пять пальцев, удалось не сразу. Они прятались в подвалах, прятались в наново вырытых подземных ходах. Устраивали поджоги в разных частях города, особенно стараясь наносить ущерб королевским амбарам. Лишь когда удалось закончить набор и организацию рекрутов, чем я занялся сразу после первого же выступления перед восторженной толпой, стало достаточно сил, чтобы полностью оцепить северо-западный Валензон. А затем, когда подошли выделенные королём силы под командованием умелого сотника, мы приступили в

планомерному выкуриванию каждого мерзавца. Мы топили подземные ходы, пускали дым. И безжалостно дырявили арбалетными болтами каждого, кто, кашля, выбирался на свет божий.

Когда всё завершилось, тана Стерлинга мы так и не нашли. Зато из подземных недр извлекли более двух сотен трупов. Не только мужских, но и женских. И ещё две сотни погибли в столкновениях с армией и гессерами.

На этом организованное сопротивление воле анирана и законному правителю Валензона закончилось. Мы вычистили город от скверны и сосредоточились на мирных процессах — строительстве, заготовке запасов, обучению двух тысяч неопытных солдат для новой армии.

Для меня осенние месяцы до старта самой суровой части зимы пронеслись как одно мгновение. Я метался, как угорелый. Везде поспевал, всё контролировал. Я объездил окрестности, демонстрируя самого себя и требуя от крестьян всё того же — работать, не покладая рук. Забывать закрома, ждать зиму и верить в неизбежное исцеление. Своими действиями я многих вдохновил на вступление в армию, многих вернул из лесов, где они укрывались. Вокруг Валензона росла как на дрожжах новая деревня, где успешно всех размещала опытная администрация, присланная из столицы. Мотивация, рождённая кличем анирана, делала своё дело.

Часть 5. Глава 9. Алара

Ближе к концу осени случилось событие, на некоторое время выбившее меня из колеи. Заставившее глубоко задуматься над последствиями поступков, но, в итоге, приведшее к тому, что у меня появился ещё один враг.

Холодным осенним днём меня подловила Алара — супруга Тангвина. В течение долгого времени он вела себя тихо и скромно. Особенно после того, как вынужденно присутствовала при разговоре анирана с её отцом, когда тот пришёл, мягко говоря, просить награды. Прямо Таллас улыбался и выглядел довольным оттого, что так удачно сориентировался. Что не предал, а вовремя предвидел. И с улыбкой на устах пришёл получать дивиденды.

Но ушёл несолоно хлебавши.

Конечно, наградили его в силу возможностей. Но гораздо слабее, чем он ожидал. А когда прямо Таллас попытался недовольно надуть губки, пришлось применить красноречивые угрозы, подкреплённые аниранскими фокусами.

Алара же, наблюдая за унижением собственного отца, смотрела на него слегка снисходительно, слегка озадаченно и чересчур ехидно. От меня не укрылась кривая ухмылка, когда испуганный отец склонился в поклоне перед суровым анираном. Поэтому мадам довольно долгое время не подходила ко мне, не вступала в диалог и, видимо, размышляла над тем, к чему, в итоге, пришла.

Началось всё с комплиментов. В течение некоторого времени она появлялась везде, где появлялся я, и охаживала комплиментами. То усердие моё похвалит, то крепость духа. То амбициозность, то внешнюю привлекательность.

Я не понимал, к чему она ведёт до тех пор, пока она просто не утащила меня за руку в домишко, где иногда отдыхали строители, ремонтировавшие акведук, работы над которыми вот-вот должны были завершиться.

Прекрасная блондинка как всегда выглядела прекрасно. Она тщательно за собой следила, обладая армией служанок. Вокруг неё постоянно кто-то суетился, ведь точёная фигура и смазливое личико требовали ухода. Алара никогда не покидала собственные покои до тех пор, пока все процедуры не были завершены. И только полностью экипированная, благоухающая благовониями и сверкая профессиональным макияжем, показывалась на людях.

— Милих не замечает меня в последнее время, — наигранно изогнув бровки домиком, пожаловалась она. — Всё в трудах да в трудах. Нет времени даже посидеть, поговорить. Поделиться, может быть, историями о своём мире.

— Много дел, Алара, — она давно просила называть её по имени, а не официально. — Зима всё ближе, а город, по моему мнению, ещё не готов. Нужно успеть залатать несколько прорех.

— Уверена, у тебя всё получится, — она осторожно прикоснулась к моей руке. — Под твоим руководством даже мой ненаглядный супруг вновь вспомнил, что он мужчина.

Тангвина Алара презирала, как я очень быстро разобрался. Ни в хрен собачий не ставила. Откровенно иронизировала над ним в моём присутствии и, как самая настоящая ядовитая змея, старалась укусить как можно больнее. Особенно было неприятно, что делала она это умышленно. Стоило ей увидеть нас двоих, занимающихся какими-либо делами, в ход

ши иронические ремарки и недвусмысленно-брезгливые комментарии.

Принц пытался отвечать достойно. Но, судя по всему, барышня была начитанная, опытная и — тут уж надо говорить как есть — неглупая. Против неё у принца не было ни малейшего шанса.

Я представлял, бывало, как он терпит её столько лет. Они знали друг друга практически с младенчества. В детстве бегали и играли вместе, ведь обручили их ещё тогда, когда оба под стол пешком ходили. И я, ставя себя на место Тангвина, приходил к неутешительному выводу: я бы с этой ехидной тварью поступил бы как Отелло — придушил бы. Даже несмотря на то, что мир бы лишился такой красоты. Параллели, которые я постоянно проводил в своей голове, наблюдая за обменом накопившейся неприязнью, печалили меня. Эта прекрасная блондинка чудовищно напоминала ту, которую я хорошо знал в своём мире.

Очутившись на этой недружелюбной планете, я часто вспоминал о том, что оставил позади. Но больше не доброй памятью, а злой. Я вспоминал остывшим сердцем и не мог поверить, что когда-то испытывал чувства к той меркантильной суке, оставшейся на Земле. Наверное, это было затмение. Определённый демо-режим, который женщины запускают, чтобы затащить в свои сети помеченную добычу. Ведь, в итоге, большая часть нашего брака прошла во взаимных упрёках и в обоюдной неприязни. Сейчас, ориентируясь на своё отношение к Дейдре и её отношение ко мне, я точно мог сказать, что между нами никогда не было любви. Она увидела во мне перспективу и вцепилась в неё двумя грудями. А я... А я мечтал лишь о деньгах и славе. Мечтал о восторженных женских взглядах. И, не испытывая особых угрызений совести, давал этим женщинам то, чего они больше всего хотели в определённый момент времени.

Поэтому, хоть я и вспоминал о днях минувших, вспоминал с прохладцей. Я не скучал ни по бывшей жене, ни по сыну. Я испытывал к ним некоторую враждебность, наподобие той, что испытывали друг к другу Алара и Тангвин. Наблюдать за этой семейной парой было крайне прискорбно. Ведь в их отношениях я узнавал свои.

— Принц — молодец, — на неприкрытую брезгливость Алары я ответил вполне искренней похвалой. Принц Тангвин мне нравился. Он всё схватывал на лету, помогал в меру своих сил и никогда не оспаривал мои решения. Может быть, как управленец он был никудышный. Но как исполнитель — вполне на своём месте. — Налаживает быт в городе. Говорит, к нему вернулась вера и желание жить. Таким и должен быть принц... А может быть... А может быть и будущий король.

— Королём ему никогда не стать, — отмахнулась Алара и, прищутив глазки, многозначительно добавила. — Король есть один. И до скончания наших жизней он королём и останется.

— Не могу уследить за паутиной твоих мыслей, Алара, — я нахмурился. Эта бабёнка иногда выражалась столь витиевато и столь двусмысленно, что даже я чувствовал себя дураком.

— Мои мысли — не паутина, а всего лишь нить. Нить прямая и очевидная. Этот король — ты, милых. Только ты достоин править на этих землях. На этих, и всех, куда ступит твоя нога.

Я не нашёлся, что ответить. В словах Алары хватало зёрен истины. Я-то ведь действительно планировал не только Астризию пробудить ото сна, но и расшевелить другие континенты.

— Ладно, не буду больше ходить вокруг да около, — терпение, видимо, её покинуло.

Она нахмурилась, слегка недовольная тем, что я соображаю слишком медленно. — Я окучивала тебя, милых, достаточно долго, чтобы рассмотреть ответную реакцию. Я видела, как ты на меня смотришь. Я знаю такие взгляды... Но самое важное, что я смотрела на тебя точно так же... Да, не удивляйся. С тех пор, как ты появился в Валензоне, с тех пор, как показал на что способен не всему миру, а всего лишь кучке доверенных лиц, иначе смотреть на тебя я не могла... Я видела счастливое лицо этой девк... твоей избранницы, когда она держала на руках смысл всей своей жизни. Я держала его на руках сама. Я почти испытала те чувства, которые опасалась никогда не испытать... К сожалению, не я была той счастливицей. Но ведь это не значит, что я не могу попытаться ею стать?

Я чувствовал себя неловко, ведь смысл её речей был очевиден. Понятен любому остолопу.

— Я достаточно долго размышляла, — продолжила Алара, так и не получив от меня в ответ даже мычание. — Ты крепок, умеренно привлекателен. Но самое главное — ты милых! В этих словах сокрыта твоя главная привлекательность. Ты можешь помочь каждой, как помог одной. И я хочу... и я прошу тебя помочь мне.

— Алара...

— Приближается цикл, — она торопливо перебила. — Мне необходимо знать, хочешь ли ты меня? И поможешь ли?

Задав крайний вопрос, она приблизилась вплотную, по-настоящему прижала меня к стене и провела нежными пальцами по гладко выбритым щекам. Затем прижалась молодой крепкой грудью и пахнула чарующими ароматами.

Видимо, всё получилось именно так, как она задумала. Поэтому, когда нахальная рука проделала путь от щёк к важному месту, крепкий предмет сразу устремился руке навстречу.

— Я не противна тебе, — удовлетворённо улыбнулась она. Её губы плыли совсем рядом с моими губами. — Я знаю, что могу привлекать мужчин. И умею делать их довольными. Поверь, ты не пожалеешь. Уверена, я знаю и умею гораздо больше, чем...

Остановилась она вовремя. Но всё же недостаточно вовремя, чтобы не испортить интимность момента. Я тут же вспомнил, кто меня ждёт во дворце. И к кому я испытываю не только физическое, но и душевное влечение.

Снаружи кто-то перекладывал доски. Шум моментально разделил нас двоих.

— Алара, — я отстранился, очень стараясь держать себя в руках. Ведь эта женщина внешне олицетворяла собой мой идеал. Печалило лишь то, что её офигенно-богатый внутренний мир вызывал отвращение. — Я понимаю, о чём ты говоришь. Ты говоришь, как говорили многие женщины до тебя. Ты говоришь, как королева Исида. Та тоже просила посодействовать. И я..., - я немного помедлил с ответом, ведь не хотел лишней раз распространяться о том, что вытворял в королевском дворце с женщинами, которых подсовывала королева. — И я шёл ей навстречу. Пробовал дать жизнь. К сожалению, ничего не получалось. И я не уверен, стоит ли...

— После твоего появления в Валензоне, я обменялась письмами с Её Величеством Между нами нет секретов, — эротизм ситуации улетучился. Алара вновь заговорила снисходительным тоном. — И знаю обо всём... Но, может, она в чём-то ошиблась? Может, подбирала не таких, кто тебе нужен? Может, тебе нужна я?

Я воздержался от откровенного ответа, что такая, как она, мне точно не нужна. Но и моментально отказывать тоже не стал. В её словах, как и в словах всех остальных женщин этого мира, присутствовала логика — если получилось с одной, надо пробовать с другой. А

пример с Люсиль — с женой бедолаги Томмазо ди Дио — лишь доказывал, что всё не так просто, как я думал изначально. Существует какой-то фактор, который я всё никак не могу взять в толк. Ведь у каких-то женщин получается забеременеть, у каких-то нет. Я ж пробовал с разными. И, похоже, надо просто продолжать попытки. Не существует более очевидного способа это выяснить, чем пытаться оплодотворять каждую яйцеклетку.

— Нет. Наверное, тут нужна особенная женщина, — больше своим мыслям, чем Аларе, сказал я.

— Я могу быть особенной! — она дёрнулась и опять прижала меня к стене. — Дай мне шанс это доказать.

Но момент был упущен. По крайней мере, сейчас.

— Ты очень красивая, Алара, — я пытался говорить дипломатично. Ведь не раз видел, как она вела себя с теми, кто осмеливался противиться её желаниям. — Поверь мне. Я видел очень многих красивых женщин. И ты явно не последняя из них... Но я точно знаю, что ничего из этого не выйдет. Не только из наших тайных или явных попыток, а из всей этой истории.

— Не отступай назад, не попробовал осадить крепость, — её бровки вновь нахмурились.

— Дело не в этом. Дело в том, что шансы зародить жизнь в твоём чреве крайне низки. Предыдущий опыт подсказывает, что это маловероятно... Но самое главное, я не хочу, чтобы о нашей связи узнал Тангвин. Результатов может и не быть, но проблем эта связь принесёт массу. Ведь утаить её не будет никакой возможности.

— Мне безразлично, узнает Тангвин или нет! — решительно отмахнулась Алара. — Он не милых. Он бесполезен. Весь мир полон таких, как он, — бесполезных, квёлых и никчёмных. Им лишь нужно, чтобы раздвигали ноги. Хотя от самих никакого проку.

— Думаешь, от меня будет прок? — быстрая смена настроения барышни начала меня раздражать. В ней словно уживались абсолютно противоположные стихии — лёд и пламя.

— Если не попытаемся, не выясним.

— Послушай, — я всё ещё пытался говорить спокойным тоном. — Ещё раз говорю тебе по-хорошему: ничего не получится. Моя женщина живёт с тобой под одной крышей. И она тоже обязательно узнает. А я не собираюсь испытывать её любовь на прочность... И я так же, Ваше Высочество, — я умышленно перешёл на формальный тон. — Не собираюсь наставлять рога тому, кто предан мне. Ты можешь смеяться, хохотать и фыркать, но доверие принца для меня много значит. Он действительно взял себя в руки, будто вновь обрёл смысл. И я хочу, чтобы он оставался таким же активным. Таким же деятельным и энергичным. И не собираюсь испытывать на прочность и его.

Алара замолчала на какое-то время. В этой женщине меня впечатляла не только внешность, но и ум. Мозги у Алары, надо признать, присутствовали. Для своего возраста она была достаточно начитанной. Грамотно складывала слова в предложения и умела убеждать. А так же рассуждать и анализировать. И если бы не чудовищный характер, без всяких сомнений я бы назвал её идеальной женщиной.

Но всё же слова, которые вылетели из её прекрасного ротика следующими, продемонстрировали, что души у неё нет.

— Мне не нужны ни твои нотации, ни внимание, ни любовь, милых, — она говорила спокойно. Но говорила равнодушным, безэмоциональным голосом. — Всё, что мне нужно — твоя небесная способность даровать жизнь. Ведь ты единственный аниран, которому это удалось.

— Хм, — хмыкнул я, потому что внезапно вспомнил интересную деталь, о которой ранее мельком упоминал Тангвин. — Не по этой ли причине ты хотела наведаться в Кондук? Насмотрелась портретов Белого Великана?

— По этой, — спокойно и легко ответила она. — О нём я много слышала, и знаю, на что он способен... Но так же знаю, на что неспособен. Потому и оставила попытки встретиться, узнав, что он такой же бесполезный, как все остальные. Ты — единственная моя надежда.

В ход пошла тяжёлая артиллерия — слёзы. Но хоть я всегда имел слабую сопротивляемость женским слезам, в этот раз не верил им ни на грамм.

— Прошу простить меня, Ваше Высочество, но вряд ли стоит вредить близким нам людям тайной или явной связью, как я и говорил. С высокой вероятностью, результата не будет. А проблем мы все огребём выше крыши... Особенно я, — поспешил добавить я, так как на лице Алары увидел зарождающуюся саркастическую ухмылку.

— Глупо, — слёзы высохли моментально, подтверждая их фальшивость. — Я ведь могу быть полезным союзником. А если бы ты подарил мне счастье стать матерью, я бы стояла за тебя до конца. Каким бы он ни был... Фласэз раздери, кому какое дело, если кто-то сочтёт это оскорбительным!? Предательством или тому подобным бредом! Есть лишь привязанность! Зависимость! Никакой любви не существует. Любовь — это сказка. Я убедилась в этом на собственном опыте... Прошу тебя, подумай, — она вновь резко сменила тон. — Не отвергай меня сразу. Не думай о чувствах. Ни о своих, ни о чужих. Подумай о необходимости. Смело иди вперёд и пользуйся любой предоставляющейся возможностью.

Подобное резкое преображение я счёл небольшим отступлением перед контратакой. С наскоку взять не удалось, и она, видимо, решила перейти к осаде.

— Хорошо, Ваше Высочество, подумаю, — спорить мне не хотелось. И тут дело даже не в визге, когда стригут свинью. Я просто ни раз видел, как легко она может переспорить любого. А потому решил взять паузу, надеясь всё спустить на тормозах. — Очень хорошо всё взвешу и решу.

— Хотелось бы, чтобы с решением ты не затягивал, милих. Треть декады — максимум. Иначе... иначе придётся ждать следующего цикла.

В тот день Алара ушла, оставив за собой последнее слово. И я, наблюдая за ровной спиной в закрытом платье, приходил к выводу, что мне не отвертеться. Нужно или соглашаться, или ставить жирную точку. И оба варианта мне не нравились.

Часть 5. Глава 10. Вести из столицы

Но Алара, как выяснилось, ничего не собиралась спускать на тормозах. Она совершенно не планировала сдаваться. Ответ ей нужен был лишь один. И ответ положительный.

Поэтому несколько следующих дней — цикл ведь приближался — она выносила мне мозг. Иногда даже при собственном муже хватала за руки и тащила в сторону.

Но для себя я уже всё решил. Мне понадобилось совсем немного времени, чтобы развеять собственные сомнения и отогнать мысли про "высшую необходимость".

Как ни странно, повлияла на это Дейдра. Она вела себя очень тихо и хладнокровно в эти дни. Выздоровливала потихоньку, даже вес набрала. Няничалась с малышом, но, что удивительно, никогда не забывала обо мне. У неё всегда находилось время для меня. Приласкать, приголубить, поговорить обо всём и ни о чём. Как настоящая замужняя женщина, по уши влюблённая в своего мужа, она всегда была тут как тут. С улыбкой на лице она засыпала на моей груди, наблюдая, как через прутья кровати Элазор вцеплялся в мой просунутый палец и крепко держал его. Лицо Дейдры просто сияло от счастья, когда ежедневные дела анирана завершались и он возвращался в свои покои. Наверное, она была довольна ещё больше, чем я, наслаждаясь безопасной жизнью во дворце. Ведь мы жили как настоящая семья. Жили счастливо в мире, где кроме нас не мог быть счастлив никто.

Именно счастливое лицо Дейдры помогло мне принять окончательное решение.

Признаюсь, я очень серьёзно отнёсся в просьбе Алары. Она была из тех немногих женщин, кого я хотел сам. Ведь внешне, как я уже говорил, она представляла собой мой идеал.

Но внешность — это не самое важное, когда речь идёт о любви. Улыбка Дейдры без всяких слов говорила, как сильно она меня любит. Боготворит, практически. И моя измена, о которой, несомненно, всем станет известно, сильно ранит её. Может, не сильно ранит принца, но точно сильно ранит её. А причинять боль любимой женщине я не собирался. Она и так из-за меня натерпелась. Я должен её оберегать и защищать, а не подвергать испытаниям.

Приблизительно такими словами я всё объяснил Аларе. Мои терзания её, конечно, мало интересовали. И совершенно не волновали. А потому, когда она вновь стала настаивать, я всё же поставил жирную точку. Без истерик, без угроз и демонстраций способностей анирана, но всё-таки достаточно красноречиво, чтобы к этому вопросу мы больше не возвращались никогда.

Но барышня всё же затаила злобу. К отказам, как я понял, она совершенно не привыкла. По этой причине держать себя в руках ей было крайне сложно. Даже с милихом. Она исподтишка бросала на меня сначала недовольные взгляды, а потом злые. Ругалась с Тангвином всё чаще и всё беспардоннее. Словно злилась, что время утекает, а у неё в руках нет козырей хоть как-то повлиять на ситуацию.

Слава Фласэзу, мозгами она не была обделена. Она помнила, кто я такой, помнила, как легко утомил её самоуверенного папашу и как безжалостно карал всех, кто смел противиться моей воле. Так что ума ей хватило не беситься слишком сильно. Когда тот самый цикл прошёл, она утомилась и затихарилась.

Но, в принципе, случай с Аларой — это всего лишь неожиданность. Немножко неприятная, но не съевшая столько нервных клеток, сколько я опасался. Я позабыл о ней в

ежедневной рутине.

К концу осени закрома ломились от продовольствия. Ярмарка во вновь ставшем безопасном Валензоне удалась на славу. Ремесленники возвращались в ремесленные кварталы и для них на целый год я отменил налоговые сборы. Им и так пришлось несладко под гнётом местных рэкетиров, а потому аниран был щедр к ним.

Но прямо-землевладельцев аниран обложил дополнительным налогом. Поругался с ними немножко на общем собрании, но всё же пообещал дотации из казны каждому, кто на своей земле найдёт место для возведения новых деревень, окружённым охранным частоколом. А тем, кто будет изгонять крестьян с земель, кто будет требовать с них больше, чем они могут дать, кто будет отказываться держать на содержании десятков преданных короне солдат, дал гарантию, что рано или поздно нагрянет в гости. Нагрянет и поступит так, как поступил с прямо Калламом — отберёт в пользу короны всё, что можно будет отобрать. Без всяких снисхождений и помилований.

В итоге, нам многого удалось достичь. Я приструнил зажавшихся прямо, на примере прямо Каллама показав, что будет с теми, кто отвергнет спасительные перемены. Руководил земляными работами, где воодушевлённые жители города и окрестных деревень рыли канал от озера Хандсвин. Мы соединили две реки, и теперь сухопутный подступ к Валензону был лишь с северной стороны. Юг, запад и восток мы защитили реками, обезопасив город с этих направлений. Так что когда начались дожди, а потом пришла снежная и всё такая же суровая зима, мы были готовы. Привести Валензон в порядок оказалось намного проще, чем Обертон.

Но я забыл упомянуть о новостях из столицы. Стабильно каждую декаду заводчик приносил во дворец почтового сирея. И мы с принцем Тангвином — а иногда нас собиралась орава куда больше — внимательно читали всё, что в многословных письмах докладывал Его Величество.

Дела в Обертоне шли в гору. Даже без участия анирана. После получения необходимой мотивации король действительно вспомнил, кто он такой. Крепко держал в руках управленческие вожжи и поэтапно закрывал все пункты плана, который мы разработали.

Армия росла. Пока король не мог сказать, что она крепла, но точно росла. В столицу стекались мужики, услышавшие клич анирана. Большинство из них никогда не держали в руках ничего опаснее топора, но для формирования новой армии это было не важно. Ещё в начале лета мы с профессором Гуляевым подробно обсудили, что самое главное, чего мы хотим от рекрута — горящие глаза и всё ещё крепкое тело. Безоговорочная вера в анирана-спасителя и сила в руках. Только из такого пластилина можно вылепить настоящую боевую единицу. И Каталам, как с удовлетворением рассказывал в письмах король, целиком и полностью погрузился в процесс обучения тысяч боевых единиц.

Так же налаживались дела в сфере экономики. Король послушал совета и снизил налоги. Во все части Астризии, где всё ещё считали королевскую власть законной, он разослал депеши. И многие селения вздохнули с облегчением. Даже принц Тревин — правитель Равенфира — похвалил отца за такой поступок. Он сказал, что такой подход усилил его позиции при разговорах с прямо-землевладельцами.

Не ответили лишь с востока. Даже высокомерный Эоанит, всё ещё обитавший в портовом городе Мармасс, где он планировал перезимовать, одобрил подобное решение короля. Лишь Эвенет, которого все считали настоящим хозяином востока и перед которым отсчитывались наместники Плавина и Винлимара, не отреагировал никак. С

приснопамятной повозки с золотом и неизвестной отравляющей пылью, он не написал ни единого письма, ни разу не ответил на письма отправленные. До него или не дошло, что его мелкая пакость не удалась и мы с королём выжили. Или он, там, далеко на востоке, чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы игнорировать любые указы короля.

Но так это или не так, мы выяснили лишь спустя время.

К выполнению задуманной мной операции по экспроприации наркотических деревьев Его Величество приступил, когда столичный гарнизон не только в два раза превышал войска церкви, но и когда завершилось базовое обучение. Хотя я подгонял короля в письмах, он разумно решил не торопиться. Он куда лучше знал свой народ и религию, построенную на фундаменте веры в неизбежное наказание.

Я изначально переживал, к чему моя идея может привести. Нет, меня не беспокоил конфликт с церковью и с Эоанитом, как её главой. Меня беспокоило, что отжим садов деревьев Юма может спровоцировать гражданское противостояние. Противостояние между верными короне людьми и теми глубоко верующими в Триединого Бога, которых церковь погонит защищать курицу, несущую золотые яйца.

Но всё же король доказал, что когда-то считался неплохим полководцем. Вместе с Яннахом он тщательно спланировал операцию и осуществил. Поставил перед фактом триарха Элохима и на некоторое время запер того в темнице. Его и его окружение. А затем взял слово Яннах. Он окружил казармы храмовников и приказал тем сдать оружие. Поскольку никто ни о чём не подозревал, а сам глава церкви прохладился в западных краях, захват прошёл куда менее кроваво, чем я ожидал. Кому-то, конечно, надавали по шее. А кто-то даже головы лишился. Но, в общем и целом, обширные территории с цветущими наркотическими деревьями король взял под контроль без особого напряжения. В самом Обертоне никто не посмел пискнуть. А чернь даже довольна осталась, полагая, что теперь вдыхать "дым забытья" она сможет днями напролёт.

Но пискнуть посмели с двух сторон — с запада и востока.

Его Святейшество в письмах рвал и метал. Не стеснялся крепкого словца и, как писал король, смел даже угрожать. Обещал выпотрошить казну и устроить массовый голод, если король не одумается. Обещал силой своего влияния лишить короля того самого места, на котором тот слишком долго восседает. А затем, возможно, и отправить на суд к Триединому Богу.

Письма от Эоанита шли более чем прямолинейные. С речами, попахивающими изменой. Король ему даже так и написал в ответ, проявив удивительную для себя смелость. Но Эоанит, судя по продолжавшим прибывать письмам, вообще ничего не боялся. Чувствовал себя в Мармассе, как дома. Нагнал страху на местного наместника и обещал недалёковидному королю, что, возможно, придёт время и он, окружённый тысячами истово верующих воинов с красным символом на груди, нагрянет в столицу, чтобы изгнать драксадара. Изгнать драксадара и того, кто легко поддался его влиянию.

Эвенет же, этот "Мудрейший", как рассекретил его имя святой отец Эриамон, наконец-то, очнулся. Он умышленно игнорировал указы, но не смог остаться в стороне, когда обнаглевший король посягнул на вековые устои. В красноречивых письмах он, не стесняясь, песочил короля. Угрожал открыто и обещал, что со своим братом по вере, со своим духовным наставником — первосвященником Астризии Эоанитом — однажды придёт за королём. Придёт и покажет, насколько тот ошибался, рискнув испытать терпение руководителей церкви.

Если, конечно же, король не одумается.

Но Его Величество Анфудан Третий одумываться не собирался. Не знаю, испытывал ли он страх на самом деле. Ничего подобного в письмах он не писал. Но лучшим доказательством правильности сего поступка, лучшей мотивацией для укрепления боевого духа, было значительное увеличение доходов. Золото в казну, как он писал, потекло рекой. Наконец-то эта река текла в его карманы, а не в карманы Эоанита.

Первая часть нашего плана, таким образом, была завершена. Ещё на совете мы были уверены, что ответных действий не последует раньше следующей весны. Эоанит, несомненно, станет возмущаться и обещать кары небесные, но ничего не сможет поделать. А уж потом, когда он действительно решит, что пришла пора что-то поделать, мы будем готовы. Мы оснастим и обучим армию. И если Его Обнаглевшее Святейшество действительно решит отбить сады силой, мы отобьём эту силу своей силой. Мы покажем ему, что в Астризии он больше не центральная фигура.

Но — и это мы никак предвидеть не могли — Эоанит, который никогда ничего не забывал и никому ничего не прощал, быстро угомонился. Он угомонился и затаился, когда до него, как мне с некоторой обеспокоенностью доложил Его Величество, дошла весть о появлении при дворе ребёнка. Хоть король и королева старались скрывать, всё же новость о Фабрицио вышла за стены королевского дворца. Обошла всю столицу, все ближайшие окрестности и достигла западных земель. И когда обо всём узнал Эоанит, он эпистолярно онемел. Полностью перестал присылать королю письма. Он затих, видимо, крепко размышляя о неожиданном событии. И по сравнению с таким событием, потеря наркотических садов при Обертоне, казалась абсолютно неважным происшествием. Церковь если и потеряла в доходах, то несущественно. А вот ребёнок, рождённый уже после появления в небесах карающего огня, событие более чем существенное. И король опасался, что Эоанит, рано или поздно, что-то предпримет. Отберёт у него новую радость королевы Исиды.

В нескольких письмах он подробно описал, что сейчас происходит с его супругой. Как она втягивалась в процесс воспитания. Как опыт помог быстро наладить контакт с малышом. Как ловко она залечила его душевные раны. И как сам король не мог ни нарадоваться, наблюдая, как шустрый пацан гоняет по дворцу, а королева за трапезным столом не только кормит его, но и сама ест за пятерых. Его Величество даже посмеялся в письме, написав: "Ты не узнаешь её, аниран, когда вернёшься — так она растолстела". Я в это, конечно, не поверил, но выдохнул с облегчением, когда узнал, что детская душа пережила психологическую травму. Что, вроде бы, погрузилась в непосредственность и потихоньку забывает ужасное прошлое. И в очередной раз похвалил себя за верное решение передать эту душу в опытные и настолько влиятельные руки.

Ну и пару писем пришло от профессора Гуляева. Тот писал собственноручно, судя по стилистике письма. О его состоянии упоминал король, но, по самую макушку погрузившись в более важные дела, упоминал лишь мельком. Так что читать письма профессора было волнительно и тревожно.

Старик сдавал. Так он сам о себе писал — как о старике. Иронизировал и юморил, но от меня не укрылась некая обречённость в строчках. Профессор рассказывал, как идут дела в столице. Как он участвует во всех военных собраниях и даёт дельные советы. Как даже начал работать над полуавтобиографической книгой о прибытии анирана в Обертон и событиях, за этим последовавшими. Но так же откровенно признавался, что чувствует себя всё хуже.

Чувствует старой развалиной. Будто вновь вернулся в Москву, залез в привычное кресло и, кряхтя, пытается разглядеть прыгающие буквы. Зрение, писал, подводит. Суставы скрепят. Что заснуть не может без отвратительных на вкус отваров, которыми его потчуют местные недоучки. А зимой по глупости вышел на балкон и подхватил простуду. Чихал и кашлял больше месяца, потому что иммунитет не желал помогать организму. И если бы не те самые недоучки, он бы точно концы отдал. Всё же выкарабкался, как он сам писал, но зиму перенёс тяжело.

Я не мог спокойно читать эти письма. Над каждым тяжело вздыхал и до боли сжимал кулаки. Я чувствовал себя виноватым, чувствовал себя ответственным за то, что происходит с бедолагой. Я с корнем вырвал из него то, что делало его крепким и не по годам выносливым. И, держа письма в руках, сражался с гложащим меня чувством вины.

Но самое обидное было то, что я ничем не мог помочь. Я бы и хотел. Да не мог. И я, и он — мы оба знали, почему так пришлось поступить. Ради чего. И я надеялся, что профессор, несмотря на общее дряхление организма, продержится ещё достаточно долго. Я бы очень хотел, чтобы он увидел перемены своими глазами. Чтобы дождался моего возвращения, чтобы познакомился с Дейдрой, чтобы со своей башни узрел выстроенные в ряд полки, чтобы присутствовал, когда надменные послы раболепно согнут спины перед аниарном. Чтобы продержался до момента, когда моя нога ступит на каменистый берег острова Темиспар, рука будет крепко сжимать энергетический щит, а в глазах гореть огонь возмездия. Всё то, что мы обсуждали вместе, я хотел, чтобы он увидел собственными глазами.

Но письма отчётливо пахли фатализмом. И я понимал, что здесь от меня не зависит ничего.

Часть 5. Глава 11. Семейная идиллия

— А-а-а-х... А-а-а-а-а-х..., - протяжные стоны Дейдры действовали на меня, как афродизиак. Когда она разобралась что к чему, когда поднаторела в плотских утехах под моими умелым руководством, больше молча не кусала губы и не закрывала глаза, прислушиваясь к собственным ощущениям. Она перестала сдерживаться и была довольно эмоциональной. Поэтому любая битва в постели, где она ярко и громко демонстрировала свои эмоции, таким образом укрепляя моё оружие, заканчивалась обоюдной победой. — Ещё... Ещё... Я почти на вершине!... А-а-а-а-а!!!

Раннее зимнее утро началось весьма приятно. После непродолжительной борьбы мы укутались в тёплое одеяло. Горячей щекой удовлетворённая Дейдра прижималась к моей груди, улыбалась и отпускала в мою сторону фривольные комплименты. Она научилась льстить мужскому самолюбию, что ранее за ней не замечалось. И я примерно догадывался, кто ей подсказал, как надо правильно себя вести в постели с мужем.

Прошло пятнадцать декад с моего появления в Валензоне. Самые лютые холода уже ушли, и все жители города, а не только жители королевского дворца, потихоньку выползали из схронов. Радуюсь смотрели на таящий снег, и подставляли лица под всё ещё холодное солнце.

Не стали исключением и мы. Элазор лишь изредка смотрел на живую природу из окна, но Дейдра уже не стеснялась прогуливаться по дворцовой территории, знакомилась с придворными и очень-очень вежливо вела себя с принцем. Она заметно заматерела за это время. В абсолютном смысле этого слова. Год назад я оставлял молодую влюблённую девушку, которая плакала и растерянно махала рукой на прощанье. Как и я, она не строила иллюзий. Она догадывалась, что я могу не вернуться. Но сейчас, спустя множество невзгод, спустя скитания, голод, истощающую организм беременность и тяжёлые роды, она заметно изменилась. И не только внешне. Её тело утратило прежнюю свежесть. Несмотря на быстрое восстановление после родов, тело перестало быть телом девушки. Теперь это было тело женщины.

Но, как бы странно это не звучало, в этом теле теперь обитала женщина.

Восторженность и непосредственность, ранее столь присущие Дейдре, испарились. Восторгалась она теперь лишь Элазором. Ребёнок радовал её глаз и грел душу. Ко всему остальному миру она стала более сурова. Даже ко мне в каком-то смысле. И в таком поведении сыграло основную роль не инстинктивное желание уберечь малыша от всяческих невзгод, а переживания за мою судьбу. Как она честно призналась, её страшит неопределённость аниранского пути. Она с ужасом вспоминала дни без крепкого мужского плеча под рукой. Тот страх она больше не желала испытывать никогда... Она вспоминала дни, проведённые в неизвестности. Дни переживаний о том, почему я не прихожу. Почему не появляюсь. Почему не спасаю её. Но самые сложные моменты ей пришлось пережить, когда паника побеждала. Когда вера оставляла её. Были дни, когда она себя убеждала, что я никогда не вернусь. Что отныне она останется одна, а родной мир так и не будет спасён.

Да, Дейдра изменилась. Хоть по земным меркам она ещё не достигла двадцати лет от роду и, по идее, даже не начала цвести, суровые будни уже изменили её. Теперь рядом со мной лежала закалённая жизнью женщина, а не восторженная девушка.

— Утренний милик мне нравится больше, чем милик ночной, — промурлыкала

Дейдра. — Валишься носом в подушку. Не разбудить тебя. А вот утром...

— Ты и сейчас меня разбудила, кстати, — я машинально толкнул кровать, где что-то булькотел Элазор. Кровать заходила туда-сюда, и я услышал довольный смех. — Хоть самым прекрасным способом, не спорю.

— А я уж подумала, ты не проснёшься, — засмеялась она. — Я так старалась, так старалась. А он хоть бы что — дрыхнет и дрыхнет.

— Потому что стал, наконец, высыпаться.

И действительно: с некоторых пор спал я, как убитый. Хотел бы я сказать, что стал спать крепко, потому что больше не испытывал тревогу за Дейдру и остальных. Но это не так. Я высыпался и спал крепко, потому что Голос больше не приходил ко мне. С того самого раза, где он наградил меня дифирамбами и восторженными аплодисментами иллюзорной толпы, я не видел больше снов. Вообще никаких. Когда я засыпал, я не засыпал — я отрубался. Не ворочался на кровати, не искал место поудобнее. Я просто погружался в темноту. И ни разу за прошедшие месяцы не увидел ничего. Больше не парил над лесами и озёрами. Больше не сидел на облаках. Я просто проваливался в беспмятство.

Продолжительное отсутствие подсказок, к которым я уже привык, поначалу немного беспокоило меня. Но, поразмыслив, я, кажется, сделал верный вывод: в Астризии аниранов не осталось. Голосу некуда меня гнать. Я и так знаю, где следующие два. Уверен, в первую же ночь, когда моя нога ступит на гальку острова Темиспар или на песчаный берег жаркой Флазирии, Голос укажет направление. Ткнёт пальцем, образно говоря. А не образно говоря — прикажет идти и убивать.

— Нет, наверное, это не я, — Дейдра картинно надула губки, когда я не поддержал её игру, а задумался. — Это, наверное, приближающаяся весна на тебя так действует.

— Это ты, — я крепко сжал её в объятиях. — Ты — моё сокровище.

Она заурчала, как кошечка. Прижалась ко мне, доверительно смотря счастливыми глазами.

— Мы бы могли прожить в этом дворце всю жизнь.

— Да, могли бы, — вздохнул я на её ремарку.

Об этом я тоже думал. И часто вспоминал разговор с профессором Гуляевым, где он рассказывал о причинах утраты мотивации. Сейчас его я, наконец-то, стал понимать. Осенние и зимние месяцы, проведённые в максимальном комфорте рядом с любимой женщиной, у любого отобьют желание что-либо делать. Просто живи в тепле. Ешь, пей, занимайся сексом. Расти сына, посади дерево мимоходом и, возможно, построй дом. Зачем спасать какой-то мир, до заката которого ты всё равно не доживёшь? Ну, возможно, ты доживёшь. Но точно не доживут те, кто тебе дорог. Не лучше ли потратить большую часть отмеренного тебе времени на мгновения счастья? На то, что действительно важно? На семью, например.

Но, как подобные мысли не старались сбить меня с верного пути, им не удавалось. Я точно знал, что стоит на кону. И помнил всех тех, кто пожертвовал жизнью ради того, чтобы аниран продолжал идти вперёд. Как бы мне не хотелось где-нибудь пустить корни, я никогда так не поступлю. По крайней мере до тех пор, пока не встречу это безжалостное инопланетное божество и спрошу у него: "За что?".

— У тебя был кто-то? — внезапный вопрос Дейдры совершенно не вязался с мурлыканьем на моей груди секунду назад. Поэтому я растерялся.

— В каком смысле?

— Ну, без меня. Пока ты был... там где-то. Женщины, я имею в виду. Были?

Прищурившиеся глаза буравили меня насквозь. Вопрос был настолько неожиданным и несвоевременным, что я не сразу сообразил отбить шарик для пинг-понга — сказать безапелляционное "нет!".

— Что за ерунду ты говоришь? — глаза я моментально отвёл. Ибо не только слышал басни про бабскую чуйку, но и на собственном опыте убеждался, когда меня — молодого футболиста — рассекречивали на раз. А затем устраивали скандалы. — Нет, конечно же.

— Не верю, — хоть я выбрался из кровати, Дейдра вцепилась в мою руку. — Я всегда умела видеть в твоих глазах ложь.

— Не выдумывай. С чего ты вообще взяла? Зачем мне кто-то, кроме той, кто смогла подарить сына?

Врать Дейдре не хотелось. Но ещё меньше хотелось признаваться. Ведь всё же не высшая необходимость управляла мною, когда мы с Флаmeliной предавались плотским утехам. Я хотел её сам. И в те моменты совершенно не думал о Дейдре.

Я встал и принялся одеваться. Этот разговор мне совсем не нравился.

— Отворачиваешься? Боишься, что я увижу в твоих глазах?

— Прекращай, Дейдра, — пробурчал я. — Аниран всегда держит слово.

Неожиданный аргумент сработал: обнажённая Дейдра вскинулась, прижалась к моей спине и обняла.

— Прости, я не хотела тебя обидеть. Ты не аниран, ты — милих. Ты волен поступать, как считаешь нужным, — при этих словах голос её дрогнул, как бы подтверждая, что на самом деле она считает совершенно иначе. — Просто эта... Алара...

— Что Алара? — я резко обернулся.

— Мне не нравится она. Она опасная... Я стараюсь не пересекаться с ней во дворце. Но она иногда будто охотится на меня. Преследует, как мне кажется. Заводит разговоры и почему-то всегда намекает на плохое. Как-то говорила, что в Обертоне много красивых женщин. И милих не мог не оценить гостеприимство столицы... Понимаешь? Она будоражит меня постоянно.

Я нахмурился: так вот откуда ноги растут. Блондинистая пакостница решила пакостить исподтишка. Бычка завалить ей не удалось. А значит, она решила заняться тем, кто менее решителен. Кто молод, неопытен и станет накручивать себя даже от лёгкого намёка. Хитра, сука, хитра.

— Игнорируй её. Поступай, как принц, — посоветовал я Дейдре. — Я скажу Бертраму чтобы с этого дня её сюда не пускали. Пусть продолжает принимать горячие ванны и купаться в благовониях в одиночестве.

— Спасибо, — прошептала Дейдра. — Ты единственный можешь дать этой женщине отпор. Другие не способны, я видела... Я такая же, как и они, — просто не могу найти в себе силы.

— Я разберусь. Обещаю, — я отстранился, встал и бросил взгляд на кроватку, в голове прорабатывая варианты лёгкой головной боли для Алары. Не кулаком, конечно, но, возможно, крепким словом.

Но, столкнувшись взглядом с Элазором, мгновенно забыл про неё.

Мой сын рос не по дням, а по часам. Образно говоря, конечно же. Хоть ему было всего несколько месяцев от роду, он быстро набирал вес и уже мог пить из бутылочки кипячёное козье молоко. Его организм не отвергал, а принимал. Чем малыш безумно удивлял

задумчивого целителя Эгеберга. Тот внимательно следил за ним, чуть ли не ежедневно осматривал, и приходил к выводу, что дитя анирана гораздо крепче, чем любое дитя, таинство рождения которого он видывал. В мире, где детская смертность и до появления карающего огня была достаточно высока, далеко не каждый ребёнок выживал. Но Элазор, как он говорил, образец идеальной крови.

— Блюмк, — с кровати пошёл призыв. — Пфлипф.

Слова были непонятными, но крохотные ручки, потянувшиеся навстречу, когда я склонился над кроватью, отметили любую иную трактовку — малыш просился на руки к папе.

— Блямк, — достойно ответил я и вытащил его из кровати. — Пфлип-пфлип-пфлип.

Дейдра засмеялась, а Элазор, повисший в моих руках, недоумённо нахмурился. Его серые глаза внимательно меня изучали, а уши запоминали голос.

— Агыль-гыль.

— Гыль-гыль-гыль

— Кхи-и-и-и!

Элазор засмеялся, реагируя на необычный диалог. Пришлось его немножко покружить и совершить пару кругов вокруг комнаты, словно на парящем самолёте. А затем положить обратно довольного и хохочущего.

— Даже если это так, — слегка печальный голос Дейдры вернул меня в реальность. Я уже, было, и забыл, что мы обсуждали ранее. Но она, блин, всё помнила. — Я ни в чём тебя не упрекаю... Бабушка предупреждала: нельзя любить анинара. Он не может принадлежать тебе одной. И никогда не будет... Просто всегда говори мне правду. Я приму её. И выдержу любую.

— Конечно. Всегда, — я наклонился и поцеловал её в губы, в глубине души абсолютно не сомневаясь в том, что, если будет нужно, горькой правде я всегда предпочту сладкую ложь.

— Тук-тук-тук, — стук в дубовую дверь нарушил доверчивую интимность момента. — Милих, срочные новости, — голос Бертрама звучал обеспокоенно. — Ты проснулся?

— Проснулся, Бертрам, — я оставил Дейдру и отворил дверь — Что такое?

— Прибыл сирей из столицы с красным футляром на лапе.

— Сверхсрочное? — с Ибериком мы классифицировали систему доставки писем, разбив её на три категории: рядовые послания в белом футляре, требующие внимания — в синем и первостепенные — в красном. Так было гораздо удобнее обращаться с почтой.

— Да. С пометкой: "Из рук короля только для глаз милиха и принца".

— Всё понял. Одеваюсь... Пошли кого-нибудь за Тангвином.

Часть 5. Глава 12. Неожиданная просьба

С принцем мы встретились уже в зале собраний. У заводчика он перехватил довольно объёмный футляр и запер за собой дверь, когда мы остались одни.

Тангвин тоже изменился. И это я не только про удаление с лица сутенёрских усиков говорю. Он возмужал, как мне показалось. Подрос в самом важном смысле этого слова. Не прикасался к чему-либо крепче вина. Уверенно отказывался от тлеющих листиков. Полностью втянулся в процесс государственного управления под руководством спасительных чинуш, присланных дальновидным отцом из самой столицы.

Принц оказался совсем не дураком. Его холено-слащавая внешность оказалась обманчива. Хорошие гены, хорошее воспитание, прекрасное образование и, самое главное, умение быстро соображать, заставили меня пересмотреть своё отношение к нему практически с первых дней. Бесило только одно: его абсолютная неспособность хоть как-то противостоять Аларе. По какой-то неизвестной для меня причине он проигрывал ей практически все словесные баталии. И я — говорю как есть — пару раз советовал поучить её кулаком. В своё время я вёл себя примерно так же: принимал на голову ушаты помоев, отводил взгляд, постоянно чувствуя себя виноватым, и понемногу терял чувство собственного достоинства. Но хоть очень хотелось, я ни разу не поднял руку на бывшую жену. Она же всё-таки мать, чёрт бы её побрал... Я предпочёл трусливое бегство с алиментами, а не защиту собственного достоинства и сражение за трёхкомнатную квартиру, на которую заработал собственными ногами.

Примерно так же вёл себя с Аларой Тангвин — нерешительно. Как-будто какие-то внутренние демоны, которых он тщательно скрывал, запрещают ему вести себя, как мужчина, а не как половая тряпка, о которую вытирают ноги.

Но кроме этой странной слабости к собственной супруге, других особых недостатков у парня я не заметил. Он очень быстро принял меня за старшего, внимательно слушал, советовался и приводил в исполнение мои решения. Как исполнитель он был хорош. А это было именно то, что мне требовалось.

— Наверное, что-то очень срочное, милих, — Тангвин выглядел очень молодо без растительности на лице. Хотя, по нашим, земным меркам, как я подсчитал, он едва перешагнул через порог двадцати двух лет от роду. — Второй раз после твоего прибытия срочное послание... Прочтёшь сам? Или мне лучше?

— Давай ты, Тангвин. Разворачивай и читай вслух.

— *"Приветствую анирана Ивана и моего дорого сына"*, — Тангвин развернул довольно объёмное письмо. — *"Пишу со срочной просьбой о деле безотлагательной важности"*... Что-то случилось, что ли?

— Тангвин, не отвлекайся.

— *"Две декады спустя после наступления новой зимы и праздников, связанных с сиим событием, прибыл уставший и замёрзший сирей. Прибыл аж из самого Винлимара"*... Это с востока, милих.

— Тангвин.

— Прости... *"Старый сподручный Эоанита — святой отец Эвенет — прислал очередное письмо с угрозами. Но не с угрозами лично мне или тебе, аниран, а с угрозами моей семье. А точнее — Терезину"*... Это мой младший брат, — нахмурился Тангвин. — Он-

то здесь причём?... "Терезин родился последним из моих сыновей. Успел родиться за несколько зим до появления карающего огня. И выросл в те жуткие времена, когда прежняя жизнь рушилась, когда святая церковь вводила новые догмы, а чернь и уважаемые люди день за днём теряли веру. Он видел всё это своими глазами, впитывал изменения и истово поверил. Поверил в то, что наказание за наши грехи пришло... В этом вся суть беды, аниран: под влиянием слов Его Святейшества неокрепший умом Терезин решил совершить паломничество. Три зимы назад он отправился на восток прислуживать при Храме Смирения. Храме, названным "Чудо Астризии". Он не слушал моих слов, не слушал слов матери. Не убоился даже смерти, которая легко могла настичь его в нелёгком пути — настолько была крепка его вера в то, что Троединый Бог наказал нас по заслугам. И лишь постоянными молитвами, постоянными обращениями к Нему, мы можем это наказание искупить... Дважды я получал от него весточки. Эоанит приносил письма, написанные рукой Терезина. Тот уверял, что с ним всё хорошо. Что он прислуживает в храме и продолжает замаливать наши грехи. И я, хоть и с некоторым опасением, всё же оставался спокоен за его судьбу. До недавнего времени"...

— Эвенет совсем обалдел? — я попытался вникнуть в ситуацию. — Взял в заложники сына короля, что ли?

— Чего-чего?

— Ничего. Читай дальше, Тангвин.

— "И вот как раз мы возвращаемся к письму от Эвенета. Я позволю себе процитировать этого мерзавца... Мерзавец! Ты представляешь, аниран, что написал этот мерзавец? Цитирую: "...если Его Величество Анфудан Третий не одумается, если не вернёт воровским способом украденную собственность в законные руки святой церкви, если так и будет продолжать поддаваться воле драксадара, одуматься помогу ему я. Я не только запрещаю прислуживать при Храме сыну Его Величества, который, в отличие от отца, глубоко верит, но и посажу в темницу. В темницу, куда церковь отправляет строптивых шахтёров и апостатов, где он медленно умрёт от истощения. А затем высохшее тело того, кто с лихвой расплатится за чужие грехи, Его Величеству доставит сирей. Ибо вполне будет способен унести"... Нет, каков мерзавец, а!?... Я тебя прошу, аниран... Очень сильно прошу не отказать в следующей просьбе: не мешкая отправляйся к "Чуду Астризии", найди моего сына и верни домой. Как истово верил он в наше заслуженное наказание, так же истово верил в приход посланников небес — в приход аниранов. Покажи ему себя, и он поверит. Убеди, что тебе по силам спасти мир. Убеди моего слабого умом сына и приведи в Обертон... Молю тебя именем Троединого — не отказывай в просьбе сразу! И не раздумывай! Выполни своё предназначение — спаси и эту душу. Ибо лишь тебе это под силу."

Когда Тангвин окончил читать, я чувствовал себя растерянным. Про своего заблудшего сынулю король редко упоминал. Так, между делом... А тот, оказывается, целиком и полностью поверил в тот бред, который распространяла церковь. Что, в принципе, неудивительно, учитывая, в какое время и в каких условиях он рос.

— Неужели святой отец Эвенет способен на такое? — выпучив глаза, Тангвин рассматривал письмо в своих руках.

— В этом нет никаких сомнений, — хмыкнул я. — Человек, который прислал сундук с золотом и ядовитой пылью, перешагнёт через любого. Любого сгноит в глубоких подвалах... Чёрт возьми, почему твой отец раньше не сказал, что у Эвенета такой козырь на руках?

Почему не предупредил?... Ладно, не отвечай. Это риторический вопрос.

Я тяжко вздохнул и потёр лоб ладонью: похоже, дело — дрянь. Парень сам по себе — религиозный фанатик. Так ещё и находится там, где все такие. То есть вырвать его из храма — всё равно что из рядов секты вырвать самого отпетого сектанта.

Хм... Парень... Парень... А сколько ему лет, вообще?

— Тангвин, сколько лет твоему младшему брату?

— Лет?

— Зим, я имею в виду. Возраст какой?

Принц на мгновение задумался.

— Двадцать три зимы, должно быть. Но, извини, милых, я не уверен. Я не видел его давным-давно... Наверное... Наверное, последний раз как раз тогда, когда... О! Точно! — принц всполошился, принялся вертеть головой и метнулся к стене, всегда закрытой широкой коричневой шторой. Потянул за канат и улыбнулся. — Вот, смотри. Тогда я видел его в последний раз.

На огромном холсте в половину стены изображалась семейная идиллия: ещё не такой старый и не такой пузатый Анфудан Третий важно восседал на троне. Слева от него стояла невысокая, но очень милостивая рыжеволосая женщина, признать в которой саму королеву было практически невозможно. Ничем не привлекательный мужчина с окладистой бородой возвышался позади. Молодой парень, мордашкой очень похожий на Тангвина, прижимался к мужчине плечом. Горделиво задрал подбородок, у правого подлокотника примостился смазливый подросток. А у левого подлокотника, приняв на плечи материнские руки, по-детски непосредственно улыбался голубоглазый мальчонка лет семи-восьми. Портрет был настолько прекрасен, настолько идеально написан, что я ни секунды не сомневался, что работал профессионал.

Теперь осталось выяснить ху из ху, как говорится.

— Вот Терезин, — Тангвин опередил меня с вопросом и указал на улыбающегося мальчика. — Мастер Гильдаран — да подберёт Фласэз для него достойное место в своей армии — работал над холстом несколько декад, пока королевская семья пребывала в Валензоне. Как раз тогда, когда Валензон передавали в моё управление. Это... Это было много зим назад. Четырнадцать, пятнадцать... Не помню. Тогда я видел брата в последний раз.

— Хм, — озадаченно хмыкнул я, рассматривая портрет. — Не думаю, что это поможет. Время безжалостно ко всем. Уверен, он уже давно не ребёнок... А это же Тревин позади? Старший?

— Да. Сзади — Тревин, справа — Трифин, слева — Терезин.

— Жаль, что нет ничего посвежее, — почесал я подбородок.

— Скажи, милых, ты уже решил, как поступишь? Ты пойдёшь через всю страну, чтобы найти брата?

Я бы соврал, если бы сказал, что уже точно что-то решил. К тому же портрет хоть и красивым оказался, но совершенно бесполезным. Как теперь выглядит этот Терезин, я не имел ни малейшего понятия. То есть придётся искать иголку в стогу сена, если я всё-таки решусь. Иголку в стогу враждебного сена.

— Пока не знаю, Тангвин. Я бы хотел посетить это ваше Чудо Астризии, чтобы найти Эвенета. Взять его за седую бороду и врезать кулаком промеж глаз за то, что хотел убить меня и твоего отца. Ну и Терезина забрать мимоходом... Только вот соваться туда, где

король не я... и даже не твой отец, крайне рискованно.

— Рискованно, — подтвердил Тангвин. — Без проводника, без подорожных с королевской печатью ты туда вообще вряд ли доберёшься.

— И без золота...

— И без золота, — Тангвин вновь кивнул головой. — Только золото — не самая большая проблема. Лиги — вот что самое опасное. Пройти сотни лиг через страну, где всё ещё нет порядка, очень опасно. В одиночку, думаю, не по силам даже анирану.

Я считал иначе, ведь давно привык в одиночку наворачивать лиги. Сколько в этом мире уже их отмотал... Но спорить с принцем не стал. Мне предстояло очень серьёзно поразмышлять над этим вопросом и продумать отказ, если я всё-таки...

— Мастер Сималион сможет помочь! — радостный вскрик Тангвина выбил меня из раздумий. — Я помню, он пытался обучать Терезина. Отец как-то писал, что хочет сделать из него умелого фехтовальщика. Но Терезин, в отличие от Трифина, с детства питал отвращение к военному ремеслу. Ему даже меч было противно в руки брать.

— Пацифист вырос, что ли?

Тангвин меня не понял. Нахмурился, пытаюсь понять смысл инопланетных речей, но, в итоге, лишь плечами пожал.

— Неудивительно, что пацифисту легко задурили мозги покаянием, — пробормотал я и задумался: вроде, что-то наклёвывается. Если Сималион помнит парня, если сможет опознать, есть смысл попытаться вырвать его из лап Эвенета. Как ни крути, это важно не только с человеческой точки зрения, но и полезно политически. Король будет передо мной в неоплатном долгу. Пойдёт на что угодно ради анирана... Тангвин окрепнет в своей вере в милиха. Не только будет готов исполнять его приказы, но и жизнью рискнёт ради него. Не сомневаюсь... К тому же, отпустить Эвенету щелчок по носу — а может быть, и башку отрубить мимоходом — было бы совсем неплохо. Этот "хозяин востока" действовал мне на нервы. Один хитрозадый козёл скрылся на западе, другой хозяйничает на востоке. Если они примут решение и одновременно начнут давить на центр... Короче, надо пораскинуть мозгами. Поразмышлять наедине с самим собой, обсудить этот вопрос с Сималионом, а затем посоветоваться с близкими людьми. Понять, стоит ли овчинка выделки.

Держать совет я позвал всех. Всех, кому мог доверять. Даже Мелее разрешил присутствовать, которая всё так же не отходила от Дейдры ни на шаг. Она сидела рядом с внучкой и ежесекундно посматривала на засыпавшего на руках той правнука.

— В общем, дела обстоят именно так, — закончил я рассказ. — Я посидел, подумал немного. Но так же хочу услышать ваше мнение. Смело говорите. Каждому из вас я доверяю, как себе. Высказывайтесь.

— Куда милих, туда и мы, — лаконичный Иберик глянул на Феилина и дождался ответного кивка. Со следопытом они быстро нашли общий язык. — Куда прикажет и когда прикажет.

— Я помню парня, — Сималион состроил кислую мину. — Мягкий он слишком. Не из королевского теста... Прошу прощения, Ваше Высочество...

— Конечно, мастер. Продолжай.

— Задумчивый, весь в себе. Слаб духом, слаб телом. В руки металл брать не желал. Не

умел решать самостоятельно, другим доверялся... Я всегда знал, что такова будет его судьба — плестись на поводу, как теля... Простите, Ваше Высочество.

Принц промолчал. Было очевидно, что слова именитого мастера о брате ему не по душе.

— Но я его узнаю. Обязательно узнаю. Он терял облик на моих глазах. Превращался в одухотворённого боголюбца. Если ты, милих, решишь вернуть сына отцу, я с тобой. Это важное дело. Не только во славу короны, а во славу добра.

— Святой отец, что скажешь ты? Уверен, ты тоже знал Терезина.

— Знал, — отец Эриамон, вошедший в круг моих доверенных лиц и нисколько не сомневающийся в избранности именного этого анирана, всегда давал дельные советы. Он хорошо разбирался в местной религиозной кухне и был неocenim, как союзник. — Примо Сималион правы, Терезин — ведомый. Он жадно слушал проповеди... В том числе и мои... И через некоторое время созрел. Его переполняла кипучая энергия. Но не делу короне он хотел её посвятить. А делу замаливания грехов тех нечестивцев, кто всё ещё сомневался в заслуженности наказания. Перед самым паломничеством он проводил в храме всё своё время. Всё сильнее убеждался в правильности предстоящего поступка. И ушёл. Ушёл вместе с тысячами тех, кто искал искупления.

— Меня интересует, как ты смотришь на то, чтобы вырвать его из лап Эвенета? И захочет ли он быть вырванным?

— Конечно, не захочет, — фыркнул Эриамон. — Кто захочет, чтобы его вырвали из семьи? Я даже уверен, если святой отец Эвенет прикажет Терезину самому спуститься в темницу и сгнуть там, тот согласится. Его убеждения непогрешимы...

— Но?... Я чувствую, что дальше последует "но".

— Но спасти его необходимо. И спасти его может лишь милих — лишь ты, — святой отец указал на меня пальцем. — Ибо его вера в тебя абсолютна. Даже Триединый, — отец Эриамон осенил себя знаком. — Не сможет заставить его служить себе, если появится аниран. Тот аниран, кто словами и делами докажет, что пришёл спасти не только его, но и весь мир.

— То есть ты, святой отец, намекаешь, что идти надо?

— Не намекаю, а говорю — идти необходимо. Но идти не одному. И не только с мастером Сималионом. Надо идти во главе многотысячной армии! — святой отец Эриамон аж в размерах увеличился, когда принял гордую позу. — Идти на восток выручать не только одну заблудшую овцу, а всех. Все те души, что страдают и истязают себя, что не знают о прибытии милиха и не верят в грядущее исцеление, обязаны быть спасены. И чтобы милиху позволили это сделать, уверен, необходима армия. Я, как никто, знаю, что спасти тех, кого нужно спасти, ему не позволят.

Я задумчиво почесал макушку. Святой отец Эриамон уже смотрит на мир правильным взглядом. Видимо, сказывается долгое путешествие вместе со мной. Даже словами моими говорит.

Но идти с армией через всю страну несвоевременно. Армии, как таковой, ещё нет. Наверное, около десятка тысяч слабо обученных солдат во всей Астризии наберётся. К тому же, боевой потенциал этой армии пока ещё крайне низок. Нужны декады обучений, декады муштры. Нужны толковые сотники и тысячники. Но самое главное, нужны боевые столкновения. Боевое крещение, можно сказать. Типа таких, когда в Обертоне гарнизон Каталама разобрался с храмовниками. В письмах Его Величество весьма довольно отзывался о старом-новом тысячнике.

И таких, как Каталам, мне нужны десятки. А таких солдат, как под его управлением, десятки тысяч. Без таких начальных данных марш-бросок через всю страну бессмыслен. Эвенет задолго до нашего прибытия обо всём узнает. И, я уверен, бросит навстречу не только всех своих храмовников, но и всех паломников. Даст каждому вилы в руки и прикажет, отдавая сотню за одного, воткнуть эти вилы в пузо каждого гессера. А если ещё и Эоанит вовремя подсуетится, ведь в чём в чём, а в глупости его никак нельзя обвинить, мы очень сильно рискуем сказать "прощай" не только наркотическим садам, но и Обертону.

Я бросил взгляд на Дейдру. Она машинально покачивала ребёнка, озабоченно смотря в мои глаза.

— А что скажешь ты, милая?

Её мнение для меня тоже что-то значило. Хотя я был уверен, что она, многое пережившая и многого натерпевшаяся, сразу начнёт отговаривать. Испуганный взгляд как бы намекает...

На Дейдру посмотрели все собравшиеся в комнате, когда она застыла, будто размышляла о чём-то.

— Ты должен спасти всех, кого можешь спасти, — тихо произнесла она. — Ведь милих для этого и спустился с небес... Я вижу твой удивлённый взгляд. Но, поверь, я уже подумала. Уже испугалась и уже решила. Дела государства гораздо важнее, чем моё личное счастье. Даже я мало что значу, по сравнению со спасением сына самого короля...

Она бросила короткий взгляд на собственного сына. А потом сурово посмотрела на меня, как бы показывая, что именно для неё самое важное. И чью жизнь она будет защищать первым делом.

— ...Но надо действовать скрытно. Слух о прибытии анирана в Валензон прибыл задолго до прибытия самого анирана. Все к этому были готовы. Если ты... Если ты так же открыто пойдёшь на восток, я боюсь, тебя не встретят подобающе.

Я очень хорошо понял, что она имеет в виду. Ведь сам ни раз за прошедшие дни рассказывал ей, как обстояли дела в Обертоне. С кем пришлось повстречаться, с кем поконфликтовать, а кого и головы лишить. А так же рассказал, почему местная церковь уже не любит анирана. И почему в скором времени начнёт ненавидеть. Если, конечно, уже не ненавидит.

— Скрытность — половина успеха на охоте, — Феилин понял слова Дейдры своеобразно. Но смысл в его словах, несомненно, присутствовал.

— Женщина анирана права, — Тангвину было немного неловко оттого, что по статусу он занимал высшую ступеньку, а в этом кругу вынужден был ждать момента, когда ему позволят высказаться. — Власть святых отцов у Чуда Астризии непререкаема. Плавин... Винлимар... Наместники этих городов с Его Величеством разговаривают, не страшась. Они знают, что за их спиной стоит кто-то не менее могущественный. Если милих поведёт войско, уверен, никто из наместников не откроет милиху врата в город. Скорее его встретят кипящим маслом. Поэтому милиху надо отправляться тайно. Как паломник. Весна близко. А за ней последует тёплое лето. Самое время паломникам со всей Астризии стягиваться к Храму и вымаливать прощение. Пусть милих станет одним из них. Пусть вместе со всеми совершит восхождение, оставит дары на ступенях и вознесёт молитву. Осмотрится, найдёт брата, вырвет из лап священнослужителей и вернёт отцу.

Тангвин глаголил истину. Примерно к такому решению я и склонялся. Про паломничество уже знал немало. И знал, что оно совершается цветущей весной и тёплым

летом, а не пасмурной осенью и холодной зимой. Затеряться в толпе и посмотреть на всё своими глазами было бы очень неплохим решением. Вместе со свежим мясом взойти по спиральным дорогам к Храму, возможно увидеть Эвенета, найти пацана и увести его. Ведь реально глупо ехать на восток, крича во все стороны: "Прочь с дороги! Аниран едет!". Нужно действовать инкогнито.

— Путь будет долог? — я посмотрел на Тангвина.

— Долог. Если милих выйдет одвуконь, как только подсохнут дороги, лишь через шесть-семь декад он доберётся до Плавина — города на озере Холетер. Самого большого озера на просторах Астризии. Там как раз лесосплав начнётся... Паломники будут стягиваться... В общем, движение на озере станет оживлённым. Через всё озеро, а потом по реке милих прибует в Винлимар — столицу восточных краёв. И оттуда есть лишь один путь — к Чуду Астризии. Тракт проложен не хуже, чем от Равенфира к Обертону. Невозможно заблудиться... В общем, к началу лета милих должен прибыть. И у него будет целое лето на то, чтобы осмотреться и всё изучить.

— А как потом обратно? — поморщился я.

— Так же, как и туда.

— М-да... Не уверен, получится ли. С пацаном-то на плечах.

— Тебе ещё придётся побороть его волю, милих, — напомнил Эриамон. — Принц Терезин не оставит своего духовного наставника по своей воле. Только если его волю сломит воля более сильная. Просто так он за тобой не пойдёт. Ты должен будешь доказать, что достоин стать поводырём. Показать своё право повелевать его волей.

Я опять поморщился. Вроде бы, Терезину, по местному летоисчислению, уже двадцать три года стукнуло. Немного моложе Дейдры, получается. А говорят о нём, как о тупоголовой кукле, которая повторяет мантры, вдолбленные в голову другими. Сказал бы я, что у всех пацанов в этом возрасте ветер в голове. Да это не так. Я в этом возрасте — где-то в шестнадцать-семнадцать лет по земному летоисчислению — на юниорском чемпионате перстни брал. Одной из центральных фигур на поле был. А тут, блин, из парня сделали бестолкового религиозного фанатика, которого не только ещё обнаружить надо, но и уговаривать придётся. Да и в мешок такого не засунешь, чтоб не рыпался. Придётся выводить на своих ногах, а не в мешке.

Размышляя, я опять обратил внимание на Дейдру. Её лицо потемнело. Печать грусти отчётливо отображалась на лице. Она машинально укачивала ребёнка, смотрела куда-то в пол и мрачнела на глазах.

Её красноречивое лицо рассказало мне о многом. Я никогда не был особо хорошим физиогномистом, но не понять, что сейчас творится у неё на душе, было невозможно. Она опять боялась за меня. Опять боялась за себя. Опять боялась того, что мне придётся уйти без стопроцентных шансов вернуться. Она опять боялась остаться одной, жить в страхе и ждать. Но в тоже время понимала, что выбора у неё нет, ведь пути анирана неисповедимы.

Я отвёл взгляд, потому что не мог смотреть на Дейдру в данный момент. Желание отказать, наплевать на всё и остаться с любимой женщиной охватило меня целиком. И хоть я знал, что это лишь временная слабость, сопротивляться временной слабости было очень тяжело. Ведь я тоже человек. И человеческие чувства мне тоже присущи.

— В общем, вы все одобряете...

— Не все, — впервые подала голос Мелея. Эта пронизательная бабулька заметила изменившееся лицо Дейдры одновременно со мной. И тоже сделала верные выводы. — Нече

там делать. Тут делов полон рот. Сын твой, вон, подрастает. Куда ты от него?

— Спасать другого сына, — тихо прошептал я, отчаянно сопротивляясь той временной слабости, на которую надавила хитрая Мелея. — Решено, значит! — я добавил громко и уверенно, чтобы больше никто не пытался сбить анирана с пути истинного. — Мастер Сималион тоже пойдёт со мной. Но поскольку путь предстоит неблизкий, мне нужны верные помощники. Иберик, и ты — Феилин, собирайтесь. Отправимся вчетвером.

— А я? — разочарованно развёл руками Эриамон.

— А мы? — испуганно выпучил глаза Бертрам, денно и ночью стоявший вместе с гессерами на страже анирана и его женщины.

— Святой отец, тебе там точно делать нечего. Мало того, что путь неблизкий и нелёгкий, так там, на далёком востоке, уверен, найдутся те, кто легко сможет тебя опознать. Или ты сам себя рассекретишь ненароком. А поскольку мы отправляемся тайно, эта тайна сразу пойдёт по... В общем, нет. Ты останешься здесь и будешь присматривать за моим сыном и моей... законной супругой. А ты, Бертрам, и твои верные воины, — я по-дружески хлопнул того по плечу. — Займутся тем же: мой сын и Дейдра — теперь твоя ответственность. С головы каждого волосок не должен упасть. Ты защитишь их от всех напастей. А самое главное — защитишь от публичности. Ни шёпота, ни полшёпота не должно просочиться за стены королевского дворца. Любого накажу, если Эоанит прознает про Элазора, как прознал про Фабрицио. Тебе понятно?

— Конечно, милих, — Бертрам поклонился. — Всё исполню. Твоя женщина под надёжной защитой.

Словам опытного сотника я мог верить. Пока он меня ещё не подводил.

— Обещаю, что дитя милиха и его женщину во дворце никто пальцем не тронет. Это самое безопасное место для них, — торопливо добавил Тангвин.

— Ваше Высочество, — при посторонних я Тангвина никогда не называл иначе. — Мы отправимся, как немного подсохнут дороги. Распорядитесь обеспечить нас всем необходимым. В том числе картами, золотом и провизией. Иберик, Суммана тоже берём. Хватит ему прохлаждаться. Постараемся каждую декаду отправлять в Валензон за новостями. Дейдра... Дейдра!

— Да? — она растерянно посмотрела на меня, будто с большим трудом смогла выбраться из паутины тяжких дум.

— Держи меня в курсе всего, — я добавил нотку суровости. — Его Высочество будет оповещать о важных делах, а ты о ещё более важных — о моём сыне. Я должен знать, что с ним всё в порядке.

— Конечно.

Дейдра окончательно поплыла. Я видел, что она едва сдерживается. Не было бы тут свидетелей, уверен, сейчас бы она уже рыдала.

Так что пришлось решительно подавить тяжёлый комок, зарождавшийся внутри, и успокоить мать моего сына.

Никого не стесняясь, я подошёл к ней, взял подмышки, поставил на ноги и осторожно обнял, чтобы не разбудить слюнявого соню.

— Не бойся. Всё будет хорошо. Мне опять придётся уйти, а тебе опять придётся дожидаться. Поверь мне, любимая: я не собирался бросать тебя в первый раз, не собираюсь бросать и во второй. Я обязательно вернусь. Ты должна мне верить. Сколько бы времени не прошло, сколько бы трудностей нам обоим не пришлось преодолеть, мы обязательно будем

вместе.

Дейдра всё же не справилась. Переполнившись чувствами, она не смогла себя сдержать. Слезы потекли по щекам. Она кусала губы и не могла произнести ни слова. Как и суровая Мелея, которая моментально подхватила слезливую болезнь.

— Дела милиха должны идти во спасение. Никто не может стоять у него на пути. И никто не может держать на привязи, — момент слегка подпортил святой отец Эриамон.

Но, к удивлению, это подействовало. Дейдра шумно втянула носом воздух и резко вытерла слёзы рукавом.

— Вернись ко мне. Вернись.

— Я вернусь. Я обещаю.

— Тогда пусть Фласэз освящает твой путь. Ступай с Богом.

Часть 5. Глава 13. Очень долгий путь

Мы отправились через две декады. Ночью Дейдра постаралась выжать из меня все соки. Но чудо-отвар Мелеи снял всю усталость и всю сонливость. А потому, утром склонившись над кроватью и поцеловав в лобик уже проснувшееся и удивлённо смотрящее на меня слюнявое чудо, я вышел за порог.

Феилин, Иберик и Сималион с запасными конями на поводу ждали меня у врат города. Как и принц Тангвин со своим верным стражем. Путь был проложен и тщательно расчерчен на картах. Провизия и фураж запасены в достаточных количествах. Оружие наточено, а к поясам привязаны тугие кошельки с монетами. Но самое главное, на моей шее висел золотой медальон с символом королевской власти. По заверениям Тангвина, этот медальон откроет передо мной любые врата. Любой наместник, любой элотан склонится в поклоне совсем не потому, что перед ним аниран, а потому, что перед ним посланник короля. Этот медальон, Тангвин обещал, поможет находить приют на постоянных дворах и уничтожать чувство страха у жителей тех деревень, где нам, возможно, придётся просить кров. И для этого совсем не придётся демонстрировать анирана.

Так что отправлялись мы вполне подготовленные. Я лишь молил Триединоного Бога о том, чтобы дорога оказалась не столь опасной, как дорога из Равенфира в Обертон. Пусть более долгой, но менее опасной. Ибо тогда риск не сдержать слово, данное Дейдре, окажется слишком велик.

Дорога действительно оказалась менее опасной. Да, долгой. Но не такой опасной.

Мы не вылезали из сёдел с утра до вечера. Двигались практически без привалов. Ночевали или под открытым небом вокруг костра, поужинав добытой Феилином дичью, или в гостеприимных деревнях. Нас принимали за служивых, когда я не показывал золотой документ, или же за посыльных принца Тангвина, когда всё же показывал, чтобы уговорить испуганных крестьян, угрожавших стрелами с помостов у частокола. Но, так или иначе, двигались мы по проторенной дороге на восток довольно-таки долго. На многие лиги вокруг Валензона, куда мы разослали конные десятки, воцарилось относительное спокойствие. Слух про анирана и его решительные действия на ниве восстановления города дошёл даже до самых далёких окраин. Везде анирана хвалили и благословляли. Не было такой деревни на нашем пути, где местный элотан не проедал бы плешь рассказами про анирана, достойного стать милихом. Очень приятно было слушать о себе добрые слова. Всегда полезно знать, что думает о тебе простой народ, излечить который ты искренне желаешь. И, слушая подобные речи, я отходил душой. Я понимал, что всё не зря. Что посеянное семя начинает прорастать.

Но мирная жизнь и спокойствие заканчивались, чем дальше мы удалялись. Чудовищно-огромный лес, по дороге через который мы пробирались почти декаду, стал границей, отмерявшей безопасную территорию от опасной. Именно об этом предупредил десятник в последней, давшей нам кров, деревне.

Декада действительно выдалась не из простых. Я ненавижу лес. Ведь была на то причина, что тут говорить. И хоть на этот раз я был не один, и за мной не гнались гонимые, поволноваться и попотеть пришлось.

Двое суток за нами по пятам шли какие-то выродки. Феилин заметил слежку практически сразу. И практически сразу разобрался, что на дороге небезопасно. Он оставил нас и бесшумно удалился в чащу, приказав двигаться дальше неторопливо и осторожно. А потом так же бесшумно вернулся, едва не схлопотав метательный нож в живот, когда всполошил Иберика.

Преследователей было двенадцать, как он выяснил. Они шли по следу подков и старались сначала изучить жертву, а не ломиться с высоко поднятыми мечами. То есть, как предположил Феилин, это были далеко не глупые люди. Скорее всего, очередные дезертиры, а не обычные работорговцы, бравшие нахрапом.

К сожалению, выяснить, кто именно это были такие, нам не удалось.

Мы подловили их в предрассветный час. Они думали, мы спим, по глупости своей никого не оставив на страже. И попытались застать нас врасплох. Но, в итоге, угодили в засаду сами.

Это были обычные мужики. Довольно крепкие. Явно умевшие выживать. Но когда мы практически ополовинили их ряды в первые секунды боя после убийственных стрел и метательных ножей, решимость испарилась. А когда желавший боя аниран зло сжал зубы и показал себя, они бросились наутёк.

Двоих я зарубил. В этом не было критической необходимости, так как опешивший соперник — совершенно не соперник. Просто я — за это я потом себя опять отругал — желал драки. Гнев просыпался по щелчку пальцев, лишь только сидящая внутри божественная сущность ощущала для себя угрозу. И я ничего не мог с этим поделать. Ярость, желание колоть и рубить, желание увидеть кровь поверженного врага и желание насладиться победой пересиливали иные чувства. Даже чувство самосохранения.

Остальных удиравших добили Феилин с Ибериком. Я не помню, орал ли я, требуя оставить в живых хотя бы одного. Возможно, нет. Ведь мы просто убили всех. А когда изучали разложенные на земле тела, лишь Феилин, по мозолям на крепких ладонях, смог определить, что мужики не иголку в руках держать обучались. А хорошо знакомы с предметами, сеющими смерть.

Мы тщательно их обыскали, но не нашли ничего ценнее бурдюка с секхой и горстки серебряных монет. Отправились дальше, предварительно выслав в Валензон сирея с новостями.

Ответные новости застали нас в пути. Я чувствовал себя солдатом, слишком долго сидевшим на передовой, когда разворачивал письмо. Я внимательно читал строки, написанные рукой Тангвина, и улыбался, когда читал абзац, с новостями от Дейдры.

Валензон стоял крепко. Зима ничуть не пошатнула его. Гарнизон крепчал, призывы о наборе в армию милиха указами рассылались во все отдалённые деревни, а спесивые прямо на своих землях действительно позволяли желающим возводить дома.

Дейдра сообщала, что Элазор растёт и набирает вес. Ест несколько раз на день. Сему факту безумна была довольна Мелея, которая от внучки не отходила ни на шаг. Докучала даже, как добавляла Дейра. Так же от них ни на шаг не отходил и ещё один персонаж — святой отец Эриамон. Дейдра в шутку добавляла, что он, похоже, привязался не только к ним, но и к Мелее. Сначала они друг к другу относились настороженно, но, видимо, общая обеспокоенность за новорождённого сплотила их. Иногда они даже хихикают вместе, эпистолярно смеялась Дейдра.

Новости были прекрасны и действительно вызвали на моём лице улыбку. Я перестал

беспокоится, убедившись, что во дворце принца им ничего не грозит. Если Тангвин обещал сбереечь их — он сдержит своё обещание.

Но едва обеспокоенность улетучилась, на очередном ночном привале ко мне вновь пришёл он — пришёл Голос.

Я много дней подряд просто проваливался в темноту. Ничего не ощущал и ничего не видел. Просто засыпал и просыпался.

Но яркие картинки всё же настигли меня.

Этот сон был столь же ярок, столь же красочен, как и все сны до него. Только в этот раз я не летал по окрестностям. Я просто вращался над океаном. Видел прибой у далёкого берега, видел холодные безжалостные волны. А затем оборачивался, и в другой стороне видел усеянный водорослями песчаный берег.

Голос ничего не сказал в этот раз. Ничего не предлагал. Никуда не подгонял. Он лишь показывал варианты и подталкивал выбрать один из них.

Так что проснувшись и вспомнив детали сна, я убедился в своей правоте: аниранов в Астризии не осталось. Они там, на других материках. За глубоководными океанами, переплыть которые мне ещё предстоит. Но поскольку сейчас передо мной стояли иные задачи, да и переплывать океаны я, мягко говоря, был не готов, я вновь попытался закрыться от Голоса. Видеть каждую ночь одно и то же, получать визуальные пинки под зад, мне не хотелось. И я подключил "дым забытья".

Но сработал этот странный наркотик по-особому: я впервые увидел сон, где главным героем был не Голос — был мой сын.

Я видел этот сон лишь однажды. Да и то, наверное, потому, что перебрал с дозой. Было так кайфово "дунуть" по полной, что я не смог себя остановить.

Я был в покоях, которые мне выделил принц Тангвин. Ни Мелеи, ни Дейдры рядом не оказалось. Лишь знакомая деревянная кровать покачивалась, а изнутри доносились всё те же очень знакомые "агыльгыли".

Но обеспокоенности я не испытывал. Я испытывал счастье.

Я подошёл к кровати и склонил голову набок, с улыбкой наблюдая, как малыш играет собственными ручками. Он лежал на спине, выставил перед собой руки и вертел ими, наблюдая, как мельтешат крошечные пальчики. Но когда я подошёл ближе, он перестал смотреть в пустоту и пускать слюни. Он сразу заметил меня. И сразу прекратил баловаться.

Это было очень странно. На меня как будто смотрел не четырёхмесячный младенец, а, как минимум, отрок. Глаза его выдавали. Они смотрели внимательно и заинтересованно. Брови хмурились, словно малыш пытался вспомнить, где он видел того, кто сейчас склонился над его кроватью.

— Папа? — эти слова прозвучали совершенно неожиданно. Я даже отпрянул в страхе. Голос был детский, но совсем не такой неуверенный, каким дети произносят первое в жизни слово.

Поборов страх, я вновь склонился над кроватью. Но больше слов никто не произносил. Я не мог, потому что словно онемел. Мой рот мне не подчинялся. А Элазор не говорил, потому что ждал ответа. Ждал реакции. Ждал подтверждения, что я — именно тот, кого кого он хочет услышать.

Я пытался заставить себя говорить. Пытался привести язык в действие. Но ничего не получалось. Малыш спокойно лежал на кровати и задумчиво ждал моего ответа. Но, так его и не получив, протянул ко мне маленькие ручки. Его пальчики тянулись, а ладошки хотели

сжать мои пальцы.

И я уже, было, вытянул руки в ответ. Ребёнок улыбался, а я испытывал самые радостные, самые счастливые ощущения в своей жизни.

Но опять случилось нечто странное: когда я тянул руки, бросил взгляд на свои ладони. Рассмотрел несколько шестиконечных пятнышек и увидел, что они горят оранжевым пламенем. Горят, как самое яркое в мире пламя, которое стремится покинуть меня и наполнить своим жаром другой сосуд.

Я отдернул руки, испытывая чудовищный страх. А в следующее мгновение проснулся, обливаясь холодным потом. Взгляд метнулся к ладоням. Но всё было в порядке: я всё ещё оставался избранным, всё ещё оставался анираном, который смог достичь большего, чем другие.

Весь тот день я был сам не свой. Вспоминал сон, пытался душить на корню лёгкую неприязнь и раздражение, которые испытывал к сыну. Мне почему-то казалось, что и он хочет отобрать мой дар. Хочет сам стать избранным. Хочет сам пройти путь анирана. И я был уверен, что этот странный сон по-любому несёт какую-то информацию. В этом мире, где я — практически божество, любые сны несут информацию. Надо лишь разобраться, что содержит эта информация. И в чём иносказательность.

Так что весь оставшийся путь до озёрного города Плавин, я больше ни разу не укладывал листик на тлеющий уголёк. Я предпочёл вновь столкнуться с Голосом и внимать его намёкам, чем видеть, как из своей кровати мой сын пытается отобрать мой дар.

Но сны перестали приходить. Будто я узнал то, что должен. И теперь обязан сам разобраться, что всё это значит.

Часть 5. Глава 14. Неизвестный восток

Когда показались берега того самого озера Холетер, Иберик сообщил, что мы в пути уже шесть декад. Хотя с нами шёл опытный следопыт и мы никогда не оставались без свежей воды и дичи, всё же смыть с себя дорожную грязь, окунуться в тёплые воды бескрайнего озера и, возможно, порыбачить, не отказался никто. Мы на целые сутки устроили привал и приводили себя в порядок. А затем ещё трое суток двигались вдоль берега до самого Плавина, отъедаясь на крупной рыбе.

Судя по картам Тангвина, размерами Плавин уступал лишь Обертону и Валензону, как двум основным городам Астризии. Что, в принципе, неудивительно: в Плавине, как мне рассказывали, никто никогда не голодал. Незамерзающее озеро кормило всех. А лес, который сплавляли из Равенфира, а потом переправляли в Винлимар на нужды церкви, наполнял казну золотом. Хотя Плавин, как утверждали знающие люди, подчинялся короне лишь формально и находился под управлением наместника, всё же регулярно платил налоги. Его Величество даже утверждал, что золото из Плавина поступает регулярно именно потому, что тут не хотят, чтобы он совал сюда свой нос. Не хотят видеть, не желают, чтобы приезжал. И король, в принципе, не жаловался. До недавних пор он вообще мало чем интересовался, кроме собственного брюха.

Но мне было интересно всё. Впервые я зашёл так далеко от мест, где уже нараспев повторяют моё имя. И был настроен тщательно исследовать город.

Мы изначально решили придерживаться легенды и не поминать всуе анирана, а потому зашли с южных врат, как простые паломники. Ну, возможно, не совсем простые, а зажиточные. Но это не отменяло того факта, что внимательные стражи на вратах, экипированные в знакомые белые рясы поверх кожаных доспехов, легко пропустили нас, украдкой пробуя на зуб серебряные монетки.

Паломники стекались в Плавин отовсюду. В сей тёплый день конца весны город бурлил. Шумные улочки заполнялись народом, тихая заводь, буквой "V" врезающаяся в город, кишела яликами, прогулочными лодками и прибывающими кораблями. Вдоль берега выстроились деревянные пирсы и причалы. А у причалов и пирсов выстроились парусные суда абсолютно любого размера. Когда мы преодолели людской поток и вышли к порту, я несколько минут стоял раззявив рот, рассматривая никогда не виданные ранее парусные суда. Видел высокие мачты с широкими парусами, на палубах видел надсмотрщиков с кнутами, видел вёсла и видел тех, кому предстояло натирать мозоли на этих вёслах.

А так же я видел десятки и сотни покорных людей, погружавшихся на корабли.

Паломники не ходили группами меньше, чем по пятьдесят человек. Хотя в пути мы не встретили ни одного, массу их увидели в Плавине. В основном, они спускались вниз по реке вместе с лесосплавом. Гиды в монашеских клобуках брали их в оборот ещё в Равенфире, как поведал мне многоопытный Сималион, и переправляли сюда. Тут сортировали, очень молодых и очень красивых девушек отбирали для неизвестных ему нужд, а остальных отправляли дальше на восток замаливать грехи.

Эти больные на голову фанатики, вечно сидящие в кружках и поющие какой-то бессвязный заунывный бред, заставляли мои зубы скрежетать. Ни разу я не услышал песню о спасителе. Ни разу никто не упомянул в песне анирана. Ни в одном голосе я не услышал надежду. Зато о Тринеином Боге, о карающем огне и неизбежном наказании плакался

каждый второй.

Я бродил меж рядов этих людей и кривился лицом. Эти овцы бесили меня. Этот чёртов "овцизм" я хотел искоренить. И уже приступил к исполнению своей идеи далеко на западе отсюда. Но здесь, в городе, который никогда не слышал про голод, всё обстояло совершенно иначе. Здесь блеяли по команде. Здесь воздавали хвалу не тому, кому следовало бы воздавать. Здесь не видели свет в конце известного тоннеля. Здесь этот тоннель заканчивался абсолютной безнадёгой.

Мы пробыли в Плавине два дня, пока более опытные и искушенные ребята изучали возможность четверым паломникам при лошадях попасть в Винлимар, не привлекая лишнего внимания. Я лишь гулял по городу, чутко прислушивался к разговорам, изучал окрестности и держал рот на замке. Как умный полководец я проводил рекогносцировку, а не бежал на местную площадь, желая рассказать каждому, что нехрен рыдать. Нехрен пускать сопли и петь плаксивые песни. Аниран прибыл. Аниран-спаситель. Поднимитесь с колен и начинайте сражаться за жизнь, мать вашу за ногу!

Вместо подобных глупостей я собирал информацию. И окончательно убедился в том, что запад и восток разделены, побывав в одной из самых людных портовых таверн.

Богобоязненность и вера в непогрешимость церкви правили Плавином. Но в таких тавернах, где секха и жуткое пивоподобное пойло под названием "аройя" легко развязывали языки, очень часто можно было услышать настоящую правду. Мнение обречённых на вымирание людей, которое они не скрывали.

Эта компания прибыла из Равенфира. Города выше по течению, где ранее мне удалось недолго пожить в темнице и где правил старший сын короля.

Кормчий и два его взрослых сын доставили в Плавин очередную партию живого мяса. Заработали серебра немного и теперь честно его пропивали. Они, как люди более эрудированные, не стеснялись высказывать своё мнение о появившемся при дворе аниране, и до хрипоты спорили с каждым местным алкашом.

— Аниран — не выдумка! — размахивал рукой пьяный кормчий.

— Ты видел его? Нет, не видел, конечно же, — зло возражали слушатели. — Первосвященник Плавина — Эвград на проповедях так и говорил: *"Не верьте обману, с других мест приходящему. Анираны ещё не спускались с небес. Это всего лишь слухи. Молитесь Триединому и просите усерднее. Тогда, и только тогда, он услышит ваш клич"*.

— Клич уже был услышан, — фыркнул кормчий. — И без всяких молитв...

— Богохульство!

— Да ты послушай, что тебе говорят, осёл: аниран предстал перед королём! Его сын — принц Тревин — во всеуслышание говорил об этом на площади Равенфира. Аниран искоренил зло в столице. Теперь там поля пшеницы простираются до самого края, а рыбы столько, сколько рыбаки Плавина никогда не выловят из озера.

— Поклёп! Если аниран действительно пришёл, почему не показывается у нас? Может, потому что пригрелся на пузе короля и не желает ничего делать?

— Да нет никакого анирана! Что вы верите этому пьянице? Прошлой зимой он рассказывал, что видел в Мёртвых Землях белого сунугая. А ведь всем известно, что там даже дышать нельзя. Сразу нутро замерзает.

— Аниран в столице! — кормчий не желал утихать. — Говорят, там войско строит. Хочет искоренить работорговлю и отобрать шахты у вашего... вашего... — здесь он вовремя сделал паузу, так и не договорив, кого "вашего". Ведь если он имел в виду того, о ком я

подумал, думаю, в голову ему прилетело бы очень быстро. А возможно, случайные собутыльники донесли бы куда следует.

Хоть любопытная осведомлённость пьяного кормчего не укрылась от меня, слушая его рассказы, я всё же большее хихикал, чем опасался. Я не сомневался, что в этом месте никто не поверит ему на слово.

— Если аниран и есть, ему всё равно не стать милихом, — проворчал недовольно хмурившийся хозяин таверны. А затем добавил без страха. — Это, скорее всего, шарлатан, который пудрит мозги дурковатому обжоре. Будет пить и жрать за его счёт, как все другие. Нам только каяться и остаётся, как советует святая церковь.

Абсолютное неуважение к монаршей власти в этих местах я заметил почти сразу. Тут даже самые простые люди не стеснялись в речах. Они или не опасались, как говорится, уголовного преследования. Или местные пропагандисты церкви смирения так умело опустили королевскую власть ниже плинтуса, что обыватели посмеивались над этой властью между делом и откровенно презирали.

Но главный вывод, который я сделал после подслушивания нескольких подобных дискуссий: страну надо объединять. Одна часть не имеет понятия, что творится в другой. Никаких газет тут, конечно же, не существовало. Но новости доходили. Например, указы, которые доставлялись регулярно. И эти указы, насколько я успел понять, обязаны были зачитываться на площадях при массовом стечении народа. И если в сытом Плавине никто ничего не знает об аниране, если люди считают его мифом, значит, никакие указы не зачитывались. Значит, никакие новости до скопления народа не доносились. А значит те, кто стрижёт овец, имеют в планах стричь их и дальше. А спасительные перемены, которые аниран уже продвинул в Обертоне и Валензоне, здесь по умолчанию отвергаются.

То есть, хочу я того или не хочу, мне придётся наведаться на восток с инспекцией. Собрать пару десятков тысяч инспекторов, нагрянуть нежданного-негаданно и приступить к продвижению перемен. И, скорее всего, главным мотиватором станет острый меч, а не требовательное слово.

Но так же я понимал, что Плавин — это не корень восточных проблем. Это всего лишь отросток. Корнем смело можно считать Винлимар. Город, в нескольких лигах от которого Эвенет обустроил резиденцию под названием "Чудо Астризии". И там, я уверен, спустившегося с небес анирана никогда не примут как милиха. Аниран обречён на востоке быть лишь драксадаром.

Пока, конечно же, аниран собственными руками не вырвет этот корень.

Примо Сималиону удалось зафрахтовать одномачтовый ялик, оказавшийся вполне способным вместить четверых страждущих паломников. Правда, обошлось это нам не дёшево: запасных коней мы отдали как часть оплаты, да ещё вознаградили тех из команды, кому пришлось остаться в Плавине. Судёнышко оказалось не самым плохим, но лишний вес сказывался на плавучести, как сообщил нам капитан. Некоторое время он сомневался, стоит ли везти в Винлимар примо, мечтавших о покаянии и прощении. Но всё же решился, когда ему сунули под нос золото. И даже кое-кем из команды пожертвовал.

Мы плыли пять дней по реке на восток. Я не стеснялся выходить из каюты, по вечерам изумлялся красотам озёрной глади и уважительно кивал головой, наблюдая за уверенным

движением пассажирского потока.

Ялик наш не плыл в одиночестве. Впереди и позади, справа и слева держались на умеренном отдалении другие суда. Там пели и стенали. Горланили песни и ругались. А чуть подалее от судов профессионалы сплавляли лес. Буксиры медленно тащили за собой кошельные сплавы, стараясь не приближаться близко к пассажирским судам.

Но всё же больше меня интересовали мысли испуганных матросов. Их осталось четверо из всей команды, и они редко показывались нам на глаза — очень сказывалась разница в статусе. Но, как я уже не раз замечал, золото творило с людьми чудеса. И рты открывались, и языки начинали чесаться, и мысли охотнее покидали слаборазвитые головешки.

Матросы пели всё ту же песню: аниран — шарлатан, аниран — выдумка. Я старался задавать вопросы осторожно, завуалировано намекал и давал подсказки. Но ни капитан, ни матросы не верили в сказки. Они повторяли те же мантры, что я слышал в городе. В анирана никто не готов был поверить, пока не увидит своими глазами. Да и то вряд ли поверят без подтверждающего кивка местных пастырей.

— Ситуация хуже, чем я думал, — говорил я своим друзьям, когда мы собирались в выделенной нам каюте. — Тут целый цирк-шапито надо ставить и фокусы показывать. Иначе даже своим глазами не поверят.

— Так везде, — не соглашался со мной Сималион. — Пока милых делами не докажет, что он существует, чернь будет сомневаться. Здесь ему придётся действовать так же, как он действовал в окрестностях столицы — быть везде самому, везде слово доносить. Везде показывать, что он не выдумка.

— Но сколько времени на это понадобится? — огромные расстояния такой страны, как Астриизия, нагоняли уныние.

— Зимы, — уверенно сказал Сималион. — Много-много зим понадобится, чтобы люд поверил в анирана. А сколько уйдёт на то, чтобы что-то изменилось...

Мастер так и не договорил. Он озадаченно покачал головой, как бы намекая, что времени придётся потратить ещё больше. Намного больше.

Мы причалили в порту Винлимара на шестой день.

Ещё до того, как мы вышли к озеру Холетер, я пришёл к выводу о необходимости усиленной маскировки. За шесть декад в пути мы все заросли, как обезьяны. Даже Иберик, который тщательно следил за своей головешкой, подзабыл на это дело. Благодаря этому я понял, что он — в его-то очень молодые годы — лысеет. Но так и не решился спросить, с чем это связано. Вилибальд-то да и папаша-Каталам просто чудовищной волосатостью отличались. И хоть Иберик в какой-то степени внешне походил на отца, то есть в отсутствии чужих ген можно было не сомневаться, волосы на голове терял с заметной скоростью. Мне между делом подумалось, что в какой-то период собственного возмужания он увлёкся употреблением вредного отвара из листьев дерева Юма, который именно такой эффект и вызывал. Но так ли это на самом деле, я не стал выяснять, ибо парень действительно стыдился проплешин.

В общем, когда у озера все приводили себя в порядок, я решил и бороду сохранить, и шевелюру оставить. Длинные волосы закроют покорёженное ухо, а густая борода сделает абсолютно неузнаваемым для тех, возможно, имел счастье меня лицезреть. Всё же, как

никак, мы прибывали на враждебную территорию. Здесь показывать анирана я бы постеснялся. Не только потому, что информация об этом моментально достигнет нежелательных ушей, а ещё потому, что здесь анирана хлебом-солью точно встречать не станут.

В этом я убедился, когда мы сходили на землю. Таможенного контроля как такового не существовало, но суровые ребята в стандартной экипировке храмовников нас внимательно осмотрели. Не только на предмет наживы, но и на предмет статуса. Был бы наш статус низок из-за определённой манеры поведения, из-за пугливых глаз и из-за отсутствия умения вовремя "дать на лапу", после скоротечного знакомства мы бы не только лошадей лишились, но и пинок под зад получили бы. Но поскольку прямо Сималион действительно обладал статусом "прямо" и вёл себя соответственно, хамить и грубить ему храмовники не посмели — когда они потребовали оставить оружие, именно он одарил их испепеляющим взглядом и снисходительными словами: "Прямо сдать оружие? Вы сорной травы объелись?".

После этих слов от нас отвязались. Ребята-храмовники держали нос по ветру и сразу сообразили, кто главный в нашей приехавшей каяться компании. И кого лучше не провоцировать.

— Это какой-то кошмар, — бормотал я себе под нос, когда мы покидали территорию порта, с трудом пробираясь по улицам города.

Очередное чудовищное перенаселение удивило меня. Здесь дела обстояли ещё хуже, чем в Плавине. Будто тысячи мусульман приехали совершить паломничество в Мекку. Крики, плач, визги, ругань стояли повсюду. Старички в монашеских одеяниях сбивали свои туристические группы в плотный клубок и под надзором храмовников выводили из города. Сверху из окон домов постоянно кто-то что-то выбрасывал. Кто-то что-то выливал. Даже специально, скорее всего. Я своими глазами видел, как злые местные жители чем-то кидали в понаехавших с верхних этажей и крыш. Фекалиями или камнями.

По этой причине, едва судно с паломниками приставало к причалам, оно торопливо разгружалось и отчаливало. Паломников брали в оборот и выводили к восточным или северным вратам. Там давали отдохнуть какое-то время на мягкой траве, строили в колонны и вели дальше.

Я не хотел сразу покидать Винлимар. Я хотел изучить его так же, как и Плавин. Хотел побродить, послушать разговоры. Но Сималион предупредил, что это очень-очень плохая идея. В плотной толпе, где молодые грязные юноши нас трижды пытались облапать на предмет обворовывания, он весьма умело ориентировался. Дал пару затрещин мимоходом. Кому-то даже успел ножом поугрожать. А потом заявил, что в городе оставаться нельзя. Здесь ненавидят паломников. Не за веру, а за лишний рот. Здесь, в отличие от Плавина, с голодом хорошо знакомы.

Окончательным подтверждением его слов и моим желанием не изучать этот гнойник вблизи, стал просмотр весьма любопытной сцены. Не театральной, конечно. А жизненной.

Плутая по улочкам и попутно интересуясь у злых горожан правильным направлением, мы двигались к восточным вратам. И по пути врезались в галдящую толпу. Обнажённые мечи и фыркающие лошади помогли нам не утонуть в этой толпе, аки в трясине. Но со стороны мы потом понаблюдали. Некоторое время стояли и смотрели, как работает невольничий рынок.

Нет, это не был рынок рабов как таковой. Здесь не торговали детьми, на все окрестности рассказывая о их чудесном юном возрасте. Здесь паломники продавали самих

себя. Отчаявшиеся и обречённые, голодные и грязные они каждому демонстрировали гнилые зубы, рассказывая о идеальном здоровье и невеликих требованиях. Мужчины и женщины, юноши и очень молодые девушки предлагали свои услуги всем, кто будет готов взять на себя заботу о них. Единственным желанием этих испуганных и опустившихся людей было желание поесть. Они были готовы взяться за любую работу, желая получить в оплату лишь одно — еду.

Охреневший аниран стоял с открытым ртом, тёр глаза и не мог поверить в происходящее. Истощённые люди, прибывшие покаяться и попросить у безжалостного божества прощение, настолько утратили человеческий облик, что дрались за возможность отнести в святой храм кувшины с водой, о чём презрительно попросил проходивший мимо старичок в рясе. А когда завязалась куча мала, ещё и похихикал между делом.

Последней каплей моего охреневания, после которой я чуть не полез доставать аниранские доказательства, стала ещё одна омерзительная сцена, где два упитанных храмовника окучивали девчонку лет пятнадцати. Выглядела она ещё не созревшей, но уже вступившей на этот путь. Грудь ещё не набрала силу, но выделялась. Стройная фигура, ещё не тронутая истощением, привлекала. Лицо ещё не покрылось морщинами тяжёлой жизни.

Наверное, именно эти качества заинтересовали храмовников. Девчонка сидела поодаль от орущей толпы. Испуганно косила глазами по сторонам и, видимо, ужасалась происходящему. Но ужасалась не настолько, чтобы не среагировать сразу, когда к ней "подкатили". Переговоры длились недолго и завершились успешно. Улыбающиеся храмовники вручили ей какой-то свёрток и помогли подняться. А пока они шли в укромный уголок, девчонка жадно рвала хлеб зубами. Видимо, старалась успеть насытиться. А то, глядишь, и это отберут, когда она сделает так, чтобы насытились другие.

Я не закипел лишь благодаря логике. Закипел бы, наверное, если бы увидел помост, на котором продают детей. И пошёл бы рубить всех, кто стоял на пути... Но когда очень быстро осознал, что обе стороны извлекли выгоду и получили как раз то, в чём больше всего нуждались на данный момент, стал остывать. Но факт того, что моя нога вступила в самую мерзкую клоаку, когда-либо виденную, я не стал отрицать перед самим собой. И, наблюдая за творящимся... пушистым зверьком, дал слово, что перемены придут на восток. Обязательно придут. Что вскоре людям не придётся совершать паломничество к Чуду Астризии. Я сам совершу его. Сам в компании плотно выстроенных шеренг...

Перед тем как покинуть негостеприимный город, мы немного задержались. Вернее, я задержался.

Глаз давно выхватил возвышавшийся над городом храм. Я с любопытством смотрел на шпили и проводил параллели в своей голове. Храм был меньше, чем храмы Смирения в Обертоне и Валензоне. Но и его ступени плотно оккупировали самые отчаявшиеся. Те, кто уже не мечтал ни о чём, кроме милостыни.

Но меня привлекла не эта картина. Меня привлекли цветущие сады на территории храма. И цвели не деревья Юма, а цвела самая настоящая вишня. Пышные розовато-белые кроны напомнили мне о том, кто я есть. Вернее, кем был до попадания в этот мир. Я вспомнил поездку в Токио, где проводил свой последний матч за юношескую сборную. И вспомнил, как бродил по розовой аллейке, улыбаясь и восхищаясь цветущей сакуре.

Забывтые впечатления немного скрасили общее негативное впечатление. Всё же в этом мире тоже есть приятные вещи, которые стоит сохранить. Которым стоит радоваться и смотреть на них, когда совсем хреново.

— Шагайте, шагайте.

Мимолётное воздушное настроение испортил торопливый мужичок в рясе священнослужителя. За ним по пятам шли с десятков растерянных людей, а сзади присматривал равнодушный храмовник.

— Многие из этих безумцев обречены стать рабами, — проследил за моим взглядом Сималион. Говорил он тихо и печально. — Рабами церкви, которые проведут свои последние дни в темноте и сырости шахт. Они совершат восхождение и, счастливые и довольные, попадут в алчные руки. Лишь половина из них, я боюсь, вернётся домой. Вернётся с пустыми руками к холодному очагу.

— Пока они на всё идут добровольно, мало что можно поделать, — развёл руками я. — Нужно ломать ментальность. Нужно, как я давно задумал, давать надежду. Им... Вам всем не за что каяться. Вы ни в чём не провинились. Вы должны жить и сражаться, а не идти на поводу у пастухов... Я попробую всё это изменить. Но уже вижу, что работы непочатый край.

Нам удалось покинуть этот человеческий муравейник. Но вокруг города, тоже защищённого классическим рвом, дела обстояли не лучше. Каждый клочок земли был оккупирован. Вокруг рва и многочисленных колодцев было не протолкнуться. Деревянные ведра опускались за водой чуть ли не ежесекундно, ведь напоить такую ораву совсем непростая задача.

Так что мы прошли ещё с лигу. Здесь уже нашлась свежая трава для лошадей, очереди в колодцам были поменьше и людской поток пожиже. Мы решили сделать привал и внимательнее осмотреться.

Повсюду сновали энергичные святые отцы самого разного возраста. Более молодые, конечно, сновали энергичнее. Они метались между группами паломников, что-то выпрашивали и удалялись. Святые отцы посерьёзнее в сей тёплый день предпочитали не вылазить из разбитых повсюду шатров или добротных карет. Их охрана в виде скучающих храмовников, давила насекомых, обильно потела и шикала на тех, кто осмелился пройти мимо в недостаточной удалённости.

От шустрого мелкого святоши мы узнали, что колонны начнут движение завтра по утра. Сегодня всем счастливым паломникам предоставляется отдых. Затем он внимательным взглядом осмотрел наших лошадей, сбрую и нас самих. Сделал верные выводы и, вместо того, чтобы прочесть лекцию на религиозную тему прямо здесь и сейчас, поступил умнее — выжал из нас несколько монет.

— Вечерами холодовато ещё. Уважаемым прямо рекомендую разбить лагерь. К несчастью, все леса в окрестностях вырублены. Вынужденная мера для более грамотной обороны города. Прямо понимают, наверное?... Но святая церковь не отказывает кающимся ни в чём: прямо могут приобрести дрова для костра только у шатра Его Святости, — он неопределённо повёл рукой в сторону. — Напомню, собирать хворост в окрестностях города без соответствующей санкции или попытки приобрести дрова из рук менее благочестивых, караются взысканиями... Если прямо не желают сами надрываться, — добавил он затем. — Я быстро подыщу охочих подсобить за мизерное вознаграждение.

К счастью, в средствах мы были не ограничены. Немножко золота сменяли в Плавине на серебро и медь и имели возможность тратить соответственно статусу.

— Зачем Эвенету шахты, — недовольно бурчал я вечером у костра. — Если он с каждого паломника по медяку за дрова соберёт, мгновенно станет богаче короля.

— Уже ни одну зиму собирает. И ни одну зиму шахты приносят доход. Так что, аниран, Эвенет давно богаче короля, — поюморил Сималион.

— Иногда я не могу понять, — честно признался я. — Почему Эоанит и Эвенет, обладая средствами и неограниченной властью, не свергли короля? Правили бы через королеву и всего делов. Она — извините за мой язык — совсем деревянной была. Лишь покорность и регулярные молебны.

— Его Величество, — в пути со мной разговоры больше вёл Сималион, чем остальные. Молодой Иберик лишь чутко прислушивался к разговорам и вникал. Феилин в разговоры не вникал, но чутко прислушивался к обстановке. К своим новым обязанностям телохранителя анирана он относился очень ответственно. — Долгое время сгибался под тяжестью бремени. В первые зимы после появления в небе карающего огня он пытался не допустить развала. Но не справился. А дальше... А дальше, я думаю, свергать его не было никакого смысла. Он и так делал, что ему говорили. Эоанит владел его разумом. Ему даже ничего требовать не приходилось. Он просил — ему давали.

— Он действительно был марионеткой Эоанита?

— Что творилось при дворе последние две зимы до твоего прибытия, я не знаю. Мне сложно было там оставаться. Я очень тяжело пережил кровавую расправу над "эстами" и... и "День матерей". Поэтому на некоторое время удалился из казарм. Не обучал никого и даже... и даже саблю в руки брать не желал.

— Вы... ты корил себя за что-то?

— Корил за то, что, так или иначе, повинен в смерти многих несчастных. Наказывать заблуждающихся с такой жестокостью не было необходимости. Но первосвященник настоял. Сказал, что не потерпит претензий лже-пророка и нападок на истинную веру, — Сималион вздохнул. — Хоть приказ исходил от самого короля, все в Обертоне знали, кто именно принял решение... И я не захотел больше слушать уста короля, зная, что этими устами говорит другой человек.

— Милих вовремя прибыл, — добавил внимательно прислушивающийся Иберик. — Обертон, как и короля, уже не узнать. Надо верить, что вскоре мы не узнаем и этот город.

Слова парня были отражением моих слов. Он уже давно смотрел на родной для себя мир моими глазами и говорил моими словами. Но, наверное, ещё не до конца понимал, что то самое понятие "вскоре" может растянуться на годы. А может, и на десятилетия.

Часть 5. Глава 15. Чудо Астризии

Ранним утром, едва солнце утвердилось на небе, колонны выдвинулись. Шустрые святые отцы не стеснялись в речах и подгоняли. Выстраивали паломников в ряды и гнали в пешем строю.

Плестись пешком пришлось и нам.

Серьёзная делегация, право отдавать приказы которой подтверждал десяток храмовников позади, напомнила рассеянным прямо, что истинное покаяние и искупление можно заслужить только через натруженные ноги. Святое паломничество не проводится в комфорте. Поэтому прямо, во избежание недоразумений в виде конфискации транспортных средств, предлагалось идти пешком вместе со всем остальным стадом.

Суровые морды и алчные взгляды помогли нам принять верное решение и согласиться со всеми условиями. Нам разрешили взять лошадей под уздцы и вести за собой. Но если кто-то устанет и взберётся в седло, он, как нам сообщили, пойдёт обратно в Винлимар. Пойдёт пешком.

Первый день нашего паломничества по равнинной земле, где реально на многие лиги весь лес был выкошен под корень, мне совершенно не понравился. И это я не про необходимость идти пешком говорю — я, как совсем непростой человек, пешком мог ходить сутками, — а про общий каждец ситуации.

Паломник шли, как парализованные. Уже в первый день под жарким солнцем валились с ног. Хлестали литрами воду на редких привалах и там же засыпали. Их немилосердно пинали ногами веселящиеся храмовники, но всё же не обирали и не убивали.

На второй день ситуация ухудшилась — у нас отобрали лошадей. Делегация в этот раз была ещё серьёзнее, а решительный голос старца в клобуке никто не стал оспаривать. Никто из нас даже не рыпнулся, когда лошадей конфисковали на нужды церкви. Ничего не заплатили, естественно, но оставили сбрую и всю поклажу. Сказали, в этом месте каждый несёт свою поклажу сам. Привыкает к смирению и к трудностям.

Я, мягко говоря, был удивлён такому наглому поступку. Но волну гнать не стал. Я старался придерживаться инкогнито и впитывал происходящее, как губка. И на вечернем привале, где паломники спешно разбивали лагерь, а служители церкви и храмовники им действительно помогали, убедился в неизбежной необходимости отжима транспортных средств.

Наших лошадей забили на мясо. И на ужин сожрали.

Огромная толпа паломников кормилась раз в день за счёт церкви. Это было озвучено в первый же день пути. И сейчас наши лошади спасали от голода длиннющую очередь. Вереница людей с деревянными мисками в руках извивалась, как фантастических размеров анаконда. Знаменитая овсяная каша с крошечными кусочками конины давала возможность бедолагам восстановить силы, а святой церкви — сэкономить средства.

Феилин, не по наслышке знакомый с таким понятием, как голод, до глубоких сумерек стоял в той очереди. Даже вернулся с наполненной миской. Но ни я, ни Сималион, ни Иберик не настолько проголодались. Хотя наши запасы подходили к концу, да и таскать их теперь приходилось на своём горбу, мы отказались жрать собственных лошадей.

Но потом, наверное, каждый из нас пожалел о подобном поступке. Ведь с голодом за эти пять дней пути мы тоже познакомились. И если бы не умелый охотник, который на этой

скудной местности умудрялся приносить к нашему вечернему костру разновидности грызунов, с высокой долей вероятности с нами произошло бы то, что произошло со многими паломниками.

Церковь кормила людей лишь вечером. Поить — поила. Но кормила лишь раз. В остальное время эти несчастные вынуждены были проедать собственные запасы или питаться, чем Бог послал. Поэтому на дневных привалах, в самое жаркое время, мы ни раз лицезрели омерзительные сцены. Люди, измученные голодом, жаждой и долгой дорогой, сцеплялись друг с другом. В ход шли не только кулаки, но и до поножовщины доходило. А потом победители в поножовщине отправлялись вслед за проигравшими — каждого провинившегося лишали головы без суда и следствия. С помощью металла церковь пыталась поддерживать дисциплину, но при таком количестве измученного народа удавалось это с трудом.

Поэтому к пятому дню, когда на горизонте, наконец-то, показался тот самый огромный холм, на котором возвели тот самый знаменитый храм, в строю оставались лишь самые выносливые. Те, кто не справился с тяготами пути — в основном верующие люди в возрасте или слабые по болезни — рядами лежали на обочинах пыльной дороги. Протянувшаяся колонна понура брела по дороге вдоль пахотных полей, кои стали появляться с недавнего времени, и печально смотрела по сторонам. Видела равнодушных людей, гнувших спину на полях. Видела тела тех, в ком, как ни раз говаривали святые отцы, вера оказалась не так крепка. А желание покаяться и попросить Фласэза о прощении — недостаточно сильное.

Похоронные команды, конечно, очищали территорию. Грузили тела в телеги, увозили и сжигали где-то далеко. Помогали чудовищной депопуляции принимать ещё более чудовищные размеры.

В течение пути я ни раз задумывался над происходящим. И, бывало, желание забраться на ближайшую бочку с водой и показать свои возможности, возникало. Но разум раз за разом не позволял совершить ошибку. В мире, который и так умирает, всех я не смогу спасти. Да и не в том моя задача — накормить всех-всех-всех. Я не Иисус Христос. Моя задача посмотреть на эту часть мира своими глазами, всё-всё запомнить и завершить очень важную миссию. А потом... Потом, когда буду готов, вернуться. Вернуться, всё исправить и наказать за грехи истинных грешников, для которых жизнь человеческая не стоит ломанного гроша.

— Я хочу сказать вам честно, друзья мои, — обратился я своим попутчикам в день последнего ужина перед утренним рывком к главному храму всей страны. — Я разрушу здесь всё до основания. Сожгу все храмы этого мерзкого смирения. И ваше "Чудо" тоже, — кивком головы я указал в сторону горизонта. — Пусть даже это самый выдающийся памятник местной архитектуры... В мире, который хочет построить аниран, нет места подобному. Никакого паломничества ни к каким святыням больше никогда не случится. Здесь будут распахивать земли и мирно растить детей, а не собирать трупы по краям дороги. Поверьте, я никогда не забуду о том, что увидел. И никогда не прощу тех, кто за подобное ответственен.

Сималион, Иберик и Феилин горячо поддержали меня. Следопыта, виденные нами картины, доводили до слёз. Он смотрел по сторонам, видел, как падают измождённые люди, ругался и плакал от бессилия. Иберик и Сималион реагировали менее эмоционально, но со мной были согласны во всём. Мастер добавлял, что мужчина не должен так постыдно умирать. И соглашался, что перемены необходимы. С тех пор, как через собственное дитя милих доказал, что он избранный, Сималион будет готов идти за ним до конца. И каждому,

на кого укажет милих, воздаст за злые дела.

Очередная ночь прошла в криках. Кого-то где-то били. Кто-то задыхался, умирая. Но самые стойкие выдержали и дошли до конца. Теперь их ждала покаянная хода и, по заверениям даже самого занюханного святоши, несомненная индульгенция.

Поскольку я ни в какие индульгенции не верил и пришёл сюда не за этим, с самого утра был собран и внимателен. По плану, разработанному нами, первым делом необходимо было изучить территорию. Изучить пути отступления. Посмотреть, что из себя представляет то самое Чудо Астризии, и понять, как можно свалить отсюда к такой-то матери, желательно не привлекая внимания и не провоцируя погоню. Это потом мы планировали прочёсывать местность на предмет обнаружения иголки в стогу сена. Сначала надо было подготовиться.

Очередной марш-бросок со скоростью улитки колонна начала после скромного завтрака. Храмовникам кое-как удалось восстановить порядок и подравнять ряды. А затем, под подбадривающие крики восторженных святош, паломники двинулись навстречу местному чуду Света.

Главный храм церкви, построенный на тоннах костей и океанах крови, я оценил. Едва солнце выбралось из-за горизонта, перед глазами показалось во истину фантастическое зрелище.

Далеко-далеко по правую руку от главного тракта возвышалась длинная горная гряда. Горы выстраивались словно лестница к небу — от самой низкой до самой высокой, пик которой пропадал за облаками. Там, возле этих гор, даже с такого расстояния можно было рассмотреть очередной человеческий муравейник. Движение, строительство чудовищного масштаба, гигантские глыбы, на наших глазах падающие вниз. Там, как сообщил Сималион, находились золотиносные шахты, о которых я так много слышал и на которые опиралось благополучие церкви.

Но куда больше меня впечатлило то, что находилось прямо перед глазами.

Правильной пирамидальной формы холм возвышался над длинной плоской равниной. Цветущая равнина, сплошь покрытая зелёной травой, походила на муравейник не меньше, чем далёкие шахты. Но куда более фантастичнее обстояли дела на самом холме. Его будто обтесали миллионы рабочих рук. Проложили дорогу, спирально опоясывающую холм. Эта дорога извивалась от подножия холма до самой вершины. И там, на этой вершине, возвышалось просто невероятное сооружение — самый настоящий храм. Выстроенный то ли из мрамора, то ли из камня, покрытого известью, он начинался с площадки размером с футбольное поле, которая упиралась в длинные ряды ступеней. Затем шли толстенные колонны, вероятно с трудом справлявшиеся с весом, который на них обрушивался. Ибо финальной чертой этого сооружения являлся сложенный из камня знакомый символ. Бесполой символ человека, протягивавшего умоляющие руки к небесам. И руки эти протягивались так высоко, что, возможно, доставали до небес.

Ничего подобного я никогда не видел. Куда там Эйфелевой башне и пирамидам в Гизе, которые я видел своими глазами. Куда там колоссу Родосскому, часть времени на изучение подлинности которого я потратил в юные годы. Ничего не могло сравниться с этим монструозным памятником самолюбования местной церкви.

— Даже боюсь представить, сколько жизней Эоанит и Эвенет положили ради

удовлетворения собственного величия, — пробормотал я себе под нос.

Но меня никто не слушал. Ни Сималион, ни Иберик, ни, тем более, Феилин, здесь никогда не были. Они изучали фантастическое зрелище выпученными глазами. На них главная достопримечательность Астризии произвела впечатление ещё более сильное, чем на меня.

Поэтому, когда мы шли по тракту, а холм и храм на его вершине увеличивались на глазах, восхищённо присвистывали не только они. Но и подавляющее большинство паломников. Те как будто забыли об усталости. Как будто забыли о голоде и смертях, свидетелями которых они стали. Наконец-то они достигли пункта назначения. И теперь, с улыбками на устах, мечтали лишь одном — о прощении.

Равнина перед храмом и самый нижний ярус кишели людьми. Я бы не сказал, что появление "Чуда Астризии" и золотоносных шахт в отдалении способствовало зарождению нового города. Скорее это был временный лагерь. Огромный, густонаселённый временный лагерь. Жизнь в нём кипела и бурлила. Что, в принципе, неудивительно: на содержание храма и шахт требовались десятки тысяч рабочих рук. И теперь к этим рукам было готово добавиться новое пополнение.

Моё слегка восторженное настроение улетучилось, когда мы подходили ближе. По правую руку горы стали более различимы и я без всяких подзорных труб рассмотрел сотни прорытых ходов. Сотни штолен, возле которых ежеминутно что-то происходило: то руду выгружали, то вагонетка прибывала, то грязные и уставшие работники выходили вдохнуть свежего воздуха.

Поэтому я переключился на серьёзный лад. Изучал окружающее пространство и раздумывал, с чего начать.

Но поразмышлять мне не дали.

Уже не такая длинная колонна втянулась во временный лагерь. И здесь, в отличие от жителей Винлимара, паломникам были рады. Их окружали вниманием, усаживали и предлагали выпить воды. А вездесущие святые отцы сообщали, что восхождение ждёт новоприбывших завтра. Сегодня у них будет целый день для отдыха и поиска места на ночлег. Ну, и, словно вишенку на торт, добавляли, что здесь забота о паломниках ложится целиком на плечи святой церкви. Здесь их будут поить и кормить. И даже работу предложат тем, кто чувствует силу в руках.

Так что пока уставшие люди галдели и радовались, мы подыскали себе удалённое местечко, разогнали жуликоватого вида попрошайек, сразу присмотревших добротню одетых прямо, и стали держать совет.

— Так, давайте определяться, — тихо заговорил я, ибо на нас продолжали пялиться. Четвёрка крепких и выносливых мужей при оружии, несомненно, привлекла внимание многих. — Сималион, ты единственный, кто знает, как выглядит принц. Возможно, он изменился за несколько зим, но вряд ли существенно. Есть у него какие-либо важные отличия? Черты лица, например?

— Терезин всегда был худощав. Аппетит от отца не унаследовал... Он невысок. Ниже Иберика ростом точно. Лицо... Лицо обычное, я бы сказал, — пожал плечами Сималион. — Ничего выдающегося. Волосы каштанового цвета с рыжеватым оттенком. Из-за волос никто и никогда не сомневался в его родстве, по крайней мере, с королевой. Он всегда был скромным и стеснительным. Даже придворные шушукались, что у него была странная для королевского отпрыска способность опускать глаза долу при разговоре даже со слугами. Он

всегда сомневался в собственных силах...

— Думаю, это не поможет, — прокряхтел я. Видимо, последнего сынка король и королева делали по пьяни. Не удивительно, что они так обрадовались, когда во дворец я доставил Фабрицио. — Сейчас главное — зафиксировать перед глазами его внешность. Нам придётся искать иголку в стогу сена, но лишь ты, Сималион, знаешь, как эта иголка выглядит.

— Всё равно всем вместе ходить смысла нет. Надо разойтись и обойти лагерь. Может, к храму подняться. Тощий мальчонка двадцати двух — двадцати трёх зим от роду. Смотрите внимательно. Смотрите на волосы. Смотрите на поведение. Замечайте и запоминайте. Потом мне расскажите о тех, кого присмотрели. Я изучу.

Я ещё раз напомнил самому себе, что местные "мальчонки" двадцати двух или двадцати трёх лет от роду — это совсем не те "мальчонки", что в моём мире. Эта планета совершает один полный оборот вокруг местной звезды быстрее, чем Земля вокруг Солнца, а значит и годы текут быстрее. Терезину на вид должно быть лет шестнадцать-семнадцать. А если учитывать, что он тощий и запуганный, то, возможно, ещё меньше. Надо искать подростка. И, скорее всего, подростка, за которым присматривают и который приближён к определённой категории священнослужителей.

— Вряд ли мы найдём его в лагере, — уверенно заявил я, смотря по сторонам. — Его Величество писал, что Терезин служит при храме. Надо искать среди служек.

— Я поднимусь и посмотрю там, если пропустят, — кивнул головой Сималион.

— Хорошо. Феилин, на тебе тогда осмотр лагеря и поиск возможностей его покинуть. Посмотри, как тут что устроено. Найди стойла и посчитай лошадей. Иберик, ты ищи пацана, но и присматривайся к храмовникам. Если можешь, приблизительно пересчитай количество. Изучи вооружение и исследуй дорогу к шахтам. Там, вон, тракт вижу проложен. И что-то часто по нему храмовники туда-сюда шастают. А я осмотрюсь. Обойду лагерь, и тоже поднимусь к храму... Здесь ничего не оставляйте, — напомнил я друзьям, когда дождался ответных кивков. — Всю поклажу берём с собой. С наступлением заката собираемся во-о-он там, — я указал пальцем на длинные деревянные столы под открытым небом, которые уже облюбовали новоприбывшие и жадно хлебали из мисок. — В той харчевне. Обменяемся новостями и брюхо набьём.

Мы разошлись, вызвав лёгкую горечь на лицах тех жуликов, которые за нами приглядывали. Не пускать корни и ничего не оставлять, оказалось годной идеей.

С рюкзаком за плечами и длинным обоюдоострым кинжалом в ножнах я бродил аки разведчик. Внимательно смотрел по сторонам, фиксировал события и присматривался к молодым парням. В первую очередь изучал их физическое состояние и волосяной покров на голове.

К сожалению, я искал более чем иголку в стогу сена — как в той сказке я искал то, не знаю что.

Все местные подростки по физическим кондициям были как на подбор: хилые, недокормленные, пугливые, с практически наголо остриженными головами. Я, было, хотел поинтересоваться этим вопросом у первого попавшегося. Да быстро заметил длинные очереди в местную парикмахерскую. Хоть не пинками, а просьбами, священнослужители без особых проблем уговаривали паломников посетить брадобрёя. Там их остригали, как настоящих овец. Удаляли волосы и складировали недалече.

Уж не знаю, зачем было устраивать принудительную стрижку, — возможно, святоши

небезосновательно опасались вшей, — но вывод из сей картины был неутешителен: отыскать нужного пацана будет непросто. Мало того, что они тут все грязные и худые, так ещё и лысые поголовно. Никакого рыжего оттенка в каштанового цвета волосах мне не найти.

Поэтому я на некоторое время отложил сию затею. Без Сималиона, как мне думалось, отыскать сына короля невозможно. Вместо этого я совершил ознакомительное восхождение к храму.

К моему искреннему удивлению, мне никто не препятствовал. Хотя на меня косились храмовники, коих тут было более чем достаточно, никто меня не остановил. Никто не потребовал показать документы, никто не попробовал выбить пару серебряных монет через гоп-наскок.

Я взбирался по спиральным дорогам, не застревая в пробках. Большая часть попавшихся мне по пути людей, шла навстречу. Спускалась вниз, спускала вниз телеги, запряжённые выносливыми осликами, уносила вёдра, заполненные известью. Вверх поднимались только самые заинтересованные. Да и то многие сдавались по пути, выдыхались и поворачивали назад.

Так что через пару-тройку утомительных часов я вышел на площадку перед ступенями, которая присутствовала перед входом в любой храм церкви смирения. Вид оттуда, конечно, был захватывающим. Я смотрел вниз на временный лагерь, видел копошащихся внизу муравьёв и испытал лёгкий приступ акрофобии. Затем повернулся и долго изучал во истину чудо света.

Колонны держали тяжёлый потолок. Ступни гиганта, высеченные явно умелым архитектором, опирались на этот потолок. Ещё выше поднимались ноги и туловище. Голова терялась в высоте, а руки реально доставали до облаков. По крайней мере, мне так показалось, когда я задрал голову так высоко, что чуть не упал. А потом закашлялся, потому что воздух здесь, на самой вершине, отличался не только чистотой, но и плотностью — я испытал не только приступ акрофобии, но и гипоксии.

— Ещё и холодно к тому же, — прокомментировал я, когда откашлялся.

А затем некоторое время изучал застывших перед входом храмовников, никого не пускавших в храм, и нескольких святош, оживлённо что-то обсуждавших друг с другом. Они о чём-то спорили и размахивали руками. А затем из рук одного спорщика в руки другого перекочевали монетки.

— Бла-бла-бла, — ехидно усмехнулся я. — Смирение. Смирение во всём... Молиться, каяться и просить прощения... Только делать это должны не пастухи, а овцы.

К святым отцам подбежали несколько служек. Судя по виду, молодые парни. При их появлении я оживился. Но поскольку все они были в бесформенных рясах да ещё стриженные наголо, запал мой моментально угас.

— Нет, — сказал я сам себе. — Без Сималиона все поиски бесперспективны. Только с ним у нас есть шанс.

Я вернулся в лагерь, когда уже начало темнеть. Повсюду зажигали костры и факелы, а потому столовую я нашёл без всяких проблем. И тех, кто меня там уже ждал.

Наяривая хоть и бесплатную, но абсолютно безвкусную похлёбку, мы обменялись информацией.

Никаких Терезинов никто не обнаружил. Мастер Сималион проделал приблизительно такой же путь, как и я, и с таким же результатом. Иберик проделал путь по тракту в сторону шахт, но был остановлен храмовниками и отправлен обратно в сопровождении смешков и

предположений, что любопытный паломник вскоре вернётся, но уже немного в другом статусе. Феилин же просто разводил руками. Никого похожего на отпрыска короля он не нашёл. Зато нашёл уже засеянные поля, загоны со скотом и стойло с лошадьми. Там хозяйничают не храмовники, как он выяснил, а чинуши, наподобие тех, с кем он сталкивался в негостеприимном Валензоне. И те, Феилин был уверен, за золотую монеты способны на многое. Даже лошадьми поделиться, если последует достойное вознаграждение.

— Это ты намекаешь, что обратный путь в Винлимар будет менее долгим, если мы раскошелимся? — хмыкнул я и получил утвердительный кивок. — Отлично подмечено, ничего не скажешь. То есть путь отхода есть. Хотелось бы надеяться, что за нами не пустятся в погоню, когда мы найдём этого неуловимого Джо. Но лучше такой вариант не исключать. В вашем мире, как и в моём, деньги творят чудеса. И если они помогут тихо скрыться, будем тратить неэкономно.

Ночевали мы на открытом воздухе, но хоть не под открытым небом. Почему-то на этой кишачей людьми равнине никто не предусмотрел постоянные дворы. Даже простые деревянные дома не предусмотрел. Святые отцы и прочие влиятельные люди ночевали в просторных шатрах. Храмовники, как выяснилось мимоходом, обитали в казармах ближе к шахтам. Так что ночью они бродили редко. Да и то лишь по двое.

Мы же обустроились с каким-никаким комфортом: за определённую плату один из животноводов разрешил четверым прямо разместить свои тела в подобие сарая, наполовину заполненным свежим сеном. Запах стоял специфический, а общий шум людского океана мешал спать. Но мы не жаловались. Ночью дежурили по очереди не только потому, что спать сразу всем было безрассудно, но и потому, что на нас подозрительно косились и нищие паломники, и озадаченные храмовники. Ведь под первую категорию мы не попадали, ибо швырялись деньгами. А вторая категория, видимо раздумывала, как с нас стясти те самые деньги.

Но пару часов сна мне удалось урвать. Вновь без сновидений и подсказок.

Часть 5. Глава 16. Восхождение

А ранним утром — на рассвете практически — с постелей нас всех поднял звук горна. Громкий, протяжный звук. Он сообщал всем и каждому, что к искупляющему восхождению можно приступать.

Феилин дежурил последним, а потому уже не спал. Он успел вскипятить воду и приготовить чудо-отвар Мелеи. От его бодрящего действия в тонусе можно оставаться почти целый день.

Резвые святые отцы перестали быть доброжелательными. Вновь пошли в ход сержантские замашки. Но такой подход помог быстро организовать толпу. Колонна выстраивалась на тракте, а заспанные паломники тихо шептались о прощении, которое их непременно ждёт на высоте.

Мы решили не выделяться и заняли места на краю колонны. Шли, по-дурацки улыбаясь и обмениваясь мечтательными предположениями с такими же, как мы. Мы тоже надеялись на прощение, попутно вращая головами во все стороны.

Восхождение таких масс людей на вершину огромного холма вышло просто чудовищным. В который раз могу сказать: ничего подобного я никогда не видел. Слышал, конечно, про всяких-разных фанатиков, способных пересиливать себя. Способных вытворять то, чего они не могли ожидать даже от самих себя.

Но явно не в этом случае.

Люди начали валиться от усталости где-то на втором витке. Плотные колонны шли медленно, шли тяжело. И никакой природной выносливостью подавляющее большинство паломников не обладали. Они падали под ноги другим, задыхаясь выходили из толпы, садились на обочине, чтобы передохнуть немного. Но тут же получали по ушам от тех, кто вчера их кормил и предлагал воды. Святые отцы разной масти не церемонились со слабаками. То есть не церемонились с теми, в ком вера слаба. Они помогали сначала мотивирующими словами. Потом нецензурными словами. И лишь затем пускали в ход кнут. В прямом смысле слова.

Часто это помогало. Я удивлялся, конечно, но многие паломники действительно не знали, что способны пересиливать себя. Но для многих финальный рывок за прощением закончился плачевно — колонны расступались, давая дорогу тележкам, которые поднимались вверх или опускались вниз, чтобы подобрать и убрать с глаз долой очередное бесчувственное — а может уже неживое — тело.

Я кусал губы, провожая взглядом очередную тележку. Каждый из этих сдавшихся бедолаг изначально догадывался, что не осилит восхождение. Но всё же они, по-дурацки улыбаясь, ранним утром становились в колонны, чтобы ближе к полудню сломаться, так и не достигнув цели. Такое поведение было за гранью моего понимания. В вопросах веры я никогда не был настолько сведущ. Никогда не понимал, что толкает верующих людей на подобные поступки. Не понимал, зачем они рискуют собственной жизнью ради чего-то иллюзорного. Ради того, что нельзя пощупать, а лишь ощутить.

Я машинально переставлял ноги и размышлял о том, что только в этом мире увидел людей, готовых умереть ради веры. Я проводил параллели между "покаянниками", "эстами" и этими паломниками. Но если "покаянников" я считал наркоманами, а "эстов" — сектантами, то что движет этими людьми, для меня оставалось загадкой. Возможно,

неотвратимость конца. Возможно, действительно вера в то, что они нагрешили. А возможно, их разум просто отравлен лживыми речами. Возможно, им лгали изначально. Церковники просто используют их, как стадо. Как рабочие руки, отфильтровать которые можно через непростой путь. Отсеять самых слабых и бесполезных. И взять в оборот самых стойких и истово верующих. Ведь именно из таких получатся рабы, которые не станут задаваться вопросами. И продержатся такие как раз до следующего паломничества, когда прибудет новое стадо.

Вышли на вершину мы ближе к старту второй половины дня. К этому времени даже Иберик и Феилин валились от усталости. К счастью, ретивые святые отцы это прекрасно понимали: на вершине, на этой огромной площадке перед ступенями входа в храм, нас всех ждал отдых. Отдых и вода, которую подавали многочисленные служки.

Сималиону восхождение тоже далось нелегко. Но он сразу забегал глазами, изучая молчаливые подростковые мордашки. Крутил своей мордашкой, некоторых пробегающих мимо служек чуть ли за руки не хватал, но так и не обнаружил искомое.

— Не узнал ни в ком, — тихо прошептал он. — Не знаю даже...

— Он должен быть здесь! — я чуть было не отмахнулся. — Приславший письмо не мог врать. В этом нет смысла.

Пастухи спрессовали колонну паломников на площадке. Хоть было довольно тесно, всё же места всем хватало. Все опустились на задницы, отдыхали и жадно пили воду.

До тех пор, пока из храма не показалась процессия святых отцов. Самые любопытные и выносливые паломники поднимались на ноги, а я сообразил, что место у нас не самое удачное. И, при помощи соратников, протолкался в первые ряды, чтобы всё видеть своими глазами.

Но к ступеням нас сразу не пустили. Храмовники стояли плотной шеренгой с копьями в руках. Пока шла какая-то непонятная для меня церемония, ни один паломник не сдвинулся с места.

— Это не Эвенет ли? — практически на ухо прошептал я Сималиону, когда внимательно следил за высоким старцем в дорогих церковных одеждах. На секунду в моей груди загорелось желание дать этому старцу пинка под зад и самому предстать перед толпой, чтобы сразу закрыть вопрос о том, реальность аниран или выдумка.

— Нет, не он, — так же тихо ответил тот. — Это эстарх Эфест, если я не ошибаюсь. Здесь он второй после Эвенета... Не переживай, ми... м-м-м... не переживай, Эвенета я обязательно узнаю.

Пока я раздумывал над тем, что стану делать, если Эвенет действительно здесь, церемония завершилась. Седовласый эстарх сделал несколько ходок вдоль ступеней, что-то пел нараспев и размахивал предметом, похожим на кадило. Точно таким, как впервые мною увиденное в деревне близ Равенфира, где пришлось разобраться с работорговцами. А затем служки вынесли их храма несколько широких серебряных подносов и разложили их в ряд на площадке выше последней ступени. Седовласый священнослужитель прошёлся и оросил эти подносы водой.

— Освящает сосуды для искупления, — подсказал Сималион. — Каждый паломник обязан оставить самый дорогой для себя предмет. Покаяться перед Триединым за греховность прежней жизни и оставить часть её, чтобы святые отцы, в денных и ночных молитвах, вымолили для него прощение.

— Да-да, конечно, — ехидно усмехнулся я. Но усмехнулся негромко. Так, чтобы никто

не заметил. И добавил совсем неслышно. — Бараны тупые.

Но прямо здесь и прямо сейчас ничего менять я не собирался. Мозги этих людей мне ещё предстоит вправить. Но явно не с тех позиций, на которых я сейчас нахожусь. Скорее, это придётся делать из командирского шатра, а на равнине уже будут стоять войска.

Паломники следили за святым отцом с горящими глазами. А когда всё, наконец-то, завершилось и он дал отмашку на приём покаянных даров, едва не случилась давка среди тех, кто спешил расстаться со своей собственностью самым первым. Тут-то и понадобились храмовники. Они организовали узенький коридор из выставленных копий. А низкоранговые святые отцы быстро-быстро выстраивали страждущих цепочкой и загоняли в этот коридор.

Хоть мы стояли в первых рядах, здесь я уже не торопился. Мы великодушно пропускали самых торопливых, ждали своей очереди и глазели по сторонам. Хоть всё так же безуспешно.

— Мил... Иван, — Иберик поменялся местами в Сималионом и стал за моей спиной. — Видишь, вон, святой отец у пятого покаянного сосуда?

Я прищурился, посмотрел на вход в храм, где, гордо расставив ноги и направив на ряды паломников растопыренные пятерни, с десятков священников произносили неслышимые на этом расстоянии молитвы. Лицо пятого из них не сказало мне ничего. Этого лица я никогда не видел.

— И что?

— Это святой отец Эокаст, — прошептал он. — Первосвященник Равенфира... Вернее бывший первосвященник. Я узнал его.

Шарики в голове закрутились. Об этом дядьке я уже слышал. И слышал ни раз. Этот ублюдок не только разыскивал анирана, не только пытал Фелимида, чтобы узнать, где аниран скрывается, но и повинен в смерти Мириам — жены дознавателя. И сейчас, внимательно наблюдая за этим мерзавцем, которого, по словам Эоанита, на восток он сослал умышленно, чтобы тот замаливал грехи, я чувствовал, как трутся друг о друга зубы и сжимаются кулаки.

— Точно он?

— Я его знаю хорошо. Отец ни раз у него был... Похоже, он сбежал из Равенфира.

Иберик не знал, что знал я. И это было простительно. Но Эокасту я ничего прощать не собирался. И дал себе слово выследить его и поговорить по душам. Нельзя отказываться от возможности что-то выведать у того, кто хорошо знает Эоанита. А там... А потом, возможно, ликвидировать, как нежелательного свидетеля. Всё же такую участь он вполне заслужил.

— Идём, идём, — мастер Сималион вновь занял место за моей спиной и слегка подтолкнул, когда пришла пора очередной порции паломников следовать через коридор из копий.

Вереница мечтавших расстаться со своими вещами тянулась перед нами. Но сам процесс изъятия полезных или бесполезных вещей проходил весьма быстро: паломники останавливались перед серебряными подносами, кланялись стоящему напротив священнику, обменивались парой фраз и что-то оставляли. А затем, после осеняющего знака, удовлетворённые проходили дальше. Двигались в противоположную сторону и сразу начинали спуск по спиральной дороге.

— Иберик, — одними губами прошептал я, чуть-чуть отклонившись назад. — Постарайся сделать так, чтобы Эокаст тебя не узнал. Если попадёшься на него, глаза не

поднимай.

Но, в каком-то смысле, нам повезло: Иберик прошёл первым из нашей партии и остановился у последнего незнакомого святоши. Правда Эокаст, когда лысый парень проходил мимо, даже не посмотрел на очередного червяка под ногами. Приняв высокомерный вид, он стоял с вытянутыми перед собой руками и что-то торжественно шептал.

Я тоже прошёл мимо, намертво запечатлев в памяти физиономию, и остановился у седьмого жертвенного сосуда.

— На колени, страждущий! — от изучения физиономии меня отвлек повелительный голос. Я бросил взгляд на очередного святого отца и рухнул на колени. — Ты проделал долгий путь. Преодолея себя и справился с испытаниями, которым тебя подверг Триединый. Ты пришёл с чистым сердцем? Ты искренен в своём желании заслужить искупление?

Памятуя о том, что у меня "дивный говор", я старался поменьше говорить и побольше молчать.

— Да, — я опустил на колени и вонзился лбом в пол.

— Оставь прежнюю жизнь на жертвенном сосуде! заслужи прощение и достойное место в рядах армии Триединого! Будь щедр с ним и он будет щедр в ответ!

Намёк был более чем очевиден. Но для лучшего понимания святой отец не постеснялся указать рукой на поднос, где уже лежала горка всякого барахла.

У тут меня бросило в жар. Только теперь я вспомнил, что ничего особо ценного у меня нет. Кроме медальона на шее, золота в кошельке, да сухарей в рюкзаке за спиной. Но, думаю, третий вариант сразу можно отвергать. Расставаться с медальоном я не стану ни за какие коврижки, а разбрасываться золотом перед такой толпой народа, уверен, не самая лучшая затея. Увидят алчные глаза святош, боюсь, придётся оставить весь кошелёк, а не несколько монет.

Да и кто поверит, что богатый прямо желает ради духовного очищения расстаться с золотом? Это против законов логики.

— Дедофкий кинфал, пеледанный по нафлефту, — я старался шепелявить, да получалось ненатурально. Хорошо хоть быстро сообразил, с чем без проблем могу расстаться, и в одно движение отцепил кинжал с пояса. — Ф ним я не лаффтаваффа ф юных зим.

Я уверенно уложил ножны на горку барахла и преданно посмотрел на священника.

Но его мой поступок не впечатлил: кислая рожа скептически кривилась. Походу, он сразу рассмотрел, что ни драгоценных камней, ни вкраплений золота в кинжале не содержалось. А значит, это просто кусок плохо закалённого металла.

— Покаяние требует жертвенности. А прощение — искренности. Это точно самая важная для тебя вещь, паломник? Расстаться с прошлой жизнью непросто. Но сделать это необходимо. Ибо только к искренним Триединый будет снисходителен.

— Во флаву ЕГО и во флаву фмиления, — я вновь ударил лбом об пол.

Святой отец поморщился. Возможно оттого, что я коверкал очень важное в этом месте слово — смирение. Осмотрел ещё раз и небрежно, как мне показалось, осенил знамением в виде перевёрнутого знака бесконечности.

— Встань и иди! Отпускаю грехи твои! Принимаю отказ от греховности прежней жизни. Теперь твоё место в армии Триединого заслужено. Но в каком ряду оно будет — близко к Богу или далёко — зависит только от тебя. От тебя и твоей службы во славу ЕГО.

Я зашепелявил что-то благодарственное и стал сдавать назад. Выпрямился, бросил финальный взгляд на Эокаста в паре шагов слева и застыл, когда сзади кто-то вцепился в мою руку.

— Он, — Сималион чуть не утратил над собой контроль. Как и необходимость соблюдать инкогнито. Едва он положил на жертвенный сосуд какую-то совершенно неважную для него вещь, вцепился в меня, как клещ.

Я испуганно посмотрел на стоявших недалеко храмовников и святого отца, потерявшего ко мне интерес моментально, и лишь потом осмелился проследить за взглядом.

Тщедушный пацанёнок, на которого взглядом сексуального маньяка пялился Сималион, не впечатлял. Светло-коричневый "ёжик" на голове, измученное недоеданием лицо, покорный взгляд, бесформенная белая туника на костлявом теле, грязные босые ноги, топтавшие каменный пол. Никоим образом в этом парне нельзя распознать сына самого короля огромной страны. Он был таким же, как и десятки других служек, — абсолютно лишённым индивидуальности.

Мой взгляд пронзил парня, как игла. За две-три секунды изучил с ног до головы и зафиксировал в памяти. Теперь мне никакие Сималионы не нужны. Этого амёбоподобного дрища, которому должно быть лет семнадцать, но который едва выглядел на четырнадцать, я ни с кем не спутаю.

— Не стоять! Вперёд-вперёд!

Это обращались к нам. Поэтому пришлось торопливо последовать совету, постоянно оборачиваясь в пути, чтобы успеть зафиксировать детали портрета.

— Ты уверен? Это он? — я Сималиона чуть ли не за грудки схватил, когда мы покинули каменную площадку и двинулись со счастливой колонной в обратный путь.

— Он! Он! — мастер волновался и улыбался. — Ничуть не изменился за последние зимы. Такое ощущение, что стал ещё моложе и... ещё хуже.

— Значит, Эвенет не соврал королю: его сын действительно здесь в роли забитой прислуги.

— И это отличная новость, не правда ли?

— Прекрасная, — подтвердил я. — Значит, то, за чем мы пришли, здесь. И пора приступать к проработке плана.

Усталости мы не чувствовали, когда спускались. Как не чувствовали и паломники. Многие из них улыбались и даже приставали к нам с желанием поделиться счастьем. Но мы оставались равнодушны к чужому счастью и обменивались лишь своим.

Хоть Феилин и Иберик не рассмотрели пацана, поверили нам на слово. И, спускаясь, мы решили, что затягивать с кражей совсем не невесты, не стоит.

— Иберик и Феилин, на вас план отхода, — тихо шептал я, когда мы плотной четвёркой спускались по дороге. — Завтра мы с Сималионом весь день потратим на изучение распорядка дня служки. С завтрашнего дня глаз с него не спустим. И, как будем готовы, приступим к похище...

— Доволен ли ты сегодняшним днём, путник? — я потерял ориентацию, а потому не сразу понял, какого хрена прямо в середине дороги до меня докопался очередной носитель монашеского клобука. Он и ему подобные улыбались, бродили меж паломников, будто промоутеры, раздающие рекламные буклеты, и приставали с вопросами.

— М-м-м, — растерянно промычал я. Феилин, Иберик и Сималион напряглись и пытались разобраться в том, что происходит.

— Ты крепок, я вижу. Печать усталости не уродует твоё лицо. Сила в плечах чувствуется, — этот наглый прыщ натурально меня облапал. Хорошо хоть в важные места руки не совал, а то точно с ходу получил бы в нос. — Не желаешь заслужить привилегированное место в армии ЕГО, посвятив во благо церкви добрые дела?

Я не сразу понял, на что он намекает, но сразу отрицательно покачал головой, сопровождая кивание мычанием.

— Ты можешь заслужить место в первом десятке, — гордо задрал подбородок, продолжил ковать священник. — Когда придёт твоё время — мы все будем молиться, что не скоро — ОН встретит тебя с распростёртыми объятиями. Спросит: а много ли ты благих дел совершил во имя ЕГО? Крепко ли верил? Был ли смирен? Был ли щедр со спасительной церковью? И если ответы твои будут честны, если перед лицом ЕГО тебе нечего будет стыдиться, ОН примет тебя. С себя снимет доспехи и передаст тебе. Ты станешь лучшим ЕГО воином! Самым верным. Самым близким. Нет большей награды для тех, кто жизни провёл во грехе, но нашёл силы на искупление.

Я уже, было, собрался вступить в диалог. И, возможно, вправить мозги горе-рекрутёру. Да мне не позволили.

— Наш друг не полон разума, — Сималион чуть ли не рот мне закрыл рукой. — Видишь, святой отец, мычит, руками разводит? Наказан он за многочисленные прегрешения. Привели мы его с братьями сюда, надеясь на прощение.

— Слаб духом, но силён телом, вижу, — святоша не желал сдаваться. — Вполне способен послужить святой церкви. Крепкой киркой ли, мотыгой или граблями. Ежедневные молитвы укрепят разум, а труд во славу ЕГО закалит. А вы, страждущие? Все ли грехи замолили? Заслужили ли истинное прощение?

Продолжать дискуссию было крайне опасно. Поэтому мы решили сбежать. Не так, чтобы мчать, аж пятки сверкали. А низко кланяясь, благодаря за помощь и святого отца, и церковь, и Фласэза милосердного. Нам вслед неслись заманивающие слова, но почему-то этот святой отец не погнался за нами следом. Видимо, был приписан к конкретному месту, сходить с которого права не имел.

— Это мы ещё легко отделались, — выдохнул мастер Сималион, когда мы уже заканчивали спуск, а перед глазами виднелась густонаселённая равнина. — Эти пиявки редко кого отпускают так просто. Шахты требуют рабочих рук. Как и каменоломни, впрочем. Везде такие крепыши, как милих, сгодятся. Да и — что скрывать? — нам бы тоже подыскали работёнку. Позволь мы только себя уговорить.

Часть 5. Глава 17. Та, которую похоронили...

— В сторону! В сторону! — уже не такие плотные потоки довольных паломников прижались к обочине. Сверху спускалась тяжёлая телега, запряжённая двумя крепкими лошадками. Но, в отличие от ранее виденных телег, гружённых телами, эта была загружена большой металлической клеткой. — В сторону, покающиеся! Пропустите тех, кого уже ничего не спасёт!

Недовольный гул сопровождал крик неизвестного храмовника, восседавшего на лошадке и двигающегося впереди телеги. Паломники зафыркали и принялись сквернословить в след телеге и нескольким бедолагам, жмущимся друг к другу в углу клетки. Эти бедолаги были грязны до отвращения, коротко стрижены и одеты в совершенные лохмотья.

Клетка выудила из недр моей памяти неприятные воспоминания. Подобную клетку я видел однажды и хорошо помнил детей, от страха забившихся в угол. Правда те боялись работарговцев. И боялись небезосновательно. Эти же испытывали ужас перед счастливыми паломниками. То есть перед обычными людьми.

И они, как мы очень быстро убедились, испытывали ужас не зря: в след телеге, несмотря на грозные окрики храмовника-сопроводителя, полетели куски грязи, камни и свежий лошадиным помёт. Решётка клетки возмущённо заскрипела, а люди внутри клетки завизжали и ближе прижались друг к другу.

Сразу я не смог разобрать пол этих бедолаг. Все они были стрижены одинаково и одеты в одинаковые лохмотья. Но когда я услышал женский визг, после попадания одного из камней точно в ногу, возмущение начало просыпаться. Безобразная сцена, свидетелями которой мы стали, требовала вмешательства.

Но, наверное, провидение не позволило вмешаться.

Мы отпрянули вместе со всеми, когда нас попросили. А когда в клетку полетели камни, отошли ещё дальше. На самую обочину, практически. Но когда грязной короткостриженной женщине прилетело в ногу, а она вскрикнула и на мгновение окинула толпу злым взглядом, я обомлел. Я увидел лицо, узнал его и замер парализованной статуей.

Это была Мириам. Жена Фелимида, дочь Эоанита. Никогда и ни с кем я бы не спутал эту женщину, которую в глубине души уже давно похоронил. Никогда бы не принял за другую. Эти тонкие губы, эти странные брови, эта чудовищная схожесть с собственным отцом не позволила бы мне ошибиться.

— Фласэз милосердный, — сам того не желая, прошептал я. Рот мой закрылся с трудом, а ноги чуть не понесли за телегой.

— Ты что, Иван? — Сималион взял меня под руку.

— Иберик, — я оттолкнул Сималиона и схватил Иберика. — Видишь женщину в клетке? Узнаёшь её? Посмотри. Не может быть, чтобы я ошибался. Это же Мириам!

Парень испуганно посмотрел на меня, а потом скосил глаза и долго изучал удаляющуюся клетку. И чем дальше он смотрел, тем шире раскрывались его глаза.

— Она же мертва, — выдохнул он. А затем добавил еле слышно. — Она, милих. Она... Но как?...

— Идём следом! Живо! — шок уходил, клетка удалялась. И чтобы не потерять её из виду, я едва не побежал вприпрыжку.

Сималиони Феилин успели остановить меня прежде, чем я бы начал дёргать во все

стороны тяжёлый замок на решётчатой двери. Перехватили, взяли под руки и оттащили подальше от совсем недобрых взглядов храмовников.

— Не горячись! — посоветовал Сималион. — Мы просто проследим за ней. Пока не стоит привлекать внимание.

Горячность уходила, уступая место рассудительности. Прямо сейчас ломать клетку — не самая лучшая затея. Мы и так в этой счастливой толпе выгладим чересчур подозрительно. Не говоря уже про физическое состояние, добротные одежды и сытый вид. От подозрительных взглядов надо держаться подальше. Отслеживать маршрут и всё запоминать.

— Феилин, телега повернула дальше. Наверное, двинет на противоположную сторону холма, вне взглядов счастливых муравьёв. Давай-ка ты по правой стороне обогни холм и посмотри там, что к чему. Мы разделимся у будем следить за каретой. Из виду её не выпускать, ясно? Но и ведите себя осторожно, чтобы никто не пожелал задавать наводящие вопросы. В общем, не мальчики. Всё сами знаете.

Мы разделились. Иберик и Фелин разбежались, Сималион держался чуть позади, я шёл следом за телегой, часто смотрел себе под ноги, сжимал ладошки у груди и делал вид, что молюсь. Но объект интереса из виду не упускал.

Телега с клеткой действительно повернула, с желанием обогнуть холм. Дорога, по которой она двигалась, уходила дальше на север. Где-то там, почти на горизонте, виднелись заросли лиственных деревьев и столбы дыма. Скорее всего, там находился очередной лагерь. А то и тюрьма.

Но я немножко ошибся в своих предположениях.

Осилив половину дороги вдоль холма, телега повернула налево. Свернула на просёлочную дорогу и направилась к любопытному оазису из начисто скошенной травы. Местные строители там обустроили странный круг из поставленных по периметру железных клеток в человеческий рост. Клетки закольцовывались, а в центре этого кольца, как самая правильная композиция, располагался деревянный помост с тремя виселицами. И каждая из трёх виселиц имела собственного жильца.

Возле въезда дежурила парочка храмовников. Поэтому я поунял свою прыть. Шмыгнул в зелёный куст, осмотрелся на предмет удивлённых глаз, и сосредоточился на картине передо мной.

Оказывается, телега развозила жильцов по квартирам. Равнодушный возница правил, а храмовник с "синдромом вахтёра" по очереди вытаскивал из клетки бедолаг и пинком под зад придавал необходимое ускорение. С Мириам он тоже не церемонился. Не схватил за волосы, ибо не за что было хватать, но взял за шкурку, вытащил из клетки и зашвырнул в клетку другую. Она ударилась о прутья, упала и инстинктивно принялась зарываться в грязное сено на полу.

Но храмовник потерял к ней всякий интерес. Как и двое сопровождающих. Они продолжили развозить квартирантов, а я торопливо дал по газам, пока они смотрели в другую сторону.

Краем глаза я успел заметить Сималиона и Иберика. Оба держались на расстоянии, но не выпускали меня из виду.

Метров сто я преодолел гигантскими прыжками. Обогнул две клетки, где полубезумные бородатые мужики горестно рыдали, и нырнул щучкой в траву, когда телега завершила объезд.

— Как стемнеет, дадите им похлебать что-нибудь, — услышал я голос главного

храмовника. — Но не густо... А утром снимите этих, — кивком головы он указал на трупы на виселицах. — Вскоре их места займут другие.

Погрузившись лицом в траву, я полз. В нескольких метрах обогнул ещё одну клетку и приблизился к той клетке, где, сжимая руками колени и прижимаясь к решётке, сидела измученная и почти сдавшаяся женщина.

Я приподнял лицо, увидел, что стража заняла место вдалеке, а затем глянул на клетку и прочёл абсолютно понятные слова на деревянной табличке: "Апостат".

Значит, вот как. Мириам — вероотступница. Предательница веры. Предательница отца и дела всей его жизни. Всего, что он так долго выстраивал.

Теперь понятно, почему эта надменная тварь оставалась такой равнодушной, когда Фелимид сообщил о смерти дочери. Эоаниту не было плевать на неё. Он просто изначально знал, что она не мертва. Это мы — дураки — поверили. А он знал. Ибо — теперь я на стс процентов уверен — сам приказал её сюда упрятать. Приказал трусливому Эокасту сбежать из Равенфира и захватить дочь с собой. Иного логичного объяснение просто не может быть.

Зло заскрипели мои зубы: сдерживаться от увиденного, сдерживаться от осознания, что меня легко обманули, было совсем непросто. Но прямо здесь и прямо сейчас я дал себе обещание, что ни за что не оставлю Мириам. Как и сынульку короля, я вывезу её отсюда.

Я пополз по пластунски. Пополз прямо к клетке. Но явно не птичий свист отвлек меня. Я остановился, замер, осторожно выглянул из травы и обернулся. Сималион, рискуя привлечь к себе внимание храмовников, размахивал руками. И, надо признать, размахивать руками он начал вовремя: остановка привела меня в чувство. И заставила думать головой, а не действовать, руководствуясь гневом.

И я стал сдавать назад. Вышел за радиус обзора стражи и сел на обочине той самой просёлочной дороги. Нет, сейчас палиться нельзя. Это глупо. Лишь взгляд бросит любой храмовник на любопытного паломника, и проблем не оберёшься. Надо действовать умнее — надо действовать в темноте.

Поэтому мы ушли в базовый лагерь, дождались Феилина и всё обсудили. А как стемнело, пошли не к тому, за кем пришли, а за той, кого не ожидали здесь увидеть.

По плану, Иберик и Сималион должны были отвлечь стражу, если та меня заметит. А тс и бульжником по голове огреть, если поднимет крик.

Но делать этого не пришлось, ибо я был предельно осторожен. Очень хорошо запомнил клетку, куда заперли Мириам, и, как только она вылебала какую-то баланду, вновь пополз.

Я молился про себя, чтобы мой шёпот не спугнул её. Чтобы она не заорала на все окрестности.

И помогло.

— Мириам... Примо Мириам, это ты?

Шорох в клетке прекратился. Я видел, как женщина пыталась улечься поудобнее и елозила тощей задницей по полу. Но, услышав голос, замерла.

— Мириам, это же ты, верно? Это — Иван. Аниран... Милих...

Только после этих слов я решился приблизиться достаточно близко. И в сгущающихся сумерках разглядел знакомые испуганные глаза.

Некрасивое грязное лицо и стрёмная стрижка делали измученную женщину совершенно непривлекательной. Но глаза, эти умные и когда-то решительные глаза, я узнал.

Грязные пальцы сжали решётку, лицо просунулось сквозь прутья. Теперь не осталось никаких сомнений: это — она.

— Мириам... Мириам... Посмотри на меня. Это я — Иван. Помнишь меня? Узнаёшь?

Громкий всхлип едва не испортил всю малину. Женщина узнала меня. И не смогла сдержать эмоции. Хорошо хоть ладони вовремя спасли хозяйку и зажали её рот.

— Аниран, ты ли это? — сквозь слёзы произнёс слабый голос. Знакомый голос. — Нет, не верю. Не может быть. Что анирану здесь делать? Уйди, злой сон.

— Да тише ты! — я подскочил и схватил её за руку. — Прикоснись ко мне. Сожми руку с такой же силой, как я сжимаю твою. Вспомни меня. Вспомни Фелимида. Вспомни, как ты защищала меня от храмовников.

Это помогло. Хотя слёзы всё так же текли по измождённому лицу, Мириам смогла заставить себя прикоснуться ко мне. На коленях подползла к решётке, провела пальцами по лбу и узнала анирана, несмотря на бородатую рожу. Затем просунула худые руки между прутьев и обняла меня. Я ответил ей тем же и осторожно прижал к себе.

Момент был впечатляющий. Даже для меня довольно эмоциональный. И даже металлические прутья между нами не портили его.

— Они убили Рэнэ, — всхлипывания продолжились. Едва она справилась с первым шоком, пришёл следующий. — Сожгли моё поместье... Моих слуг... Звери!

Я тяжело вздохнул: к Рэнэ я всегда относился с огромным уважением. Я знал его всего ничего, но тоже был обязан жизнью.

— Пусть Фласэз примет его в свою армию и подберёт достойное место, — тихо прошептал я. — Он это заслужил... А ты, Мириам. Как ты здесь очутилась? Почему ты здесь?

— У тебя есть... Прости, аниран, у тебя есть еда?

Она принялась меня торопливо ощупывать. И я ни секунды не сомневался в том, что сейчас самое важное для неё.

— Да, захватил, — я полез в карманы, извлёк несколько сухарей и кусок вяленой конины, приобретённый за серьёзные деньги у того самого животновода, с которым налаживал контакт Феилин. — Держи. Ешь, не стесняйся. Но осторожно. Ты слаба, как тростинка. Сломаешься ещё. Не забивай сразу желудок.

Кусок мяса она уделала за секунды. Как мне сразу стало понятно, таких деликатесов ей давно не давали. Сухари же жевала неторопливо, запивая водой из моей кожаной фляги.

— Мы думали, ты мертва. Я, Фелимид и остальные, — начал я диалог.

— Фелимид жив? — хруст на мгновение прекратился. — Он сбежал?

— Сбежал святой отец Эокаст. А Фелимид пришёл на помощь и помог анирану справиться с "покаянниками", — я в двух словах рассказал ей историю. — Он теперь дознаватель при дворе. Его Величество простил его. Теперь они вместе строят новый Обертон.

— Я рада...

— Он и сообщил, что вернулся домой на пепелище. Сказал, ты сгорела...

Мириам глухо рассмеялась. Что было немножко неожиданно.

— Сжигать меня бессмысленно. Я слишком важна для многих. А вот наказать... Сломать... Я... Я даже не знаю сколько дней провела под землёй. Только с приходом лета меня переселили под открытое небо. Я два рассвета веки не могла поднять — солнце резало глаза.

— Это ведь Эокаст тебя сюда увёз, верно? Он успел сбежать из Равенфира до того, как Тревин приказал его поймать.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Нет, наверное. Я лишь помню, как под вечер пришли храмовники. Как убили Рэнэ и остальных. Как ударили и схватили меня. Дальше всё как в тумане. Я даже не помню, как сюда добралась. Но ты прав: Эокаста я здесь видела. Он насмеялся надо мной, приказал держать на цепи в подземелье... Но так же добавил, что... отец, — перед произношением этого важного слова, она сделала паузу. — Приказал сохранить мне жизнь. Не церемониться и относиться, как к вероотступнику, но жизнь сохранить. Я не сомневаюсь, что от тех далекоидущих планов на меня он не отказался. Он хочет сломать меня, обуздать. Но моей смерти никогда не желал.

— Я встречался с Эоанитом, — усмехнулся я.

— И как?

— Подружиться нам не удалось. Но теперь он точно знает, что шутить с ним я не намерен: мы выдавили его из Обертонна. И захватили сады с деревьями Юма.

— Серьёзно? — Мириам даже хрустеть сухарями перестала.

— Более чем. Ты уж извини, но твой папаша несколько раз был очень близок к утрате головы. Только благодаря умелому языку отвертелся. Он умён, что тут сказать.

— Ум — не единственное его оружие, — добавила она. — Он смотрит далеко. И видит гораздо дальше, чем ты можешь предположить, аниран.

— Я тоже не лыком шит...

— Неважно. Сейчас, пока есть время, расскажи мне, как обстоят дела в столице. Расскажи, что с тобой произошло за это время.

История вышла продолжительной. Даже не односерийной, когда мне пришлось взять паузу и затихариться во время ночного обхода. Но когда я завершил рассказ, Мириам, более-менее, была в курсе произошедших событий. И тех, которым только предстояло произойти.

— Ты прибыл сюда за принцем, оказывается, — впервые она улыбнулась. — А мне хотелось думать, что ты пришёл спасать меня... Но неважно. Поступок опасный, но весьма важный. Ты рискуешь придать себя огласке раньше времени, конечно, но Его Величество прав — спасти его сына крайне важно.

— Ты можешь не сомневаться, — я сжал прутья, пощупал их и даже подёргал слегка, проверяя на прочность. — Я тебя здесь не оставлю. Эта решётка — не преграда для анирана... И я могу освободить тебя прямо сейчас.

— Нет! — в её голосе пробудилась знакомая властность. А затем она крепко сжала мою ладонь. — Нельзя! Не сейчас. Я едва ноги переставляю...

— Я тебя понесу.

— И куда ты меня понесёшь?

— Ну, в Винлимар. Обратно в Винлимар на лошадях. Мы уже планируем кое-что...

— Нет, погоди, аниран. Сбежим мы этой ночью, на утро меня хватятся обязательно. Других бы не хватились, возможно, но меня сия участь не минёт. И что дальше? Сколько лиг до Винлимара? Не перекроют ли дороги? Не выставят ли посты? Не придёт ли наместнику почтовый сирей?

— Придёт, очевидно, — прокряхтел я. Я уже и забыл, что эта женщина, как тот самый говорун — обладает умом и сообразительностью. Видимо, от отца не только непривлекательную внешность унаследовала, но и ум. Как и он, она зрит далеко. — И нас,

скорее всего, даже в город не пропустят. Хотя в винлимарской клоаке мы бы легко могли затеряться. Золото есть.

— Ты упускаешь главное: ты здесь не за мной. И не меня обязан освободить.

— И это верно, — вынужден был согласиться я.

— Вас четверо, ты сказал? И нас двое. Двое истощённых, измождённых узника. Таку ораву в Винлимаре сразу отыщут. Церкви нас там выдаст каждый. И никакое золото не защитит.

— И что ты предлагаешь? Мне эта территория незнакома. Только беглым взглядом карты изучил. Чтобы исследовать её всю, чтобы найти грамотный путь отхода, придётся потратить слишком много времени. А на нас тут уже подозрительно косятся. Слишком пышим здоровьем, слишком многим интересуемся, слишком разбрасываемся деньгами. Того, гляди, решаться пощупать кошельки. И не только паломники, но и храмовники.

Мириам задумалась. Уверен, покинуть эти "гостеприимные" места ей очень хотелось. Вот только не хотелось возвращаться обратно, если план побега окажется плохо проработан и потерпит фиаско.

— Надо уходить на север, — решительно произнесла она. — Я тоже помню карты. И пока совсем не пала духом, тоже искала пути отступления. Но единственный более-менее возможный путь — это на север. По Восточному Мосту через реку Халират в леса, где укрываются отступники.

— Отступники?

— Это те, кому удалось бежать. Те же паломники, только не сломавшиеся. Не павшие духом и не поверившие в божественное исцеление через каторжный труд. Иногда кому-то удаётся сбежать. Но чаще нет, — она кивнула головой в сторону трёх виселиц. — Такое происходит почти каждый рассвет. И чем теплее становится воздух, тем чаще совершаются побег. Поэтому Восточный мост тоже охраняется. Но вариант побега на север лучше, чем побег в Винлимар, потому что дальше моста за нами вряд ли пойдут. В те леса храмовники не суются, как я слышала по разговорам. Их там ни раз встречали стрелами из крон. Даже святые отцы предпочитают не нагнетать и не подбадривать паломников. Могли бы их погнать, конечно, но тогда шахты рискуют потерять слишком много рабочих рук.

— Вольные стрелки, блин, — пробурчал я. Но сам себе пообещал как-то выяснить, что действительно происходит севернее равнины. Что за мост такой, что за лес за ним и что за "отступники" такие.

— Там, севернее, если и не враги церкви, то точно не друзья. А в Винлимаре... В общем, аниран, нет дороги обратно. Дальше на восток к берегам Бескрайнего океана, или на север под защиту спасительных крон.

— А что там за лесом?

— Если я правильно помню, после появления карающего огня в тех местах оставалась лишь одна деревня — деревня Ритран. Её основали у истока реки Левый Рукав в давние времена. И она ещё стояла многие зимы спустя. Но самое главное — река проходит вдоль Равенфира. Если нам удастся пересечь лес и удастся добраться до деревни, тогда ты сможешь щедро вознаградить чернь тем золотом, которого у тебя так много, как ты рассказываешь. Ты наймёшь судно, чтобы доставило нас в Равенфир. Под защиту моего старого друга — принца Тревина.

— Вариант интересный, — согласился я. Добраться в Равенфир, минуя Винлимар и Плавин, где правят наместники, было бы очень неплохо. Там, по крайней мере, врагов у

анирана куда меньше. — Ну а сколько времени нам придётся провести в пути, приблизительно?

— Вверх по течению под парусом или на вёслах где-то с декаду...

— Нет, не по реке. До этой деревни... как там её? Через лес и всё такое.

Мириам замолчала. Но не потому, что считала километры. А потому, что осознала, что всё совсем непросто.

— Не знаю, — он помрачнела. — Открыто двигаться по тракту на лошадях будет сложно. Наездники привлекут внимание даже ленивых храмовников... А идти пешком... Не знаю. До моста на лошади можно добраться от рассвета до рассвета. А пешком...

— Ладно, мы постараемся выяснить, — я быстро сообразил, что от неё в этом вопросе пользы мало. Хватит того, что она подала интересную идею валить в Равенфир, а не обратно в переполненную счастливыми паломниками клоаку. Здесь мне поможет Феилин. Его неброская внешность и умение быть незаметным помогут. Он всё разузнает. — Но это потребует времени, Мириам. Ты справишься? Выдержишь? Это не тебя собираются повесить в ближайший рассвет?

— Я раньше умру от старости, чем от петли, — тихо засмеялась она. — Пусть даже в этой клетке.

Я скептически осмотрел тощую тушку почти в кромешной темноте. Но Мириам заметила мой взгляд и улыбнулась.

— Им не сломать меня, аниран. Особенно теперь, когда пришёл ты и всё рассказал. Теперь им не сломать меня никогда.

Я уважительно закивал головой: а ведь Мириам ни капельки не изменилась. Не внешне, конечно. Внутренне. Та же решительная и крепкая духом дама. Баба-таран, практически.

— Нисколько не сомневаюсь, что тебя сломать никому не под силу, железная ты леди, — улыбнулся я. — Я понял тебя и услышал. Теперь услышь меня: сиди тихо и не лезь на рожон. Утром я пришлю Иберика — сына Каталама. Ты должна помнить его. Лысый такой. Он принесёт еды и займётся тем, что будет за тобой присматривать. А ты отъедайся и никому не дерзи. Не заставляй Иберика резать понапрасну храмовников. Пока ты будешь наедать пузо, — Мириам фыркнула, но я заметил, что она радостно улыбнулась между делом. — Феилин — наш четвёртый компаньон — изучит дорогу на север. А мы с Сималионом разберёмся, как выкрасть сына короля. И с ним, мне кажется, будет не так просто, как с тобой. Так что сиди в клетке, как готовая покаяться вероотступница, а не как та бунтарка, кто ты есть на самом деле.

— А ты, оказывается, успел меня хорошо узнать, — Мириам вновь тихо рассмеялась.

— Потому и хочу спасти. Этот мир испытывает недостаток в ясных умах. Ты — один из них. И я не позволю кому-либо лишить это мир... короткостриженого ясного ума.

Я пытался пошутить, но к моим словам она отнеслась абсолютно серьёзно. При свете нескольких лун я отчётливо различил очередные быстрые слёзы.

Мириам просунула руку сквозь прутья, нащупала мою ладонь и сжала:

— Спасибо. Спасибо, что хочешь меня спасти. Ты — лучший мужчина, которого я когда-либо встречала.

Прозвучало довольно-таки откровенно. Я даже смутился немного. Было что-то в её тоне, что отличало от других слов, ею произнесённых. И глаза смотрели по-другому.

— Я отвезу тебя в Обертон, — я крепко сжал её руку в ответ. — Жди... И больше не падай в обморок, как когда-то.

— Хорошо, не буду, — она улыбнулась. А когда я бегло осмотрелся и уже хотел удалиться, вновь крепко вцепилась в мою руку. — Подожди... Скажи... — Мириам протиснула лицо между прутьями и уставилась на меня своими магнетическими глазами. — А твоя женщина... Она какая?

— Какая?

— Она... красивая? Ты подарил ей то, что уже столько зим ни один мужчина не может подарить ни одной женщине. Она... счастливая?

— Счастливая? — я сначала не понял всей глубины вопроса. Но, ещё раз посмотрев на ожидавшее ответа лицо, обо всём догадался. — Да, счастливая, — подтвердил я. — Да, красивая... И да, она — моя женщина.

Хватка ослабла. Мириам ступевалась и принялась мельтешить, будто искала место, где можно спрятаться в открытой клетке два на два метра.

Я отпустил её руку и не стал ничего добавлять. Все слова были сказаны. Дальше дело за поступками.

Часть 5. Глава 18. Проработка плана

Ночью мы с друзьями вновь собрались в местном хлеву. Несмотря на то, что мы шастали ночью по лагерю и попались на глаза чересчур любопытным храмовникам, откупились довольно легко — даже золото не пришлось задействовать, хватило серебра. А затем мы грызли те самые сухари из запасов, ели остывшую кашу и прорабатывали план действий.

Феилин принял мою идею и был готов с утра отправиться в пеший путь по северной дороге. Он обещал не попадаться на глаза и всё изучить. Я дал ему три рассвета на всё про всё.

Иберику роль надсмотрщика не за тем объектом, за которым он клялся присматривать, не особо понравилась. Но иного варианта не существовало — Мириам лишь его знала в лицо. А он знал её.

Сималион же знал в лицо другого персонажа. И вместе со мной с самого утра отправился в очередное восхождение с новой партией едва прибывшего мяса.

В этот раз мы были куда аккуратнее. Не высовывались, прислушивались к разговорам и держали взгляды долу, как положено смиренным паломникам. А когда очередное долгое восхождение завершилось, стали в очередь последними.

В таком подходе присутствовал важный смысл: мы наблюдали за пацаном, а не за представлением.

Терезин опять прислуживал. Всё так же стоял босыми ногами на каменном полу, всё так же смотрел пустым взглядом под ноги, всё так же был абсолютно безразличен к происходящему. Но делал всё, что ему приказывали святые отцы: то масло в лампы подливал, то мантии поддерживал, то вместе с коллегами уносил в храм подносы, когда они заполнялись пожертвованиями. То есть был безлик и незаметен, как все ему подобные.

Что, в определённом смысле, играло нам на руку: вряд ли кто уделит особое внимание его отсутствию. Если мыслить через надежду, что тут далеко не каждый знает, что это — сынок самого короля, вряд ли надзор будет столь суров, что его хватятся сию же минуту. С Сималионом мы надеялись, что у нас будет достаточно времени на отход. Оставалось решить самый сложный пункт плана — уговорить пацана бежать.

— Мне надо с ним встретиться, — шептал я в ухо Сималиону. — Поговорить один на один. Если он настолько набожен, как о нём говорили, у меня есть шанс. Нужна лишь приватность.

— Вроде бы, служкам не позволяют разговаривать с паломниками. Нужно сначала заслужить сан, затем, как те святые отцы, которых полно у подножия холма, уговорить несколько заблудших душ положить свои силы и здоровье на алтарь разработки золотых жил, и только потом получить относительную свободу. То есть путь Терезину предстоит долгий. А с учётом того, что он никогда не отличался особой решительностью... — Сималион развёл руками.

— Должен быть выход, — недовольно пробурчал я. — Эти служки... Они же что-то едят? Куда-то срут? Где-то спят? Я должен с ним поговорить. Пусть даже у отхожего рва.

Сималион задумчиво хмыкнул.

— Ров, говоришь?... Любопытно: а где служки обитают? Не в храме же живут... И где справляют нужду?

Я говорил образно, но Сималион ухватил самую суть. И, пораскинув мозгами, я тоже допёр, что в этом что-то есть.

Определившись, мы больше не стали терять время в ожидании. Немножко взбудоражили покаянное общество, когда полезли напролом. Но смогли порадовать строгих святых отцов: и я, и Сималион, как состоятельные прямо, прибывшие искупать грехи аж из самой столицы, оставили на жертвенных сосудах по десять золотых. И хоть я изначально опасался, такое подношение понравилось доставшемуся мне святоше куда больше, чем ножны с кинжалом. Этот даже торжественно пообещал замолить перед Триединым все мои грехи. Даже ещё не совершённые.

Незамеченными мы улизнули со спиральной дороги и скрылись в зелени холма. Подобрали тихое местечко, откуда открывался вид обратную сторону храма и где нас не могли обнаружить случайные паломники.

Грандиозность сооружения и нескончаемые потоки счастливых овец угнетали нас до самых сумерек. Но мы стойко держались и не менее стойко скрывались. До вечера нас так никто и не обнаружил. Мы даже дождались, когда вверх потянулась змейка карет и телег. А потом сопровождали взглядами эти кареты, когда они спускали с холма святейшие задницы. И лишь потом пешим ходом двинулась вереница молчаливых подростков.

С некоторым разочарованием мы отметили, что парни не предоставлены сами себе. Впереди колонны шёл бодрый святой отец, а замыкали шествие несколько равнодушных храмовников. Мы дали им время оторваться и незаметно преследовали до самого подножия. Там, как я и предполагал ранее, служки отправились в собственные пенаты — в длинный прямоугольный шатёр на противоположной стороне от оживлённой равнины. Храмовая обслуга жила на другой стороне холма, спрятанная от посторонних глаз.

Так же тут, как мы быстро выяснили, обитала часть храмовников. В казармах ближе к шахтам не все из них ночевали. Часть скучала и отгоняла комаров здесь.

Походный храмовнический лагерь состоял из десятка длинных белых шатров, возведённых у очередного холма. Хоть и не такого большого, как тот, где возвышалось "Чудо Астризии". Там было довольно многолюдно. Шумно и многолюдно. С наших удачных позиций мы получили возможность спокойно наблюдать за происходящим. Мы видели толпы весёлых крепких мужиков, видели аналог походной кухни, где эти мужики тусовались. Видели даже аналог борделя, как быстро смог определить мастер Сималион. В необходимости подобного заведения, как и в его неизбежном присутствии в этом месте, он меня предупреждал ранее. Любая армия — малая или великая — не может обойтись без оного, говорил он. Притон разврата — неизбежная необходимость. И он не сомневался, что, рано или поздно, мы его здесь обнаружим.

Другой вопрос, почему святые отцы, столь ревностно оберегавшие паству на лицевой стороне холма, позволяли разврату пустить корни недалеко от жилищ запуганных служек? Ладно, пусть войско своё они должны обеспечивать. Не только пищей и золотом, но и проститутками. Но зачем организовывать рассадник срама недалеко от места, где царит целомудрие и молчаливое подчинение? Не затем ли, чтобы использовать этих испуганных и молчаливых служек по прямому предназначению — предаваться разврату уже с ними? Сколько я подобного слышал в своём мире. Сколько раз, что называется, срывались покровы. Неужели и в этом мире хватает скрытых педофилов? Слухи об Эвенете ведь не просто дым без огня. Возможно, они не беспочвенны.

— Хорошо хоть здесь траву не выкашивали, — отвлёл меня от размышлений Сималион.

Мы вынуждены были совершить несколько перебежек, чтобы сменить месторасположение, и укрылись в массивных, нестриженных кустах. — Слушай, милих. Может, тогда не надо разговоров? Схватим парня, свяжем. Рот тряпицей перевяжем. Я могу на плечо взять, если лошади не будет. А то ещё поднимет шум...

— Нет, нельзя, — этот вопрос я обсудил сам с собой давным давно. Слова короля не шли из головы, и я всё сильнее убеждался, что сила веры должна стать мотором Терезина. Не чьё-то плечо или седло выносливой лошадки, а он сам. — Как долго нам пробираться по враждебной территории, ещё не известно. И мне надо, чтобы он шёл на своих ногах, а не на чужих плечах. Я не стану сразу разбивать в пух и прах все его верования в заслуженное наказание. Но покажу себя однозначно. И скажу, что он — избранный. Отмеченный аниарном. Так, я уверен, гораздо проще будет завладеть волей впечатлительного и нерешительного подростка.

Сималион уважительно хмыкнул:

— И рот его будет оставаться на замке.

— Верно, — кивнул я. — Пока аниран не позволит его раскрыть.

Мы не покинули наблюдательного поста до самого отбоя. Лагерь работников церкви был хорошо освещён, благодаря факелам и кострам. Мы и за скудным ужином понаблюдали, и за весёлой движухой у борделя, и за "пи-пи" и "а-а" перед отбоем. Зрелище было не самым приятным, но мы хотя бы выяснили, где сии таинства свершаются. Вонь в окрестностях стояла жуткая, но самый цимес был в том, что отхожий ров находился очень далеко от жилых мест. Здесь, и только здесь, можно отловить клиента, не опасаясь, что за ним следят — служки почему-то отличались чрезвычайной скромностью. Они не разговаривали друг с другом. Мылись, ели и тужились над отхожим рвом в одиночестве или как можно дальше друг от друга. Нелюдимы были до безобразия.

— Не дети, а роботы, — прошептал я себе под нос, наблюдая невесёлую картину.

Но всё же точку в плане о похищении мы поставили именно здесь. Только здесь пацана можно скрутить, оттащить и с ходу навешать лапши на уши. Здесь, а не у тесного казарменного шатра... Ну а если поднимет вой, придётся вместо лапши дать по ушам. Сималион сразу выразил желание, если я вдруг постесняюсь.

Хоть Терезина мы так и не смогли рассмотреть в этот вечер, не сомневались, что у отхожего рва ему придётся показаться. Против организма ведь не попрёшь... А нам пока надо подготовить отход, чуток откормить Мириам и ждать в засаде.

Весь следующий день прошёл в шлифовке плана. Феилин не показывался, но я доверял парню, как самому себе. Он обладал способностями, которыми мало кто обладал в этом мире. Ещё в лагере я называл его "дитём леса". Он не затеряется. Обязательно всё разузнает и вернётся, как будет, что сообщить.

Иберик доложил, что Мириам лопает за обе щёки. Её высококалорийная кормёжка обходилась нам в копейчку, но я не экономил. Мы и на свежий хлеб тратились, и на сырые яйца и, разумеется, на жирные куски мяса. Тот самый животновод оказался большим любителем денежных знаков. А поскольку находился на весьма хлебной должности в месте, где такая должность позволяла чувствовать себя вершителем судеб, к нашему подхалимству, подкреплённому регулярными подаяниями, отнёсся с большим воодушевлением. Не

отказывал щедрым паломникам ни в чём. Даже пару кобылок был готов продать втихую по стоимости, раз в пять превышавшую стоимость этих кляч в столице.

Но мы не возмущались. Нам было гораздо важнее оплатить молчание этого ненасытного хитреца. Нам всем казалось, что этот товар он тоже способен продать.

Вечером следующего дня, ближе к глубокой ночи, я бы сказал, втроём мы лежали у клетки, где Мириам смачно чавкала. Она совершенно не выглядела подавленной и теперь желала лишь одного — чтобы час побега побыстрее настал. Даже была готова идти пешком, если придётся.

— Пока ещё неизвестно, куда придётся идти. И пешком ли, — остудил я её порыв. — Мы ждём нашего следопыта. Поверь, Мириам, парень знает своё ремесло. Он всё выяснит. И если пути на север не найдёт, мы пойдём скорым ходом в Винлимар. И уже там будем ловить речную попутку.

— Ты иногда говоришь словами, которые я не понимаю, аниран, — пальцы она не облизывала, но ела с чудовищным аппетитом. — Если бы у нас было судно, лучше бы на край земли пойти и постараться переплыть Бескрайний океан, чем возвращаться в Винлимар. Нас там будут искать, пока всё не перевернут вверх дном. Порт закроют сразу. Ни одному судну с паломниками не разрешат пристать. Уходить на север — наш единственный вариант.

— С этим я пока не готов согласиться, — сказал я. — Но то, что единственный вариант — уходить ночью, абсолютно не обсуждается.

— Ранней ночью или поздним вечером, — вставил Сималион. — Тебе, милих, — высвободить Мириам. Ведь только ты способен перерезать прутья. Я — или мы с Ибериком — будем поджидать Терезина. К моменту побега он уже не должен испытывать сомнений. Он должен хотеть сбежать сам, а не мы понесём его на плечах.

— Я займусь им в ближайшее время, — подтвердил я. — Но тут тоже есть опасность: нельзя оставлять его наедине с размышлениями. По крайней мере, надолго. Его столько зим растили овощем, простите, что он вполне способен принять решение овоща — остаться и смотреть в пол до самой старости... Нет. Его надо ошарашить, а волю подчинить. И увозить, пока он ещё ошарашен.

— Согласен.

— И, к сожалению, забить — ещё раз простите — болт на Эокаста, — вздохнул я.

— Болт?

— Ага, — задумавшись, я не догнал, что именно Мириам непонятно. — Отложим разговор с Эокастом на потом. Я реально хотел с ним побеседовать. Но высматривать, изучать распорядок и охотиться сейчас бессмысленно. Нам бы просто уйти...

— Тогда нам надо дождаться вашего следопыта, — резюмировала Мириам. — Дайте ещё напиток... А мяса у вас больше не осталось?...

Следующие несколько дней прошли в ежедневной рутине. Хоть мы больше не показывались у храма и всячески игнорировали попытки святых отцов найти для нас "непыльную" работёнку, перед паломнической братией и храмовниками примелькались. Нам надо было срочно решать вопрос, а то скоро не только кошельки отощавают, но и к бездельникам-примо любопытные местные жители начнут приставать ещё наглее.

К счастью, Феилин вернулся без всяких приключений. Не на третий рассвет, а на четвёртый, чем заставил меня немножко понервничать. Но всё же вернулся.

Следопыт рассказал, что добрался до Восточного Моста. Шёл не по тракту, хоть оживлённым его назвать не поворачивался язык, а держался на солидном расстоянии. Изучил местность, набрёл на болото и чуть не утонул. Потому и задержался. Но обходной путь нашёл. Даже непугливую птицу подстрелил мимоходом. То есть в зарослях болота можно немного пересидеть, если придётся. А потом, опять же строго на север, двигаться до самой реки. Проблема была лишь в том, что река довольно бурная. Сильный муж едва ли переплывёт. Поэтому — хочешь не хочешь — придётся пересекать реку через мост.

— Что там с охраной? — спросил я.

Восточный Мост, ставший связующим звеном между землями обжитыми и землями дикими, где, как он услышал из подслушенных разговоров, обитает лихой, нечестивый люд, хорошо охраняется. Но с одной стороны охраняется храмовниками, а с другой — королевскими солдатами.

— Королевскими!? — одновременно воскликнули мы с Сималионом.

Как выяснил Феилин, храмовники стерегут лишь одну часть моста. Следят за тем, чтобы товары доставлялись, а бежать никто не смог. На противоположной стороне — застава. Там королевские штандарты на стягах, которые Феилин ни раз видел в Валенzone. Телеги и кареты передвигаются, но и с этой, и с той стороны их досматривают. Поэтому просто так не прорваться. Даже если укрыть прямо Мириам и принца Терезина, их обнаружат. А пытаться перебраться вплавь бессмысленно — потонут.

— Нет, — решительно сказал я, когда пазл в моей голове сложился. — Надо брать мост. Штурмом, если придётся. Возвращаться в Винлимар с нашими пассажирами действительно опасно. Там нас любая собака выдаст. И, ясен хрен, никто на борт не возьмёт. Но если пойдём через мост... Если сможем перебраться на другую сторону... А там ещё королевским солдатам я покажу это..., - я полез за пазуху и извлёк тщательно скрываемый золотой медальон. — В общем, это единственный годный вариант. Надо только пересечь мост.

— Добраться бы до него сначала, — не согласился уставший Феилин. — Нельзя двигаться на лошадях по тракту. Нас там нагонят. Надо уходить через заросли болота. Но путь неблизкий. И непростой. Хватит ли у нас сил?

— У нас-то хватит, — поморщился Иберик, а затем обернулся и посмотрел в сторону храма. — Но хватит ли у них?...

— Хорошо хоть никто из вас не сомневается, что погоня будет, — невесело усмехнулся я. — А на счёт пассажиров: будем в них верить. Мириам сделана не из теста. Хотя она пока слаба телом, крепка духом. А пацан... Принц то есть... Будем надеяться, что мне удастся до него достучаться. Идея, в принципе, неплоха — обратиться к нему, как к избранному. Как избранному для великой миссии. Но, блин, выносливость штука такая, что может подойти к концу в самый неожиданный момент. И никакая крепость духом не поможет.

— Правду говорит милих, — вздохнул Сималион, соглашаясь. — Надеюсь, всё получится.

— И я надеюсь...

Часть 5. Глава 19. Терезин

Времени больше терять было нельзя. Поэтому на следующий день, подкормив Мириам ранним утром, мы сосредоточились на главной проблеме. "Вели" её целый день до самого вечера. В сумерках спускались с холма и очень старались не терять "проблему" из виду.

Феилин опять помог нам. Его умение быть незаметным сыграло на руку.

Сималион, я и Иберик рассредоточились вдоль отхожего рва, чтобы быть готовыми ко всему, а он пробрался в лагерь. Сказал нам напоследок, что выследит принца и сообщит криком сирея о его приближении. Ибо, как он сказал, и Иберик, и милих не спугают крик сирея ни с чем.

Ждать пришлось реально долго. Я уже, было, предположил, что организм Терезина, измождённый постоянными постами и отказами, призывает того избавляться от продуктов жизнедеятельности не чаще раза в неделю, как слышал знакомое карканье. А поскольку Сумман был отправлен в столицу тогда, когда мы только покинули Винлимар, и сейчас, скорее всего, ещё даже не летел обратно, ошибиться в правильности знака было невозможно.

Иберик находился от нас с Сималионом метрах в пятидесяти. И на карачках пополз к нам. Но вовремя заметил, как я панически размахиваю руками и рухнул носом в траву.

— Не вижу, он ли это, — обеспокоенно произнёс Сималион, вместе со мной изучая едва различимую тень в темноте. — Хорошо хоть сюда идёт.

— Сразу кидаемся, зажимаем рот и волочим в те кусты, что сзади, — волнение мастера передалось и мне. — Он, вроде, и в правду дрищ. Не отобьётся.

— Если подумает, что мы хотим снасильничать...

— Тихо! Спускается.

Тень спустилась с небольшого пригорка и остановилась в центре выгребного рва. Спустила штаны и присела.

Никакими свидетелями не пахло, а потому мы решительно приступили к делу.

Во тьме, еле-еле озаряемой далёкими факелами и лунами, изредка выглядывающими из-за туч, мы смогли тихо преодолеть разделявшее нас пространство. Метра три-четыре, не больше. А затем, молясь при прыжке не угодить мордой в отхожий ров, накинулись на жертву.

Пацан успел удивлённо вскрикнуть, едва к нему прикоснулись чужие руки. Но дальше лишь хрипел, потому что беспардонный Сималион крепко зажал ему рот. Я навалился сверху, помог перевернуть тело и без труда свёл трепыхающиеся ручонки за спиной. Сил в этих ручонках вообще не было.

— Тихо! Заткнись! Не издавай звуков, а то хуже будет! — заговорил я как настоящий бандит. — Тащи его быстреей.

Я успел несколько раз обмотать верёвку вокруг кистей, сведённых за спиной. Затем мы удобнее перехватили пацана, чтобы Сималиону не было необходимости закрывать чужой рот двумя руками, и поволокли. Приспущенные портки волочились по земле, мешая испуганно метавшимся ногам сопротивляться.

Мы протащили пацана метров десять по земле на заранее подготовленную позицию. И там, где в крохотной ямке тихо горел небольшой костерок, я выхватил самую яркую ветку. Выхватил и поднёс к голубым глазам, полным неподдельного ужаса.

— Он, — улыбнулся я, разглядев знакомые черты. Эти черты я изучал несколько

суток. — Это он, Сималион. Порядок.

Пацан, услышав знакомое имя, нахмурился. Даже на секунду перестал елозить ногами и попытался повернуть голову в стальном захвате.

— Не отпускай пока его, — посоветовал я лежащему на спине и прижимавшему пацана к себе Сималиону. — Терезин, это ты?

Брови вновь нахмурились, а глаза буравили насквозь.

— Я пришёл за тобой, принц, — я добавил голосу столько наигранной суровости, сколько мог. — Ты был избран! Избран мной — анираном!

Затягивать представление было никак нельзя и я сразу зашёл с козырей: щит расплывался у руки от силы пару секунд, а нить, которая так отлично срабатывала на каждого, кто видел её впервые, пробудила в глазах пацана благоговейный трепет.

— Замри, я сказал!

Ноги больше не били по земле, а спущенные портки открывали для обзора неважнецкий инструмент.

— Один из посланников небес, обещанных самим Троединым Богом, — я картинно осенил себя знамением. — Прибыл в Астризию. Прибыл за тобой.

Пацан пытался говорить, но получалось издавать лишь нечленораздельные звуки, ибо Сималион не собирался его отпускать.

— Молчи! Молчи и слушай! Аниран, будущий милих, милосерден. Но так же он беспощаден к тем, кто не приемлет его волю! Ты веришь в спасителя? Знаешь о его приходе? Готов ли ты молча внимать словам его?

Стриженная головешка совершила несколько торопливых движений, напоминавших согласие. Видимо, Сималион немного ослабил хватку.

— А теперь внимательно слушай, что аниран скажет... Ты избран, дитя короля. Избран мной. Отныне и до конца жизни твоей целью станет одно — нести заблудшим душам слово анирана. Нести уверенно, нести непоколебимо, нести, защищая это слово перед неверующими.

Пацан замер. Глаза навывкате всё ещё смотрели удивлённо, но уши несомненно слышали, а разум понимал.

— Не противься силе друга анирана, — пафосно продолжил я. — Это твой старый наставник — мастер Сималион. Как и ты вскоре, он тоже стал под знамёна анирана. Сначала он стал его слугой, затем верным соратником и другом. Тем, кем станешь ты. Оглянись и убедись в этом.

По-настоящему скрепя шей, Терезин медленно повернул голову. Сималион всё ещё держал парня в захвате, но основные силы направлял на сдерживание рта.

— Нет воли иной, кроме воли Фласэза, — подыграл мне опытный Сималион. — И нет счастья большего, чем служить тому, кто станет милихом.

Голос Терезин, несомненно, узнал. Хлопал глазами пару секунд, а затем вновь посмотрел на меня.

— Тебя отпустят, несущий слово анирана. Отпустят, если пообещаешь вести себя достойно. Достойно того, кто видит перед собой посланника небес.

Терезин опять закивал головой. И мне пришлось поверить этим кивкам. А затем приказать Сималиону отпустить парня и развязать ему руки.

Терезин лежал бревном несколько секунд. Даже, когда ему предоставили свободу. Затем, первым делом, натянул портки. Вторым — поменял положение, сев на колени. А

третьим — уставился обалдевшими глазами на нависающую над моей головой иглу.

— Не слышу! — грозно шикнул я. В характере пацана я уже успел разобраться. Подобные характеры я уже видел. Такие характеры не рождали хороших футболистов. Чаще такие характеры из секции забирали родители, чтобы переключить их на овладение фортепиано или скрипкой.

— Прости, посланник небес, — впервые я услышал голос принца. По-настоящему испуганный голос. — Прости за недостойное поведение и неприятный вид. Я готов принять любое твоё наказание.

Остриженная голова вонзилась в траву у моих ног. Я недовольно поморщился: ясен хрен, жизнь под колпаком у церкви — не сахар. Личность эти долбаные святоши умеют стирать. Но, блин, остатки самоуважения должны же присутствовать. Это всё же принц, а не забитый отрок безграмотного простолюдина.

— Встань, отмеченный анираном!

— Не встану...

Я чуть было не сплюнул.

— Отныне ты делаешь только то, что аниран приказывает. Тогда и когда он приказывает.

Это помогло. Худое тельце выпрямилось, тощие плечи попытались распрямиться. Но получалось плохо — этот парень, судя по всему, с физическим трудом редко имел дело. Тяжелее меча вряд ли что-то поднимал. Да и меч-то вряд ли поднимал.

Я лихорадочно раздумывал, как правильнее выстроить диалог. Я не желал строить свои отношения с заблудшим принцем через призму страха. Богобоязненность в его случае и так гипертрофирована. Если он и меня станет бояться, вряд ли мы сможем найти общий язык. Тупое поклонение от представителя королевской крови мне не нужно. Это должен быть союзник, а не раб.

— Ты слышал обо мне, принц? — я умышленно его так назвал.

— Пришедшие с небес анираны неизбежно должны были прийти. Святые отцы всегда говорили об этом. Я слышал, что где-то далеко за океаном появился один из них. Я верил и надеялся, что он спасёт нас. Что возьмёт на себя наши грехи и заслужит искупление перед Триединым, — не совершив ни одного лишнего движения, Терезин осенил себя знаком. — Ты пришёл за мной через океан?

Всё ещё испуганный, но доверчивый взгляд озадачил. Пацан-то, оказывается, обо мне ни слухом, ни духом. Зато слышал об одном из тех, кого в своих рассказах поносил профессор Гуляев. Занятно... Какого хрена святоши рассказывают этим фанатикам о Белом Великане? Это же явно не будущий спаситель. Возможный захватчик Астризии, скорее всего. Но никак не тот, кто готов брать на себя чужие грехи.

— Нет, Терезин, — я вновь повысил голос. — Я пришёл именно за тобой. Пришёл спасти твоего отца. Пришёл спасти твою страну.

— Отца?

— Аниран предстал перед Анфуданом Третьим. Принял его поклон. Принял его заверения, что отныне тот станет рупором надежды...

— Рупором?

Я сделал вдох и попросил себя не переигрывать. Проще надо быть, проще.

— Твой отец — искренне верующий человек, — при этих словах Терезин сомнительно поморщился. Похоже, ему рассказывали совсем другое. — Как и ты, он всегда верил в

приход тех, один из которых станет спасителем. И встретил меня с распростёртыми объятиями. Дал всё необходимое и выполнял всё, что аниран потребовал. И он попросил за тебя.

— За меня?

— Он попросил анирана возложить на плечи сына посильную ношу. Он знал о твоём смирении. Знал, как сильно ты жаждешь покаяния. Как истово веришь, что наказание досталось поделом. И что жизнь готов положить в попытках заслужить искупление. Я здесь. Я пришёл. Готов ли ты заслужить вожделенное искупление?

Справа зашуршала трава. Краем глаза я заметил, что осторожно подбираются Иберик с Феибином, при этом часто оглядываясь.

Но Терезин не обратил на шум внимание. Выпученными глазами он продолжал смотреть на меня.

— Готов.

Он склонил голову перед моими ногами так, будто подставлял шею под безжалостный топор. Поэтому я опять едва сдержал недовольный хрип.

— Отныне ты — мой голос, — пафос из моего рта так и сочился. — Именно тебя я выбрал за чистоту веры в Триединого. Ты не сомневался в делах ЕГО и верил в моё появление. Ты достоин стать тем, кто расскажет обо мне каждой заблудшей душе.

— Готов нести твоё слово, аниран, днём и ночью. На следующий рассвет, через рассвет, и через тысячу рассветов. Через мои уста о тебе узнает каждый.

Я слегка откашлялся, ведь "нести моё слово на следующий рассвет" было немного не по плану.

— Когда я позволю! И только тогда, когда позволю! — торопливо напомнил я. — Ты избран, Терезин. Не к каждому с небес спускается аниран. Не забывай об этом. Поэтому твоей главной чертой на следующий рассвет и на несколько рассветов после станет послушание. Вера в анирана, вера в его решения и вера в его приказы. Понятно?

— Я лишь твой слуга, аниран. Повелевай мной по своему усмотрению.

— Именно эти слова посланник небес и хотел услышать. А теперь к главному. Видишь этих людей? — знаками я торопливо подозвал Иберика и Феибины. — Как и ты, они были моими слугами. Но делами своими, поступками, заслужили безграничное доверие. Теперь их единственная цель в жизни — нести слово анирана. Они стали теми, кем станешь ты — моим голосом. И это — твои соратники. Доверие им для тебя — всё равно, что доверие анирану. Послушание им — послушание анирану. А мастер Сималион, знавший тебя ещё неверующим, станет для тебя моим эстархом. Всё, что он говорит, выполнять. Выполнять без объяснений и разговоров. Понятно?

— Понятно.

В этот раз "понятно" прозвучало с некоторой задержкой. Не сразу выскочило изо рта. То есть принц как бы намекал, что ему, если и понятно, то непонятно: "почему?".

Информацию я обработал в течение секунды. И сообразил, что на такой телеге, как безоговорочное подчинение, далеко не уедешь. Возможно, подчинение поможет сбежать. Но в пути пацан по-любому начнёт сомневаться. Ведь мы, как бы, хотим сбежать оттуда, где каждый первый верит и ждёт появления анирана. И немного нелогично, когда аниран сотоварищи пытаются втихаря свалить оттуда, куда им прибыть сам Фласэз велел.

Не-е-ет, так не пойдёт. На театральной постановке далеко не уедешь. Мне надо перевербовать Терезина. Переговорить. Объяснить, что на самом деле происходит. Чего

святая церковь от него хочет, ради чего тут укрыл Эвенет, и какая участь, в итоге, его может ожидать. Не верю я, что в этой фанатичной голове не осталось ни капли логики. Он же всё-таки принц. То есть и присматривали за ним с малых лет по-особому, и обучали, наверняка. Разум обязательно должен проснуться. Надо лишь до него достучаться.

— А теперь слушай меня внимательно, голос анирана, — я присел, сжал руками худые щёки и смотрел в преданные глаза. — Твоё служение здесь подошло к концу. Отныне ты служишь мне. И станешь служить там, где я прикажу. Завтра на закате мы уходим. Ты, я и остальные мои голоса. Мы идём в места, где нужда в нас первостепенна. И там я позволю тебе проявить себя. Там ты докажешь, что был избран не зря. Я спустился за тобой, и хочу увидеть, как ты оправдываешь моё доверие. Понятно?

— Уходим? — вместо безапелляционного "понятно" на свой вопрос я получил вопрос. И это была первая нестандартность в поведении Терезина.

— Уходим, оставляя в неведении тысячи тех, кто не был избран. Их время знать ещё не пришло. Пришло лишь твоё время... Или ты хочешь, чтобы я изменил выбор? Сделал своими устами не тебя, а кого-то, кто больше этого заслуживает?

Перестроился я быстро и перестроился вовремя: пацан крепко задумался. А я совершенно не планировал позволять ему задумываться. Мне надо, как минимум на сутки, взять под контроль его волю. Чтобы держал язык за зубами, но был настроен всё так же решительно.

— Нет, аниран! Нет! Никогда! — в мои дорогие примовские башмаки вновь вонзился лоб.

— Аниран видит тебя насквозь, сомневающийся, — я опять включил актёра. — Он знает все твои мысли. Поэтому не забывай главное: это великая честь для каждого — стать устами анирана. Не заставляй меня пожалеть о выборе. Ведь, как и Фласэз Милосердный, аниран так же безжалостен к тем, кто не верует.

— Что я должен сделать? Повелевай мною, посланник небес.

— Завтра мы уходим, — повторил я. — Запаси снедь, запаси воды на треть декады. Одень походную обувь. И с появлением на небе первой луны будь здесь. Мои голоса встретят тебя и отведут к анирану.

— Я всё исполню. Я верю. Я готовь стать тем, кто понесёт слово твоё непокаявшимся.

— Ты станешь не просто моим голосом! — я возложил руки на тощие плечи и даже слегка сжал, чтобы усилить торжественность момента. — Ты станешь моим апостолом! Первым среди первых последователей!

— Я готов! — глаза пацана горели. И это, блин, не метафора. Они просто сияли.

— Но так же аниран требует от своего будущего апостола держать язык за зубами, — я сжал его плечи немного сильнее. — Если аниран увидит в мыслях будущего апостола, что тот не выдержал, что поделился секретной новостью с ещё недостойными этой чести, прощения ему не видать. Принц Терезин, верный слуга Триединого и возможный голос анирана, никогда им не станет. Он останется здесь и до самой смерти будет каяться, в глубине души точно зная, что никогда не замолит грех предательства. Понятно?

— П-п-понятно.

Лёгкое заикание являлось лучшим подтверждением, что Терезину, наконец-то, всё кристально ясно. Теперь я был уверен, что до завтрашнего вечера он и рта не раскроет. Хотя, по-моему, на это мало кто обратит внимание. Эти безликие служки всё равно молчат круглыми сутками.

— А теперь ступай обратно, голос мой, — я собственноручно поставил его на ноги. И убедился, что они не дрожат. — Отныне твоя жизнь изменится. Теперь ты готов идти по пути спасения. Ты станешь тем, кто первым сообщит об этом миру.

На негнущихся ногах Терезин отправился в сторону лагеря. Он даже забыл о цели посещения отхожего рва. Хорошо хоть хватило смелости удержать сфинктер под контролем. Иначе торжественность момента была бы навсегда испорчена.

Сималион хохотал. Впечатлительный пацан удалялся, а его бывший учитель хихикал, сидя на траве.

— Считаешь, что я перегнул палку? — усмехнулся я.

— Совсем нет. Считаю, что так и надо было. Теперь это теля декаду рта не раскроет. Можно не опасаться, что разболтает.

— Согласен с мастером, — кивнул головой подошедший Иберик. — Не королевское тесто, не королевское... Как он и говорил.

— Но дело в том, что это надо изменить, — вздохнул я. А затем добавил непонятную инопланетную фразу. — Переформатировать пацана... Это не годится, — я кивнул в сторону удалявшейся спине. — Это не принц. Не юноша. И, уж конечно, не будущий мужчина. В королевской крови должна присутствовать сила. Ибо перемены Астризии будут зиждиться именно на силе королевской крови. И на принятых решениях её носителями. А такой носитель ничем не поможет моим планам. Тангвин — отличный парень. Мне по душе. А это... Нет, это совершенно не годится. Из этого теля я должен вылепить бойца.

— Мы поможем, милих, поможем, — в глазах Сималиона я видел неподдельное уважение. Он смотрел на меня так, как когда-то смотрели парни из футбольной команды — как на своего капитана.

— Спасибо, — поблагодарил я. — А теперь давайте тихо отсюда уберёмся. Завтра ответственный день, и нам надо тщательно подготовиться.

Часть 5. Глава 20. Хозяин востока

Утром нас всех разбудил громкий звук горна. Мы опять долго не могли улечься, то отбиваясь от насекомых, то прогоняя нищих прилипал, норвящих выпросить у щедрых прямо монетку.

Так что когда горн разбудил всех обитателей временного лагеря, выглядели мы как четвёрка алкашей, сильно перегулявших ночью.

— Феилин, сваргань спасительный отвар, — первым делом следопыт полез раздуть угли и кивнул головой на мою просьбу. — А что это там такое? — внимание я переключил на винлимарский тракт, который тянулся метрах в двухстах от нашего пристанища. — Что происходит?

Громкие призывные звуки не прекращались, пробуждая всех и каждого в лагере. Паломники продирали зенки, испуганно оглядывались и, похватав свои пожитки, решительно направлялись к тракту. Буквально за несколько секунд образовался человеческий поток. А когда первые ряды достигли тракта и увидели нечто значимое, радостные вскрики подхлестнули тех, кто задержался. Поэтому паломнический поток вскоре превратился в лавину.

— Приближается очередная колонна, — зоркий Феилин рукой прикрыл глаза от уже набиравшего силу солнца и рассмотрел какое-то движение.

— Новые паломники?

— Вряд ли, — нахмурился Сималион. — С чего бы одним так спешить встречать других?... Смотри! Смотри, милих! Вдоль тракта стелются! На колени падают!

Эту картину уже рассмотрел и я. Толпы паломников сгибали спины. Практически одновременно. Словно домино. Они бились лбами оземь и что-то неразборчиво бормотали.

— Идём посмотрим, — Сималион отчего-то хмурился. — Прибыл кто-то.

Оставив Феилина за кашевара, втроём мы торопливо направились к тракту. Ещё издали действительно увидели приближающуюся колонну. Ряды конных храмовников с красным знаком на груди. Несколько повозок и телег позади. А впереди двигалась просторная дорогая карета. Не хуже, думаю, чем та, на которой Его Величество выезжал в город. Хоть особой вычурностью карета не блистала, всё же один элемент я отметил: на крыше кареты блестела в лучах солнца знакомая фигура-символ. Точно такая, которую я видел на обруче Эоанита. Точно такая, которая возвышалась на крыше Чуда Астризии, чуть ли не цепляясь руками за облака. Только эта фигура блестела жёлтым цветом.

— Из золота, что ли? — пробормотал я.

Карета приближалась, а мы торопились подобраться поближе и без всякого почтения переступали через склонившиеся спины. И добрались бы до первых рядов, если бы не злющий священник, заметивший нас.

— На колени! На колени, нечестивцы! — натурально прошипел он, ведь из всех паломников лишь мы оставались на ногах. — Прикажу высечь!

Угроза была так себе, но мы всё же выполнили просьбу. У дороги уже было тесно из-за паломнических тел, а потому нам пришлось немного потолкаться, чтобы выбить местечко для поклона.

Вновь кто-то затрубил. Двигающийся впереди гордый храмовник, далеко не в звании рядового, судя по одежде, небрежно кивнул святоше, который нам угрожал. Тот опустил на

колени у обочины и пробормотал что-то благодарственное.

Затем на добротных лошадках проехал целый взвод храмовников. Крепких, уверенных в себе. С дорогими ножнами за поясами. И только потом с нами поравнялась карета. В едином порыве несчастные паломники попытались придвинуться к проезжавшей карете, но отпрянули, когда белая, вероятно шёлковая, шторка отдёрнулась.

Это лето в Астризии выдалось на удивление жаркое. Даже ранним утром температура, по моим приблизительным ощущениям, переступала порог в двадцать-двадцать пять градусов по цельсию. То есть неудивительно, что особа, перемещавшаяся в очень не дешёвой карете, не желала, чтобы жаркое солнце портило ей настроение. По себе знаю, в такой просторной карете лучше закрыть окна, пить прохладное вино и в ус не дуть.

Но пассажир, видимо, решил "подуть": шторка резко съехала по тонюсенькой верёвочке, открывая для обзора надменное морщинистое лицо с аккуратной бородкой, чистые седые волосы, перехваченные золотистым шнурком в хвостик, и умудрённые жизненным опытом глаза. Седовласый пассажир уделил осмотру открывшегося пространства лишь секунду времени. Затем, видимо, потянулся рукой на соседнее сиденье и что-то взял. А ещё через секунду немного правее от нас в коленопреклонённых паломников полетела жменя золотых монеток. И пока эта жменя летела, пассажир успел вновь закрыть шторку.

Адский... хм... пушистый зверёк принялся плясать в том месте, где монетки упали. Там началась такая давка, что мы едва успели отползти в сторону, чтобы нас не раздавили те, кто мчался к раздаче. Мы трое свернулись на земле калачиком и смогли пережить хаотичное передвижение табуна.

А затем, лишь бросив охреневший взгляд на происходящий передо мной ужас, я с удивлением уставился в глаза Сималиона. В глазах его ужас стоял не меньший.

— Эвенет, — одними губами прошептал он.

Бомба разорвалась в моей голове. Нет, я не переспрашивал. Я не тряс Сималиона, требуя повторить, что он сейчас сказал. Я и так это понял. До меня в мгновение ока дошло, кто пожаловал к завтраку. Кто тот седовласый мужик с ухоженной шевелюрой. Кто тот, кто мог позволить небрежно разбрасывать жмени золотых монет.

Негодующий вулкан начал просыпаться. Я прям почувствовал в груди начинавшую бурлить лаву. Эту зловещую гниду я давно хотел увидеть. Давно хотел до неё добраться. И даже в глубине душе лелеял надежду, что увижу её здесь. Что смогу подобраться близко, вцеплюсь стальными пальцами в горло и вырву кадык. Или рожу превращу в кровавое месиво. Или щитом ударю наотмашь. А может мой новый энергетический болт пробьёт морщинистый лоб насквозь.

Множество кар про себя я обещал этой твари. И вот она здесь. Удаляется...

Но всё же не недостижима.

— Нет, милых! Стой! — в мои ноги вцепились сразу двое. Едва я поднялся, пылая праведным гневом, Иберик и Сималион повалили меня на землю.

— Это он? Это он? Это действительно? — я не обиделся на них. Я просто закипал от проснувшейся злости и требовал подтверждения.

— В том-то и дело, что да, — испуганно прошептал Сималион. — Эвенет приехал домой. И здесь его власть абсолютна.

Я бросил быстрый взгляд, где десятки и сотни паломников продолжали топтать друг друга за пригоршню монет, и увидел подтверждение словам Сималиона. Даже узнав, что этих монет в карете Эвенета в сотни раз больше, они бы предпочли драться и убивать себе

подобных, а не попытаться взять карету штурмом. В этом месте Эвенет был не просто первосвященником. Для этих людей он был Богом.

— Я должен до него добраться. Я смогу, — мысли лихорадочно метались в голове. Я хотел и мог покончить с этой проблемой раз и навсегда. Я бы смог пробиться через мечи храмовников. Смог бы распугать паломников, несомненно бросившихся бы на защиту. И снёс бы седовласую башку.

— Нет. Остынь, — видимо, в голове многоопытного Сималиона было намного больше здравого смысла, чем в моей голове на данный момент. — Мы не за этим прибыли. И не должны себя рассекречивать. Мы должны бежать отсюда немедленно. Сегодня же!

Позорное слово "бежать" раздражало. Но всё же здравый смысл, наконец-то, достучался и до меня. Не потому, что подействовали слова Сималиона. А потому что я ни капельки не сомневался, что Эвенет пожелает встретиться с тем, кем он угрожал королю. И, возможно, пожелает даже посмотреть на Мириам. Всё же оба эти персонажа далеко не последние люди в масштабе страны. И того, и ту можно вполне считать козырными картами в колоде. И побить ими любой ход. Как короля, так и своего непосредственного начальника — Эоанита.

Поэтому я быстро угомонился. Ещё пытался прорабатывать варианты, как добраться до гада, карета которого всё удалялась и удалялась, но без огонька. Прыгнуть бы сразу, отпереть дверцу и снести башку на ходу. Это — надёжный план. Надёжный, как швейцарские часы. Но сейчас... Сейчас уже нет. Момент упущен. Даже после несостоявшейся драки кулаками не машут.

— Это точно он? — уже спокойным голосом уточнил я.

Но Сималион не стал отвечать на риторический вопрос. Он затравлено озирался, а затем поволок меня с Ибериком в базовый лагерь, где уже поджидал взволнованный Феилин.

— Надо убираться отсюда. Как можно быстрее, — торопливо зашептал он. — Эвенет — не сонный ползун. Он всегда славился расторопностью. И не меньшей амбициозностью, чем Эоанит. Лучше не играть с ним в прятки на его территории.

Мысль двинуть за каретой по спиральной дороге до самой вершины уже меня оставила. Об убийстве я ещё размышлял, но явно не через "грудью на амбразуру". Гораздо больше меня волновало то, о чём я уже успел подумать.

— Блин, боюсь я за пацана, — вздохнул я. — Если Эвенет решит не отдыхать после долгого пути, а захочет поболтать по-дружески, боюсь, язык предаст Терезина. Тот не сможет удержать в тайне такую новость. Особенно перед духовным лидером. Сдаст меня с потрохами. И тогда...

— Даже не хочу представлять, что тогда начнётся, — перебил озабоченный Сималион. — Лагерь гребнем расчешут — это мелочи. Уверен, ради обнаружения милиха, Эвенет будет готов глотки резать всем, кто милиху дорог. Не говоря уже о сотнях тех, к кому милих равнодушен. Мы должны уходить. Немедленно!

— Никаких "немедленно", — я уже взял себя в руки. Жар из груди уходил. — Всё по плану. Всё по-расписанному. Ваша задача неизменна: в сумерках встретить парня и сопроводить на встречу с нами. Место Феилин всем показал. Мы подтянемся с Мириам и будем ждать, сколько необходимо. Как и вы. И уходить будем только вместе.

— Придерживаемся плана, — подтвердил немногословный Феилин. — Тропу я знаю. Даже в темноте проведу. Нам главное до зари добраться до болот. Туда вряд ли сунутся. Гиблое там место.

— Согласен с тобой, — кивнул головой я. — Если погоне всё же быть, уверен, о болотах

подумают в последнюю очередь. Мост перекроют, северный тракт перекроют. И, конечно же, дорогу на Винлимар... Мы попробуем их отвлечь. Феилин, ты с Ибериком купишь пару лошадок у хитрожопого животновода, — я полез за пояс и отдал следопыту кошелёк. — Да не скупитесь. Будьте щедры. Добавьте, что планируете с друзьями — не сами, а с друзьями, запомните! — возвращаться в Винлимар. На пару лиг отъедете и просто бросите лошадей на радость паломникам. Пусть хоть сожрут их вместе со сбруей. К вечеру вы должны быть здесь. А к закату — на позициях.

— Ложный след? — догадался Сималион.

— Возможно, сработает. А возможно, и нет, — утвердительно кивнул я. — Если нас начнут искать и выйдут на животновода, с которым мы были безгранично щедры, он расскажет всё. И пусть лучше считает, что мы возвращаемся в Винлимар, чем идём на север.

— Логично. С толку точно собьёт. По крайней мере, на какое-то время...

— Именно. Так, ладно. Отвар, завтрак и все занимаемся делами. Сималион, на тебе слежка за Терезином. Как всё подготовишь к отходу, поброди у лагеря служек. Посмотри, не трётся ли там Эвенет...

— Первосвященник Чуда Астризии в лагере служек??? — Сималион тихо засмеялся. То есть настроение ему я уже поднял. — Если Эвенет прикажет, ему весь лагерь на вершину затащат. Даже со строениями. Сам он никогда туда не спустится.

— Уже неплохо, — хмыкнул я. — Тогда просто понаблюдай. И будь готов. А я прямо сейчас отправлюсь к Мириам. Феилин, собери чего-нибудь съестного. Надо её предупредить. А то вдруг действительно Эвенет захочет пообщаться с дочерью начальника, а та и ляпнет что... Нет. Мне надо убедиться, что она готова и рот будет держать на замке. Всё, разбежались.

Сегодня роль робкого паломника я играл особо качественно. По пути к оазису из скошенной травы меня не только никто не остановил, но даже не окинул взглядом. Бабки я отдал Феилину, одежды сменял на медяки у менее зажиточного паломника, в пыли и грязи вымазался с ног до головы. От измазывания навозом, правда, отказался. Мне показалось, что камуфляж и так вполне неплох.

Поэтому шёл я, низко опустив голову и непрестанно бормоча себе под нос всякий бессвязный бред. Без приключений добрался до знакомых кустов сотне метров от клеток и нырнул в них щучкой.

— Мириам... Мириам... — когда я подполз к клетке, шептал крайне осторожно. Ведь прямо на моих глазах храмовники снимали с виселиц очередные тела. Они шутили и громко смеялись, но я боялся, что всё же смогут услышать. — Не дёргайся! Прижмись спиной к решётке. Закрой меня.

Она тоже сыграла неплохо. Поелозила тощей задницей и, не менее тоще спиной, укрыла меня от чужого глаза.

— Держи, — сквозь решётку я сунул ей в руки свёрток с едой. — Наедайся. Сегодня отчаливаем.

— Ты всё подготовил? — она даже не повернулась в мою сторону.

— Более-менее. Тут другая проблема. Нам нельзя задерживаться, потому что прибыл твой знакомый — святой отец Эвенет.

Тишина длилась несколько секунд. А напряжённая спина, прижимающаяся к решётке, подсказала мне, что её обладательница, мягко говоря, шокирована.

— Так вот о чём трубил рог... — прошептала Мириам. — Он же не за мной? Не за мной?

— А я почём знаю? — раздражённо ответил я. — Ты тут уже сколько декад в клетке сидишь? Ты мне скажи: он за тобой?

— Я помню его. Видела здесь дважды. Но видела давно. Ещё когда он приходил меня проводить в темнице. Ни слова не сказал, мерзавец. Смотрел, как смотрят на снейла, которого собираются с пряностями запечь.

— Но он же знает, кто ты?

— Ещё бы ему не знать. Отец говорил, он стоял рядом, когда у моей несчастной матери принимали роды. Без его ведома меня тут вряд ли бы держали... Но, аниран, в определённом смысле, ко мне он столь же равнодушен, сколь равнодушен к любой деве, переступившей порог восемнадцатой зимы.

Я наморщил лобик, лихорадочно пытаюсь подсчитать, сколько это — восемнадцатая зима по местным меркам. И, быстро подсчитав, наморщил лобик ещё сильнее.

— Не понял. Его незрелые девочки интересуют, что ли?

— Я много слышала, что его интересуют девы, которые едва-едва достигли срока, когда начинаются... — она запнулась на мгновение. — Женские дни. Всех остальных — особенно тех, кто уже пробовал на вкус сладость плотских утех — он брезгливо отвергает... Нет, не по этой причине, — добавила Мириам, когда всё же обернулась и увидела моё покрасневшее лицо. В этот момент я был готов встать на ноги, подняться к храму, найти Эвенета и энергетически щитом отрубить не голову, а нечто другое. — Эвенет — скопец. Когда стало понятно, чем нас наказал Триединый, Эвенет одним из первых принял оскотление, чтобы плоть больше не будоражила желанием. Он целиком и полностью сосредоточился на решении вопросов веры и поисков спасения.

— Это любопытно. Ничего подобного я раньше не слышал, — удивлённо присвистнул я. — Я думал, он педофил... Ну, детей насилует. А зачем он себе отрезал...

— Я же сказала, — перебила меня Мириам. — Чтобы ничего не отвлекало от поисков спасительного эликсира. Он лекарь среди святых отцов. Целитель в каком-то смысле. Он знает всё о том, что содержит наше чрево.

— Это тебе отец о нём рассказывал?

— Да. Были времена, когда он был со мной откровенен. Давно, правда. О Эвенете он всегда говорил с большим уважением. Даже намекал, что истинным спасителем, истинным милихом, станет не один из аниранов, а именно Эвенет.

Я встряхнул головой: нич-чего не понимаю, как говорил один мультяшный персонаж. Эвенет, оказывается, не религиозный фанатик, погружённый в вопросы веры, а доктор, что ли? Может, химик? Или даже — алхимик? Ядовитая пыль, которая, возможно, ещё даже не изобретена в моём мире, как бы подталкивает к такому выводу.

А может, Эвенет — аниран?

Неожиданная догадка едва не нарушила мою маскировку — я чуть было не подпрыгнул. Но всё же смог сдержаться и глубже зарылся в траву.

Эвенет — аниран! Один из нас. Один из тех, кого прислало безжалостное божество. Он адаптировался не хуже профессора Гуляева и теперь плетёт сети. Что-то вынюхивает, пытается себя ничем не выдать и втихаря ищет решение.

Интересно, а каким даром он обладает? И почему Голос ни разу не намекнул на Эвенета? Он же должен чувствовать приближение анирана. И всегда заранее сообщал мне об этом...

Хотя стоп! Почти четырнадцать зим назад прибыл первый аниран. И это был профессор Гуляев. А Мириам сказала, что Эвенет присутствовал при её родах. Ну, по крайней мере, так ей рассказывал папаша. Как-то нелогично получается. Какой тогда он аниран? Ноль-пятый?

— Может, Эвенет — аниран? — обратился я за объяснениями к Мириам.

— Не может, — они тихо захихикала с моей глупости. — Анираны не жили среди нас до появления карающего огня. И не давали мне в молодости настойки, которые... — она запнулась. — О которых я сама просила. Нет, аниран. Он — не ты. Не один из вас. Он просто пытается исполнить ваше предназначение своими силами. Он считает, что способен. Но самое важное, он никогда не позволит кому-либо ему помешать. Особенно анирану.

— Бред какой-то, — я по-настоящему растерялся. — Если он обладает столь глубокими знаниями, позволившими сотворить ядовитую пыль, он должен помогать аниранам, а не ставить палки в колёса. Мы же всё-таки стараемся спасти ваш мир...

— "Мы"? Кто такие "мы"? — она опять тихо засмеялась. — Я знаю лишь одного анирана, который действительно что-то пытается. Не только говорит, а делает. Остальные — и это я тоже знаю — палец о палец не ударили.

Отчасти она была права. Хоть и не догадывалась об этом. И Джон Казинс, и Гуляев, и Томазо ди Дио пальцем о палец ударяли только в том случае, если это шло на пользу им. Ну, может быть, Джон старался чуть больше, чем остальные. Но это не отменяло факта, что никакой мир они спасти не собирались. Не говоря уже о китайском парнишке, который погиб, едва очутившись в этом мире. Лишь я стараюсь что-то изменить. Бездельники на острове Темиспар и во Флазирии, насколько я мог судить по слухам из заокеанских далей, озабочены собой любимыми. Им дела нет до спасения утопающих. И теперь вот ещё один потенциальный "спаситель" нарисовался. Седовласый скопец, весьма заинтересованный юными девами. Он их излечить пытается, что ли? Конвеерно?

Я встряхнул головой. Я решительно ничего не понимал. Мотивация поступков ускользала от меня. Зачем священнику-целителю злить анирана? Зачем охотиться? Зачем угрожать королю? Тому, кто всецело поверил в анирана и помогает ему. Это же нонсенс.

— Если Эвенет хочет спасти свой мир, почему не станет анирану союзником? — озвучил я своим мысли. — Почему вредит?

— На этот вопрос я не могу тебе ответить. Эвенет никогда не был болтлив. Лишь он один знает, какие цели преследует. Он и, возможно, мой отец.

— Какие цели, блин!? Цель одна — спасение.

— Он верит, что сможет этого достичь... И не сожжет весь мир при этом.

— Ты тоже что-то знаешь о драксадаре? — я моментально сообразил, на что она намекает.

— Знаю столько, сколько знает мой супруг, — спокойно ответила Мириам. — Ведь священную книгу мы читали вместе... Ты же тоже прочёл её. Разве нет?

— Прочёл, — я повторил то, что уже рассказывал. — Но там чего-то недоставало. Будто страницы вырвал кто-то.

— Страницы из священной книги???

— Именно.

— А о чём?

— Понятия не имею. Скорее всего, подробности о драксадаре.

— И сделать это мог только тот, кто обладает доступом, — задумчиво произнесла она.

— Именно. Твой папаша. Или этот, — кивком головы я указал на храм.

— Я расскажу тебе всё, что знаю, аниран, — не оборачиваясь, Мириам сжала мою руку через решётку. — Но не сейчас. И не здесь. Вытащи меня отсюда. Пожалуйста. И можешь на меня рассчитывать целиком и полностью. Более благодарного союзника у тебя не будет никогда.

Подобные слова от более симпатичной женщины я уже слышал. И от такой же умной, практически. Но если слова той заставляли меня скептически кривиться, в словах этой я не сомневался.

— Вытащу. Ты только продержись до вечера. Если скопец придёт тебя проведать, ни единой эмоции не должно отобразиться на твоём лице. Даже бровь не должна дёрнуться. Ты та же почти сломленная истощённая вероотступница. Всё понятно?

— Конечно.

— Всё, я пошёл. Разминай ноги. Поспи, может быть. Идти предстоит всю ночь.

Благодаря Мириам немного пролив света на ситуацию с Эвенетом, я уходил вполне удовлетворённый. Теперь перед этим святошей я не испытывал страха. Я увидел его, я запомнил. Узнал некие подробности, которыми можно как-то оперировать и над которыми не мешает поразмышлять на досуге, и переключился на более важные дела — на побег. И сейчас я не сомневался, что удирать надо именно сегодня. Задержка лишь ухудшит положение. Надо брать в охапку два балласта и бежать как можно быстрее.

Часть 5. Глава 21. Путь через болота

Мы разделились, когда солнце медленно склонялось к горизонту. Сималион и Иберик шли по спиральной дороге, стараясь не привлекать внимание, а мы с Феином затаились в выемке у дороги. Как только солнце скрылось, пересекли дорогу и лежали в траве, наблюдая, как стражи из числа храмовников безгласно кормят узников горемычных.

Времени нельзя было терять ни секунды, а потому я выдвинулся к клетке сразу, как только Мириам оказалась предоставлена сама себе.

— Всё в порядке? Никаких происшествий? — прошептал я у клетки.

— В порядке, — подтвердила она. — Весь день на меня никто внимания не обращал.

— Всё подготовила?

— Да. Кувшин, что ты принёс, уложу будто голову. Сено оберну и тряпицу словно одеяло накину. До завтрака, может, не заметят. Не хватятся.

— Отлично. А теперь аккуратно в сторону.

Мириам осторожно отодвинулась, глазами вращая во все стороны на предмет обнаружения нежелательных свидетелей. А я в это время не менее осторожно активировал энергетические клинки. Размахивать щитом в тёмное время суток было бы крайне глупо — его бы не заметил только слепой. А вот перерезать прутья клинками можно попытаться.

Я уже примерялся ранее, а потому решил, что для извлечения худой женщины из клетки хватит удаления двух прутьев. Я крепко сжал один из них, чтобы исключить вибрацию, и провёл лезвием клинка у самого дна.

Теплопроводность металла ничуть меня не тронула. Я даже жара не почувствовал, сжимая один из прутьев. Затем осмотрелся, убедился, что всё в порядке, и проделал такую же операцию в полуметре выше.

— Пока не прикасайся, — я вытащил прут и капнул воды на раскалённые концы. — Пусть чуть остынет.

Затем, таким же способом, извлёк второй прут. Вылил ещё воды и подал руку Мириам.

Она подобрала тряпье, лишь отдалённо напомилавшее одежду, согнулась в три погибели и пролезла в образовавшуюся дыру.

— Свобода, — улыбнулась она, оказавшись в моих объятиях.

— Ещё пока нет. Т-с-с-с. Тишина. Феин, уводи.

Я подтолкнул Мириам за следопытом, пошуровал немного в клетке, пытаюсь придать человеческую форму сено и кувшину. Затем выбрался, вновь клинками раскалил обрубки и, как можно грамотнее, прилепил их обратно. Стали они не идеально, но заметить это можно только вблизи. Издали хрен поймёшь, что тут произошло и каким образом ускользнула узница. Кругом придётся обойти клетку, чтобы обнаружить запаянную дверь.

Низко пригибаясь, я догнал беглецов. И только сейчас обратил внимание, что пешехода-спортсмена из Мириам не выйдет. Её походная одежда никуда не годилась.

— Вперёд. В низину, — я подхватил её под руку, ибо она спотыкалась на каждом шагу. — Там будем ждать.

Мы быстро добрались до места, где ранее пугали Терезина. И нас пока тут никто не ждал.

— Так не пойдёт, — я взял Мириам за руку и силой усадил в траву. — Ноги расставь.

— Что???

— Феилин, дай кинжал, — я принял у следопыта лезвие, развёл ноги крайне удивлённой мадам, и всадил острый конец прямо в центр двойной, или даже тройной, юбки.

Затрещала никудышная ткань. Я резал не сомневаясь. Резал до самого конца.

— Дай верёвку, Феилин, — одну тощую ногу я обмотал половиной порванной юбки и спирально обвязал верёвкой. — Вот тебе первая штанина. Вторую сама обмотаешь, не маленькая, — мне хотелось смеяться, когда я смотрел на удивлённо-разочарованную мордашку Мириам. — Будешь первой женщиной в этом мире, кто станет носить штаны.

Мириам фыркнула.

— Это какие-то обноски, а не штаны, — она торопливо перевязывала вторую ногу. — Но это ты удачно сообразил, аниран. Так гораздо удобнее. И почему это женщины раньше не додумались...

— Тише. Тише! — прошипел Феилин. — Кто-то приближается.

Шорох расслышал и я. И, на всякий случай, вновь активировал клинки.

Но опасности не было: знакомая троица, помогая себе ногами и руками, быстро взбиралась на пригорок, чтобы потом на задницах сползти вниз.

— Порядок? — первым делом я посмотрел на Терезина. Он выглядел испуганным, но за плечами всё же тащил вещмешок. То есть подготовился.

— Да, — отозвался Сималион. — Парень всё выполнил, как сказали.

— Молодец, мой будущий апостол...

— Будущий апостол? — удивлённо свела брови Мириам.

— Он самый, — я недовольно зыркнул на неё. Но мой взгляд она не поняла. — Терезин станет первым помощником анирана. Понесёт слово его в массы.

— А я думала, он всего лишь принц, — чуть ли не захихикала она, судя по всему, пребывая в прекрасном расположении духа.

— Прости, посланник небес, — Терезин, видимо, быстро оклемался. Он опустился передо мной на одно колено и преданно посмотрел в глаза. — Но я знаю эту женщину. Она — апостат. Она не верит ни в смирение, ни в Триединого, ни в спасительное прибытие аниранов. Находясь в заточении, она не желала каяться в грехах своих...

Мириам опять фыркнула.

— ...Зачем она здесь? Зачем она с нами?

Я старался очень быстро обрабатывать информацию. И быстро принимать решения. Ведь тратить время на религиозные диспуты прямо сейчас мог только полный дурак.

— Эта заблудившаяся душа ещё не потеряна, — я посмотрел на Мириам таким взглядом, что она сразу передумала открывать говорилку. — Каждый заслуживает второй шанс. И аниран поможет этой душе стать на путь праведный. С твоей помощью, разумеется.

Я опять сжал худые плечи. И опять увидел доверчивый взгляд. Значит, принц пока держится. Безграничная вера в меня позволяет задавать неудобные вопросы, но ответы он готов принимать абсолютно все.

— Всё, уходим, — скомандовал я. — Веди, Феилин.

В крошечной тьме мы выстроились цепочкой. Ни о каких факелах, ни о каких фонарях не могло быть и речи. Мы просто доверились умению Феилина всегда находить дорогу. Каждый положил руку на плечо идущего впереди и просто переставлял ноги.

Наверное, это был самый сложный путь в моей жизни. Хоть довольно скоро из-за туч показались луны и слегка нарушали нашу невидимость, идти было крайне сложно. Чуть ли не каждую минуту кто-то оступался, кто-то падал. Жужжали назойливые насекомые, более чем откровенно намекая, что мы приближаемся к территории, где присутствует влага. И хоть никто не жаловался, а Мириам была настолько счастлива, что даже подбадривала всех, к моменту, когда небо вновь начало сереть, предвещая рассвет, мы валились от усталости. Терезин вообще, наверное, держался только с помощью веры.

Но отдохнуть было никак нельзя. Впереди ждал путь ещё более сложный.

Как и предсказывал Феилин, к рассвету мы подошли к густому кустарнику, за которым начинались те самые топи, где он едва не утонул. Но поскольку он утверждал, что нащупал тропинку, мы безоговорочно ему поверили и без страха двинулись следом.

Восход застал нас на привале. Всё же идти по зарослям было куда сложнее, чем по молодой траве. Мы ещё не углубились в болота, но силы после короткой бессонной ночи подходили к концу.

За время пути Терезин не задал ни одного вопроса. Ни разу рта не раскрыл. Никак не реагировал, даже когда Мириам пыталась играть в моего первого тренера по футболу, хлопала в ладоши и всех подбадривала.

Но я понимал, что надолго его не хватит. Ни в физическом плане, ни в психологическом.

— Фух, как здесь парко, — выдохнул Сималион. — Не самое приятно местечко.

— Дальше будет сложнее, — Феилин поморщился. — Ломаем ветки, берём в руки длинные палки. Ступаем только по моим следам... Воду советовал бы экономить.

Это относилось к Мириам. Ночной запал угас. Она выглядела уставшей и хлебала из моей фляги.

— Простите, — неловко замялась она. — Тяжело мне...

— У-У-У-У-У-У! — смело могу сказать: словосочетание "как гром среди ясного неба" очень подходило моменту, когда на все окрестности заорал знакомый горн. Солнце едва-едва оторвалось от горизонта, давая достаточно тепла и света, а горн уже трубил. И сомневаться в том, по ком он трубил, было невозможно.

— Вперёд! — первым оклемался я. Пока мои компаньоны ошарашенно смотрели на храм, хорошо различимый на вершине, я уже принимал решения. — Только вперёд. Прямо сейчас. Давай, Феилин.

Привал вышел менее продолжительным, чем мы рассчитывали. Но причина была существенной. Мне даже пришлось в спину подтолкнуть Терезина, обеспокоенно смотревшего назад. Он ногами будто к земле прирос.

Через пару часов, по моим прикидкам, горн всё не замолкал. Он трубил с определённым интервалом, но трубил регулярно.

Мы двигались под аккомпанемент его раздражающего крика. Терезин волновался всё сильнее, Мириам клонилась к земле всё ниже, Феилин выбирал дорогу всё дольше. И хоть я доверял парню, был уверен, что мы не заблудились, а он тщательно планирует каждый шаг, двигались слишком медленно. К вечеру, как я ранее предполагал, мы ни за что не выберемся из болот.

— Всё, я больше не могу.

Мириам сдалась первой. Чёртов горн раздирал башку на части, а тут ещё она сдалась раньше всех. Была причина для появления раздражительности.

Но от аниранских грубостей её спас Феилин.

— Можем отдыхать. Вернее, это необходимо. Дальше до следующего отдыха идти через топи. Неосторожное движение — и по уши в грязи. Если не хуже... Опять же: идём за мной шаг в шаг.

— Можно отдыхать? — переспросил я и обеспокоенно оглянулся. Погоня есть уже? И далеко ли она?

— Здесь нас не отыщут, — успокоил меня Феилин. — По крайней мере сразу. Следы все ушли в грязь. Нужен хороший следопыт, чтобы рассмотреть их. И это только если при свете дня. Ночью не отыщут никогда.

— Сколько времени у нас есть?

— Как скажу, встаём и сразу выходим, — абсолютно неопределённо сказал он.

Я быстро окинул взглядом невесёлую компанию. Сималион и Иберик держались. По Феилину вообще непонятно устал он или нет. Я — что ходил, что не ходил. А вот балласт наш стонал и страдал: закрыв глаза и бессовестно расставив уставшие ноги, Мириам валялась спиной на траве. Терезин скинул заплечную сумку, сидел на коленях, сложив ладони, и шептал под нос молитвы.

— Крепись, мой будущий апостол, — первым я решил поддержать именно его. Подошёл ближе и положил руку на плечо. — Я — с тобой. Он, — я повёл глазами на небо. — С нами. Цель наша велика. Она требует крепости от каждого. Не только крепости духовной, но и крепости телесной. Я знаю, ты держал пост, ты не поддавался греху чревоугодия. Оттого и ослаб телесно. Но ты обязан быть сильным. Всё, что мы делаем, во благо твоему миру. А значит, оправдывает любые жертвы.

— Я справлюсь, посланник небес. Справлюсь.

Я удовлетворённо кивнул, ведь в глазах пацана опять загорелся огонь.

— Подкрепись и поспи. Путь предстоит неблизкий.

Мириам с любопытством выслушала мою короткую проповедь. Когда я закончил подбадривать одного слабака, переключился на второго.

— Почему ты с ним так? — прошептала она, когда я опустился перед ней на колени.

— А как по-твоему я ещё мог уговорить его уйти добровольно? Да ещё и не выдать столь важную тайну остальным? Не переживай, я умею быть наставником для молодых неумёх. Каждый год... каждую зиму в моём мире я брал шефство... наставничество над подобными. Выбивал дурь из головы, учил относиться к делу ответственно и делился мастерством, — я осторожно снял с её ног неважнецкую обувь.

— А кем ты был в своём мире, аниран? — она задала в точности такой вопрос, который задавала другая женщина почти два года назад.

— Сейчас это абсолютно неважно, — я принялся развязывать верёвки. — Ноги расслабь. Я сейчас их немного помассирую.

— Помасс... что?

Не знаю, способна ли была Мириам испытывать стыдливость, но ничего подобного в её глазах я не заметил, когда сбросил с грязных ног остатки разрезанной юбки. Её ноги были длинными и худыми. И довольно грязными. Но я никогда не был особо брезгливым.

— К-хм.

Это единственно слово, которое произнесла Мириам в течение всего процесса. Я умело массировал её ноги, основное внимание уделяя икрам. Разминал, поглаживал и надавливал там, где надо. А когда добрался до бёдер, рассмотрел лёгкую краску на щеках. Но так и не

понял: смущение это было или лёгкое возбуждение.

— Так, вроде всё нормально, — произнёс я, когда процесс завершился.

— А я бы ещё не отказалась, — захихикала она.

— Ха-ха, — передразнил я. — Ноги вот на этот куст положи. И вытяни. Да: ты лежи на траве, а ноги — на куст. Чтобы кровь отхлынула. Легче идти потом будет.

— Так ты лекарем был в своём мире?

— Нет, спортсменом. Всё, хватит болтать. Поспи тоже, — я осмотрел свою команду и увидел, что Иберик и Сималион, положив под головы вещмешки, спали. — Вот тебе пример. Настоящие солдаты: засыпать могут где надо и когда надо.

Мириам опять фыркнула, но всё же попыталась устроиться поудобнее. Ноги при этом с куста она убирать не стала.

— Феилин, — я подошёл к следопыту, который стоял на страже. Чутко прислушивался к затихшим звукам и глазами изучал окружающую нас чащу. — Передохни. Я присмотрю за всеми. Ямку вырою, костерок разведу, болотную воду для отвара перекипячу.

— Костерок?

— Я осторожно... Мы ж идти будем весь день и всю ночь, верно?

Феилин поморщился.

— Не просто идти. А идти по грудь в воде, вытаскивая ноги и трясины. Надеюсь, они справятся, — он коротко кивнул в сторону парня и женщины.

Я проследил за его взглядом. Так же как и Филин, я был озабочен.

— Справятся, — уверенно произнёс я. — У них нет выбора. Их жизни стоят на кону.

Во время привала я не сомкнул глаз. Единственный, кто не сомкнул. Феилин нашёл открытое для солнышка местечко, воткнул палочку и сказал разбудить его, когда тень от палочки достигнет определённого места. Затем отошёл в тень куста, свернулся калачиком и моментально отрубился. А я сидел один-одинёшенек над крохотным костерком, помешивал воду с травками и ждал, когда сони проснутся.

Но всё же, много времени и лиг спустя, я заслужено похвалил себя — приготовленный настой на травах Мелеи помог пережить эту ночь.

До самых неблизких сумерек мы шли без перерывов. Ну, как шли? Плыли, практически. Как и предрекал Феилин. Он шёл первым чуть ли не по горло в воде, тыкал во все стороны длинной палкой и раз за разом повторял: "Шаг в шаг!".

Сложнее всего приходилось Терезину и Иберику. Иберик — бедолага — ростом не блистал. И там, где вода подходила Феилину под горло, она чуть ли не в ноздри забивалась Иберику. А Терезин так вообще держался на одних морально-волевых. Ну, то есть держался только благодаря подбадривающим словам анирана, который шёл сразу за ним. Аниран то словом пацана поддерживал, то руками, когда тот, словно Пизанская башня, начинал заваливаться со спасительной тропинки. Если бы рот анирана закрылся хотя бы на минутку во время этого чудовищного пути, боюсь, те, за кем мы пришли, не пересекли бы болота. Пошли бы на дно прямо там.

Мириам тоже физической силой не блистала. Ей вырывать ступни из цепких лап грязи было сложнее всего. Но Сималион, замыкавший шествие, присматривал за ней. Помогал, поклажу на ходу забрал, и поддерживал, когда той требовалась секунда на отдых.

То есть, они вдвоём отстали. Когда пришёл новый закат, а далёкий горн продолжал орать, хоть уже не так громко, мы вышли на твёрдую землю. Феилин, Терезин и Иберик носами уткнулись в грязный берег. Но я, хоть чувствовал в ногах давно не ощущаемый зуд, не позволил себе расслабиться.

И, как оказалось, не зря.

Потихоньку начинало темнеть. Но всё же мутное месиво, которое мы оставили после себя, было хорошо различимо. А вот двоих отставших я сразу различить не смог. Не на шутку испугавшись, я сбросил заплечный мешок, мордой нырнул в грязь и погрёб обратно.

Мириам и Сималион барахтались, как два тюленя. Со спасительной тропинки они сошли. За каким хреном, я так и не понял. Но когда увидел, что оба — грязные, как черти — с головой уходят под воду, а затем выныривают, поспешил на помощь.

И я успел. Слава Фласэзу, рты их были забиты грязью. И не орали они на всю округу именно по этой причине, а не потому, что не имели права. Так что первым делом я схватил за руки обоих. Вторым, сопротивляясь волнам накатывающей паники, нащупал спасительное дно. Ну а третьим, рванул два тела на себя.

Лёгкий хлопок подсказал, что ноги барышни увязли в грязи. Именно по этой причине Сималиону пришлось покинуть безопасную дорогу и броситься на помощь. Он быстро пришёл в себя, крепко стал рядом и помог вытащить неприспособленную к дорожной жизни дочурку первосвященника Эоанита.

"Дочурка" дрожала, как осиновый лист. И, разумеется, не от холода. Она была похожа на тощее и невероятно грязное чудо-юдо. Но самое главное: на безумно перепуганное.

Поэтому я не стал раздавать на орехи. Я приобнял это костлявое тело, благодарно кивнул мастеру Сималиону за то, что не дал этому телу потонуть, и потащил на твёрдую землю. И только там, бережно уложив, дал возможность эмоциям выплеснуться. Нет, не своим эмоциям. Её. Мириам рухнула лицом в кусты и зарыдала.

— Уже не мог её держать, — тихо прошептал мне на ухо Сималион. — Думал, всё: сейчас брошу.

— Всё хорошо, что хорошо кончается, — подбодрил я его. — Вроде, справились. Все живы? — громко добавил я.

Все ответили утвердительно, кроме одного: Мириам продолжала сотрясаться в рыданиях.

— Есть время на отдых, Феилин? — в этот раз я бы и сам был не прочь вытянуться на траве и полежать с полчаса.

— Грязь смыть позволю. Но идти надо. Здесь нас не найдут, но лучше углубиться. Дальше чаща. Есть место, где сможем переждать.

— Я не смогу... Не смогу больше... Никогда не смогу... — Мириам оторвала лицо от травы, куда зарылась. — Дайте полежать хотя бы.

— В клетке лежишь, — снисходительным я быть не собирался. Не потому, что она едва не погубила себя и Сималиона, а потому, что хотел её мотивировать. — Нам-то что? Нам, если поймают, бОшки поотрубают сразу. А тебе — нет. Ты — ценная. Тебя, если поймают, вернут обратно. Только размер комнаты в этот раз будет поменьше. Да и, скорее всего, на глубине, а не на тёплом солнышке.

Мириам недовольно насупилась. И смотрела на меня таким взглядом, которым смотрела когда-то в своём доме, после того, как впервые нагрязнили храмовники — как на того, кто испортил ей аппетит.

— Чего смотришь? — я продолжал гнуть свою линию. — Если припрёт, я сам тебя им отдам. Я же всё-таки не за тобой пришёл, а за ним, — я кивнул головой в сторону измученного Терезина, бревном валяющегося на траве. — Я подарил тебе шанс на спасение, а ты к нему небрежно относишься. Так ли он тебе нужен? И будешь ли ты за него бороться?

До Мириам, видимо, дошло. В принципе, я не был удивлён. Я считал эту женщину самой умной женщиной, когда-либо мною виденной. И она меня не разочаровала: на лице вновь появилась решительность, слёзы смела худая ладонь, а вторая ладонь уже рвала траву и счищала с остатков одежды налипшую грязь.

— Я тоже так умею, — буркнула она и отвела взгляд.

Но я лишь усмехнулся. Подобное я вытворял далеко не в первый раз. С одними сопляками срабатывало, с другими — нет. И из тех, кто находил в себе силы бороться с ленью и внимать советам, получались футболисты. А другие отправлялись обратно в "молодёжку" или на вольные хлеба.

Заставить подняться "слабаков" тоже получилось не сразу. В этот раз Терезин утверждал, что не чувствует ног. Так что пришлось поработать и с ним.

Я всегда был терпелив. Мог по нескольку раз повторять одни и те же мантры, давать одни и те же советы, объяснять то, что никак не могли понять остальные. Так я поступил и в этот раз: я шёл рядом с Терезином, приобняв его за плечи. Слава Фласэзу, топи закончились. И видимость была прекрасной. Нам не было необходимости идти гуськом. Поэтому мы с Терезином отстали. Он — из-за физической слабости организма. Я — из-за слабости к тем, кто был слаб и мог сдаться.

Не знаю почему, но я всегда старался помогать тем, кто слабее, а не глумился и насмехался над ними. Никогда мне не была свойственна та черта, присущая местным храмовникам. Я ни раз видел, как они смеялись и издевались над слабыми.

Я поддерживал Терезина, подбадривал и старался пафосно вещать прямо ему в ухо. Не позволял утратить мотивацию не только словосочетанием "богоугодное дело", но и заверениями, что аниран ни за что не сдастся. Обязательно найдёт способ спасти чужой для него мир, уже ставший родным. И что анирану всегда будут нужны те, кто готов сражаться за него до конца.

Возможно, именно мои слова помогли Терезину выдержать очень сложный путь. Ведь Феилин дал "добро" на отдых, только когда долгое летнее солнце уже скрылось за кронами деревьев, спеша уступить место быстрым лунам.

Сималион, Терезин и Мириам упали прямо там, где стояли. Мириам, как я, слегка испугавшись, выяснил, потеряла сознание. Терезин стонал, а мастер Сималион бурчал, что слишком стар для таких переходов.

— Здесь заночуем, — обрадовал всех Феилин. — С лигу где-то до конца болот. Дальше около четверти лиги по открытой траве до реки. А сам мост, если я не ошибся в расчётах, по левую руку, — он даже левой рукой указал направление, указывая на одиннадцать часов по циферблату.

Но сейчас мне было не до этого. Я занялся Мириам.

Переутомление оказалось не критическим. Сердце и мышцы выдержали. Хоть потом она, когда я привёл её в чувство с помощью воды, жаловалась на мышечные спазмы в ногах,

я быстро её успокоил. В мышечных судорогах я разбирался — ни раз за профессиональную карьеру хватался за чужие бутсы и напрягал ступни. Меня этим было не удивить.

Так что присматривал я за Мириам до самого момента, когда она вновь потеряла сознание. Правда в этот раз просто заснула.

Я тоже чувствовал нехватку энергии в организме. И, в принципе, мог восстановить её с помощью пищи. А то и иглы.

Но тратить драгоценный ресурс иглы, способный, практически, вытаскивать людей с того света, я не собирался. А еды у нас и так кот наплакал. Пригодится ещё... Если следующий день переживём.

Так что вместо сытного ужина я стоял на страже половину ночи. Феилин просил разбудить его раньше, да я пожалел парня. Он ведь тоже не двужильный.

Часть 5. Глава 22. Пора вспомнить, кто ты есть

Разбудил меня знакомый звук: "тыгы-дык", "тыгы-дык", "тыгы-дык". С такими "тыгы-дыками" я познакомился именно в этом мире. И, отчасти, привык к ним. А когда сквозь сон услышал десятки продолжительных "тыгы-дыков", моментально вскочил.

— Погоня!?! — я выкрикнул раньше, чем осмотрелся.

— Угу, — лаконично ответил Феилин. Он сидел у небольшой ямки, ворочал угли и тушку птицы, насаженную на деревянный вертел.

Сон не сразу выветрился, но спокойный тон Феилина успокоил. Прежде чем активировать все метки, я осмотрелся.

Солнце стояло высоко. Похоже, уже полдень. Иберик и Сималион чистили оружие и проверяли запасы провианта. Терезин сидел на коленках чуть в стороне и, видимо, молился. Ожившая Мириам глазами хищницы смотрела на запекающуюся птицу.

— День добрый, аниран. Горазд же ты спать.

Далёкий стук копыт прекратился. Всадники промчались мимо.

— Что это было? — обратился я к Феилину. — Мы так близко к тракту, что ли?

— Близко, — кивнул он. — Но с той стороны непроходимый кустарник и полоска трясины, охватывающая островок. Сунутся — потонут. Но не сунутся... Скорее, подкрепление пошло к мосту. Как стемнеет, я проверю.

— Как стемнеет? — удивился я. — Мы останемся тут на ночь?

— Может, и не на одну, — пожал плечами он. — Это самое безопасное место... Всё, готово. Садитесь у костра.

Упрашивать не пришлось троих: Мириам, Иберик и Сималион подобрались к Феилину и подставляли деревянные миски под мясо, которое тот рвал.

— Аниран, это тебе, — он отломал от птицы сочную ножку и протянул мне.

Я бросил взгляд на Мириам, увидел, как она, обжигаясь, зубами рвёт мясо и уверовал, что с барышней всё будет в порядке. А вот Терезин, всё так же сидевший к нам спиной, меня беспокоил. Время поститься прошло. Как и время безоговорочно верить в каких-то Фласэзов. Пришла пора бороться за жизнь. Пить, есть, заниматься физическими упражнениями и думать о завтрашнем дне. Пришла пора вспомнить, кто он есть.

— Ваше Высочество, — Терезин вздрогнул от подобного обращения, когда я подсел к нему. — У вас практически не осталось сил. Если не будете есть, не осилите дорогу.

— Не называй меня так, аниран. Я отрёкся от прошлого. Отрёкся о того, кем был.

— Пришла пора вспомнить, — я протянул ему миску с мясом. — Аниран не хочет видеть безликого служку. Испуганного и слабого. Анирану нужен принц. Принц, знающий о своих корнях. Не забывший братьев, мать, отца, — Терезин опять вздрогнул. — Прошу вас, Ваше Высочество, вкусите этой пищи не во благо Фласэза, а во благо своё. Насытитесь. Наполните тело силой. И выслушайте, что вам скажет посланник небес.

Я быстро обернулся: четыре морды уставились на меня, а уши внимательно прислушивались. Мириам даже жевать перестала, наблюдая, как я собираюсь проводить обряд экзорцизма.

К сожалению, я прекрасно понимал, что изгнать демонов сразу не удастся. Это будет долгий путь. Не менее долгий, чем дорога домой.

— Ваш отец обратился ко мне с просьбой о вашем спасении, Ваше Высочество, —

Терезин принялся слушать и грызть мясо одновременно. Но ел как-то странно. Полуобернувшись. Будто стеснялся насыщаться и боялся, что отберут. — Но, как вы понимаете, у посланника небес и так дел невпроворот. Посланник небес даже хотел отказаться спасать незнакомого ему паренька. Ибо что есть одна жизнь по сравнению с сотнями жизней? С десятками сотен жизней... Но ваш отец сказал, что вы стоите на опасном пути — на пути заблуждения.

— Заблуждения? — Терезин озадаченно нахмурился.

— Вы верите в то, чего не видели. Вы каетесь за то, чего не совершали. Вы смиренно истязаете себя во имя всеобщего искупления, хотя в жизни ни разу не согрешили...

— Неправда! Я жизнь провёл во грехе! — воскликнул принц. — Мы — грешники, — он окинул взглядом моих компаньонов. — Мы все грешники от рождения. Ибо именно мы получили заслуженное наказание. Мы, а не наши пращуры. Карающий огонь снизошёл именно на тех, кто заслуживал этого.

В каком-то смысле Терезин был прав. Он стал свидетелем того, о чём знали задолго до него. Многие поколения знали и готовились. Но досталось на орехи именно его поколению.

— И я пришёл спасти вас. Тогда, когда и должен, — спокойно сказал я. — Триединый мог спокойно взирать на вас со звезды и не делать ничего. Но он решил, что пора пришла. Что вы достойны не только наказания, но и спасения. Он наказал вас карой неизбежного вырождения, но всё же предоставил возможность спастись — прислал нас. Двенадцать тех, один из которых станет милихом. Станет тем, кто исцелит ваш мир, спасёт во всех смыслах этого слова и встретит Триединого, когда тот придёт оценить дела его. И вот он я — один из двенадцати — стою рядом с тобой... Вернее, сию... Именно я — тот, кто станет милихом. Кто объединит родную для тебя страну, излечит наказание бесплодием и возглавит народ, ожидающий пришествия Триединого. А чтобы ты не сомневался, я поведаю тебе важный секрет. Доверюсь умению королевской крови держать язык за зубами.

— Секрет?

— Ваше Высочество, именно тот аниран, которого вы видите своими глазами, уже поборол наказание бесплодием: благодаря ему и чистой деве из вашего мира, на свет Божий появилось дитя. Первое дитя со времён карающего огня.

Подобную пафосную фразу я уже произносил. И видел, как на неё реагируют люди. Этот же ещё не созревший "людь" отреагировал скептически: он посмотрел на меня, как на базарного врунишку.

— Анираны неспособны спасти мир через возобновление таинства рождения, — заученной фразой ответил он. Фразой, явно вдолбленной в головешку другими. — Много зим прошло с тех пор, как мы были наказаны. Но никто из аниранов, как бы далеко или близко они не находились, не смог побороть женский недуг...

Сзади фыркнула Мириам. Не оборачиваясь, я показал ей кулак.

— Тем не менее, это так, Ваше Высочество. Я пришёл за вами не только для того, чтобы позволить стать голосом анирана, его апостолом в будущем. А для того, чтобы вернуть туда, где вам всегда будут рады — вернуть домой.

— Но...

— И именно там, в родных для вас местах, — я моментально перебил пацана. — Вы сможете увидеть своими глазами то, во что не верите, — увидеть дитя анирана.

Терезин сбился на полуслове. Нахмурился и смотрел на меня недоверчиво.

— Те, кто уже заслужил право стать моим голосом, ждут вас там. Это ваши родители,

Ваше Высочество. Ваш отец и ваша мать. Ваша плоть и кровь. Аниран уже исполнил то, ради чего прибыл в ваш мир — он создал новую жизнь. И подарил право вскармливать эту жизнь тем, кто больше всего этого заслуживал.

— Но... почему? За что? — прошептал обескураженный Терезин.

— Нет воли иной, кроме воли Фласэза. И не союзников более достойных, чем король Анфудан Третий и королева Исида, — я опять добавил в голос пафоса. — Приняв анирана в столице, делами своими они доказали, что аниран их выбрал не зря. Они заслужили то маленькое счастье, что сейчас находится на их попечении. И именно из столицы начнут распространяться по миру спасительные перемены. Таково решение и воля анирана.

Терезин всё ещё блуждал в собственных мыслях. Я понятия не имел, верит ли он мне на слово, но собирался весь путь — каким бы он долгим не оказался — давить именно на эту мозоль: возвращение домой, возвращение к корням. Ибо в этом состояла главная цель всего путешествия — отобрать козырь у Эвенета и вернуть сына родителям.

— А вы, Ваше Высочество, — пацан всё ещё метался, и я продолжил. — Разве не хотите помочь анирану насытить чужой для него мир новой жизнью? Разве желаете смиренно ждать конца, день и ночь погружаясь в молитвы, которые и так уже были услышаны? Ведь я стою перед вами. А значит, грехи замолены, смирение дало всходы, зимы покаяния принесли плоды — сам аниран пришёл за вами. И теперь аниран просит вас о доверии. Поверьте анирану. Идите за ним. Станьте его громким голосом. Станьте его решительным апостолом. Своими глазами узрите, что мир уже изменился. Он уже не тот, что был прежде. Это мир, куда вернулся детский смех.

Терезин вновь уставился в мои глаза. Но теперь смотрел так, будто хотел верить. Будто хотел верить, что мои слова — не просто слова. А что за ними стоят реальные дела.

— Неужели это возможно?

— Это не только возможно. Это уже случилось. И этот аниран не собирается останавливаться. Он спасёт ваш мир. Он станет милихом. Он, а не кто-либо иной.

— Но... Но ведь... Но ведь ни один аниран не способен стать милихом. Это — ошибка. — запутанно заговорил Терезин. — Да, анираны — посланники небес. Они пришли побороться за право предстать перед Фласэзом, — он осенил себя знамением. — Но разве мы должны просто довериться им? Разве наше спасение — не в наших руках? В нашем смирении, в нашем искреннем желании покаяться. В необходимости жертвенности от каждого... Особенно от женщин — тех, кто прогневал Фласэза, — он бросил мимолётный взгляд на моментально нахмурившуюся Мириам. — Разве аниран не просто помощник святой церкви?

Я поморщился: у пацана в голове реально каша. Смешались в кучу кони, люди... То аниран — спаситель. То аниран ни хрена не спаситель, а помощник церкви. Эдакий таскатель каштанов из огня... И, похоже, юный принц испытывает определённую долю презрения к женщинам. Как он на Мириам посмотрел. Как на греховную блудницу, достойную побития камнями. Скоро время подойдёт, когда у него на уме только бабы и должны быть. Он за каждой юбкой гоняться обязан. Против инстинктов же не попрёшь, ёлки-палки. А он, хоть и не скопец, как я мельком убедился, с такими взглядами рискует никогда не пройти, как говорится, через врата рая. И так у него, судя по всему, половое созревание затянулось.

Нет, принца надо спасать по полной. Не только башку прочистить от бреда, но и объяснить, что виноватых в наказании нет. Что ни женщины не гневил безжалостное

божество, ни мужчины. Как и положено природой, они обязаны идти рука об руку, а не испытывать друг к другу брезгливость.

— Мои... друзья, — я сделал паузу, перед тем, как произнести это важное слово. При этом указывал рукой на затихших у костерка людей. — Уже называют меня милихом. Называют, потому что видели своими глазами, на что я способен. Именно они помогли вручить в руки твоих родителей бесценное сокровище. Они видели радость на лицах короля и королевы. И, я тебе обещаю, так называть станешь меня и ты. Ты своими глазами увидишь, что мир уже изменился. Ты почувствуешь на себе масштабность грядущих перемен. И убедишься, как сильно повезло измученному и никому не нужному храмовому служке повстречать на пути анирана. Тебе лишь нужно осилить этот путь. Ты готов?

Измазанный жиром подбородок немного портил впечатление, но вновь загоревшиеся глаза доказывали, что Терезин очень хочет мне верить. А слезинка у края глаза как бы намекала, что и домой ему тоже хочется.

— Я последую за тобой, аниран, — он опять опустился на колени и поклонился. — Я хочу увидеть дела, что ты уже сотворил. И что сотворишь в будущем. Прошу лишь об одном — о честности. Я не переживу, если окажется, что был обманут в доверии. Что меня обманул тот, чего пришествия я ожидал не меньше, чем пришествия Триединого.

— Никогда доверия твоего я не опозорю, мой будущий апостол, — я прикоснулся рукой к остриженной макушке. — Ты — мой голос в толпе неверующих. Мой воин, с оружием в руках стоящий на защите родного мира. Мой брат, разделивший краюху хлеба и скромный ночлег. А когда ты увидишь настоящее чудо Астризии в столице, ничего иного от тебя я не жду, кроме верной службы. С сего дня и до конца твоей жизни.

Посвятив Терезина в эдакие рыцари прямо посреди болот, я почувствовал облегчение. Не только благодаря тому, что увидел его лицо и убедился в грамотности именно такого подхода, а потому, что сам считал это правильным. Теперь пацан точно будет держаться. Не сломается по дороге. Не будет кидать на Мириам уничтожающие взгляды и втихаря шептать молитвы, как псих. Теперь он будет идти и обязательно осилит весь путь.

Без спросу я полез в котомку Терезина и достал оттуда несколько сухарей. Положил на тарелку рядом с наполовину обглоданной ножкой и строго сказал:

— Наедайся.

Затем оставил его улыбаться в одиночестве и вернулся к костру.

Мириам смотрела на меня с нескрываемым любопытством. Так, будто увидела впервые. Она обгладывала косточку, но именно в этот момент прожигать меня глазами ей было куда интереснее.

Фелилин отдал мне оставшийся кусок от разобранной на части птицы, где мяса оставалось раз в двадцать меньше, чем костей, а Сималион, сидевший рядом, склонился и прошептал в ухо:

— Так дитя же анирана не в столице, а в Валензоне. Мы меняем маршрут?

— Нет. Мы строго следуем плану, — прошептал я в ответ. — Я не говорил, что отведу его смотреть моё дитя. В Обертоне тоже есть на кого посмотреть. К тому же, там его отец и мать. Они ему куда ближе и куда нужнее. Даже если он станет утверждать обратное.

— Семья поможет парню исцелиться, — задумчиво произнёс Сималион. — Думаю, для него она не менее важна, чем доказательство успешности милиха.

— Я надеюсь на это, — кивнул головой я. — Парень запутался. К тому же явно не способен выживать в одиночку. Здесь бы он погиб рано или поздно. И мы обязаны спасти

эту душу.

На этой непонятной полянке в топких болотах мы провели весь день. Благодаря умению Феилина доставать пропитание практически из-под земли, почти ничего не сожрали из запасов. Съели птицу, съели какие-то ягоды и корешки, которые он приволок, напились пахучего отвара и отсыпались.

Ну, отсыпались другие, я имею в виду. Феилин и я бодрствовали.

Следопыт описывал эти места и рассказывал, что река близко. Хоть шума её быстрых вод ещё не слышно, она рядом. И она опасна. Переплыть столь бурную реку мало кто способен. Возможно, лишь аниран. Поэтому прорываться придётся через мост, так или иначе. А поскольку дневной стук копыт намекал, что стражи у моста прибавилось, Феилин решил выяснить это своими глазами.

Когда стемнело, а самые сонные сони ещё спали, Феилин тихо растворился во тьме. Только шевелились кусты, а в следующую секунду я уже не мог в точности сказать, в каком направлении он пополз.

Я сидел на страже до тех пор, пока не проснулись Сималион с Ибериком. Они меня сменили и позволили отдохнуть. Но едва я закрыл глаза, как мне показалось, меня уже тормозили.

Стояла непроглядная темень. Лишь где-то в ямке тлели последние угольки.

— Следопыт вернулся, — шептал Иберик. — Взволнован.

Феилин жадно пил воду из фляги. Вчетвером мы сели практически нос к носу, чтобы иметь возможность видеть друг друга.

— Плохо дело, — шептал Феилин. — Почти полсотни храмовников оберегают мост. Телеги поставили. Перекрыли. Слышал даже, торговцев разворачивают обратно. Факелы, костры повсюду. Мышь не проскочит.

— Реку мы никак не переплывём? — я был мрачен и вопрос задал чисто машинально. Ведь Феилин уже отвечал на него.

— Ты — да. Мы — может быть. Они, — он кивнул в темноту, где спали два балласта. — Никак. Потонут сами и утопят тех, кто будет их тащить.

— Есть предложения какие?

— Сидеть тихо, пока сидится...

— Хреновое предложение, — буркнул я. — Нам нельзя терять время. Надо двигаться. Надо пересечь мост и затеряться в враждебном лесу, пока цепи расходного материала в виде паломников не начали прочёсывать болото.

— Если бы они знали, что мы здесь, уже бы давно прочёсывали, — высказался опытный Сималион. — Судя по всему, недостачу обнаружили, но не могут понять, куда она делась. Я бы на месте церковников сначала подмёл весь лагерь. Каждого паломника бы вывернул наизнанку. Потом изучил самое очевидное место — Винлимар. Ну, может быть, и в шахтах поискал. Хотя маловероятно, что беглецы укрываются в шахтах. Оттуда лишь один выход есть — наверх... Так что, мне кажется, Эвенет, если он действительно руководит поисками, сейчас занят паломниками и Винлимаром. А это не шуточные расстояния и не шуточные людские массы. Перебрать их все... — он присвистнул. — В общем, за мостом, мне кажется, пока просто присматривают. Они не могут не учитывать, что мы могли пойти на север. Но

это не самое очевидное место, как ты и предполагал, милых.

— Я ж потому и говорю, что времени терять нельзя. Надо прорываться.

— Нашу ношу мы не сохраним при прорыве, — отрицательно покачал головой Сималион. — Да и себя можем не сохранить...

— Надо сидеть тихо, — повторил Феилин. — Отсюда мы уйдём. Впереди тоже есть тихое местечко. Но там никакого огня. Дым сразу заметят. А как их станет меньше, попробуем перебраться. Когда я тут был впервые, лишь десяток стоял в охране. Да трое чинуш торговцев обчищали. Будем ждать.

Подобные расклады меня не устраивали, но я ничего не мог поделать. Идти на штурм моста вчетвером — самоубийство. Даже для меня. А идти вшестером — вообще не обсуждается. И Мириам, и Терезин совсем не бойцы. Этих доходяг обязательно стрела пальная достанет, даже если каждому из них мы вырежем деревянный щит.

Так что Феилин прав — надо ждать. Сидеть тихо, аки мыши, прожирать запасы и копить силы. А как придёт пора — надеюсь, она всё же придёт — рвать когти.

Мы действительно переехали поближе к опушке, за которой, примерно на несколько сот метров, открывалось чистое пространство. Сочная зелёная трава, кустики, редкие деревца. А за ними — резкий обрыв. Как объяснил Феилин, трёхметровый обрыв, за которым начиналась река.

Но так же по сочной зелёной траве изредка бродили носители знакомых белых ряс, накинутах на кожаные доспехи. Храмовники, как я увидел собственными глазами, когда, как настоящий партизан, выглядывал из-за кустов и изучал окрестности, не оставляли болота без внимания. В этом мире всё ещё не существовало подозрных труб, хотя профессор Гуляев уже сделал первый шаг в этом направлении. Поэтому храмовники не удовлетворялись простым осмотром кустарника. Они регулярно патрулировали границы, топтали зелёную траву и иногда поглядывали на быстрые воды реки. Заходить на территорию болот не решались, видимо, памятуя о том, что там можно легко и просто отдать богу душу, но глаз не спускали не только с моста, но и с густых кустов. И храмовников этих было порядка пятидесяти душ, как я успел прикинуть с довольно приличного расстояния.

Сам же блокпост выглядел, как сарай. Ни шлагбаума, ни контролёрской будки я не заметил. Лишь деревянная одноэтажная коробка, у стен которой в тени прятались лишние храмовники. Часть из них патрулировала каменный мост, переругиваясь с недовольными торговцами на противоположной стороне. Часть патрулировала окрестности. А человек двадцать, на мой взгляд, просто ловили мух.

Так что с Феилином я был вынужден согласиться: очевидно, для клоповника, где проживали стражи моста, здесь слишком много людей. Не вмещаются, вон. А значит, надо немного подождать, когда они свалят. Подождать, и надеяться, что они всё же свалят, а не к ним прибудет подкрепление.

Почти двое суток мы били баклуши. Сидели на сухарях, корешках и ягодах, ведь разводить огонь Феилин строжайше запретил. Даже когда он отловил болотного ужа, перемальывать зубами сырое мясо пришлось всем. Ни Мириам не побрезговала, ни Терезин.

К концу второго дня осталась лишь одна фляга с чистой водой. А поскольку собирать болотную и тщательно кипятить, мы не решались, Сималион сказал, что ночью надо кому-то

попробовать прорваться к реке. Осмотреть спуск и постараться наполнить фляги. И, разумеется, вернуться.

Идея была крайне опасной и я её отверг. Если припрёт, я сам попробую устроить вылазку. Но не раньше, чем действительно припрёт.

Но следующей день принёс спасительные изменения.

Часть 5. Глава 23. Признание Терезина

Мы все проснулись от цокота копыт. Паника, которая окатила меня, словно холодный душ, ибо я очень серьёзно опасался прибытия подкреплений, ушла, едва вернулся Феилин. Он проснулся одновременно со мной и, даже не протерев глаза как следует, рванул к границе кустарника. А когда вернулся, чуть ли не подпрыгивал от возбуждения.

— Пыль столбом на тракте. Множество конных ушли на юг. Десяток, два или три. Не смог определить. Время пришло прорываться.

— Собираемся, — в тот же момент отдал я приказ.

— Пойдём прямо сейчас? — удивилась Мириам.

— Подойдём ближе к опушке. Там осмотримся.

Но реальность немного подкорректировала мои планы.

Партизанский отряд из шести человек подбородками касался травы, прячась в кустах. И каждый из партизанов разочарованно смотрел на блокпост у моста.

Храмовников, конечно, поубавилось. Значительно, притом. Но с учётом и тех, кто бродил по траве, и тех, кто сидел у сарая, и тех, кто подпирал плечами выставленные поперёк моста телеги, наличные силы всё ещё превышали наши силы в несколько раз.

— Два десятка насчитал, — поморщился Сималион. А затем повернулся к Феилину. — Переплыть никак не получится?

Филин бросил короткий взгляд на балласт и уверенно покачал головой.

— Я смогу, — недовольно буркнула Мириам.

— И я смогу, — неуверенно добавил Терезин.

Я же не прислушивался к утверждениям доходяг. Я изучал территорию, изучал расслабленных храмовников и приходил к решению, что надо идти на штурм. Это единственный вариант.

— Мы пойдём на прорыв.

Компаньоны встретили мои слова молчанием. Даже Мириам не выделялась.

— Нет, не прямо сейчас. Пока изучим маршрут. Посмотрим на распорядок. Но точно сегодня...

— Не уверен, что это хорошая идея, — озабоченно потёр подбородок Феилин. — У меня всего пять стрел осталось. Не смогу прикрыть.

— Я пойду первым и прикрою...

— Подожди, милых! Смотри! — Сималион указывал пальцем перед собой.

Пологий каменный мост нам не позволял со своих позиций изучить территорию противоположного берега. По заверениям Феилина, там обитали королевские солдаты. Но ни разу мне не удалось рассмотреть их с этой безопасной точки. Хоть прятались мы тут уже не первый раз.

И сейчас мы их тоже не рассмотрели. Зато рассмотрели королевские штандарты на стяге, который реял на флагштоке. То есть застава на противоположном берегу действительно существует. И эта застава, судя по флагу, ещё подчиняется законной власти. Той, которая наделила меня полномочиями.

Я инстинктивно прикоснулся к груди и нащупал золотой медальон. Мысли быстро формировались в голове. Это — наш шанс. Единственный шанс. Единственно реальный шанс.

— Мы попросим помощи с той стороны, — огорошил я своих спутников. — Солдаты Его Величества не откажут обладателю этого, — я вытащил из-за пазухи медальон. — А если откажут, то не посмеют отказать анирану.

— Что ты задумал? — испуганно спросила Мириам.

— Я отправлюсь ту сторону. Ночью переплыву реку, отыщу тамошнего командира и прикажу нам помочь. Они пойдут на штурм моста с той стороны, а вы — с этой.

— Ты оставишь нас???

— Да. Оставлю, чтобы вернуться с подмогой.

Сималион и Иберик озабоченно переглянулись. А Феилин хмурился.

— А кто пойдёт на штурм с этой стороны? — резонно поинтересовался он. — Сималион, Иберик и я?

Воодушевление, ещё секунду назад заставлявшее меня чуть ли не подпрыгивать, сразу приугасло. Феилин обратил внимание на маленькую деталь. И учёл то, что не успел учесть я: в нашем отряде в штурмовики годился лишь аниран. Ведь у него хватало и предметов защиты, и элементов поражения. Он мог выстоять под градом стрел и идти напролом. Расчистить дорогу другим и выжить.

Остальные же в штурмовики не годились.

Сималион и Иберик рубаки были будь здоров. В честной схватке один на один, или в менее честной схватке один на двоих, выстояли бы. Выдержали бы и победили. Задавили бы мастерством. Но преодолеть метров двести-двести пятьдесят по открытому пространству под ожидаемым обстрелом — это вряд ли. Даже если первые сто метров пузом траву причёсывать.

Феилин же в ближний бой вообще предпочитал не вступать. В принципе, он неплохо владел кинжалом. Но луком владел в совершенстве. Как снайпер, он был незаменим. Зная, что он приглядывает за твоей спиной, можно было смело идти одному на двоих, а то и одному на троих. Ибо Феилин быстро уравнивает шансы. Но поскольку "уравнивателей шансов" у него оставалось всего пять штук, эффективность его как стрелка стремительно приближалась к нулю. Он быстро растратит боевой потенциал и утратит полезность.

Следовательно, если мне удастся выполнить задуманное, удастся переплыть реку и войти в контакт с солдатами короля, на штурм придётся идти лишь с одной стороны. Идти по не особо широкому каменному мосту, перегороженному телегами. Идти сколько-то там метров под обстрелом. И пусть, в принципе, широкие деревянные щиты способны защитить от стрел, не уверен, что они смогут защитить от горящих факелов и масла, если вдруг те полетят навстречу.

А если вдруг в сторону храма сразу гонца отправят, стоит лишь солдатам продемонстрировать агрессивность?... В общем, через короткие местные сутки тут уже не пятьдесят храмовников окажется, а пятьсот. То есть этого никак нельзя допустить. И, то есть, Феилин должен оставаться в кустах, чтобы поддерживать штурмовиков из лука, и приберечь последнюю стрелу для теоретического гонца. А то и две стрелы...

— Что ты надумал? Поделись с нами? — взволнованная Мириам прикоснулась к моей руке. Как и остальные, она ожидала моего решения.

Я машинально гладил медальон на груди и задумчиво смотрел на друзей.

Нет, я изначально мыслил неверно. Я не могу их оставить. Не могу подвести. Ведь только я способен их защитить... И только я способен нагнать на храмовников такого страха, что они не сопротивляться будут, а в панике бежать. Ибо кто я?

Значит, реку переплывать не мне.

Но кому?

Феилина сразу исключаем. Он будет необходим моей спине, чтобы прикрывать её. Терезин и Мириам — вообще не пловцы. Не бойцы и не пловцы. Балласт, как я утверждал ранее. Они те, кто укроется за спасительной аниранской спиной.

Значит, остаются Иберик и Сималион. Оба крепкие, выносливые, умеющие обращаться с оружием ближнего боя. Но Иберик, в сущности, сам ещё пацан. На девяносто процентов ведомый, на десять процентов способный сам принимать решения. Он хороший боец, но вряд ли хоть немного дипломат. Да и самовлюблённое величие на его лице никогда не появлялось. Он понятия не имеет, как себя вести с теми, кто будет смотреть на него подозрительно. Кого надо не только убедить, что он не шпион, не только попросить смело пойти на мечи храмовников, но и продемонстрировать статус. То самое дворянское величие перед лицами рядовых солдат.

На это способен лишь прямо Сималион.

Я вздохнул и снял с шеи медальон. А затем повесил на шею Сималиона.

— Тебе переплывать реку, — уверенно сказал я.

Некоторое время стояла тишина. Сималион опустил глаза и рассматривал золотую окантовку.

— Что я должен делать?

— У нас остался лишь один вариант. И, я надеюсь, нам удастся его осуществить. Поэтому слушайте. Без лишней одежды, без побрякушек, способных выдать их, под покровом ночи прямо Сималион ползут к реке. Затем спускаются или прыгают с обрыва. Прыгают в реку...

— Река быстра и опасна, — вставил пять копеек Феилин.

— Я справлюсь, — недовольно отмахнулся Сималион.

— Он справится, — я тоже отмёл любые сомнения. — Потому что выхода иного нет...

Затем переплывает реку, забирается на противоположный берег... Будем надеяться, что забраться действительно есть где... И идёт к заставе. Идёт, старается не получить во тьме стрелу в пузо, и показывает солдатам это, — я ткнул пальцем в медальон. — Подключает свой шарм и делает так, чтобы с самым рассветом, именно тогда, когда солнечный диск показывается над горизонтом, а сон так сладок, солдаты короля пошли на прорыв. Чтобы прошли по мосту, разметали телеги и пришли нам на помощь.

— А мы? — Иберик испуганно смотрел то на меня, то на своего, в какой-то степени, наставника. Оставлять его он ни в коем случае не желал.

— Именно мы будем теми, кому будет нужна помощь: мы нанесём удар с этой стороны.

— Мы? — переспросил Феилин.

— Я и Иберик, — ничуть не сомневаясь, ответил я. И сразу подавил зарождавшееся возмущение. — Ты останешься здесь. Но не для того, чтобы присматривать за этими... бесполезными последователями анирана, — Мириам на мою лёгкую подколку в этот раз даже не фыркнула. Она прекрасно понимала, что она — балласт и есть. — А для того, чтобы прикрывать мой тыл. Я пойду первым. Пойду, как танк, — никто даже не обратил внимание на очередное инопланетное слово. — Я покажу всем этим зажавшимся храмовникам злющего анирана. Я заставлю их всех обдрыстаться!... Иберик же укроется за моей спиной. И покажет на что способен, когда сократим дистанцию и завяжем бой... Но именно в это время солдаты, которых ты приведёшь, Сималион, уже должны пересечь мост. Ибо, как бы

мы ни были хороши с Ибериком, вдвоём нам не одолеть два десятка. Уяснил?

— Уяснил.

— Уяснил.

Сималион и Иберик ответили одинаково и одновременно. Что не могло не радовать. Это означало, что они прекрасно поняли поставленные перед ними задачи.

— Знаком, что пришла пора атаковать, станет дым со стороны заставы. Сималион, прошу тебя, не ошибись. Едва займётся рассвет, дым уже должен появиться над лесом. Именно тогда мы пойдём на штурм.

— Запомню, аниран.

— Феилин, ты — в засаде. Постарайся занять выгодную позицию, и береги стрелы. Используй только в крайнем случае. Последнюю оставь. Если не сработает эффект неожиданности, храмовники могут отправить гонца. А это последнее, что нам нужно.

— Я попробую ещё смастерить. Но без оперения мало что может получиться... Жаль, я не подумал об этом, когда ощипывал птицу...

— Незачем вспоминать то, чего нельзя изменить, — я похлопал его по плечу. — Главное, чтобы все чётко понимали свои задачи. Если Сималион подоспеет вовремя, мы справимся.

— Я справлюсь, — глаза опытного мастера горели решимостью. — Я знаю, ради чего мы здесь. И знаю, насколько это важно. Мои руки, мои ноги не поддадутся усталости. Я приду тогда, когда буду нужен. И приведу с собой подмогу.

— Прошу прощения, — Терезин, ранее вообще старавшийся не открывать рот понапрасну и разговаривавший лишь со мной, наконец-то, набрался смелости. — Мастер Сималион, — он отвесил тому поклон и осенил знамением. — Фласэз Одаряющий будет смотреть на вас с небес. Он дарует вам силы и благословит на успех. Помогите мне вернуться домой.

Сначала я кисло кривился, ведь мне показалось, что Терезин сейчас запоёт всё ту же песню. Но, оказалось, парень уже стал на путь перемен: он понимал, что сейчас происходит, и понимал, почему. И понимал, по какой причине все эти люди проделали такой долгий путь.

— Ваше Высочество, — Сималион склонился в ответном поклоне. — Нет в мире быстрых вод, которые бы помешали мне вернуть вас домой. Я полон сил и решимости. Не беспокойтесь, я приду за вами. И помогу милиху доставить вас в столицу.

Далее Терезин удивил нас всех: сначала нерешительно, но затем более уверенно он приблизился к Сималиону и прижался к его груди. Мастер улыбнулся и обнял парня.

Это была ещё одна впечатляющая сцена, вызвавшая в моём носу пощипывание. Они ведь знали друг друга ранее. Доверяли друг другу. И хоть один безуспешно пытался сделать другого мужчиной, другой не забыл этого. В памяти хранил не обиду, а благодарность. И теперь благодарил за то, что тот вновь оказался рядом.

Мириам отвернулась. Видимо, сцена зацепила и её. Хотя она не желала продемонстрировать временную слабость.

Почти до самого вечера мы прорабатывали план. Глобальная концепция оставалась неизменной, но несколько мелких деталей мы внесли. Отобрали у Сималиона всё оружие и

всю одежду, оставив лишь медальон и набедренную повязку. Заставили съесть подчистую все наши запасы и уложили баиньки. А пока Мириам и Терезин строгали ветви, под руководством Феилина изготавливая стрелы, мы с Ибериком прорабатывали маршрут.

Правилом номер один для него стало правило спасительной спины: я запретил ему даже рыпаться, покуда мы не подберёмся поближе. За энергетическим щитом укроюсь я. А он укроется за совсем не энергетической спиной. Будет внимательно смотреть по сторонам и сообщать мне о непредвиденных ситуациях. И только как придёт пора для рукопашной, он ворвётся во вражеские ряды, как вихрь. Поскольку амбидекстр, будет раздавать с двух рук — своим мечом и саблей Сималиона. А я, размахивая щитом и призывая кары небесные на голову каждого, кто осмелится стоять на пути анирана, буду пробиваться к сараю. Ибо на рассвете именно там будут находиться основные сонные силы врага.

Ночью я не сомкнул глаз. Опять.

Лишь солнце скрылось за горизонтом, мы сопроводили Сималиона в путь. Стояли некоторое время в молчаливом кругу и не произносили слов. Всё было давно сказано. Все понимали, что если мастер не переплывёт реку, что если наткнётся на чересчур ретивых часовых, или — не дай Бог — потонет, наша отчаянная попытка взять штурмом мост, обречена на провал. Останется возвращаться в болота и ждать, когда за нами придут. Или принять смерть в бою.

Поэтому Сималион ушёл молча. Растворился в темноте, не оставив на прощанье обнадеживающих обещаний.

Через некоторое время не выдержала ожидания Мириам: она заснула на постели из рваной травы. Заснули Феилин и Иберик. Лишь я не мог погрузиться в царство Морфея. Грыз ногти, смотрел на яркие звёзды на небе и нервничал, как никогда не нервничал доселе.

— Аниран, — шёпот Терезина меня не испугал. Я лишь рассердился, что слабосильный пацан безответственно относится к остаткам своей энергии. — Можно я сяду рядом?

— Тебе необязательно спрашивать разрешение. Ты — принц, — нравоучительным тоном произнёс я. — Ты можешь делать всё, что пожелаешь. Главное не забывай, что дела твои должны идти во благо. Твои поступки и решения не должны конфликтовать с моральным кодексом и совестью, — я произнёс запутанно, но он, видимо, всё понял. Потому что понимающе кивнул головой.

— Я всегда старался таким и быть, — прошептал он. — Но то, что творилось в округе... Тот ужас... — Терезин обречённо вздохнул. — Я не мог этого выносить. Я не хотел быть частью этого. Не хотел управлять и отдавать приказы. Я не хотел быть таким, как отец. Он слишком легко обрекал людей на смерть...

— Таково бремя, — сурово сказал я. — Бремя лидера. В вашем мире лидером становятся не по призванию, а по крови. Против этого не попрёшь. Значит, с этим надо смириться. Обучаться премудростям у лучших, уметь грамотно мыслить и не страшиться принимать решения. Когда надо — казнить. Когда надо — миловать. В этом весь смысл слова "король". И небольшой части слова "принц".

— Я даже не умею драться, — Терезин прятал взгляд. — Поверь, аниран. Я бы хотел вам помочь завтра. Очень хотел... Но я не могу, — очередной тяжкий вздох даже вызвал у меня сочувствие. — Я — лишь обуза. Я всегда был обузой для всех...

— Это не твоя битва, Терезин, — я крепко сжал плечо парня. — Твои битвы ещё впереди. Уверен, у тебя впереди много битв. Битв за правое дело. И когда тебе действительно придётся биться — именно тебе, потому что отступать будет нельзя, — твоя рука должна быть крепка. Разум холоден и расчётлив. Страх растоптан собственной ногой... А пока позволь тем, кто по-настоящему готов к битвам, доставить тебя в столицу. А там, в родном для тебя доме, тебе уже самому предстоит во всём разобраться. Узреть силу анирана и понять, чем ты можешь ему послужить. Если ты действительно принц, если в тебе действительно течёт королевская кровь, ты очень быстро примешь верное решение. А если нет, если продолжишь тратить свою жизнь на молитвы, если не согласишься, что спасительное пришествие уже произошло и не начнёшь по-новому смотреть на мир, анирану твоё служение не поможет. Твоему миру твоё служение не поможет. Ибо пока ты тот, кого ведут. А мне нужен принц, за которым идут. Чьё слово слышат и слушают. Чьему слову верят... Подумай над этим, Терезин. Подумай крепко... А пока ступай. Спи, пока возможно. Завтра нас всех ждёт тяжёлый день.

Терезин не уходил. Он молчал некоторое время, а потом опять вздохнул.

— Святой отец Эвенет призвал меня к себе в день перед уходом, — его слова заставили меня напрячься. Всё же эта старая падла встретила с принцем по прибытии. — Просил помолиться с ним и спрашивал, крепка ли моя вера... Он всегда был добр ко мне. Он — мой духовный наставник... Но... Но он никогда не разговаривал со мной так, как ты, аниран. После разговоров с ним меня постоянно гложит чувство вины. Мне хотелось лишь истязать себя и усерднее просить Триединого о прощении. Вновь и вновь вымаливать для грешников искупление... Но после разговоров с тобой... Я даже не знаю, как это объяснить.

— Постарайся, — я аккуратно подтолкнул его, ведь понимал, что парню необходимо выговориться.

— Мне кажется, ты и есть спасение. На самом деле. Но не спасение для всех грешников, а спасение именно для меня. Я не чувствую, что должен в почтении склоняться перед тобой, как просили святые отцы склоняться перед ними. Ты даже относишься ко мне с уважением. Как к равному, практически. И люди... Эти люди идут за тобой не из-за страха, а потому, что признают твою власть. Они жизнь готовы за тебя отдать. Не потому, что ты приказал, а потому, что сочтут это за честь... Я не рассказал о тебе моему духовному наставнику. Я очень хотел кричать об этом, поделиться именно с ним. Но я помнил твой наказ. И знал, что он будет не рад. Он верит в аниранов, но не доверяет им. Считает их опасными.

— Эвенет?... Святой отец Эвенет? — я превратился в слух.

— И не только он. Как-то в Обертоне я подслушал разговор между ним и Его Святейшеством. Они обсуждали, что нельзя допустить накопление божественных сил в теле одного анирана. Ибо такой аниран никогда не станет милихом. Он обречён стать драксадаром. А драксадар бросит вызов Триединому и сожжёт наш мир... Ты же не такой. Я уже вижу это. Я сразу почувствовал в тебе силу настоящего милиха. И если ты действительно не обманываешь, если в столице меня ждёт подтверждение твоих слов, клянусь, я сделаю всё, чтобы быть тебе полезным. Я искренне желаю стать твоим голосом. И если ты примешь моё служение, никогда тебя не подведу.

В очередной раз склонённая голова подтвердила, что парень говорит искренне. И я в очередной раз к ней прикоснулся, как бы благословляя её обладателя. Но сам я уже думал о другом. Думал о промелькнувших словах про драксадара.

Похоже, мне предстоит более предметный разговор с Мириам. Она, наверное, знает

больше. Явно больше, чем принц, и, наверное больше, чем Фелимид. Ибо дознаватель — довольно скрытный парень. Тот информацией делился неохотно. Но его супруга обязательно мне всё расскажет, если я помогу ей сбежать. Не откажет в благодарности. Объяснит детально, что такое драксадар и с чем его едят. Я-то ведь по-любому планирую именно в себе собрать все божественные силы. И абсолютно не согласен, что такой поступок ведёт на сторону зла. Мною движет лишь одна цель — спасение этого мира. Будущее для Дейдры и сына. И детский смех, гуляющий по каждому закоулку каждого города или деревни.

Пережить бы только завтрашний день.

— Я услышал тебя, пока ещё тихий голос анирана. Спасибо, что рассказал мне об этом. А теперь копи силы. Ложись спать и ни о чём не переживай. Я буду караулить всю ночь и разбужу, когда придёт пора. Завтра мы будем далеко отсюда.

— Я верю тебе, аниран, — впервые за всё время Терезин улыбнулся. Улыбнулся настоящей мальчишеской улыбкой. Он действительно верил, что всё будет хорошо.

Хотел бы и я в это поверить...

Часть 5. Глава 24. Штурм

До самого рассвета я просидел у опушки. Смотрел на чистое звёздное небо, смотрел на линию горизонта и пытался уловить момент, когда ночь начнёт сдавать позиции. Затем, не выдержав одинокого ожидания, разбудил остальных. И уже вместе с Ибериком и Феибином мы прожигали взглядами кроны деревьев на противоположном берегу.

Светать начало под аккомпанемент криков незнакомых птиц. Я, было, подумал, что нам подадут сигнал. Но Феибин быстро уgomонил меня, сообщив, что так по утру орёт болотный лунь. Поэтому вновь пришлось сосредоточиться на линии горизонта. Солнце ещё не показалось над кронами, но рассвет приближался: серое небо на глазах окрашивалось оранжевым. Уже вновь стал различим флагшток с реющим флагом, а никакого дыма всё ещё не было.

— Молю тебя, Триединый, помоги мастеру исполнить поручение анирана, — рядом Иберик осенил себя знаменем. — Помоги справиться с течением и выйти сухим из воды.

Я никогда не видел в умелом парне даже намёка на религиозность. Но за своего близкого друга он переживал не меньше, чем ранее переживал за раненного брата.

Я молча сжал его плечо: если дым не появится, если Сималион не смог выполнить миссию, реку постараюсь переплыть я. И уже я поведу в бой...

— Смотрите! — зашипел глазастый Феибин.

Тёмное-тёмное кольцо дыма медленно поднималось над флагштоком. Настолько тёмное, будто жгли резину, которую в этом мире ещё не научились производить. Кольцо поднималось в абсолютной тишине. Его заметили мы, но ещё не заметили храмовники, с десяток которых бодрствовали у сарая.

— Он смог! — обрадованно выдохнул Иберик.

Феибин, провожая внимательным взглядом кольцо, прошептал:

— Дым узрят за несколько лиг. Не утаить...

— Неважно, — решительно отверг я, понося себя последними словами за то, что не предусмотрел такой возможности. — Отступать нельзя. Всё или ничего... Вставай, Иберик. Лук в руки, Феибин. Вам, — я посмотрел на Мириам и Терезина, плившихся на меня испуганными глазами. — Быть наготове. Лишь только вас позовут — сразу бежать к мосту. Бежать, не оглядываться и не падать... Ну всё, с Богом.

Сопровождая взглядом дымное кольцо, взмывающее всё выше и выше, я стал во весь рост. Увидел, что кольцо это, наконец-то, заметили удивлённые храмовники и услышал воинственный клич, идущий с другого берега. И сжал кулаки, активируя сразу все метки.

— Ни шагу назад, — больше себе, чем ставшему за моей спиной Иберику, сказал я. Выставил перед собой щит и выпустил клинки.

Гул на противоположной стороне нарастал. Храмовники пока ещё не поняли, что происходит, но усердно старались: ни один из них не смотрел в нашу сторону. Когда мы покинули убежище и, словно сямские близнецы, поспешили к месту предстоящей схватки, лишь один из них успел нас заметить. Он, видимо, дежурил вдоль границы территории болот, а потому оставался нами незамеченным.

Но всё же я заметил его раньше, чем он меня.

— Нож, Иберик! — прошипел я. — Да не промахнись!

Тот понял меня с полуслова. Слегка повернул подбородок налево, заметил цель и сразу

выхватил метательный нож. И хоть до расстояние до цели было нешуточным — более десяти метров, по моей быстрой оценке, — острое тяжёлое лезвие вошло прямо в лоб. Умению Иберика метать ножи мог позавидовать любой профессиональный циркач.

— В бо-о-о-ой! — эти крики я уже смог разобрать. Боевой клич шёл с моста. Там, стараясь держать строй, шли в ряд по трое королевские солдаты. Трое первых укрывались щитами, в трое следующих выставили перед собой длинные копья.

Тут-то храмовники пришли в себя. Зрелище, конечно, выглядело странным: с хрена ли подданным короны нападать на других подданных короны? Пусть даже вторые — подданные короны лишь формально. Ведь, так или иначе, в этих местах две ветви власти не враждовали, а старались поддерживать нейтралитет.

Но смысл происходящего храмовники очень быстро поняли. Некоторые из них скрылись в сарае, видимо, спеша экипироваться. Некоторые торопливо выстраивались в шеренгу. А один, самый подкованный наверное, поднёс к губам рог.

Просвистела стрела. Именно просвистела. Почти над моим ухом. А затем вошла по самое оперение в незащитное горло.

Храмовник захрипел ещё до того, как начал заваливаться на бок. А его братья по вере ошарашенно смотрели за рухнувшее под ноги тело.

Тут-то я понял, что пришла моя пора.

— На колени, черви! — я заорал самым злым голосом, на который был способен. — На колени перед анираном! Пасть низ и ждать божественного суда!

Никто из храмовников, конечно же, приказу не последовал. Но и не в этом был смысл вопля. Я переключал внимание на себя. И справился с первым крошечным заданием вполне успешно.

— Драксадар!? Он здесь! — очередной самый подкованный храмовник тыкал в меня обнажённым мечом. — Во имя Триединого, остановить его!

Хорошо хоть я додумался укрыть мордашку за энергетическим полем: первая меткая стрела ударила не по ногам, как я опасался, а в щит. Искры, как и куски сломанной стрелы, полетели в стороны. Но ни я не дрогнул, ни Иберик. Мы быстро сокращали дистанцию.

— В бо-о-о-ой! — половина моста уже была захвачена. Тыловые части королевских войск сбрасывали в реку первую телегу. А передовые — быстро продвигались.

Храмовники, оказавшиеся в окружении совсем не превосходящих сил противника, ненадолго растерялись. Какой-то долбаный Робин Гуд всё ещё палил по мне, но вскоре затих и скатился с крыши сарая: Феилин сократил дистанцию, укрылся перед дорожной насыпью, быстро вычислил стрелка и нейтрализовал.

— Две, — прошептал я себе под нос, считая не тела, а стрелы.

— На драксадара! На драксадара! Кхе-е-е-е... — это прокряхтел самый крикливый храмовник. Возможно, местный сержант. Размахивал-размахивал мечом, указывая на меня, да так и осел, со стрелой чуть ниже кадыка.

Тут уже бедолагам выбирать не приходилось. Приказ озвучен. Приказ надо выполнять: несмотря на ужасный приближающийся танк со страшной иглой над башней и лобовую броню в виде энергетического щита, храмовники пошли в атаку. И когда до столкновения оставалось пара десятков метров, танк выпустил десант — дал свободу Иберику.

Надо признать, невысокого лысого паренька они испугались куда меньше, чем меня. Но лишь потому, что не знали, на что он способен.

Иберик успел выбросить два метательных ножа. К сожалению, оба не смертельные:

один храмовник даже не замедлил бег, получив лезвие в плечо, а второй захромал и остановился, пританцовывая и хватаясь за окровавленное бедро.

Дальше началась круговерть близкой схватки, где и Иберик, и я в какой-то степени, чувствовали себя, как рыба в воде.

Бесстрашные храмовники были бесстрашны лишь до первого столкновения. А когда в разные стороны полетели обугленные обрубки конечностей, мечей, копий и щитов, пыл их поугас. Они всё так же старались налетать сразу все, пытались давить массой. Но их количество уменьшалось практически каждую секунды. Ибо они не только не могли навязать грамотного боя, но и оружием, как я понял, владели посредственно.

Иберик же порхал. Сил в его руках хватало, что наносить одинаково серьёзные повреждения. Двоих он зарубил саблей, одному подрезал сухожилия мечом, от троих успешно защищался. Как раз до того момента, когда очередной храмовнический Робин Гуд не попытался вывести его из игры.

Стрела чиркнула по эфесу, срикошетила и наконечником распорола левую щеку. Иберик дёрнул головой, разбрызгивая капли свежей крови.

Как раз в это время я впервые применил скрытное аниранское оружие — атаковал врага энергетически болтом, отобранным у Томаззо Ди Дио. Использовать его было неудобно, ведь мешал щит в левой руке. Мне пришлось вытянуть левую руку на всю длину, чтобы щит как раз коснулся шеи. Но, в итоге, я приловчился: подумал, сжал и насквозь пробил лоб самого умелого храмовника, который подталкивал других в драку, а сам пытался нанести подлый удар.

Но Иберика я успел заметить вовремя. Я просто прыгнул к нему и инстинктивно прикрыл щитом, опередив следующую стрелу.

— Феилин! — заорал я что есть мочи, очень надеясь, что парень следит за рукопашной и поймёт, что я хочу сказать. А затем лишь бросил взгляд на Иберика и задал самый короткий вопрос. — Жив?

— Царапина.

С моста пришёл гул схватки. Одновременно к месту нового действия повернулись и мы, и выжившие храмовники. Там разворачивался грамотный бой. Не то, что здесь. Там две шеренги упёрлись друг в друга копьями и щитами. Более многочисленная шеренга в белых рясах пыталась выдавить малочисленную обратно. Мечники искали лазейки в строю, а Сималион, как я тоже успел заметить, уже кружил в танце.

— У-у-у-у-у! — звук рога пробудил и тех, кто ещё спал, и тех, кто засмотрелся на битву, разворачивавшуюся у моста.

— Сука! — выругался я. Это был именно то, чего мы хотели избежать. — Убью всех! Порублю на части! Драксадар вышел на тропу войны!

На троих легкораненых храмовников угроза подействовала: на карачках или хромая, они поползли под защиту сарая. Двое других отступить не собирались. Один из них зло сплюнул и перешёл в атаку. А второй поддержал начинание первого.

Так что пришлось доказывать, насколько они ошибались.

— Замри на хрен в траве! — зло выкрикнул я Иберику, когда тот едва не угодил под вторую стрелу. Неизвестный снайпер правильно решил атаковать того, кто менее защищён. В меня он вообще не стрелял.

А затем я вплотную занялся двумя смельчаками. И если бы мы обладали одинаковым вооружением и фехтовали на равных, мне бы пришлось несладко.

Но не в этом случае: обоих я порубил практически в фарш.

— Не вставай! — вновь прорычал я, ведь стрелы продолжали мелькать. Одна даже над моей головешкой просвистела. — Феи...

Я не договорил, потому что Феилин, наконец-то, выцелил второго снайпера. Оказывается, тот, как и первый, засел на крыше. На покато́й крыше, оставаясь незаметным с нашей стороны. Но когда его спугнули, когда он вскочил и перепрыгнул на заметную сторону, спасаясь от брошенного в него копья, Феилин сориентировался: лишь пара секунд прошла с момента обнаружения, а лучник уже падал с торчавшей из груди стрелой.

— Четыре, — прошептал я. — Вставай, Иберик. Переходим в наступление.

Торопясь принять участие в битве у моста, мы безжалостно доби́ли храмовшего храмовника. У меня в душе даже не ёкнуло, когда я лишал жизни очередного человека. В этом мире я убил их уже столько, что давно сбился со счёта. Но самое главное: я ни сколько не сомневался, что убить мне предстоит гораздо больше. Ибо если не стану убивать я, без всяких сомнений убьют меня.

— Аниран спешит на помощь! — заорал я, размахивая руками.

У моста дела складывались неважно: храмовники теснили десяток-полтора королевских солдат. Теснили обратно к мосту. А Сималион, вырвавшийся на оперативное пространство, теперь оказался в окружении: одновременно он сражался с четырьмя соперниками.

Ему-то на помощь и поспешил Иберик.

А я всё же смог привлечь к себе внимание. И, вновь выставив щит, пошёл напролом. Мне во что бы то ни стало надо было пробить брешь в храмовнических рядах.

Меня встретили копьями. Одна шеренга развернулась в мою сторону, вторая продолжала давить. И острые концы копий брызнули расплавленным металлом, разлетаясь во все стороны.

Как я смог удержаться на ногах после столь чудовищного удара, я так и не понял. Меня пырнули не одним копьём — пятью, минимум. Но я выдержал, а затем провёл линию энергетическим щитом, срезая оплавленные наконечники.

Опалённые древки полетели на землю. Из ножен сразу же были извлечены мечи. И обладатели мечей перешли в контр-наступление.

Хоть, как выяснилось в последствии, это был не последний мой бой, всё же он оказался трудный самый. Видимо, в подкрепление охране Восточного Моста от возможного проникновения беглецов отрядили не самых последних вояк из числа храмовников. Они не боялись ни воплей моих, ни энергии, плескавшейся у рук, ни воплей раненных собратьев. Они бросали рукояти оплавленных мечей и извлекали из ножен кинжалы. Извлекали и продолжали наскокивать все вместе, стараясь избавить свой мир от пришествия драксадара.

Но и я уже был далеко не тот беспомощный футболист, сгоревший в машине и очнувшийся в новом, но совсем не дивном мире. Тяготы закалили меня. Закалили того, кто и так прибыл закалённым. Добрые люди научили обращаться с оружием. Безжалостные времена научили быть безжалостным. А божественная сущность, сидевшая внутри, терпеть не могла, когда кто-то угрожал её существованию.

Так что когда один из счастливи́чков всё же смог поранить мой бок, звериная ярость вновь пробудилась. Вновь словно по щелчку пальцев. И в следующую секунду после ранения, я ничего не хотел так, как раздавить черепа этих рабов своими руками.

Чувство самосохранения растворилось. Остался лишь гнев и ярость. Теперь уже я наскокивал на врагов, наотмашь размахивал щитом, не обращая внимания на раны. Я

прорубил брешь в рядах. Я превратил многих в кровоточащие куски мяса. Но всё же упустил момент, когда один из храмовников смог зайти сзади. Не уследил.

Наверное, после того, как занесённый вражеский топор опустился бы на невнимательную головешку и разможил её, анирана не смогла бы спасти даже игла.

К счастью, кроме иглы у анирана хватало союзников.

Врага я заметил слишком поздно. Но его вовремя заметил Феилин: последняя имеющаяся в наличии стрела точно вонзилась в затылок и вышла аккуратно у переносицы.

Стеклянные глаза удивлённо распахнулись, а тело бревном завалилось на землю.

В этот же момент ярость испарилась. Я очень быстро понял, что спасся лишь чудом. Что вновь впал в транс совершенно некстати. И чуть было не позволил этой божественной сущности себя погубить.

Первая шеренга храмовников дрогнула. Трое из тех четверых, что пытались мериться силами с двумя амбидекстрами, были повержены. Четвёртый бросил меч, взял ноги в руки и совершил глупый поступок — рванул прямо по тракту в сторону храма. Лёгкий свист сопровождал метательный нож, улетевший вслед, — и тело уткнулось носом в пыль.

— Пощады! Пощады! — в живых оставались лишь четверо храмовников. Самых крупных, самых сильных. Способных управиться, как со щитом, так с копьём и топором. Неизвестный командир королевских солдат поднял руку, призывая своих людей сохранить чужие жизни.

Затем раздался протяжный свист. Кто-то выкрикнул короткое: "Ча-ча!", и из-за скрытой стороны длинного сарая вырвалась на волю резвая лошадка. В седле сидел очередной храмовник и нещадно бил лошадку пятками.

В мгновение ока он разорвал дистанцию. Вслед улетело копьё. Но, ожидаемо, вонзилось в землю там, где лошадь оставила свой след секунду назад.

— Феилин! — что есть мочи заорал я. Я очень надеялся, что следопыт опять поймёт, на что я намекаю.

Но меткая стрела не настигала. И только я хотел разразиться бранью, как вспомнил, что стрелять Феилину нечем — последнюю стрелу он потратил, чтобы спасти меня.

— Фи-и-и-ить!

Всё же что-то просвистело. Улепётывавший храмовник прижался к лошадиной шее и мчал по весь опор, не оглядываясь назад.

— Фи-и-и-ить!

Очередной свист помог сориентироваться. Я обернулся и увидел припавшего на колени Феилина. Он скрывался в высокой траве и оттягивал тетиву для очередного выстрела. Но и этот выстрел оказался неудачным — стрелы без оперения летели куда угодно, только не в быстро удаляющуюся цель.

— Сними его! — опять прокричал я.

Но кричать я мог что угодно. Крики никак не помогали. Следопыт пальнул ещё пару раз и раздражённо бросил лук — храмовник уже был слишком далеко. Теперь его можно было снять только из снайперской винтовки.

— Уходим. Уходим немедленно, — это были первые мои слова, после осознания, что хоть битву мы выиграли, войну рискуем проиграть, если не поторопимся.

Сималион и Иберик тяжело дышали. Иберик щупал разрезанную щеку, а Сималион сжимал левый бицепс. Видимо, тоже поцарапали.

Феилин топтал траву в сотне метров позади. Любопытно-испуганные мордашки,

принадлежавшие Терезину и Мириам, выглядывали из кустов.

Я помахал мордашкам рукой:

— Феилин, тащи их сюда! Быстрее!

И только после этого я обратил внимание на наших помощников — на верных присяге солдат, ответивших "да" на просьбу Сималиона.

Четверых выживших храмовников разоружили, усадили на колени и заставили не поднимать взглядов от земли, настаивая при помощи острых клинков, упирившихся в голые шеи. Командир — в местных воинских рангах я ещё не разбирался, а потому озадаченно смотрел на перо на шлеме, которое, по-любому, что-то да значило, — смотрел на меня не менее озадаченно. С привкусом религиозного страха, ведь я так и не удосужился отключить свои побрякушки. А когда мы с иглой всё же удостоили его взглядом, он, как и несколько стоявших рядом с ним солдат, поспешили припасть на одно колено.

— Аниран, я — десятник Теобальт. Бывший гессер. Королевская гвардия, второй дивизион. По воле твоей и по просьбе спутника твоего, мы пришли на зов. Нам сложно было поверить, но теперь мы убедились, что слова — не просто слова. Тот, кто вдохнул жизнь в короля и вычистил из столицы скверну, действительно существует. Приветствую тебя.

Времени обмениваться любезностями было крайне мало. До нового заката нам предстояло перейти на другой берег и затеряться в лесу.

— Благодарю тебя, десятник Теобальт, — я деактивировал свой арсенал. И смело протянул руку для рукопожатия. — Вы пришли вовремя. Вовремя поверили и помогли спасти не только анирана, но и его не менее важных спутников, — я указал рукой на торопливо семенящую к нам троицу.

Десятник ничего не понял. Он озадаченно проследил за моим взглядом.

Один храмовник шевельнулся, попытавшись бросить заинтересованный взгляд. Но получил по ушам и передумал демонстрировать любопытство.

Но всё же этого было мало.

Признаюсь, за пару-тройку секунд я успел подумать о том, что лучше избавиться от свидетелей. Ножом по горлу и всего делов. Но что-то меня остановило. Возможно, желание быть человечным. А возможно, отвратительность такого поступка, как убийство безоружного пленного.

— Десятник Теобальт, у вас есть потери в схватке?

Тот быстро оглянулся, изучил поле боя, где его люди уже стаскивали в кучу тела в окровавленных рясах, и отрицательно покачал головой.

— У четверых царапины. Двоих поранили стрелы. У одного, кажется, перебита кость на ноге. Его уже отвели обратно... Остальные в строю.

— Рад это слышать. Теперь: этих четверых, — кивком головы я указал на храмовников, — Запереть в сарае. В самом дальнем углу. Связать по рукам и ногам. В рты засунуть кляпы. Чтобы даже пискнуть не могли.

— Может всё же... — Сималион поморщился. Видимо, моя снисходительность ему показалась неуместной.

— Нет, — перебил я его. — Уже ни к чему. Гонец ушёл. Теперь должны быстро уходить и мы. Выполняйте.

Храмовников убрали с глаз долой. Один из них даже одарил меня благодарственным взглядом напоследок. А может, мне это показалось.

В общем, когда трупы оттащили за сарай, а пленных — в сарай, я представил десятнику

самого важного члена нашей банды.

— Десятник Теобальт, позволь представить тебе принца Терезина, четвёртого сына Его Величества Анфудана Третьего — короля Астризии.

В этот раз преклонили колени все: и десятник, и его солдаты. Не сразу, конечно. Сначала посомневались немного. Но когда догнали, что о таком не шутят, — тем более, если не шутит сам посланник небес — оказали приличествующие принцу почести.

Терезин чувствовал себя неловко. Из леса он бежал как паралитик. Приблизившись, долго смотрел на кровавое пятно у себя под ногами. Потом ещё дольше — на отрубленную кисть с зажатым в ней мечом. Хорошо хоть желудок был пуст, как карманы у паломника. Иначе всё содержимое растерял бы прямо перед потенциальными подчинёнными.

В руки он себя взял не сразу, но всё же достаточно быстро. Сначала неуверенно посмотрел на десятника и не проявил ожидаемой инициативы. Ведь в последние несколько лет его чаще пинали и издевались, чем относились согласно рангу. Но вдалбливаемый с детства этикет всё же вспомнил. И вспомнил правила поведения.

Он вежливо поздоровался и несколько минут беседовал с десятником и его солдатами. Представился сам, как полагается. Спросил их имена. Поинтересовался, легка ли служба или сложна. И пообещал от своего имени денежные премии каждому солдату, кто, не щадя живота своего, бился за одного из наследников трона.

После подобных речей десятник перестал испытывать сомнения.

— Примо Сималион, как они представились, сказали, что вы идёте уже пол-декады, — Теобальт вновь переключил всё своё внимание на меня. — Что с вами аниран, и что ему нужна помощь. Но не сказали, что с вами принц. Я не знаю, сможем ли мы защитить вас, когда храмовые солдаты вернутся с подкреплением.

— И не надо, — решительно отверг я. — Мы не собираемся задерживаться. Как и вы, надеюсь.

— Мы?

— Вам тоже надо уходить. Когда храмовники вернутся, никого щадить не станут.

— Здесь наш пост. Здесь место нашей службы, — поморщился десятник. — Мы можем покинуть его только по приказу.

— Смотрите сами, — проскочила мыслишка, что, на самом деле, было бы неплохо оставить за мостом преграду для храмовников в виде умелых воинов. Они, несомненно, их задержат. Но я посчитал такую мыслишку подлой. Ибо таким образом обрекал на смерть тех, кто пришёл нам на помощь. — Но я советую здесь не оставаться... Мост, десятник Теобальт, вновь перекрыть, — пальцем я прочертил линию в воздухе. — Телеги, кареты, брёвна — всё навалить в кучу. Деревья срубить и подтащить, если получится. Разбор завалов нужно затянуть насколько возможно. И уходить в лес.

— Эти леса кишат отступниками, — тот озадаченно посмотрел за спину. — По необходимости, мы ходим только по дороге до самой деревни. Припасы нам тоже оттуда доставляют, ни совершая ни шага в сторону. Как и приказы. Есть негласный уговор — не сходить с дороги. Иначе лихие отступники не пропустят.

— Деревня? Что за деревня? Деревня Ритран? — напряг я память.

— Оттуда, да, — подтвердил десятник. — Там почти восемь сотен люду живёт. Они поставляют нам припасы под опись и получают из казны оплату. С лесными бродягами обмениваются. Берут пушнину, отдают рыбу и семена.

— А с церковью?

— Храмовые воины не пересекают мост. Река — для них граница.

— Я же говорила уже об этом, — Мириам переминалась с ноги на ногу рядом. Она смотрела по сторонам и озадаченно поглядывала назад. Или чувствовала себя пятым колесом при воинах, или очень-очень мечтала, как можно быстрее отсюда свалить. — Если мы доберёмся до деревни, по тамошней реке уплывём в Равенфир.

Десятник Теобальт озадаченно посмотрел на женщину. Не только потому, что она влезла в разговор мужчин, а ещё и потому, как подсказал его взгляд, что не признал сразу за женщину. Видок-то у неё был совсем не женский.

Мириам была далеко не глупа. Возможно, даже слишком. Она тоже обратила внимание на взгляд, и фыркнула по своему обыкновению.

— Что ты так смотришь на меня, солдат? Я тебе не трактирная девка, готовая обслуживать за медяки...

— А я и не сразу сообразил, что ты девка, — десятник растерянно почесал кончик носа, поглядывая то на стриженную голову, то на импровизированные штаны.

— Я — единственная законная дочь первосвященника Астризии! — брови Мириам нахмурились. Благородная кровь забурлила. — Я обладаю статусом прямо! Близ города Равенфир расположено моё поместье, пожалованное самим королём! Я вожу близкую дружбу с самим принцем Тревином!

— Мириам, — поспешил я на помощь обескураженному десятнику. — Не трать силы на болтовню. Скоро уходим. Прибереги рассказ о том, насколько ты важная, для жителей деревни.

Она бросила на меня испепеляющий взгляд, как бы вопрошающий, кто я такой, чтобы вмешиваться в её диалог с быдлом? Но поскольку взгляд свой я не отвёл, и даже набычился специально, сражение взглядами быстро завершилось — короткостриженный то ли мальчик, то ли девица поспешила заткнуться и ретировалась за спины Сималиона и Иберика.

— Десятник Теобальт, времени терять никак нельзя, — я вновь переключил внимание на более важную в данный момент персону. — Нам нужен гандикап, — хоть он не понял, я всё равно продолжил. — Нам нужно выиграть время. Мы пойдём по дороге и пройдем сколько сможем. Сколько лиг до деревни?

— Пешим ходом?

— Не хотелось бы. У вас есть лошади? Нам бы пригодились и они, и провиант, — быстро сориентировался я.

— Два рассвета, со скоростью телеги если, — задумчиво сообщил десятник. Видимо, он сам понятия не имел сколько километров надо отмотать. Вёл подсчёт не в расстояниях, а во времени, которое необходимо потратить на преодоление этого расстояния. — На лошадях можно. Пешком не советую. Ночевать в лесу опасно. Отступники, я знаю, следят за обозами. Если кто-то неосторожно сойдёт с дороги, могут и напасть.

— В общем так, — я вновь обернулся, но не заметил не только погони, но и уже далёкого чудо-храма. — Если есть чем, нам надо подкрепиться. Уже несколько рассветов мы почти ничего не ели. Затем надо посмотреть карты. У вас есть карты?... Отлично. Мы прикинем расстояние, и сразу в путь. Нельзя задерживаться. Никак нельзя. Вам же я опять настоятельно рекомендую: уходите в лес. Не идите за нами. Идите в другую сторону. Вы эти места должны знать и не затеряетесь. Но, возможно, собьёте неизбежную погоню с толку.

— Я не могу оставить свой пост. Мы не можем...

— Вам придётся! — повысил я голос. — Неужели вы не понимаете, что вас не пощадят?

Они вновь вернуться. И накажут всех, кто посмел помешать святой церкви изловить анирана и сбежавшего принца. И главного апостата — дочь самого первосвященника, — я бросил взгляд на притихшую Мириам. — Поэтому я не спрашиваю вас. Я не предлагаю выбрать один из вариантов. Я говорю вам — вы уходите отсюда. Уходите чуть позже нас и уходите в другую сторону.

— А как же Глим? У него нога перебита.

— В седло его. Будет терпеть. Я осмотрю его ногу и, если надо, наложу шину.

— Ши... что?

— Ты слышал меня, десятник Теобальт? — я крепко сжал плечи солдата, чувствуя, что теряю терпение. — Нам нужны карты, провиант и лошади. Вам — немедленно приступить к сооружению завала на мосту. Разрушить его всё равно не удастся. Походу, тут и взрывчатка не поможет... А затем мы уходим. И вы тоже. Если останетесь — умрёте. Всё ясно?

— Так точно, аниран, — тихо отчеканил он, чуть ли не козырнув при этом.

— Отлично. А теперь — быстрый завтрак...

Часть 5. Глава 25. За мостом

Прежде чем перебраться на другой берег, мы зачистили территорию. К груде тел не стали прикасаться, ибо зрелище было не из простых, но над выжившими храмовниками выразительно постояли некоторое время, решая, как с ними поступить. Благоразумие победило, правда. Только в этот раз самым благоразумным оказался я, ведь остальные предлагали закрыть вопрос раз и навсегда.

Громкие крики помогли нам обнаружить ещё одного неожиданного персонажа: из холодного погреба, практически незаметного на плотной зелёной траве, выбрался испуганный мужичок, сверкавший проплешиной под ярким солнцем. Он просил о помиловании задолго до того, как выбрался на свет Божий. Поэтому мы оказались слегка удивлены его появлением.

Местный бюрократ, ответственный за сбор пошлин со странствующих торговцев, был бледен. Едва почуяв запах жаренного, он укрылся в погребе. Но когда выбрался, сразу обратил внимание на груду тел. И, в отличие от голодного принца, смог изгадить собственные сапоги — рвотные спазмы опустошили достойное брюхо за несколько секунд.

Затем он ползал в ногах, плакал и рыдал, умолял и просил его пощадить. Даже выкуп предложил за свою жизнь — пошину, собранную за две декады.

От такого предложения я не смог отказаться. Хоть изначально этого бедолагу никто не собирався трогать, отказываться от денег, которые сами плывут в лапы, было кощунственно.

Тяжёлый кошель переключал в мои руки, а затем в руки десятника Теобальта. Мне подумалось, что ему и его людям это золото будет нужнее. Сам же бюрократ переключал в сарай. Подставил руки под верёвку и благодарил до тех пор, пока его рот не заткнул кляп.

На заставе, выглядевшей как самый натуральный средневековый форпост с частоколом, мы не задержались. Ни костров не разводили, ни каши не варили. Сорвали с петель в кладовке всё, что можно было сорвать. Торопливо ели хлеб, копчёное сало и странной формы толстые огурцы, и слушали рассказ прямо Сималиона.

Тот поведал, что сложнее всего было забраться на противоположный берег. Даже в полной темноте ползком пересечь пространство между опушкой и рекой, было проще. Он сполз к воде и, стараясь создавать как можно меньше шума, замолотил руками. Но течение действительно оказалось быстрым. Сималиона унесло гораздо дальше моста, а он едва переплыл половину реки. Повезло, что ниже по течению река расширялась, а течение, соответственно, теряло запал. Там он смог пристать к причалу в виде сухих корней. Схватился за один из них и накапливал силы, изучая крутой берег.

Как ему показалось, берег обтёсывали вручную. Ибо никак иначе он не мог объяснить, почему из земляной стены торчат корни, а кроны нависают прямо над обрывом. И ему ничего не оставалось, как корчить из себя скалолаза. Благодаря цепким пальцам и крепким рукам, он смог забраться. Лежал и отдыхал некоторое время. Именно там на него наткнулись разведчики. Потом Сималион даже поблагодарил Триединого за то, что разведчики сначала поинтересовались, кто он такой и что здесь забыл, а не напшиговали арбалетными болтами. Дали возможность открыть рот и не прикончили, когда увидели золотой медальон.

Ну а на самой заставе всё вышло намного проще: верные королю солдаты сразу поверили в подлинность медальона с отчеканенным символом королевской власти. Чуть

больше времени понадобилось, чтобы поверили в правдивость рассказа. Но, как говорится, всё хорошо, что хорошо кончается: Сималиона накормили, одели и выслушали план.

К счастью, обсуждения и подготовка длились меньше, чем короткая летняя ночь. И к рассвету всё было готово.

Десятник кивал головой, подтверждая правдивость рассказа. А когда Сималион закончил, разложил на трапезном столе карту.

Как объяснил Феилин, до большой деревни у истока широкой реки оставалось пятьдесят лиг. На добротных лошадях мы бы преодолели такое расстояние за день-полтора. Но Теобальт разрешил взять лишь трёх. На телегах, в которые запрягут четырёх оставшихся, они повезут раненных до деревни Фелтбен, располагавшей намного дальше — на побережье Бескрайнего океана.

Так же им предстояло взять с собой трёх причитающих гражданских.

Сразу мне не сообщили, но когда мы по-хозяйски устроились на заставе, на меня с опаской глазели три бородатые рожи — торговцы из той самой деревни Фелтбен, прибывшие с брикетами рыбьего жира на обмен. Того самого жира, который пошёл в костёр для подачи сигнала... Из-за задержки и неправильного хранения, жир рисковал очень быстро прийти в негодность. Поэтому торговцы причитали и рыдали. А так же требовали вернуть лошадей и пропустить через мост, чтобы как можно быстрее добраться до святого храма.

Но мне подумалось, что это будет, мягко говоря, плохая идея. И для того, чтобы снизить моральные потери от неизбежно-испортящегося продукта, я показал торговцам анирана. Не забывая при этом, что убиваю двух зайцев: утверждаюсь в своём праве повелевать и помогаю слухам распространиться по восточной части Астризии. После того, что я здесь увидел, для меня это было не менее важно.

После весьма впечатляющей сцены, где дородные бородатые мужики падали в обморок, мы быстро обо всё договорились. Когда первый шок схлынул и пришли заверения в вековой верности, я приказал заканчивать отдых. Теобальту с его солдатами наказал не затягивать с отходом. Как только они завалят мост всем барахлом, каким смогут, чтоб сразу отчаливали. А сам, жуя на ходу, погружал провиант на спины не слишком выносливых лошадок. В этом мире я уже насмотрелся и на породистых рысаков, и на настоящих кляч.

— Постарайтесь не сходить с дороги, — вновь дал совет десятник. — Лес густой и опасный. Отступники уже несколько зим тут обитают. Они знают все тропы, могут быть незаметными. Но если вы не несёте им угрозу, они вас не тронут. И, ради Фласэза Милосердного, не одевайте рясы поверх доспехов. Тогда вам ничего не поможет.

Мы отчалили ещё до полудня. Подгоняли лошадок и улыбались себе под нос, довольные тем, что, если Эвенет погонит в лес своё стадо, стаду не позавидуешь. По финальным словам Теобальта можно было сделать вывод, что в лесу скрываются наши союзники, а не враги.

Лучше всех себя чувствовала Мириам. Впервые за долгое-долгое время она насытилась. Наелась от пуза. Поэтому ехала на первой лошадке вместе с Феилином, беспечно смотрела по сторонам и что-то мурлыкала себе под нос.

— А ты и в бою неплох, — повернувшись ко мне, заявила она. Мы с Терезином ехали на второй лошадке следом за ними. — Только если голову не начинаешь терять. Становишься чересчур бесстрашный. А ты всё-таки командир, а не рядовой солдат.

Я не стал ей сразу отвечать. Я не хуже её понимал, кто я для этого мира. И что мне надо себя беречь. Не рисковать понапрасну.

Но сообщать всем и каждому, что происходит со мной, когда организм ощущает угрозу, я пока не собирался. С Мириам, в принципе, был готов поделиться. Она не глупа. Выслушает и пораскинет мозгами. Но не раньше, чем мы покинем эти недружелюбные места.

— Милих всегда приходит на помощь вовремя, — уважительно произнёс Иберик, видимо, вспомнив спасительный щит, ставший на пути опасной стрелы. — Уже в который раз.

— Я видел, как ты бился, — Терезин тоже обернулся. Глаза его были полны неподдельного уважения. — Жаль, я так не умею. Да и не смог бы, наверное, мечом пронзить человека... Никогда не мог понять, почему другим это даётся так легко — отбирать чужую жизнь.

Все сразу замолчали. И мне почему-то показалось, что ждут слов анирана. Что именно я должен успокоить пацана и дать достойный ответ.

Слова я не подбирал, но постарался аккуратно и доходчиво объяснить, "что", "как" и "почему". Ведь момент был действительно важный: Терезин, как никогда, был готов внимать мудрости посланника небес.

— Человека оценивают не по благородной крови или социальному положению, а по поступкам, — сказал я. — Все, кому приходится брать в руки меч, делают это осознанно. Одни — грабят и убивают ради ничтожных золотых кругляшков. Другие совершают не менее мерзкое дело — уничтожают несогласных во имя придуманных другими догматов. Но есть ещё те, кто берёт в руки меч, чтобы защищать Родину. С пылающим огнём в сердце и горящими глазами, такие куда крепче сжимают рукоять. Они верят, что борются за правое дело. Ибо так оно и есть... Поверьте, Ваше Высочество, — я опять перешёл на официальный тон. — В вашем мире я уже насмотрелся на всяких головорезов. Слышал о ещё более ужасных. И наша с вами задача... Да, моя, как анирана, и ваша, как носителя королевской крови, — не оставаться в стороне. Мы обязаны быть теми, кто мы есть. Это наша ноша. Мы должны крепко держать в руке меч не потому, что хочется. И не потому, что нравится. А потому, что надо... Да, мы можем сомневаться в своих поступках. Но мы не можем пугаться тяжести принятия решений. Ведь мы — всегда на острие. Мы те, кто поведёт за собой. Мы те, за кем пойдут. И вы, Ваше Высочество, обязаны стать тем, кто не убоится подобной ответственности. Вы возьмёте меч, когда это будет необходимо. Вы не побежите, хоть вам и страшно. Вы встретите любую опасность, потому что должны!

Сказал я, в принципе, неплохо. Мне даже самому понравилось. И хоть я не видел глаз сидящего впереди Терезина, плюс он не прокомментировал никак, зато увидел уважительный взгляд Мириам. Она вцепилась в плечи Феилина, неудобно сидела в полуобороте и прожигала меня глазами. Ни тени иронии не было на её лице.

Опираясь на эти данные, я пришёл к выводу, что до принца удалось достучаться. Теперь я был уверен, что он вспомнит своё прошлое и настоящее. И, несомненно, задумается о будущем.

Мы ехали на полудохлых клячах чуть быстрее скорости черепахи. Феилин молчал всю дорогу и внимательно смотрел по сторонам. Что-то в этом лесу ему не нравилось, как мне показалось. Мы не гнали, но и не устраивали привалов, считая, что у нас есть гандикап максимум в один рассвет.

Но едва в густом и тёмном лесу стало ещё темнее от приближающейся ночи, где-то далеко за нашими спинами раздался знакомый протяжный звук рога. Рог трубил о том, что преследователи не забыли о нас и собираются преследовать дальше.

Феилин обернулся так резко, что едва не сломал шею. А Мириам чуть не упала.

Мы торопливо спешили, сгрудились у последней лошадки и смотрели назад. Дорога погружалась во тьму практически на наших глазах — очень быстро приближался закат.

— Надо уходить, — выстрелил Феилин. А затем добавил после того, как я, было, подумал, что уходить надо галопом на клячах. — Уходить в лес.

— Теобальт предупреждал... — Иберик растерянно почесал лысую головушку.

— Со следующим рассветом завал разберут, — не сомневаясь, отрезал следопыт. — И пустятся в погоню. А если мы не сойдём с дороги, до деревни рискуем не добраться.

Взгляды попутчиков обратились на меня. Ведь именно я должен был принять окончательное решение.

Я посмотрел на вечернее небо, оглядел окружающую нас чащу, а затем ещё раз посмотрел назад.

— Надеюсь, десятник, вы успели уйти достаточно далеко, — жизни очередных людей, которых я подставил, беспокоили меня. Но сейчас их судьба в их и только их руках. Даже Фласэз Милосердный им не поможет. Мы же должны помочь самим себе. — Веди, Феилин! Ты в каждом лесу чувствуешь себя, как дома. Аниран доверяет тебе. Вперёд.

Мы углубились сразу. Следопыт даже не вынюхивал дорогу. Он просто вёл нас за собой до глубокой ночи. При помощи врождённого инстинкта вывел на неизвестную полянку, понюхал носом воздух и осмотрелся.

— Огня не зажигать. Сидеть тихо и смотреть по сторонам. Я вернусь и замету следы. Скоро буду.

Но обвязал поводья лошадки вокруг деревца и растворился в ночи.

— Хотел бы я так уметь, — в очередной раз вздохнул Терезин...

Ночка выдалась не из простых. До возвращения следопыта поспать удалось лишь Сималиону. Он, как опытный солдат и умелый рубака, знал, как важно экономить силы. Съел приличный шмат копчёного сала с хлебом и отрубился.

Остальные же тряслись. И это не метафора. Иберик стоял на страже, обнимал дерево и утверждал, что всматривается в темноту. Но поскольку ничего не видел, его потуги храбриться выглядели жалко.

Мириам и Терезин тряслись возле меня. На привале опустились на задницы рядом с анираном и прижимались всем телом. Она — с одной стороны. Нерешительный и пугливый парень, всё ещё остававшийся пугливым и нерешительным, — с другой. Мириам, правда, ещё мою ладонь крепко сжимала. Как и Иберик, пыталась что-то высмотреть в темноте, но так же безуспешно. А Терезин, видимо, просто чувствовал себя уверенней, когда прижимался к более смелому плечу. Сам он только ступил на путь перемен и нуждался в эдаком наставнике.

А я ловил себя на мысли, что мне приятно быть его наставником. Приятно видеть, что он меня слушает. Не перебивает и относится со всем почтением.

Подобные чувства для меня были не в новинку. В каком-то смысле, мне повезло стать

наставником для нескольких начинающих футболистов. Не для детишек ясельного возраста. А для тех, кто уже переступил подростковый порог и становился юношей.

И я помнил, что мне это нравилось. Меня внимательно слушали, смотрели уважительно. Мне удавалось направлять молодёжь на правильный путь. Рассказывать об игре, как таковой, рассказывать о собственном пути, делиться премудростями. Без лишнего стеснения сам о себе я мог сказать, что пару-тройку юношеских душ смог столкнуть с пути, ведущему к увлечению сигаретами и алкоголем, и направить на путь спорта и здорового образа жизни.

Сейчас, приобнимая парня за плечи, я испытывал подобные чувства. Для него я уже стал чем-то большим, чем просто аниран. Может, ещё не отец, но уже ближе, чем просто друг. И я был готов с полной ответственностью продолжать двигаться в этом направлении.

Мириам же, когда мы долго-долго ожидали, впервые показала своё женское лицо: ей было страшно. Она боялась не только темноты и неизвестности, но и возможного возмездия. Она сжимала мою руку, изредка глазами ловила взгляд. Но мне лишь одного взгляда хватило, чтобы понять, о чём думает женщина. Она ожидала от меня мужских поступков: уверенности в себе, через которую она тоже обретёт уверенность, непоколебимость в решениях и защиты во всех смыслах слова. Слабая худая рука, сжимавшая мою руку, и глаза, в которых затаился страх вперемешку с надеждой, очень ярко демонстрировали, что никакая она не "железная леди". Что она — обычная женщина. Такая, как все. И так же хочет чувствовать себя защищённой.

— Прощу тебя, — она зашептала мне в самое ухо, когда, видимо, нервы начали сдавать окончательно. — Не отдай меня им. Я не выдержу. Не выживу вновь в подземелье.

Я крепко сжал её руку в ответ.

— Никто тебя и пальцем не тронет, — даже я проникся уверенностью от собственного голоса. — Человеку из плоти и крови никогда не одолеть анирана. К тому же такого, как я. Все, кто пойдёт на меня с мечом, от меча и погибнут. Тебе нечего опасаться.

Мои слова её немного успокоили. Мириам даже позволила себе улыбнуться. А затем посмотрела таким взглядом, который в её исполнении я видел лишь однажды — посмотрела с восхищением. Не просто, как на мужчину. А как на идеального мужчину. Сверхчеловека. Такого, которого в этом мире она ещё не встречала.

Станный, слегка неловкий момент, когда, как мне показалось, голова Мириам начала клониться навстречу, испортил Феилин. Этот чёртов человек-невидимка испугал не только Иберика, но и меня.

— Всё тихо, — прошептал он, пока остальные боролись с последствиями едва не случившегося инфаркта. — Следы замёл. Нас не выследят. Видел зарево над кронами. То ли застава горит, то ли не знаю.

— Феилин, — из-за абсолютной темноты я придвинулся к нему практически вплотную, пока он шарил в сумке, выискивая жратву. — Мы потеряли из виду дорогу, но наша цель неизменна. Ты выведешь нас к деревне?

— Направление я запомнил. Сориентируюсь по кронам. Только чуть дальше идти придётся.

— Может, вернёмся на дорогу? — предложил Иберик.

— Завтра посмотрим. Пока мы обезопасили только ночлег. Я не знаю, какие звери тут бродят. И кто такие эти — как их там? — "отступники". Может, они следы читают не хуже меня. Тогда будем действовать как сложится. Но одно я знаю наверняка: спать сегодня не придётся...

Часть 5. Глава 26. Не время и не место демонстрировать слабость

Феилин ошибся лишь в одном — спать не пришлось лишь мне. Остальные, убаюканные заверениями анирана, всё же подремали до самого рассвета.

А затем этот пришедший рассвет донёс до нашего импровизированного лагеря звуки далёкой схватки. Где-то кричали. Раздавалось жалобное ржание лошадей, отрывистые команды, звуки ударов металла о металл и странный свист — то ли стрелы летали залпами, то ли жужжал рой пчёл.

Меня эти звуки застали врасплох не меньше, чем остальных. Первым вскочил Феилин и принялся озираться. Затем вскочили мои верные воины, ещё не до конца проснувшись, но уже извлекая из ножен мечи.

— Тихо! — резко скомандовал я, вращая ушами, как локаторами. — Заткнулись все!

Тишина помогла сориентироваться: звуки боя шли позади. Оттуда, где ещё вчера ступала наша нога.

— Солдаты короля? — предположил Сималион.

Мне хотелось верить, что воины десятника Теобальта послушались приказа и пошли за нами следом. И теперь сражаются за анирана с наступающими врагами. Но с другой стороны я считал, что, путешествуя с тремя гражданскими в места, где те гражданские живут испокон веков, да ещё имея при себе отобранное у храмовников золото, вряд ли солдатам захочется понапрасну жертвовать жизнями. Солдат — существо, отчасти, верное. Но всё же прагматичное. Им нет никакого резона следовать за нами в отдалении, чтобы встретить неизбежную погоню.

Поэтому я уверенно отверг подобное предположение.

— Отступники? — предложил свой вариант Иберик.

Здесь я не знал как прокомментировать. Хотелось бы верить, конечно. Да не факт...

— Уходим. Немедленно!

За всех всё решил Феилин. Копыта лошадей вновь были обвязаны тряпьем, поклажа брошена на спины, а беглецы двинулись пешим ходом.

Звуки схватки преследовали нас недолго. Они уверенно отдалялись, как и мы от них. И чем светлее становилось в этом густом лесу, тем плотнее нас обволакивала тишина.

Целый день мы пробирались сквозь лес, ведя на поводу упирающихся и недовольных лошадей. Каждый из нас часто оглядывался, опасаясь наихудшего. Но преследователи не появлялись. Лишь шелест крон сопровождал наше движение. Да крики незнакомых птиц, заставлявшие Феилина — знатока природы — озадаченно хмуриться.

Единственный привал мы устроили, когда день переступил экватор. Да и то по уважительной причине, а не по прихоти уставших слабаков: Феилину потребовалось сориентироваться. И он полез на дерево.

В этом моменте он был так же ловок, как неуклюж в жизни за каменными стенами. В городе он чувствовал себя растерянным, а на природе ориентировался едва ли хуже Тарзана.

Но когда он сполз по стволу вниз, улыбка на его лице растянулась до ушей: как он

сказал в последствии, мы на верном пути. То есть хоть и отклонились значительно, всё же он смог рассмотреть широкое русло реки. И это была совсем не та торопливая река, которую мы пересекли. Мы точно не сделали круг.

Так что мы немного сменили направление и до самого заката шли без усталости. Шум схватки затих, в округе не было ни души, а настроение значительно поднялось.

На ночь мы расположились у огромного дуба. Демаскировать себя огнём нам было строжайше запрещено, а потому мы опять питались всухомятку. Да и это, в принципе, было неплохо. Ведь могло так случиться, что и питаться нам бы пришлось сухостоем и листьями из-под ног, если бы мы не позаботились о еде заранее.

На страже опять стал я. Но в этот раз остальные мужики настаивали, чтобы я не брал на себя самое сложное, а разделил участь с ними. И я, через пару часов по моим прикидкам, разбудил Феилина. Расположился на его месте, и почти сразу почувствовал, как на грудь легла рука — Мириам, немного стесняясь, придвинулась ближе и опустила голову на моё плечо. Наверное, она чувствовала себя неловко. И даже ни слова не сказала, пока обустривалась. Но взгляд в темноте я всё же рассмотрел. И этот взгляд был весьма красноречив.

Утром я чувствовал себя выспавшимся и отдохнувшим. Отвратительное чувство недосыпания, с которым я постоянно боролся, покинуло меня. Мы быстро собрались, получив заверения стоявшего на страже Иберика, что ночь прошла тихо, и двинули вслед за Феилином. Тот утверждал, что сегодня к вечеру мы должны достигнуть реки. А там, если Фласэз будет добр, и деревня окажется.

Но выбранный им маршрут почему-то оказался совсем непростым: плотный кустарник блокировал путь, стоило лишь лечь на правильный курс. Приходилось петлять, смотреть на терявшееся в кронах солнце, и ориентироваться по крикам неизвестных птиц.

— Вода, наверное, близко, — говорил Феилин. — Иначе откуда в сухом лесу водолюбивые кусты. словно высажены нарочно... Вон, туда. Левее. Вон тропинка. Там можем пройти.

— Нет, погоди, — его остановил именно я. Странное ощущение заставило меня сжать плечо следопыта. Мне казалось, что меня сейчас стошнит — ком в горле застрял, головокружение началось. И в груди как-то странно ёкнуло. — Пойдите тут.

Я всучил Терезину вожжи, обошёл спешившихся Мириам и Феилина, успокаивающе похлопал лошадку по крупу и обогнал её. Тропинка впереди терялась среди густых деревьев. Кустарник по правую и левую руку был столь плотным, что если его весь вырубить, можно построить новое Чудо Астризии. И шёл он вдоль дороги, словно знаменитые французские живые изгороди.

Я ничего не слышал. Клянусь, я почувствовал.

Палец левой руки сам по себе прикоснулся к метке, отвечавшей за активацию энергетического щита. Но грамотно выставить перед собой руку я не успел: в левое плечо, практически у самой ключицы, что-то ударило. Уколело знакомо. Будто я вернулся к той проплешине на возвышенности, где двум братцам — Бриону и Имхаду — не повезло напасть на меня.

Не скажу, что боль была адской, но она была. Меня больше испугал шок

неожиданности.

Но всё же щитом я успел вовремя прикрыться: последующие стрелы — штук пять, не меньше, — ударили в оранжевое силовое поле и брызнули оплавленным фейерверком.

— Засада! — услышал я вопль Феилина. И даже успел заметить, лишь немного покосив глазами, как он ныряет под защиту дерева и увлекает за собой Мириам, а его лошадка, издав предсмертный вопль, заваливается на бок.

Что дальше происходило за моей спиной, я не заметил.

Щит я выставил правильно. И выставил вовремя. Но всё же щит не закрывал аниранскую тушку полностью. Он оставлял для врага возможности. И незаметный враг этими возможностями воспользовался: одна из стрел следующего залпа нашла лазейку и пробила аниранское бедро.

В этот раз я на боль обратил внимание. Даже слишком.

— Су-ка-а-а-а! — заорал я, припав на одну ногу. И вопли эти — а может, и боль — разбудили спящего внутри зверя. — Кто посмел поднять руку на анирана!? — заорал я не своими голосом. Щит, отбивший рой стрел, плясал в моей руке, обезглавливая кусты и тонкие деревца. — Кто осмелился, рабы, напасть!? Кто хочет сгореть в огне небесного пламени!

Боль, неожиданность атаки, невидимость подлого противника разозлили меня. Кулаки вновь сжались сами по себе, активируя все метки сразу. И я, похожий на фантастическое чудовище из детских сказок, попёр напролом.

Я кружил на месте, я наскакивал на кусты, заглядывал за деревья. И рубил всё подряд. Тлеющие ветки и тлеющие листья окружали меня. Почерневшие стволы с жутким хрустом заваливались. А мгновенно появившийся дым и пламя, лизавшее древесину, окружало, словно самый верный союзник.

— Кто!? Кто!? Кто-о-о-о!? — орал я, вращаясь юлой. Я хотел лишь одного — найти ту тварь, которая осмелилась причинить вред посланнику небес.

Но я никого не находил. Я не слышал даже криков. Не слышал свиста стрел. Не слышал потому, что их больше не было: невидимый враг отправил навстречу два или три залпа. А потом всё прекратилось. И, скорее всего, прекратилось благодаря моему яркому сольному выступлению.

Я буюнил до тех пор, пока боль не победила безумие. Я опять что-то почувствовал и, поморщившись, посмотрел на левую ногу. И заметил торчавшее из плеча оперение. Это действительно была стрела. Ровная и длинная.

— Р-р-р-р, — натурально прорычал я. Схватился за древко правой рукой и попытался переломить. Правда забыл, что не Господь Бог и что чувствую боль. — О-о-ох.

— Милих! — обеспокоенный голос Феилина пришёл сзади. А затем подскочил его обладатель. — Не прикасайся! Не трогай!

— Феилин, засада! Укройся! — я попытался его оттолкнуть.

Но тот вовремя отскочил, чтобы не напороться на энергетическое оружие.

— Нет никого. Никто не стреляет. Отошли, наверное... Не трогай! Не трогай стрелу!

Это он уже предупреждал, когда я, было, попытался переломать древко стрелы, торчавшей из бедра. Но я его не послушал, а затем скорчился на земле, ведь проиграл схватку с болью.

— Пробито. Пробито насквозь, — подскочил Сималион. — Убери! Убери... дар! Дай осмотреть.

Сознание я не терял, что меня немного печалило, конечно, а потому отчётливо слышал все советы. И понимал их. Вновь прикоснулся к меткам и завалился на правый бок, чтобы не было так больно.

Подскочили Иберик и Мириам. Офонаревший Терезин испуганно выглядывал из-за толстого ствола и не решался подойти.

— Ай, блин, — я сцепил зубы. Всё же я не свинья на бойне, чтобы так визжать. А непобедимый воин и образец для подражания. Уметь терпеть мне сам Бог велел. — Что там? Пробито, да? Пробито насквозь?

— Да, — Сималион прижимал меня к земле, чтоб не шевелился. — Кровит. Сильно.

— А плечо как?

— Сейчас осмотрю, — Феилин тыкал в меня пальцем, тоже причиняя боль. — Не сквозное. Застряло у кости.

— То-то мне кажется, что наконечник трётся обо что-то, — процедил я. — Болит капздец.

— Как-как?...

— Неважно. Что там? Что вообще произошло?

— Нас стрелами осыпали, — выдохнул Сималион. А затем бросил быстрый взгляд назад. — Двух кобылок положили. Мы все, к счастью, успели укрыться... Терезин. Терезин! Возьми под уздцы её! Сбежит же!

На сражение принца с клячей я не стал смотреть. Меня отвлёк взгляд Мириам. Столько неподдельного ужаса в глазах женщины я давно не видел. Она была бледна, а рот так и не смогла закрыть.

— Но это точно не храмовники, — быстрый вывод сделал Феилин. — Если бы это были они, сейчас бы выживших добивали мечами.

— Те самые "отступники"?

— Кто их знает, — пожал он плечами. — Но они действительно отступили. Отступили, узрев анирана во гневе.

Тут уже я поморщился: да уж, устроил истерику перед подчинёнными. Или то не я был вовсе. А та хрень, с комфортом устроившаяся внутри... Вырезать бы тебя оттуда падлу...

Я втянул ноздрями воздух и постарался успокоиться. Ведь ранения я получал намного более опасные. Мне лёгкое дырявили. Ядом травили. Но я справлялся.

Справлюсь и сейчас. Главное — в сотый раз напомню самому себе — перетерпеть.

— В сон не клонит? — обеспокоенно поинтересовался Сималион.

— С чего бы это? — удивился я.

— Крови много... И бедро сильно кровоточит. Надо извлечь стрелу и прижечь. Притом немедленно.

— Прямо здесь? — бледная Мириам еле держалась на ногах.

— Именно. Огонь уже есть. Разводить не надо. Только клинок раскалить.

— Воу-воу, подождите, — я попытался возразить. Я верил в силу своей регенерации. Верил в силу иглы... Вот только, блин, не хотелось тратить её полезность по пустякам. Сколько там времени надо на восстановление невозполнимой энергии? Вдруг пригодится ещё?

— Ждать нельзя никак, — решительно заявил Сималион, и взял бразды управления в свои руки. — Мириам... Мириам, — он протянул ей кинжал. — Ветку быстро срежь. Милих зажмёт зубами... Иберик, вон бревно уже обугливается. Кинжал туда воткни и сухостоя

подкинь. До красна чтоб... Феилин, начнём с бедра...

— Ало, лапотники, — опять попытался возмущаться я. И, скорее всего, возмущался потому, что боль нарастала. То ли кровь действительно быстро вытекала, то ли шок проходил. — Что значит "начнём с бедра"?

Сималион поморщился. Но всё же нашёл в себе силы продолжить.

— Наконечник вышел из бедра. Но не полностью. Его надо протолкнуть... Извини, милых, но стрелу надо проткнуть глубже и обрезать у наконечника. Затем вытащить и прижечь две раны — входящую и выходящую.

Я судорожно сглотнул. Мне почему-то показалось, что это ещё не конец.

— С плечом сложнее, — Сималион прикоснулся к окровавленной рубашке. — Наконечник застрял внутри. И его тоже надо протолкнуть. Но более осторожно и... — он помолчал. — Медленнее. А затем, как ты понимаешь, тоже прижечь... Металлом раскалённым.

Чувствовал я себя совсем скверно. Но не от боли, а от осознания сложности ран. И на секунду даже мелькнула мыслишка воспользоваться спасительной иглой.

Но затем я представил, что будет. Что будет, если стрелы останутся внутри, когда меня настигнет спасительное забытьё. Да, игла ударит туда, куда я прикажу. И, скорее всего, излечит. Но как это будет происходить? Стрелы сами по себе покинут аниранское тело, покуда обладатель этого тела будет счастливо лыбиться от дозы инопланетной анестезии? Выползут, словно черви из влажной земли? Нет, этого не может быть... Кровь, тогда, сама их вытолкнет? Или просто растворит, как кислота? Переварит и дерево и кусок хренового металла?

Я встряхнул головой: нет, так не пойдёт. Что-то чересчур уж жуткая картина вырисовывается. Пусть удаляют. Я выдержу. Всё же я аниран, а не кисейная барышня.

Сзади раздалось лошадиное ржание. Я повернул голову и увидел круглые глаза Терезина. Тот держал под уздцы лошадку и пялился на меня.

Судя по виду, пацан опять поплыл. Он крови боится, что ли? Тогда неудивительно, что всю свою сознательную жизнь провёл, как соплежуй. Не кремень, а тесто, реально. Его бы сейчас на моё место — в обмороке бы уже валялся.

Но, в принципе, моё положение может пойти на пользу: аниран — это образец мужественности для него. Абсолютная величина. Аниран не может умереть на его глазах. Не может визжать и корчиться от боли. Он всё стойко перенесёт, а потом ещё раз объяснит испуганному пацану, что значит быть мужчиной. И если это не поможет, тогда не поможет ничего.

— Ты знаешь, что делать, Сималион? — я принял решение.

— У меня за плечами столько сражений... Я не такое видел. И не такое проделывал.

— Тогда действуйте, — дал я добро. — Но не забывайте, что аниран — тоже человек. Не такой, как вы, но боль он чувствует.

— Тогда крепись, аниран, — лаконично посоветовал он.

Операционный стол в виде грязной земли быстро подготовили. Дрожащими руками Мириам передала деревяшку Сималиону. Тот приказал мне сжать её зубами, а Мириам — уложить мою голову к себе на колени и держать, чтобы не металась. Дама, абсолютно тихая и кроткая именно сейчас, без слов повиновалась.

— Металл раскалён, — сообщил Иберик. — Я готов.

— Отлично. Феилин, разрежь штанину. Иберик, когда скажу, прижигает входное

место. Потом — выходное.

— Понял.

— Так, — Сималион вынул из ножен второй кинжал и примерился, чтобы нанести удар по древку. — Ударю эфесом, чтобы наконечник вышел полностью... Будет больно, милих.

— Фля меня это не фюлплиф, — я даже не стал выплёвывать деревяшку, чтобы ответить.

— Ясно... Ну, что ж, — Сималион ещё раз посмотрел в мои глаза, чтобы убедиться в готовности терпеть боль. — Триединый — с нами. Ибо нет в мире иного милиха.

Хоть я готовился, всё же не ожидал, что будет так больно. Короткий замах и отточенный удар. А затем деревяшка, зажата между моих зубов, чуть не треснула. Я преодолел сопротивление слабых рук Мириам и посмотрел на бедро: наконечник выскочил полностью, а с ним и плотная струйка драгоценной аниранской крови.

Сзади раздался характерный звук: блевал Терезин. Несмотря на чудовищность ситуации, я чуть не захихикал, удивляясь, как он ещё остаётся в сознании.

— Есть! — победно воскликнул Сималион. — Феилин, теперь ногу держи крепко. Сейчас я быстро...

Сималион принялся пилить древко стрелы у наконечника. Но поскольку пилил кинжалом, а не пилой, быстро не получилось. Он измазался в крови, но всё же смог перепилить до половины. А потом просто переломил.

— Теперь вынимаю. Готовься, милих. Готовься, Иберик. Феилин, сразу тряпицу к ране, как вытащу.

— Держись, Иван. Держись, — всё ещё бледная Мириам впервые подала голос. Глаза были полны сочувствия.

Деревяшку я хоть не переломил, но выплюнул на хрен, когда друг за другом последовали два всплеска боли. А вонь от горелого мяса, собственного горелого мяса, проникла в ноздри моментально.

— Быстрее, быстрее, — командовал Сималион. — Теперь выходное место. Дай кинжал, Иберик. Тряпицу на входное положи. Сразу будем обматывать.

— Главное перетерпеть... Главное перетерпеть... — шептал я сам себе заклинание.

— Он выплюнул! Верни на место! Мириам!

— Простите, — Мириам, видимо, отвернулась в самый главный момент экзекуции и не уследила за пациентом. А теперь лихорадочно шарила по земле, выискивая палку. Затем нащупала, и вместе с землёй засунула между моих зубов.

Балда...

Когда бедро прижигали вторично, я почувствовал, что теряю сознание. Опять всплеск дикой боли, а затем вялость и расслабленность. Слово мне вообще пофиг, что будет дальше.

Но удар по щеке привёл в чувство.

— Живой? — задал риторический вопрос Сималион.

— Живее Триединого, — промямлил я.

Такой ответ вдохновил Сималиона на продолжение. Он даже улыбнулся.

А затем совсем не обрадовал меня.

— Самое лёгкое позади, — сказал этот юморист. — Ногу Феилин уже обвязывает. Теперь посмотрим внимательнее на плечо.

Орудя ножом не хуже, чем хирург скальпелем, он срезал с меня половину рубахи. Внимательно осмотрел входное отверстие, за спину заглянул. И убедился в необходимости

появления выходного отверстия. Ибо наконецнику в теле анирана делать нечего. С таким подарком рана начнёт гноиться уже на следующий рассвет. А что будет ещё через рассвет, даже предположить сложно.

— Действуй, целитель, — я хотел продемонстрировать окружению, что бодр и полон сил. И что полностью доверяю им. Но получилось как-то неуверенно: даже Сималион после этих слов не улыбнулся, а озабоченно поморщился.

Но действовать всё же стал.

Этот момент я помню плохо. Наверное, всё же потерял сознание. Может, даже не один раз. Я помню, как на боку меня удерживали все вместе, а Сималион прикидывал, как будет наносить удар.

И ему удалось ударить так, чтобы повторный удар не понадобился. Но чиркнувший по кости острый наконецник избавил меня от необходимости видеть последующее извлечение своими глазами.

Следующее, что я помню, окромя ну просто чудовищной боли, оперение и древко, измазанное в крови и брезгливо отброшенное в сторону.

Прижигание ран вновь отправило меня в небытие, из которого я выбрался, уже когда началась перевязка.

Обеспокоенность попутчиков достигла апогея. Больше никто не шутил и не подбадривал анирана. Не совал ему в рот грязных палок и не подносил к его ранам раскалённый металл. Иберик и Феилин были мрачны. Терезин отсиживался где-то на галёрке. Лицо Мириам вновь словно окунулось в мел. А Сималион повторял, как заведённый: "Кровопотеря... Кровопотеря...". Во всей этой перепуганной компании он один выглядел не до конца перепуганным.

— Листья с дерева Юма есть? — Иберик первым вспомнил о важном лекарственном средстве. И обратился за этим к Феилину.

Но и тот, и Сималион никогда не были заядлыми наркоманами. А Иберик, к счастью, смог избавиться от пагубной и весьма опасной привычки.

Так что несколько секунд я молча лежал на земле и прыгал взглядом с одного на другого.

— Давно не осталось ничего, — как бы извиняясь, пожал плечами Феилин. — А в храмовые сады у Чуда Астризии мы не удосужились заглянуть.

— Тогда нам остаётся надеяться только на...

— Чудо? — успел переспросить я.

— На милость Триединого, — договорил Иберик.

Но я лишь фыркнул. В милость бессердечного божества, наказавшего этих непонятно каким образом провинившихся людей, я не верил. Я верил в себя, верил в силу регенерации, верил в то, что уже успел испытать на себе. Мне не нужны были никакие чудеса. Я сам по себе чудо.

Хоть мною руководили лишь инстинкты и желание жить, я сделал то, что сделал, и по причине того, что не желал терпеть боль. Лежать на твёрдой земле, стонать и терпеть мне совершенно не нравилось. Да, блин, перетерпеть, конечно, можно. Но что-то не хочется. Страдать, страдать и ещё раз страдать — это не по мне. Страдают пусть те, кто не находит в себе сил сопротивляться. А у меня не только есть силы, но и возможности.

— Разойдитесь, — тихо попросил я. Сейчас я был способен лишь шептать.

А затем активировал спасительную иглу.

"Состояние не критическое"

"Поражение мягких тканей"

"Множественная потеря крови"

"Предложение о моментальной инъекции на личное усмотрение симбионта"

Даже игла не считала, что мои раны требуют вмешательства. Ишь, ты! Ещё и предоставила мне — какому-то ничтожному симбионту — возможность самому принять решение. Может, уже считает, что я стал взрослым мальчиком и готов относиться к такому подарку со всей ответственностью?

Впрочем, этот вопрос я задал самому себе. Ведь игла всё равно не умела отвечать.

А затем, силой воли побеждая головную боль, приказал игле нанести удар в искорёженное бедро. Похрен, сколько там времени займёт накопление энергии. Главное, я забудусь счастливым сном.

"Инъекция произведена"

"Использованы блокираторы кровопотери"

"Использован анальгетик, синтезированный из окружающей среды"

"Использованы репаранты, синтезированные из окружающей среды"

"Полное восстановление гарантировано"...

Часть 5. Глава 27. Спасительная река

Сколько я спал, не знаю. Мы напоролась на стаю стрелков-невидимок утром. Путь едва возобновили. А проснулся, когда всё так же было светло. Птички щебетали, кроны шумели... И я почему-то двигался в полулежачем положении.

Я открыл глаза и торопливо осмотрелся.

Лежанка, наспех сплетённая из коры молодых деревьев и веток, служила мне кроватью. Кровать эту тащила за собой пережившая обстрел лошадка. Тащила кровать и худую подростковую тушу, видимо не желавшую идти пешком.

Мириам плелась рядом. Её левая рука держалась за верхнюю часть лежанки, установленную под углом где-то в сорок пять градусов, а пальцы почти касались моей давно не мытой шевелюры.

Замыкал шествие Иберик. Феилин и Сималион, видимо, возглавляли процессию, а юркий парень прикрывал тыл. Именно он заметил, что я очнулся.

— Стойте! — выкрикнул он, спугнув птиц с ближайших кроны. И бросился ко мне. — Милих, скажи что-нибудь!

Лошадка замерла, повинувшись команде "тпрууу". А затем вокруг меня сгрудились сразу все. Даже чуть лежанку не обрушили, черти...

— Иван, как ты себя чувствуешь? Всё хорошо? — чувства Мириам ярко отображались на её лице. Она очень и очень переживала за меня.

— Да, вроде, нормально.

Я лежал, хлопал глазами и прислушивался к себе. Боли не чувствовал. Только странный зуд во всём теле. Такой, будто чешется струп на заживающей ране.

Я скосил глаза на грудь, увидел там повязку и принялся развязывать.

— Осторожнее! — подскочил Сималион.

— Чешется жутко, — пожаловался я. — Помогите.

Хоть не сразу, но мои попутчики выполнили просьбу. Оберегая анирана, сняли плотные повязки, а затем все вместе присвистнули: на месте входного отверстия оставался заживающий струп. Не свежий такой. Не вчерашний. А, минимум, недельной давности.

— Фласэз Милосердный, — прокомментировал Сималион. Затем попросил помочь меня приподнять и осмотрел спину. Даже пальцем прикоснулся где-то у лопатки. — Я опасался, как бы не начало гноиться, — присвистнул он. — Но там даже ожога не осталось. Лишь аккуратное перекрестье. Ещё не до конца зажившее, но уже неопасное.

Пальцы правой руки, повинувшись мысленному приказу, метнулись к груди и принялись чесать кожу вокруг раны. И через несколько мгновений я выдохнул облегчённо:

— Какой кайф... А что с ногой?

Ногу бросились разматывать сразу все. Даже Терезин стоял рядом и с любопытством наблюдал. Всем было интересно, на что ещё способен аниран.

Но бедро ещё не зажило окончательно. Следы от ожогов были заметны, хоть и не болели. А выходное отверстие выглядело совершенно непривлекательным.

— Странная избирательность, — пробурчал я себе под нос, раздумывая над регенерацией собственного организма. Похоже, волна восстановительных процессов начинает идти с головы до самых пят. И этой волне действительно требуется время... Хотя, в принципе, правильно: если последует ранение в голову, самая важная задача — первой

восстановить именно её. А то, вдруг, ещё и мозг окажется повреждён...

После того, как бедро опять обмотали, я попросил друзей разойтись, сполз с лежанки и попробовал постоять на ногах. И даже попрыгал.

Но прыгать оказалось неудачной идеей — рана начала зудеть пуще прежнего.

— Терезин, — обратился я к парню, который смотрел на меня, как на сошедшее с небес божество. Ну, то есть, смотрел точно так же, как смотрел при нашем первом знакомстве. — Ну-ка организуй мне костыль по росту... Ну, трость вырежи из дерева, — добавил я, когда с первого раза тот не догнал.

А затем, когда ретивый пацан убежал выполнять приказ посланника небес, вновь активировал иглу.

"Наблюдается общий упадок сил"

"Инъекция невозможна"

"Энергия истощена"

"Накопление энергии из окружающей среды составит 22 планетарных оборота"

Резкая головная боль заставила меня поморщиться, но восприятию информации не помешала — следующие двадцать два дня я обязан проявлять максимальную осторожность. Иначе, как я уже говорил сам себе после отравления, меня ничто не спасёт. Вонзится очередная стрела в правую ногу — и все удовольствия, связанные с её извлечением, мне придётся терпеть с полным погружением. Похоже, надо серьёзнее относиться не только к трате энергии, но и к запасам наркотического дыма. Того, гляди, надышался бы, и не пришлось бы глупо тратить запасы иглы.

— Ладно, Бог с ней, — неопределённо выразился я. — Что у вас тут? Собрали для меня кровать, вижу. Как вообще дела? Где мы?

Феилин, Иберик и Сималион, перебивая друг друга, поведали, что я почти сутки пролежал поленом. И у них не было иного выбора, кроме как погрузить это полено и везти дальше по курсу. Курс, как добавил следопыт, неизменен — мы шли перпендикулярно реке. И вот-вот должны в неё вонзиться.

— Мы почти у цели, — уверенно доложил Феилин. — Скоро будем на месте.

— А что позади? — я обеспокоенно обернулся.

— Ничего и никого, — ответил Сималион. — Целый рассвет тишина. Впереди нет препятствий, и позади пусто. Феилин рискнул отстать немного, но никого не заметил.

— Угу, — кивнул головой следопыт. — Если в нас стреляли "отступники", ты их отпугнул. Мы не спали всю ночь, но никто так и не появился. А теперь в полной тиши идём. Вообще никого.

— Держи, милых, — Терезин впервые назвал меня так. Он подскочил со счастливой улыбкой на устах. И протягивал топорно срезанную деревянную палку с таким воодушевлением, будто филигранно выточил из слоновой кости посох для самого главного учёного магистра.

Но поскольку, наверное, это был первый предмет, который он создал своими руками с незнамо какого времени, иронизировать или относиться к поступку с брезгливостью, я не имел права.

— Спасибо, — я взъерошил короткие волосы, забрал импровизированный костыль и попытался опереться. Было некомфортно и немного неудобно, но я не стал жаловаться.

— Я переживала за тебя, — видок у Мириам был своеобразный. Не в плане одежды, конечно. А в плане мимики лица. Её лицо сияло. В прямом смысле слова. Эта властная,

непривлекательная и почти наголо остриженная брюнетка светилась. Морщины измождения разгладились, рот не закрывался из-за радостной улыбки, а глаза смотрели с такой влюблённостью, что я неловко зашаркал ножкой. Я никогда не видел Мириам столь счастливой.

— Чтобы одолеть анирана, нужен соперник посерьёзнее, чем пара десятков стрел, — я ответил улыбкой на улыбку. — К тому же, я выполняю важную миссию: спасаю двух представителей уважаемого сословия. Если я не доставлю их в безопасную столицу, по головке меня не погла...

Я не договорил. Не договорил, потому что где-то далеко позади раздался до боли знакомый звук рога. Рог трубил в течение нескольких секунд. И за это время каждому из нас стало понятно, что до конца ещё далеко. Что преследователи, скорее всего, дождались подкреплений и продолжили охоту.

Абсолютно все улыбки улетучились. Каждый из нас вновь стал серьёзен.

— Вперёд, — сквозь зубы проскрипел я. — Быстрым шагом к воде. Никаких перерывов и привалов.

Двигаться быстрым шагом — то есть со скоростью хромого анирана, не желавшего залезать в седло, — нам пришлось недолго. Как правильно сориентировался Феилин, река находилась неподалёку. Мы не только чувствовали её запах, но и слышали всем знакомый шум.

Поэтому где-то к полудню мы покинули лес, вприпрыжку пересекли подлесок, и уныло смотрели на простиравшуюся перед нами водную гладь. Река была столь широка, что даже я в нынешнем состоянии не рискнул бы спасаться вплавь. Но самое главное было в том, что никакой деревни на восемьсот душ здесь не оказалось.

Солнце скрывалось за тучами. Погода была столько же пасмурна, сколь наше настроение в данный момент.

Но зоркий глаз Феилина всё же обнаружил то, чего не заметили остальные.

— Слева! Слева! — он чуть ли не пританцовывал, указывая рукой. — Вон там. Видите?

Никаким песчаным берегом не пахло. Деревья подступали практически вплотную к реке. И лишь за несколько метров до берега начиналась густая зелёная трава. Поэтому сразу рассмотреть далёкие деревянные строения, не удалось. Лишь когда мы сгрудились на более удачной позиции и смотрели вдаль, ситуация перестала выглядеть безвыходной.

— Вижу хаты деревянные! — воскликнул я. — Вперёд, по берегу!

Лошадь и ненужное барахло мы оставили прямо там. Захватили лишь остатки провианта. Выстроились гуськом за спиной Феилина и осторожно шли вдоль берега, прислушиваясь к звукам окрестностей. Но рог молчал и это придавало нам уверенности, что фора у нас ещё есть.

Деревня Ритран оказалась деревней рыбаков. Мы пришли со стороны реки, и первое, что увидели, — не плотный деревянный частокол, а расставленные для сушки сети. С десяток сетей выстроились друг за другом, а на завалинке низенькой избушки дремал седобородый дед. Ему, видимо, доверили охранную миссию. Но он, очевидно, задачу выполнял спустя рукава.

— Они соседствуют с враждебным лесом и храмовниками, но не считают нужным от

них защищаться? — удивлённо смотрел я на спящего деда. Деревни в Западной и Центральной части Астризии не мыслили своего существования без оградительного частокола. А тут, оказывается, живут и в ус не дуют. А как же работорговцы? Или тут всё же безопасней, чем в других концах страны?

— Нам нужна лодка, — затрясла меня за руку Мириам. Чем ближе мы подходили к спасительной реке, тем сильнее она волновалась. — Идёмте же!

Первые жители начали попадаться практически сразу.

Едва мы оставили спящего деда, напоролась на группу играющих в камешки детишек. Они сидели в кругу и кидали гальку в пирамидку, выстроенную из крупных прибрежных камней. Кидали, промахивались или попадали, и шумно спорили о том, кто мазила, а кто снайпер.

Удивительная картина задержала нас на несколько мгновений. Каждый из нас не видел ничего подобного довольно давно. Поэтому мы растерянно стояли до самого момента, когда самый старший из детишек — пацанёнок лет пятнадцати на вид — обернулся, увидел нас и заорал ещё не огрубевшим голосом.

Остальные дети обернулись. Обернулись одновременно. А в следующее мгновение на каменном берегу не осталось никого. Дети кинулись в рассыпную и затерялись кто-где смог. Кто на пузо лёг за перевёрнутой на берегу лодкой, кто в приземистый домик нырнул, кто постарался спастись за деревьями в лесу. А кто рванул по улочке прямо к центру деревни, где раздавались голоса взрослых.

— Другое дело, — хмыкнул я. — А то расслабились, понимаешь. Даже частоколом деревню не окружили. А если б вместо нас пришли работор...

— Стоять, живодёры! — храбрый седобородый дед уже был тут как тут. Он заходил с тыла, двумя руками сжимая совковую лопату. Голосистый пацан, видать, сработал как самый лучший будильник. — Всех положу!

Пока мы стояли вполоборота и не знали, смеяться нам или плакать, шум пришёл с другой стороны деревни. Там уже собиралась толпа. Поддерживая длинные юбки, семенили бабы с серпами и длинными кухонными ножами в руках. Трусцой бежали крупные и не крупные мужики. Кто держал багор, кто меч или острогу. А кто и арбалет заряжал на ходу.

Столь "дружелюбная" встреча не входила в мои планы. В мои планы входило быстрое отплытие и добрая память о себе, как о потенциальном спасителе.

Поэтому я сразу приступил к выполнению плана: самодельный костыль был отброшен, руки расставлены, а пальцы заняли привычное место на метках.

Плотная толпа напоролась на невидимую стену, когда узрела анирана. Напоролась, будто корабль на риф. Идущие первыми отшатнулись, а идущие следом замерли. Кто-то выронил оружие и двумя руками зажал себе рот. А кто-то, как голосистый пацан ранее, заверещал на всю округу, когда я сделал первый решительный шаг навстречу.

Толпа, секунду назад готовая достойно поприветствовать захватчиков, рассыпалась по деревне, как гречка по полу. Длинные широкие юбки были похожи на крылья бабочек, когда их обладательницы порхали.

Лишь пяток самых крупных и самых сильных мужиков остались стоять на месте. Они не отводили взглядов от приближающегося анирана и боролись с дрожащими ногами.

— Элотана мне! — я приблизился к комитету по встрече, но благоразумно не вплотную. — Посланник небес ступил на грешную землю Астризии и удостоил вас чести встречей. Только не видит он, чтобы его встречали достойно.

Ближайший ко мне бородатый мужик первым опустился на колени. За ним, будто листья осенью, опали и другие.

— Прости, аниран, — прошептал тот самый первый мужик. — Не гневайся. Кто ж мог предположить, что дети кричали о тебе... Меня зовут Хашуб. Я — элотан деревни Ритран, что стоит на этом месте уже много зим.

— Встань, Хашуб, — я вновь прикоснулся к меткам, убирая доказательства своего небесного происхождения. А затем протянул элотану руку. — Не надо бояться того, кто пришёл спасти ваш мир. Надо оказывать ему положенные почести и помогать.

— Мать-перемать, не думал, что доживу до этого момента. Хе-х, — боевой бесстрашный дед покинул тыл и перешёл во фронт. Мимоходом дал пинка кому-то из тех, кто ещё оставался на коленях, и подошёл ко мне вплотную, беззастенчиво разглядывая. — А ты точно посланник небес, а не шут гороховый? — улыбнулся он беззубым ртом. — Что это такое у тебя было? Можешь ещё показать?

Снисходительное отношение дедульки не шло мне на пользу. От этих людей мне нужно безоговорочное подчинение. И как можно быстрее.

Поэтому я вновь сжал правый кулак, выпустил клинки и прочертил горизонтальную черту. Черенок лопаты переломился, а совковое полотно упало у ног. Дедок остался стоять, сжимая в руках дымящуюся деревяшку.

— Э-э-х, — с досадой вымолвил он после демонстрации. — Хорошая была лопата. Червей копать ею ещё и копать. А ты так...

Он обидчиво шмыгнул носом, махнул рукой, развернулся и ушёл присматривать за высыхающими сетями.

Наблюдая за ним, захихикал Терезин. Но я показал ему кулак.

— Посланник небес нуждается в чём-то? — совсем другим голосом заговорил элотан Хашуб. — Эй, люди! Люди! Выходите! Не бойтесь. Аниран прибыл! Аниран спустился на грешную землю! Не гневите его и покажитесь!

Хоть времени терять было никак нельзя, всё же представление я провёл. За последний год я поднаторел в демонстрации самого себя. Деревни и города, которые я посетил, исчислялись десятками. И в этом месте я провёл точно такой же митинг, как и в других местах.

Мне и слугам анирана, за кого жители приняли моих спутников, предлагали перекусить с дороги. Баньку сулили, ночлег достойный. Но я уверенно от всего отказывался. Забрался на тележку у колодца прямо в центре деревни и толкнул десятки раз отрепетированную речь.

И разглагольствовал бы дальше, если бы меня не перебил знакомый звук рога.

Элотан проследил за моим озабоченным взглядом до крон деревьев. И тоже нахмурился.

— Враги анирана, те, кто желают скрыть от народа весть о его прибытии, преследуют, — я спрыгнул с тележки и сжал крепкие плечи местного старосты. — Аниран должен уйти, чтобы не пролилась невинная кровь. Должен уйти по реке, — кивком головы я указал на берег. — Элотан Хашуб, есть ли у вас судно, которое может послужить делу анирана? Ходите ли вы по реке? Не просто же рыбачите?

Элотан замаялся. Настойчивый крик рога он слышал так же чётко, как и я. И так же занервничал. Что подтверждало, что нечто подобное он уже слышал ранее. И догадывался, что за этим может последовать.

— У нас четыре ялика и один чердачный струг есть, — собравшись с духом, ответил он. — Кожен рассвет рыбачить ходим, значит. А на струге ежели, то это только далеко. Аж

до самого Равенфира...

— Нам туда и надо! — Мириам крутилась у меня под ногами с самого знакомства с местными жителями. Те смотрели на неё озадаченно и, в некоторой степени, враждебно. Особенно женщины, которым, по неписанным законам Астризии, запрещалось ходить с непокрытой головой. Не говоря уже про короткую стрижку и непонятные шаровары. Тут все носили или длинные юбки, или платья.

Поморщившись, староста окинул её недовольным взглядом. Так что пришлось ретивую мадам спрятать за спиной.

— Чердачный струг, говорите, — память футболиста не подсказала бы, что сие есть такое. Но память профессора Гуляева отлично помнила. — Плоскодонное парусно-гребное судно... Годится. Элотан Хашуб, нам срочно надо в Равенфир. Отвезёте?

— Так туда ж декаду пути, посланник небес! — элотан всплеснул руками. — Срочно никак не получится.

Времени на успокоительную медитацию не было. Так что я ограничился упражнением "вдох-выдох".

— Если отплывём немедленно, то получится, — я очень старался оставаться спокойным, несмотря на то, что остальные за моей спиной пританцовывали. — Гребцы есть? Трёх-четырёх нам хватит. Мы сами будем грести... А провизия? На десять рассветов хватит? На несколько-то человек...

— Дык погружено уже, — элотан почесал бороду. — Вскоре мы планировали отплывать на летнее торжище. Засол пока молодой. Но через пару декад подойдёт.

Озвученная информация помогла сориентироваться. Плавсредство, значит, есть. И оно подготовлено к отплытию. Только загружено практически под завязку бесполезной хренью. И, скорее всего, экипаж утверждён. А поскольку у меня у самого экипаж немалый, придётся не только избавиться от груза, но и от части чужого экипажа. Оставить только тех, у кого руки крепкие. Кто грести сможет, не зарыдав через час, что натёр мозоли.

Раздумывал я пять секунд. Не больше. Затем полез за пазуху, вытащил золотой медальон и протянул элотану.

— Иди сюда, Терезин, — позвал я пацана. — Смотри, Хашуб. Видишь этот медальон? Узнаёшь печать золотую?

— У-у-узнаю... — прошептал он, горящими глазами смотря на золото.

— А вот этого парня ты точно не узнаешь. Это — Терезин, четвёртый сын Его Величества Анфудана Третьего. Задача посланника небес — спасти принца. А теперь это и твоя задача. Прими медальон. Прими и стань тем, кто защитит возможного наследника престола. А когда придёт пора, принц вернётся за медальоном. Вернётся и возблагодарит тебя... Возможно, даже по-королевски, — весьма недвусмысленно намекнул я.

Элотан простой, хоть и крупной рыбацкой деревни, полностью утратил ко мне интерес. Он то смотрел на медальон, то изучал взглядом тщедушного пацана, то вновь смотрел на медальон. И чем дольше он прыгал взглядом, тем грознее становился Терезин. Нерешительный изначально, он хмурился и хмурился. А затем не выдержал и добавил веско:

— А могу и не благодарить. Могу и наказать.

Сработано было неплохо. Видимо, в пути пацан чему-то научился.

Ну а мне пришлось забить финальный гвоздь.

— Иберик, — обернулся я. — Дай кошель.

Я забрал кожаный кошель, где плескалось ещё достаточно золотых монеток, и протянул

элотану.

— А это за что? — он оторопело заглянул внутрь.

— За товар, который не поплывёт в Равенфир.

Разгружали торопливо, потому что рог продолжал гудеть с непродолжительными интервалами. И теперь никакого шума, похожего на летящий рой стрел, не раздавалось. Те самые "отступники" или ретировались, или теперь храмовников было так много, что устраивать засады не было никакого резона.

Но об этом оставалось только гадать. Я руководил разгрузкой и слушал причитания неосведомлённых женщин. Как и детишки, они бродили в отдалении, смотрели, как покрытую свежей солью рыбу сбрасывают на берег, и недовольно стонали. Только элотану удавалось прекращать этот плач при помощи угроз начальственного кулака.

Посудина оказалось крепкой, но не особо вместительной: отделявшаяся переборкой одна крошечная каморка под косою крышей и тесное помещение, где от дождя мог укрыться остальной экипаж. Уключины для четырёх пар вёсел и парус из крепкой ткани на невысокой мачте. Плыть можно, но о комфорте лучше не мечтать.

Но меня всё устроило после быстрого осмотра. Я поблагодарил элотана и, с его позволения, отобрал пяток будущих матросов. Крепких матросов. Которые не только смогут доставить нас в Равенфир, но и вернут посудину обратно.

— По местам! — крикнул я, когда нитьё у сложенных на берегу ящиков усилилось. Задерживаться было никак нельзя. — Бегом залезаем! Бегом!

Но всё же что-то меня остановило от столь трусливого побега.

Я стоял возле борта, смотрел, как взбираются остальные, как бродит по палубе восторженный Терезин и как обеспокоенно смотрит в лес Мириам, и решил, что всё же эти люди заслуживают предупреждения.

По-молодецки спрыгнуть с палубы на камни я был не готов. Поэтому осторожно спустился по трапу, приобнял задумчивого старосту и отвёл в сторону.

— За нами погоня, Хашуб, — честно признался я. — Ты же слышишь, да? Не знаю, как скоро, но они будут здесь. И это — храмовники.

Элотан одарил меня взглядом, но промолчал.

— Послушай моего совета. Послушай совета посланника небес: говори правду. Когда тебя спросят, признайся. Скажи, кто пожаловал в твою деревню. Скажи, кто угрожал тебе небесным оружием и кто отобрал лодку.

— Струг...

— Неважно. Главное, не утаивай ничего. Расскажи и про принца, и про анирана. Только медальон и золото укрой. Отберут, не моргнув глазом. Скажи, что силой своей аниран заставил тебя подчиниться. Что обещал покарать... И скажи, что уплыл в Равенфир. Пусть попробуют догнать...

— Других лодок нет, — элотан Хашуб заговорил уверенно. — Только ялики. Но на яликах вас никогда не догонят. Вы пойдёте под парусом... Скажи, посланник небес, — он уставился мне прямо в глаза. — А это действительно принц?

— Так и есть, — кивнул я. Затем сжал плечи элотана и заговорил не менее уверенно. — И если всё пойдёт так, как я задумал, однажды мы вернёмся. Но не с младшим сыном, а со

старшим — с принцем Тревином, наместником Равенфира. Вернёмся целой флотилией, чтобы избавить ваши земли от гнёта церкви. Мы возблагодарим всех, кто помогал нам, и накажем каждого, кто угрожал. А затем обретём в лесу сторонников и двинемся к Чуду Астризии. Те, кто требует от вас покаяния и смирения, будут наказаны тем, кто требует верить в спасительные перемены. Кто дарит надежду и обещает неминуемое исцеление.

Хашуб меня выслушал молча. И мне хотелось верить, что он понимает, что неизбежные перемены придут в эти края.

— Я обещаю тебе, как обещал многим до тебя: счастливый детский смех и маленькие ножки, бегающие по береговой гальке, вернутся в твою деревню. Наказание бесплодием я исцелю. Ибо сейчас ты разговариваешь не просто с анираном, а с милихом.

Хашуб вновь выслушал внимательно. Затем бросил взгляд себе на грудь и снял недавно повешенный медальон.

— Закопаю поглубже. Чтобы храмовые слизняки не нашли.

Я усмехнулся и хлопнул его по плечу.

— Жди, элотан. Просто жди.

Струг выталкивали с берега практически всей деревней. А опытные и неопытные моряки помогали отталкиваться длинными вёслами. И когда судёнышко поплыло по тихой глади, на корме оставались стоять лишь трое: я, Мириам и Терезин. Все остальные торопливо гребли или ставили парус.

Мы же смотрели на удаляющийся берег и прислушивались к шуму. Но пока, кроме причитаний, ничего не слышали. Рог не подавал признаков жизни.

Я был немного обеспокоен, конечно. И не только за жизнь людей, которых опять подставил. Я смотрел на удаляющийся лес и опасался, что из него сейчас вырвутся плотные ряды носителей белых ряс. Что добегут до берега и кинутся плавать. Доплывут и попытаются взять эту лохань на бордаж.

Но ничего подобного не происходило. Парус был поставлен, вёсла пенили воду, а берег торопливо отдалялся. Жители деревни никуда не уходили, смотрели нам вслед, но руками на прощанье не махали. Даже элотан стоял по колено в воде и молча провожал взглядом.

— Неужели спаслись? — прошептала Мириам.

— Надеюсь, что так, — ответил я. — Если Эвенет действительно обо всём догадался и сам руководил погоней, мы легко отделались.

— Мы лишь фигуры на игровой доске, — Мириам крепко сжала мою руку и благодарно посмотрела. — Но не настолько важны, чтобы он бросил на нашу поимку все силы. У него достаточно золота, чтобы подыскать нам замену. И купить такие фигуры, рядом с которыми утрата нас, не будет значить ничего.

— Верю, Мириам, верю... Этот подонок даже пытался отравить короля...

— Святой отец Эвенет пытался отравить отца??? — Терезин, молча стоявший рядом, встрепенулся. — Как??? За что??? Не может быть!?

Я похлопал его по плечу, но он сбросил мою руку.

— Ваше Высочество, ваш духовный наставник — совсем не тот, кем вы его считали. Поверьте мне. Он не добрый дедушка-целитель. Он — само зло... Когда мы вернёмся в столицу, я дам вам прочесть письмо, где он планирует посадить вас в темницу. И голодом

морить, пока вы не умрёте от истощения. Именно поэтому я отправился на восток — спасти вас от тирана.

Повторное похлопывание тоже не помогло: Терезин буквально бурлил гневом. Он вновь сбросил мою руку и хмурился, смотря вдаль. Сложил руки на груди и молчал.

Поэтому я предоставил его самому себе. Когда придёт время — а его, судя по всему, будет достаточно — я расскажу ему всё. "Как", "почему" и "зачем". А пока пусть подуется. Ему это необходимо. Главное, чтобы осознал, кто истинный враг.

— Но всё же не он главная фигура на доске, — Мириам прижалась к моему плечу. Вместе с ней мы смотрели, как удаляется берег. Как расстояние всё увеличивается, а воины в белых рясах всё не появляются. Погоня если и была, то недостаточно быстра. — А ты.

— Мне ещё предстоит это доказать, — ответил я. — Но, будь уверена, это ещё не финал. Я сюда ещё вернусь. Обязательно вернусь... И далеко не один.

Ухнул парус, впитывая ветер. Прозвучала команда "суши вёсла". Струг набирал скорость и вскоре берег исчез за горизонтом. Исчез, как и далёкий тихий голос вновь прозвучавшего рога.

Часть 5. Глава 28. Мириам

На первом же собрании матросов мы решили, что никаких перерывов и увольнительных не будет. Мы будем грести посменно день и ночь. А я, как самый выносливый, буду грести за двоих. Наша задача остаётся неизменной: как можно быстрее разорвать дистанцию и достичь Равенфира в кратчайшие сроки. Где, как я пообещал втянутым в плавание бедолагам, они получают значительное материальное вознаграждение.

Ну а затем я утянул на разговор Иберика.

— Иберик, мне кажется, пора. Пора тебе связаться с Сумманом. Имеешь представление, где он может быть?

— Если далеко, найдёт меня не сразу. Если близко, вряд ли понадобится больше одного рассвета, — ответил тот. — Он обязательно услышит мой зов... Хочешь узнать новости из столицы и Валензона? И отправить обратно?

— Нет, — сразу отмёл я. Пока мне было совершенно не до новостей. — Нам надо предупредить принца Тревина. Ты сможешь объяснить Сумману, куда надо лететь? И отыщет ли он того, кому послание будет предназначаться?

— Обижаешь... — наигранно насупился Иберик.

— Тогда действуй. Как ты там с ним связываешься?... Я хочу, чтобы Тревин не ждал нас, а встретил. И чем раньше, тем лучше.

Иберик прекрасно справился с поставленной задачей. Как и всегда, в принципе... Уже к следующему вечеру его доверенный сирей обнаружил нас. Кружил, кружил над рекой, а затем безошибочно совершил посадку на выставленную руку.

И он действительно доставил нам письма с новостями. И хоть новости оказались не самыми свежими, всё же мы с удовольствием с ними ознакомились. Убедились, что на всех фронтах пока затишье и облегчённо выдохнули.

Беда была лишь в одном: ответ писать было нечем. Не было ни чернил, не писчего набора. Даже жалкого пера не нашлось.

Так что аниран вынужден был проявить смекалку. Как узник горемычный он заперся в каморке два на два метра, где мы поселили Мириам, которая долго смеялась, что эта крошечная каюта меньше, чем её предыдущее жилище, и строчил письмо. Строчил на обратной стороне прибывшего послания, используя в качестве пера метательный нож Иберика, а в качестве чернил — собственную кровь.

Я постарался быть максимально лаконичным. И максимально осторожным, чтобы не повредить ужасную бумагу. Аккуратно нацарапал несколько строк с просьбой о помощи и промакнул тряпицей, стараясь не размазать. А затем дал на утверждение Мириам. Она прочла мой ответ и, образно говоря, заверила.

— Пусть встретит меня на своей яхте, — посмеялась она. — Там хоть кровать есть нормальная.

Сирея накормили рыбой, чему он совершенно не возражал, и отправили в путь. Иберик о чём-то шептался с ним, затем погладил по голове и выставил руку.

— Чудеса эти сиреи, — уже в который раз подивился я. — Хочу себе такого...

Практически весь день — четвёртый в пути — я провёл на вёслах. Всё же действительно я мог работать, как минимум, за троих. И никогда не забывал, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. А поскольку среди "утопающих" двое мало на что были способны — от слабосильного Терезина вообще не было никакого толку, а Мириам умела только есть рыбу, а не чистить — основная тяжесть пути легла на крепкие мужские плечи. Работали и остальные, конечно, но именно я был и швец, и жнец, и на дуде игрец.

Поэтому ближе к закату я чувствовал утомление. Зуд в теле проходил, ведь раны заживали. Но теперь бедро чесалось сильнее, чем грудь.

Именно в этот момент мне решила докучать Мириам. За пару-тройку дней плавания она начала меня раздражать. Ведь реально была совершенно неприспособлена к дорожной жизни. Да и вообще к какой-либо, где надо что-то делать руками... Плюс к этому радость от спасения наполняло её недюжей энергией. Энергией, направленной на себя любимую: она ела всё подряд, постоянно что-то напевала, кружила по узкой палубе, принимала солнечные ванны, стараясь оголяться целомудренно, и даже купалась. То есть наслаждалась свободой, пока остальные работали.

Я, правда, старался относиться к её порханию с пониманием. Всё же женщине пришлось несладко. Почти год она провела взаперти. И её певучее настроение я терпел.

Но когда она взяла меня за руку, заговорщицки подмигнув при этом, и потащила в конуру, раздражение вновь проснулось.

— Что такое? Что случилось?

Мириам сменила одежды. Мы успели загрузить пару комплектов из последней коллекции местной моды — ночные рубашки, длинные юбки самого простого покроя, фартуки и передники. Элотан Хашуб остался крайне недоволен внешним видом Мириам и подсобил.

Но из одежды она носила только рубашки и юбки. О фартуках и передниках не могло быть и речи.

— У нас есть время поговорить серьёзно, — заявила она, закрывая перегородку, чтобы защитить клочок приватности. — Его немного, ведь с каждым рассветом мы всё ближе и ближе. Но оно есть.

— О чём ты, Мириам?

Она усадила меня на кровать, а сама уселась на стульчике в шаге напротив.

— Тревин будет испытывать тебя, — без подготовки начала она. — Прости, что не предупредила ранее, но он знает о драксадаре столько же, сколько и я.

Я ничего не понял. И, ожидаемо, встряхнул головой.

— Мы спорили с ним до хрипоты, когда я пыталась убедить его в твоём существовании. Тогда, когда по доносу в темнице заперли моего... супруга, — Мириам поёжилась при этих словах. — Я пыталась всё объяснить. Говорила, что видела анирана сама. Что разговаривала с ним... Он поверил мне, конечно. Хоть не поверил Фелимиду... Но и то не сразу. Ибо намного раньше этого мы обсуждали то, что прочли в священной книге.

— Ты и Фелимид поделились с принцем тем, по какой причине вас изгнали в Равенфир? — переспросил я.

— Угу. Мы же росли вместе. Он хотел знать... Он обязан был знать!

— Ну и что с того? — развёл руками я.

— Я уверена, он ждёт не анирана. Не того, кто готов стать милихом. А того, кто...

— ...может стать драксадаром?

Мириам кивнула головой. Сейчас она была серьёзна, а не весела.

— Поэтому я хочу тебя предупредить. Подготовить и предупредить...

— Зачем меня готовить? Я такой, какой я есть. С ним я тоже справлюсь. Справился же с его папашей.

— Боюсь, ты не представляешь, какая пропасть между "папашей", — Мириам вложила в голос слишком много презрения, как по мне. — И сыном.

— Ты когда короля в последний раз видела? — усмехнулся я. — Он давно не такой бестолковый, прости, жирдяй, каким был раньше.

— Охотно верю, — поспешила согласиться она. — Скажу даже больше: я хочу в это верить! Хочу, чтобы всё то, что ты мне рассказывал, оказалось правдой. Хочу верить, что король вновь стал королём, а не подставкой для ног моего отца... Но речь не о нём, Иван. Речь о Тревине.

— Я слушаю тебя, — я предложил Мириам продолжать.

— Это очень опасный, очень умный и очень недоверчивый человек. Ему нельзя врать, его нельзя водить за нос, с ним нельзя играть. Он видит насквозь каждого, с кем достаточно долго ведёт беседу. Он слушает тембр голоса, смотрит в глаза и задаёт каверзные вопросы. Он мастер расставлять ловушки... И, как ты мог ранее понять, скор на расправу.

— Я тебя ему привезу. Разве что за это он захочет со мной расправиться.

Мириам улыбнулась. Секунду назад ещё была полна серьёзности, но моя шутейка пришлась ей по душе.

— Да не перебивай! Послушай, — он шлёпнула меня по руке. — Ты думаешь, почему именно Тревина король послал править ничтожным Равенфиром? Туда только ссыльных и отправляют. Как нас с... супругом... Почему не доверил управление густонаселённым Плавином или, возможно, Винлимаром? Да потому что опасается, что Тревин посеет смуту. Возгордится своими способностями управителя и захочет смести ленивого короля. Ведь — я ещё раз тебе напомню — Тревин очень умён. Он обучался у магистров, а затем прошёл полную службу в Сторожевом Лагере. Он обладает знаниями полководца и учёного мужа. И не верит на слово никому. Верит только поступкам. Поэтому его доверие тебе придётся заслужить. А поскольку он знает о драксадаре то, что знаю я...

— Наконец-то мы подошли к сути, — снисходительно усмехнулся я. Тоже мне: нагнала страху перед каким-то принцем. Я с её папашей сидел нос к носу и не сбежал. А она мне тут пугалки устраивает. — И чём смысл сей басни?

— Басни? Говори понятным языком, — она нахмурилась и опять шлёпнула меня по руке. — Он не верит в милиха, вот что я пытаюсь тебе сказать. В его глазах, как и в глазах самых главных святых отцов, нет спасителя. Есть лишь драксадар. Гордый и спесивый аниран, который погубит не только своих соратников, но и тех, кто спустился с небес вместе с ним.

— Вот! А теперь давай поподробнее.

— Тревин никогда не был особо религиозен. Но всегда был любознателен. К книгам, как я помню, испытывал особую любовь. А книги — это кладёзь знаний. Они помогли ему отточить ум до остроты кинжала. А сомнительная любовь отца научила не доверять никому... Он мой друг. Мой старый-старый друг. Но даже я не могу предположить, как он встретит тебя.

— На месте разберёмся. Что по драксадару? Просветишь меня, наконец?

Мириам поёрзала на стуле. Смотрела на меня и, видимо, проговаривала про себя те

слова, которые готовилась обрушить на мои уши.

— В священной книге говорилось, что только один аниран способен стать милихом. Но каждый из вас может стать драксадаром. Наш мир захлестнут войны. Анираны поведут друг на друга армии и будут безжалостны ко всем, кто не склонится перед ними. Нашими руками они будут сражаться за частицы божественной силы. И тот, кто окажется самым смелым, самым способным, победит. Но когда через много-много зим придёт пора позвать Триединого, аниран изменится. Он увидит дела рук своих и возгордится своими способностями. Он решит, что он — Божество и есть. Он встретит того, кто нас покарал, и предаст его. Он не возжелает удовлетвориться ролью наместника. А захочет править по своему усмотрению. Он захочет, чтобы мы молились и прославляли его. И нанесёт подлый удар создателю. Он станет драксадаром. Тем, кто завидовал и коварно предал. Кто был жесток и деспотичен. Кто алчно желал власти и не смог побороть гордыню. В этом и есть основная опасность для аниранов: согласно книге, никто из них не способен победить себя. Они будут побеждать друг друга, но тот, кто останется, проиграет последнюю битву — проиграет самому себе. Мой отец... Эвенет... Да, думаю, и другие церковные деятели знают об этом. Как и принц Тревин. Поэтому никто из них не желает видеть анирана-победителя. По крайней мере до тех пор, пока живы сами. Ибо проигравшим будет лишь наш мир: Триединый не пощадит предателя, не пощадит нас. Он накажет анирана. А с ним и нас. С небес вновь придёт огонь. И в этот раз не для того, чтобы проверить крепость нашей веры и способность справляться со сложностями. А для того, чтобы окончательно уничтожить. Всё, что ты видишь перед собой... Все поля, леса, реки... Всё сгорит в огне. Сгорит дотла.

После торопливой речи Мириам, ощущения меня беспокоили не самые приятные. Часть из того, что она рассказала, мне было знакомо. Но то, что всё однозначно закончится большим капздецом, для меня было в новинку. Я помню, то самое божество, написавшее книгу, в конце философствовало на тему: милих его всё же встретит или драксадар? Я не думал, что всё так однозначно — что обязательно найдётся тот, кто заартачится. Кто покажет инопланетному божеству дулю и даже постарается уничтожить. То есть, по предположениям Эоанита и ему подобных, как бы анираны не старались, конец неизбежно будет печальным. И Тревин, судя по словам Мириам, считает точно так же.

— Ничего подобного я не читал, — признался я. — От книги не веяло фатализмом, как мне показалось. Я не чувствовал неизбежности. Наоборот: я считал, что книга подталкивает аниранов к действию. Что намекает: всё в ваших и только в ваших руках.

— Так и есть, — кивнула головой Мириам. — Только толковать слова можно по-разному. А с учётом того, что ты читал не полную версию, выводы мог сделать неправильные.

— Да погоди ты! — отмахнулся я. — Ты намекаешь, что, как бы я не пыжился, как бы не старался, как бы не мечтал о глобальном исцелении, ничего у меня не выйдет? Если мне посчастливится дойти до конца, я обречён подойти к нему гордецом, который поднимет руку на пришедшее с небес божество?

— Я ни на что не намекаю, — Мириам старалась говорить спокойным голосом и опять взяла меня за руку. — Я предупреждаю тебя, что так думают другие. Те, кто знают.

— И ты так считаешь? — я прищурился. — Ты ведь тоже знаешь немало...

— Нет! — её голос звучал непоколебимо. Ни секунды она не тянула с ответом. — Я уже сейчас готова поверить в то, что ты, и только ты, способен стать милихом. Ибо я уже видела твои поступки. А поступки — это самое важное в жизни анирана.

— Другие уже считают меня милихом.

— Для них, возможно, ты он и есть. Ты милих для своей... женщины, для своего сына. Ты — милих для прямо Сималиона, Иберика и Феилина, ведь они видели, на что ты способен. Доверие же других тебе ещё предстоит заслужить. А доверие того, кто изначально ожидает увидеть драксадара, заслужить практически невозможно. Поэтому я хотела тебя предупредить, чтобы ты вёл себя с Тревином крайне осторожно. Никаких поклонов, никаких восторженных или суеверных взглядов от него ты не дождёшься. Только недоверие и сдержанность. Уверена, даже рассказ, что ты первым из всех аниранов смог победить божественное наказание естественным способом, не удовлетворит его.

Я почесал наморщившийся лоб: похоже, третий принц, с которым мне вскоре предстоит встретиться, самый недоверчивый. Самый умный, самый опасный и самый самостоятельный. В принципе, как и положено самому старшему.

— Посмотрим. Спасибо, что предупредила. И рассказала, чего я не знал, — поблагодарил я Мириам. — Но забудь про неизбежный плохой конец. Этого не случится. Я видел достаточно и достаточно приобрёл. Мне есть, что терять. А значит, за этот мир я буду биться до конца.

Вновь засиявшее лицо Мириам подсказало, что мои слова она восприняла с воодушевлением. Что именно таких слов ожидала.

— Я верю тебе, аниран. Я уже успела хорошо тебя изучить... Ты самый смелый мужчина из всех, что я когда-либо видела. Самый решительный. Ты вырвал из лап бессердечного Эвенета абсолютно безвольную душу. И ты вдохнул в эту душу достаточно жизни, чтобы она пробудилась... Я знала Терезина ещё в молодые зимы. Он практически не изменился с тех пор. Но он разительно изменился после встречи с тобой. Те рассветы, что он провёл подле тебя, несомненно пошли ему на пользу. Всю свою жизнь ему не хватало именно тебя — достойного примера для подражания. Его отец, как ты понимаешь, никогда для него примером не был. Как и братья. И он потянулся за тем, в ком чувствовал силу — за моим отцом. А сейчас он тянется к тебе. Он чувствует твою силу. И я уверена, только ты способен превратить принца в принца.

— Спасибо на добром слове, — я улыбался и плавал в облаках похвалы.

— Но это ещё не всё, — Мириам опять по-доброму улыбнулась. — Я хочу поблагодарить тебя и от своего имени. Ты мог пройти мимо, но не стал. Ты не забыл меня и не бросил гнить в клетке. Хотя пришёл не за мной... В этом, на мой взгляд, твоя главная сила, как посланника небес, — отзывчивость к нам, жителям этого мира. Ты не проходишь мимо, ты вмешиваешься. Ты меняешь не только людей вокруг себя, но и события. И это качество, я надеюсь, поможет тебе стать милихом. Ибо нет в тебе гордыни. Есть только желание протянуть руку помощи... Благодарю тебя, аниран, что спас меня.

Мириам наклонилась и поцеловала меня в щёку. Прodelала всё так быстро, что после столь добрых слов от неё, я не сразу среагировал.

— Но и это ещё не всё, что я хотела бы сказать... Вернее, хотела бы попросить. Пожалуйста, помоги мне. Выполни небольшую просьбу.

Мириам встала, головой практически коснувшись потолка. Затем принялась развязывать верёвку, служившую поясом для юбки. Развязала её в два счёта и сбросила под ноги, при этом не сводя с меня слегка обеспокоенного взгляда. А пока я тихонько охреневал, собрала в гармошку длинную рубаху и стащила через голову.

Зрелище было не самым изысканным: никаких вьющихся длинных волос на голове,

никаких пышных форм. Мальчишеская причёска, не особо привлекательное лицо. Исхудавшие плечи, маленькая грудь с торчащими сосками. Выпирающие рёбра и узкие бёдра. И слишком пушистый, на мой вкус, треугольник между ног. Лишь живот с идеальным пупком приковывали взгляд. Живот был плоский, без капли жира. Никаких растяжек. Было очевидно, что передо мной стоит не рожавшая женщина, в последнее время придерживавшаяся очень строгой диеты.

Поэтому никаких моментальных позывов я не ощутил. В моей жизни случались женщины куда привлекательнее.

Мириам, видимо, это почувствовала. Каждая женщина сразу понимает, хотят её или нет. Но обижаться на мой, в определённой степени равнодушный, взгляд, поднимать тряпки и со слезами на глазах убегать, не собиралась.

— Я хочу получить шанс испытать счастье, — тихо зашептала она. — Не скоротечное счастье, а вечное — я хочу, чтобы ты попробовал подарить мне дитя. Чтобы сделал счастливой, как сделал свою женщину...

— Мириам..., - неловко поелозил я задницей на твёрдой кровати. Момент, конечно, был интимный. Но мы уже доверяли друг другу достаточно, чтобы быть откровенными.

Но продолжить речь мне не позволили.

— Я знаю, что никогда не привлекала тебя, как женщина. Что ты смотрел на меня, максимум, как на соратника. Но, позволь, я попробую? Я смогу пробудить в тебе желание. Я умею это. Я тратила зимы на плотские утехи, считая, что времени у меня достаточно. Я ошибалась. Но умений не растеряла. Я всё сделаю сама. Только позволь.

Подобные заявления меня мало волновали. Я и сам умел растормошить бревно... Меня больше волновал моральный аспект проблемы.

Просьба Мириам не стала для меня удивительной. Как может удивляться единственный фертильный мужчина в этом мире, что обычная женщина просит его выполнить своё предназначение? Я подобного посмотрел ещё в лагере. Потом в столице. Потом в Валензоне. Та же Алара не слезала с меня несколько дней. Образно говоря... И хоть ей навстречу я не пошёл, в основном из-за её мерзкого характера, всё же помогал королеве по собственной воле, а не потому, что меня пичкали "виагрой" и требовали "не вынимать". Так что нет ничего удивительного, что Мириам захотела того же. Ведь она, в отличие от королевы, точно знает, на что я способен.

Другое дело, что будет потом. Что будет, если всё же получится. И она, и я несвободны, мягко говоря. Не знаю, всё ещё любит ли она Феилина, но Дейдру я, несомненно, люблю. Ладно, пофиг, если не получился. Тогда никто ничего не узнает. Тайну мы сможем хранить. Но если всё же получится? Если у Мириам начнёт расти пузо. Что подумают остальные? Как быстро догадаются? Ответ очевиден — догадаются моментально. И что тогда будет делать Фелимид? Даст бабе в морду, а меня вызовет на дуэль? Или наоборот: порадуется за супругу, накупит бухла и будет готовиться стать отцом?

А Дейдра? Даже до Валензона слухи дойдут. Такого не утаить. И она тоже не дурочка, хоть молодая совсем. Сразу всё поймёт. Что тогда она скажет? Смертельно на меня обидится и подаст на развод? Или скажет: "Так и надо, милый. Вон, у стены стоит очередь претенденток. Иди, осеменяй."

Зная Дейдру, вполне могу предположить, что так она и скажет. Но, ясен хрен, ничего подобного я делать не стану. Буду чувствовать себя, как кусок говна, изменивший любимой. Буду бороться с совестью и стараться всё забыть. И ради чего, спрашивается?

— Мириам, ты — привлекательная женщина, — я постарался говорить спокойно.

— Когда-то может быть и была, — она улыбнулась, присела на корточки и положила ладони на мои колени. — Тебе нет необходимости подбирать слова. Говори, как есть.

— Я знаю, что ничего не получится. Я пробовал с многими. Но лишь с одной получилось...

— Тем более надо пробовать дальше. Нельзя, чтобы семя способного анирана, не получило возможности насытить мир... Поверь, я знаю не хуже тебя, что не в этом твоя задача. Я — одна из немногих, кто прочёл священную книгу. Семя анирана не спасёт мир. Спасут его поступки. Поэтому не надо бояться, не надо задумываться о последствиях. Все последствия мы сможем разрешить.

— А Фелимид? Что скажет он?

— Надеюсь, когда мы все будем точно знать, он скажет: "Я прощаю тебя, супруга моя. Ты всё же смогла подарить мне радость. Как и должна была когда-то", — невесело вздохнула Мириам. — Я надеюсь, что в нём ещё достаточно любви, чтобы простить... А если нет... Что ж, пусть не прощает. Я смирюсь с этим, и буду жить ради другого — ради ребёнка.

— Мириам, гарантий нет никаких.

— Я знаю, — её руки проделали медленный путь по моим коленям, затем прошлись по груди и погладили бородатую мордень. — Тогда чего нам бояться? Наш секрет останется только нашим, если ты окажешься прав. Мы будем хранить его и никогда не заговорим о нём больше... Ты только должен сделать шаг навстречу. Без твоего согласия я не посмею двигаться дальше.

Тонкими пальцами она умело расстегнула мою рубашу. Прошлась по груди и задержалась, поглаживая рубец, оставшийся от стрелы. Затем склонилась и поцеловала его.

Я всё ещё чувствовал себя не в своей тарелке, но старался рассуждать трезво. Долбаная "высшая необходимость" стучала кулаком по темечку, напоминая, для чего я прибыл в этот мир. Совесть крутила пальцем у виска, подсказывая, что я могу потерять, если всё же Мириам окажется не бесплодной, как почти все местные женщины. А профессор Гуляев грозно хмурился, стучал туфлём по трибуне и раз за разом повторял: "Делай, что должен! И не сомневайся в своих поступках!".

Но все эти советчики, беснующиеся в моей голове, не могли принять решение за меня. С какими бы внутренними демонами я не боролся, решать мне. И только мне.

Мозолистой ладонью я погладил Мириам по голове. Провёл пальцами по лицу, когда она доверчиво на меня смотрела.

Она была полностью в моей власти. Я мог делать с ней всё, что бы захотел. И она бы сделала всё, что я захотел... Но если двигаться, то двигаться вместе. Двигаться навстречу друг другу. Не она сделает всё сама, как обещала, а мы сделаем вместе. И вместе будем нести ответственность.

Без лишних слов я склонился и поцеловал её в губы. Она ответила мне взаимностью, помогла быстро избавиться от рубашки и оседлала. Затем опустила руку ниже и принялась умело массировать, попутно осыпая лицо и плечи поцелуями.

Желание всё же пробудилось. Я был всё тем же анираном, который мог есть, если его кормят, но мог и сидеть на диете, вообще не заморачиваясь тем, что совсем не желудок остаётся голодным.

Мириам быстро почувствовала, что её усердия не напрасны. Она отстранилась на какое-то мгновение, улыбнулась и прошептала:

— Спасибо.

А затем стянула с меня штаны.

Это был странный вечер. И не менее странная ночь. Не потому, что мне совершенно не понравилось. А наоборот: мне понравилось.

В неумелости возбуждать мужчину, Мириам никак нельзя было обвинить. Она действительно разбиралась в этом вопросе. Чувствовался опыт... Уж я-то, перепробовавший и настоящих секс-бомб, и скованных, неумелых девственниц, понимал разницу. Она сразу находила важные места и помогала и так твёрдому предмету стать ещё твёрже. Сама возбуждала себя, не стеснялась просить меня подействовать и вполне натурально охала.

И мне понравилось. Реально понравилось. Понравилось настолько, что я не позволил ей всё делать самой, как она обещала. Я подключился практически сразу и показал, что тоже кое-что умею. В полутьме каморки, освещённой лишь крохотной лучиной, я отчётливо видел алые женские щёки. Чувствовал, как женщина извивается подо мной, слышал, как искренне стонет.

И я не мог оторваться от Мириам. Не мог ею насытиться. Она была слаба и совсем невыносимая. Но старалась так, как со мной никто не старался ранее. Она выдыхалась, падала ко мне на грудь и просила не останавливаться. Тогда я всё брал в свои руки и продолжал доводить до изнеможения. А когда наградой за моё усердие становился очередной продолжительный и протяжный стон, когда ноги в судороге били по деревянной обшивке, я отпускал её и позволял отдохнуть.

Не знаю, как долго всё это длилось. Как счастливый человек, я времени не считал. Но самой лучшей наградой для меня стал взгляд Мириам, когда она утомилась настолько, что едва сопротивлялась накатывающим волнам сна. Она смотрела на меня влюблённо. По-настоящему влюблённо. Как на человека, который не только спас во всех смыслах слова, но и исполнил далёкую мечту.

Мы заснули вместе. Заснули обнявшись. И, уверен, никто из нас в этот момент не думал о последствиях. Именно сейчас, в эту ночь, мы оба были счастливы.

Часть 5. Глава 29. Третий принц

На следующий день прибыл сирей. Он долго кружил над рекой, а затем спикировал на руку Иберика.

Мои матросы — и вынужденные, и настоящие — с самого утра вели себя тихо. Никто не смел и слова сказать. Они обменивались загадочными взглядами и бросали на меня взгляды не менее загадочные.

Поскольку на этой тесной коммунальной посудине утаить что-либо было невозможно, я практически сразу смирился с тем фактом, что секрет между двумя превратился в секрет между многими. И в душе лелеял надежду, что распространяться о произошедшем никто не станет. Просить, конечно же, никого я не стал. Но очень надеялся на порядочность тех людей, кого смело мог называть друзьями.

Мириам же вела себя очень тихо. Проснулась, оделась, упорхнула. И старалась не попадаться мне на глаза. Затерялась где-то на корме и даже не смотрела в мою сторону.

Но я не обижался. Я чувствовал себя примерно так же, как и она. Как были мы близки прошлой ночью, так были отстранены сейчас. Мы боролись со своими демонами, пытались осознать, что произошло, и к чему, в итоге, это приведёт.

Поэтому я не стал прямо сейчас прояснять отношения. Я тоже чувствовал уколы совести. И дал время и себе, и ей.

Сирей принёс сообщение, что принц Тревин услышал наш зов. Он выделил аж два корабля из своего крошечного речного флота и приказал срочно выдвигаться навстречу. А сам остался в Равенфире, чтобы подготовиться к давно ожидаемому знакомству с анираном.

Ответное письмо я внимательно прочёл, но никакого страха не испытывал. Пусть Тревин готовится. Организует для меня приём, или попытается заковать в кандалы. Я ко всему готов. И более чем уверен, что на мою защиту станут все, кого я везу принцу. И его брат, и его друг женского пола. А если он всё же посчитает, что к нему в лапы попал драксадар и попытается заточить того в темницу... Что ж. Тогда будем ориентироваться на местности. Возможно, опять брать ноги в руки и улепётывать.

Но мои лёгкие опасения не подтвердились: спустя три дня пути по тихой и широкой реке нам бросили канат с величественного трёхмачтового судна под косыми парусами. Подтянули и позволили пришвартоваться.

Капитан каравеллы "Аллигания" — флагмана невеликого флота принца Тревина — сам подавал руку каждому и приглашал подняться на борт. А уже вечером мы отплыли обратно. Сопровождающее судно — двухмачтовая каравелла — ушло первым. А а мы, вознаградив смелых моряков золотом из судовой казны и отправив их домой, легли на курс в Равенфир.

Следующие четыре дня мы отдыхали душой и телом. Физическим трудом нас не заставляли заниматься, еды тоже было в достатке. Но самое главное: всем нам предоставили апартаменты с мягкими, хоть и узкими кроватями, и чистым бельём.

Иберик, Феилин, Сималион и принц Терезин вчетвером обосновались в каюте рядом с анираном. С ними я часто виделся в пути. Мириам же разместились в каюте капитана на полуюте. Наконец-то она смогла нырнуть в приемлемый её статусу комфорт, которого была лишена долгое время. Отсыпалась и отъедалась на свежих фруктах.

И за эти четыре дня ни разу не заглянула ко мне в каюту.

Признаться, я ожидал обратного. Всё же секс получился не самый скверный. У меня

бывало и похуже. Гораздо хуже... Но Мириам, видимо, сразу всё решила для себя: если я соглашусь, это случится лишь раз. Один раз с максимальной выкладкой и с максимальной надеждой на удачный исход. Никаких продолжительных интрижек, никакой влюблённости и разбитых браков. Только лёгкая благодарность и чёткое следование планам.

Я примерно так себе представлял, когда пару дней мы вообще не виделись и не разговаривали. Я не давил на неё, потому что сам не знал, как себя вести. Ведь статус походной любовницы её однозначно не устроит. А на большее я сам никогда бы не пошёл. У меня уже есть та, кто для меня гораздо дороже. Возможно, кто ценит не меньше, чем Мириам. Но любит гораздо сильнее. И самое главное: кого точно люблю я. В своих чувствах к Дейдре я не испытывал сомнений.

В итоге, я пришёл к выводу, что линия поведения, выбранная Мириам, — верная. Нам необходимо было отдалиться. Необходимо проветрить мозги. Ибо мы оба знали, что наша недолгая страсть всё равно быстро угаснет.

Стены города Равенфир и высоченная Башня Бдения показались на утро. Где-то в стороне буксир тащил по реке брёвна. Ещё дальше — блестел пеньками подстриженный лес. Мы же шли прямо к широкому деревянному причалу у песчаного берега. Судно сопровождения стало на якорь, едва мы подошли к речной гавани, а мы продолжили путь.

На причале уже ждала делегация. Мы выстроились у левого борта и смотрели на встречающих.

— Вон брат! — Терезин, чем ближе мы подходили к Равенфиру, тем веселее становившийся, размахивал рукой. — Фласэз Милосердный, как же давно я его не видел... Но узнал же! Узнал!

— И Харгрид с ним, — добавила улыбающаяся Мириам. — Супруга его. Вон, видишь, стоит в стороне в синем платье... Какое же прекрасное платье всё-таки... И двойняшки рядом с ней — Понтус и Петри, — как и Терезин, она махала с борта рукой. Два пацана-первоклассника, судя по внешнему виду, помахали ей в ответ. И даже подпрыгнули пару раз при этом. Видимо, Мириам они помнили.

Оркестр на причале отсутствовал. А потому, едва спустили трап, мы оказались окружены воинами личной гвардии Тревина — солдаты в дорогих кожаных доспехах организовали почётный коридор.

Терезин хотел сбежать по трапу первым. Радостно улыбался и даже запрыгнул на шатающуюся доску. Но передумал практически моментально. Он обернулся, одарил меня взглядом и крепко сжал правую ладонь.

— Идём, аниран. Я познакомлю тебя с братом.

Усмехнувшись, я сделал первый шаг следом. Но сзади в левую ладонь вцепилась Мириам. Она посмотрела на меня взглядом не менее благодарным. Но было в нём ещё что-то, кроме благодарности. Доверие, поддержка. Обещание никогда не подвести. Обещание стать на защиту в любом случае. Как бы дальше не развивалась ситуация со знакомством.

Эта рука, крепко сжавшая мою ладонь, и этот взгляд констатировали факт, в котором я давным-давно убедился: дружба между мужчиной и женщиной — это отношения либо бывших любовников, либо будущих. Мириам предлагала мне свою дружбу. И я не собирался от неё отказываться.

Гуськом мы спустились по трапу. Сималион, Иберик и Феилин склонили головы перед принцем. А тот, как и предупреждала Мириам, не стал кланяться анирану. Среди нас он сразу определил, кто аниран и есть. Ведь лишь я не демонстрировал покорность и внимательно изучал принца взглядом.

Третий принц, с которым меня свела нелёгкая аниранская судьба, не обладал выдающимися внешними данными. Он был среднего роста — ниже меня и даже ниже Мириам. Не толстый и не худой — нормальный. Ни косой сажени в плечах, ни крепких рук, ни мускулистых ног. Одет, как денди. Что, в принципе, соответствовало статусу. Непропорционально большая голова с шевелюрой, увенчанной золотой короной. И борода, аккуратно подстриженная со всех сторон.

Внешний вид принца Тревина никак не намекал на выдающиеся способности, как о нём рассказывала Мириам. Как по мне, он выглядел, как рядовой офисный работник. Достаточно молодой, чтобы мечтать о выдающейся карьере, но пока способный лишь перекладывать бумажки на столе.

— Ваше Высочество, — первым осмелился открыть рот я, ибо принц молчал и бестактно изучал меня глазами. Надеюсь, я не смотрел на него столь же откровенно, как он на меня. — Меня зовут Иван. И я — аниран.

— Благодарю тебя, Иван, — через пару секунд принц очнулся и протянул руку для рукопожатия. — Что вернул брата. Что вернул сына отцу и матери... И что вернул это требовательное привидение, которое, как мы считали, уже толкается с другими, отвоёвывая для себя более достойное место в рядах армии Фласэза, — он с улыбкой посмотрел на фыркнувшую Мириам. — Рад видеть тебя в добром здравии, вероотступница. Новость с твоём спасение безмерно обрадовала меня.

— Спасибо, Тревин, — то, что она назвала принца по имени, немного нарушало этикет. Но тот не обиделся, а лишь улыбнулся. — Рада вновь оказаться дома.

— Может, ужепустишь посланника небес? — принц удивил меня своей внимательностью. Он обратил внимание на важную деталь. А я даже не заметил, когда. — Вцепилась в его руку, будто расстаться боишься. Поверь, вы здесь в безопасности.

— Да нет, подержусь пока, — Мириам беззаботно улыбалась, но мою руку всё же не стала выпускать. Ведь она действительно хорошо знала принца.

Тревин улыбался в ответ, как тот самый рядовой офисный работник, когда в офис нагрянуло начальство — улыбался так, будто собирался угождать.

Но всё же никак не прокомментировал слова Мириам. Он переключился на Терезина. Сжал его плечи, осмотрел с ног до головы и прижал к себе:

— Добро пожаловать, блудный брат. Надеюсь, ты мне всё расскажешь? Как служил при храме, что видел, почему решил вернуться. И с какими трудностями столкнулся в пути.

Терезин, уже во время долгого пути по реке переставший пребывать в постоянном напряжении, в объятиях брата окончательно расслабился. Эмоции взяли над ним контроль. И он не смог сдержать слёз.

— Я заблудился, брат. Действительно заблудился, — шмыгнул он носом. — Но милих помог отыскать дорогу...

— Милих? — брови "офисного работника" сошлись у переносицы. Да так изменили лицо на одно короткое мгновение, что я, вовремя заметивший это лицо и взгляд, брошенный на меня, удивился. Мне показалось, что я увидел волка, скрывавшегося в овечьей шкуре. Что на секунду дружелюбный актёр прекратил им быть. И стал тем, о ком меня предупреждала

Мириам. — Уж не скор ли ты на выводы, братишка? Узрел первого анирана и сразу поверил в милиха?

— Не скор, — решительно отмёл сомнения Терезин. — Я расскажу тебе, что видел сам. Или милих расскажет. Тогда ты точно убедишься, что он — милих и есть.

Принц Тревин продолжал сжимать плечи брата и, видимо, почувствовал напряжение. Я заметил, как его пальцы, как бы невзначай, прошлись по спине, погладили шею младшего брата и взъерошили волосы. И как младший брат нахмурился, недовольный излишней фамильярностью.

— Готов отстаивать свою правду? — хмыкнул Тревин.

— Готов! — Терезин даже кулаки сжал.

— А ты возмужал, я смотрю, — дружелюбный актёр вновь вернулся на сцену. Улыбка заплясала на лице, а дружелюбность сочилась из глаз. — Не волнуйся, братишка. У нас будет много времени на разговоры. Просто так я тебя не отпущу. Погостишь у меня, расскажешь. Письмо матери и отцу напишешь. Не разучился писать ещё?... Ну вот. Нам будет, чем заняться... Но для начала: прошу! — принц сделал широкий жест рукой, приглашая гостей шагать по причалу в сторону стен города. — Сначала лёгкий перекус, баня и отдых. А затем — званый ужин. Там мы и услышим твою историю.

Руки нам всё же пришлось разорвать. Тревин обнял за плечи Терезина и вместе с ним шёл впереди. Мириам перехватила жену принца — не менее высокую брюнетку. Она и двое её сыновей закружили Мириам в объятиях. Так что мне со своими верными друзьями пришлось плестись в арьергарде. Ожидаемый праздник жизни пока не добрался нас.

— Ах, да! Забыл... — принц Тревин картинно стукнул себя по лбу, немного отстал и приобнял за плечи уже меня. — Говорю, ступайте!

Эти резкие слова относились к Иберику, Сималиону и Фелимиду. А так же к тем стражам, что шли за нами следом.

— Сопроводите этих достойных людей в подготовленные для них комнаты.

Стражники не ослушались и помогли нам с принцем уединиться.

Но я не испытывал страха перед ним. И вообще не опасался коварного удара. У меня реакция лучше. Если что, я снесу башку этому "офисному работнику" быстрее, чем он прикоснётся к ножнам на поясе.

— Пока вы были в пути, туда-сюда летали сиреи, — доверительно сообщил Тревин. — Я поставил в известность Его Величество, что ты выполнил данное ему обещание. И что вскоре поженёшься в Равенфир. И вот сегодня перед самым рассветом пришёл ответ, — он протянул мне небольшой красный футляр.

— Первостепенной важности? — удивился я.

— Я удивился не меньше, — Тревин, видимо, был прекрасным физиогномистом. — Но поскольку послание обращено к тебе, — видишь, там написано: "Анирану в руки"? — открыть я не посмел. Прими. Прочтёшь в гостевых покоях.

Я озадаченно почесал лоб: понятное дело, если король уже знает, что младшего сына я вырвал из чужих опасных лап, благодарное письмо обязан был прислать. Но зачем такая спешка? Мы же обговаривали ранее, что в красном футляре — лишь сверхсрочное.

— Но это ещё не всё, — добавил Тревин, когда мы продолжили путь. — Пришло ещё одно письмо. И его я вынужден был открыть... Хоть и не прочёл.

— В смысле?

— Из Винлимара прилетел сирей.

— Из Винлимара??? — мои глаза полезли на лоб.

— Совершенно верно, из Винлимара. От святого отца Эвенета лично в руки анирану Ивану.

Неожиданная новость заставила меня остановиться прямо посреди дороги.

— Памятуя о поступке этого мерзавца, — принц не стал подбирать слова. — Когда он, как рассказывал отец, пытался убить и его, и тебя, я решил, что не стоит быть небрежным. Мы осторожно извлекли письмо и осмотрели. Но опасности нет. Это лишь личное послание посланнику небес.

— Что Эвенет хочет?

— Я не знаю. Письмо я не прочёл. Но, надеюсь, ты поделишься его содержанием со мной, когдаознакомишься. Подозреваю, что хороших слов там будет немного.

Я поморщился: этот седовласый гад хочет со мной эпистолярно поругаться? Буквами метать огонь и молнии? Ну, что ж. Если это так, я не постесняюсь и выскажу всё в ответных буквах.

— Можно? — я раскрыл ладонь.

— Можно, — улыбнулся принц. Но за пазуху не полез. — Дружеское письмо ждёт тебя там же — в гостевых покоях. На всякий случай омытое водой и высушенное. Наверное, чуть-чуть размытое окажется. Но, уверен, ты разберёшь слова. И сам решишь, с какого письма начать... Всё, пойдём. А то мы отстали. Я сам провожу тебя. А на званном ужине буду надеяться, что рассказ Терезина ты дополнишь своими словами. А то братец мой, как ты, наверное, уже убедился, склонен преувеличивать. Как обстоятельства и чужие заслуги. Так и опасность... Заодно и расскажешь, зачем ты решил вернуть эту занозу, — Тревин опять захохотал. — Не было печали... — он помотал головой под аккомпанемент смеха и добавил шаг, спеша за процессией.

Так что мне пришлось догонять.

А в шикарных покоях, выделенных анирану согласно статусу, пришлось бороться с искушением. Я держал в руках красный футляр и смотрел на измятый листок хреновой бумаги, лежавший на кофейном столике. Листок, видимо, действительно промыли и просушили. Но утюгом погладить забыли. Поэтому он лежал весь такой одинокий и пожёванный, и ждал, когда я возьму его в руки.

— Ладно, падла, давай посмотрим, что ты хочешь мне сказать.

Я всё же решил начать с плохих новостей. Иных от Эвенета я не ждал. Отложил красный футляр в сторону, задержал дыхание и склонился над письмом. Прикасаться к нему руками, я не собирался.

— *"Ну, что ж, мой смелый недруг,"* — именно с таких слов начиналось письмо. Без всяких "привет" и "здравствуй". — *"Отдаю тебе должное. Не ожидал я, что ты осмелишься на столь дерзкий поступок. Не ожидал, что рискнёшь засунуть голову в логово кашума. Это значит, я совершил ошибку. Недооценил тебя. Признаюсь честно... Признаюсь именно тебе, ведь, судя по всему, противник из тебя получится достойный. Не ведаешь ты, что творишь, но теперь я абсолютно уверен, что именно ты никогда не отступишь назад. Именно ты воплотишь в себе то, что погубит ещё живой мир. Ибо больше нет достойных претендентов.*

Но, раз так, спешу сообщить, что это ещё не конец. Мы могли встретиться, но не встретились. Не беда. Встретится нам ещё предстоит. А пока пришло время давать обещания. Я обещаю, что больше не буду столь беспечен. Что обязательно вознагражу

тебя за усердие. За ту напористость, с которой ты стараешься уничтожить мой мир, я вознагражу не только тебя, а всех, кто тебя окружает. Королей, принцев, женщин, друзей. Всех, кто тебе дорог. А когда ты останешься абсолютно один, тогда не будет никакой необходимости заносить топор над твоей измученной шеей. Ты сам прыгнешь в пропасть... Надеюсь только, это случится до того, как запылает первый пожар. Ибо если по твоей прихоти он запылает, снисхождения не дожждётся никто.

Ещё увидимся.

Подпись: Истинный милых Астризии — экарх Эвенет".

— Выкусишь, козёл! — достойно ответил я помятому клочку бумаги. Даже злорадно усмехнулся, понимая, что самодовольную и высокомерную падлу удалось разозлить. Жаль только, башку ей не удалось снести...

Впрочем, уже не важно. Махать кулаками в одиночестве и рассказывать самому себе, что я сделаю с этим выродком, попадись он мне в руки, глупо. Надо оставаться хладнокровным. Но всё запомнить и ничего не забыть. Ведь Эвенет точно не забудет. И ничего не простит.

Лёгкий прилив адреналина словно наполнил меня энергией. Жизнь продолжается. И, скорее всего, она не будет простой.

— А когда было просто? — сам у себя спросил я.

Затем взял красный футляр и вытряс из него небольшой бумажный рулон. Пальцем сковырнул восковую печать и развернул письмо.

— *"С прискорбием спешу сообщить дорогому анирану, что в день летнего солнцестояния уважаемый магистр Анумор скончался. Его место в рядах армии — будет подле Триединого! Он заслужил его и занял по праву."*...

Первые строки письма бросили меня в жар. Затем в холод. Я стоял с открытым ртом, смотрел на эти строки, выведенные каллиграфическим почерком, и не мог ничего сказать. Я не верил этим строкам.

Я всегда этого боялся. Боялся, что профессор оставит меня одного. Что после того, как отдал свой дар, не справится. Не станет бороться, а местная медицина не поможет.

Но всё же это случилось. Он не справился. Таял с каждым днём и терял волю к жизни. А организм, лишённый божественной энергии, усыхал...

Я проглотил тяжёлый комок, вытер предательскую слезу и продолжил чтение.

"Магистр Анумор чувствовал приближение конца", — писалось дальше в письме. — "Он часто говорил об этом. И попросил принести ему перо, чтобы в последний раз написать анирану. Его желание было исполнено. Дальше слова магистра переданы точь-в-точь."...

Строки на этом листе завершились. Я недоумённо нахмурился. Резко перевернул лист на обратную сторону и увидел небольшой абзац.

"Похоже, Иван, больше нам не свидеться. Чувствую себя, как старая развалина. Ещё хуже, чем чувствовал в Москве... Но ничего не поделаешь. Мы оба с тобой знаем, что иначе быть не могло. Поэтому теперь время для нас течёт по-разному.

Но я прошу тебя не отчаиваться. Смело иди вперёд, сынок. Твори. Ставь галочки в пунктах плана. Не забывай, ради чего ты здесь. И что лишь для одного из нас возможен счастливый конец.

А я, пожалуй, отдохну. Я сделал всё, что мог. Даже больше, чем ожидал от самого себя. Дальше тебе придётся идти в одиночку. И я очень надеюсь, что именно ты станешь

тем, кем стать рождён. Ты смелый и решительный парень, Иван. Я знаю, ты сможешь. Поэтому смоги — спаси их!" ...

Правая ладонь вытерла не одну, а несколько предательских слёз. Я просто не смог сдержаться. Тот человек, с которым я познакомился в Обертоне и кто стал моим другом, соратником и даже наставником, больше никогда не выслушает меня. Больше никогда не даст совета и не поддержит в моменты слабости. Но самое обидное, он не увидит спасительных изменений. Он не дождётся меня. Он не станет рядом, когда я встречу инопланетное божество. Он уже рядом с ним — стоит в первых рядах и смотрит на меня. Машет рукой и требует не останавливаться.

Я опять вытер слёзы. Вновь посмотрел на строки и сжал в кулаке письмо.

— Прощай, первый аниран, — прошептал я. — Твой путь подошёл к концу. А мне надо идти дальше...

КОНЕЦ 5-ой ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigoed.net